3985

11818

Н5-39
х
11818

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

3085

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

СОСТАВИЛЪ

Магистръ политической экономіи и статистики

А. АНТОНОВИЧЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Пособіе для курса читаемаго въ Институтѣ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Новой Александріи.

ВАРШАВА.
Типографія **К. Ковалевскаго**, ул. Королевская № 23.
1879.

39

Библиотека ИНФ СССР

64090

Дозволено Цензурою.
Варшава, 28 Марта 1879 г,

ВВЕДЕНІЕ.

Опредѣленіе предмета политической экономіи, ея методъ, значеніе и система.

§ 1. Въ сферѣ дѣятельности, имѣющей своею задачею удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей человѣка, необходимо различать элементы физическій, этическій и общественный, между которыми существуетъ неразрывная связь, но которые въ то же время имѣютъ самобытное значеніе и служатъ источникомъ какъ возникновенія, такъ и развитія отдѣльныхъ, самостоятельныхъ наукъ.

Физическій элементъ представляетъ собою техническую сторону въ дѣятельности людей. Въ сельскомъ хозяйствѣ, на прим., элементъ этотъ состоитъ изъ совокупности техническихъ пріемовъ, направленныхъ къ разчисткѣ и обработкѣ земли, къ воздѣлыванію насажденій, къ сбору, сохраненію и первоначальной переработкѣ ихъ. Въ обрабатывающей промышленности онъ состоитъ изъ такихъ же пріемовъ, направленныхъ къ дальнѣйшей обработкѣ продуктовъ. Въ умственной дѣятельности онъ слагается изъ разнообразныхъ механическихъ усилій, состоитъ въ матеріальномъ трудѣ, необходимомъ для того, чтобы писать или диктовать, чертить фигуры, производить опыты, собирать матеріалы для изслѣдованій, устраивать модели и т. п. Во всѣхъ та-

кихъ работахъ человѣкъ имѣетъ дѣло съ матеріальнымъ міромъ, въ которомъ производитъ опредѣленныя передвиженія между частями вещества. Физическій элементъ въ дѣятельности людей исключительно состоитъ „въ помѣщеніи вещей въ такое положеніе, что бы онѣ измѣнялись по нашей надобности своими внутренними силами и силами, лежащими въ другихъ предметахъ природы. Больше этого человѣкъ ничего не производитъ. Онъ только придвигаетъ одну вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю и естественныя растительныя силы постепенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плодъ. Онъ продвигаетъ топоръ черезъ дерево и оно падаетъ естественными силами тяжести. Онъ имѣетъ только одно средство дѣйствовать на матерію, это средство — двигать ее. Движеніе и сопротивленіе движенію — вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его мускулы.“ ([1]).

Цѣлесообразное направленіе этого физическаго элемента въ дѣятельности обусловливается умственнымъ развитіемъ производителей, подъ вліяніемъ чего возникли и постоянно усовершенствуются такъ называемыя техническія знанія, къ которымъ относятся сельско-хозяйственныя, лѣсоводственныя, коммерческія и тому подобныя отрасли человѣческаго мышленія, направляемаго къ изученію какъ силъ и качествъ матеріаловъ, употребляемыхъ въ промышленности, такъ и средствъ наиболѣе цѣлесообразнаго ихъ употребленія.

Этическій элементъ состоитъ въ нравственно-юридическомъ порядкѣ, вліяющемъ на энергію и направленіе дѣятельности. Каждый человѣкъ, занимающійся опредѣленною отраслью промышленности, долженъ имѣть свѣдѣнія не только о технической сторонѣ этой промышленности, но также и о томъ нравственно-юридическомъ порядкѣ, среди котораго ему приходится жить и дѣйствовать. Свойства его дѣятельности находятся въ безусловной зависимости отъ установившихся обычаевъ и положительныхъ законовъ, относящихся къ собственности, сношеніямъ между хозяевами и рабочими, нанимателями и нанимаемыми, къ разнымъ видамъ наймовъ имущества и разнообразнымъ обязанностямъ арендаторовъ и т. п. Вотъ почему общественная власть, заботясь о распространеніи техническихъ знаній, заботится также

о разумной организаціи нравственно-юридическаго порядка, о надлежащемъ осуществленіи въ дѣйствительности идей правды и справедливости, заключающихся въ природѣ человѣка и постепенно развивающихся подъ вліяніемъ благопріятныхъ этому развитію условій. По этому же, наравнѣ съ техническими знаніями, дѣятельность людей требуетъ возникновенія и развитія нравственно-юридическихъ наукъ, направленныхъ къ изученію законовъ нравственности и права и тѣмъ самымъ способствующихъ лучшей организаціи нашей дѣятельности.

Третій элементъ дѣятельности людей, называемый общественнымъ или политическимъ, состоитъ изъ естественныхъ законовъ и фактовъ борьбы и союзности въ отношеніяхъ между людьми. Элементъ этотъ представляетъ собою такую же органическую часть человѣческой дѣятельности, соединенъ съ нею также неразрывно, какъ и первые два элемента. Одиночество также разрушительно вліяетъ на хозяйство людей, на ихъ духовный и матеріальный трудъ, какъ отсутствіе техническихъ знаній и нравственно-юридическаго порядка, гарантирующаго для производителей ихъ личную и имущественную свободу. Одиночество и хозяйство, справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ экономистовъ, являются въ быту человѣческомъ прямыми противоположностями, эти два понятія вполнѣ несовмѣстимы, они другъ друга исключаютъ (²). Большая часть животныхъ для удовлетворенія своихъ потребностей довольствуется своими одиночными усиліями; незначительная лишь часть ихъ ассоціируетъ свои усилія съ другими экземплярами породы, но такое соединеніе усилій также незначительно, какъ незначительны и самыя потребности этихъ животныхъ. Одинъ человѣкъ одаренъ безгранично развивающимися потребностями, удовлетвореніе которыхъ не мыслимо въ одиночествѣ, невозможно при единичныхъ усиліяхъ трудящагося, но легко можетъ быть достигаемо въ обществѣ, при совмѣстномъ трудѣ многихъ людей. Вотъ почему уже въ глубокой древности, въ тѣ варварскіе періоды жизни человѣчества, о какихъ только мы имѣемъ свѣдѣнія, человѣкъ жилъ не изолированно, но въ средѣ тѣхъ или иныхъ союзовъ, благодаря которымъ онъ имѣлъ возможность защищать свою жизнь и находить

удовлетвореніе своихъ неприхотливыхъ потребностей. Потребности эти постепенно развиваются, а вмѣстѣ съ ними постепенно развиваются и сношенія между людьми, въ свою очередь вліяющія на размноженіе и развитіе потребностей. Въ настоящее время общества представляютъ собою такіе организмы, въ которыхъ отдѣльныя части находятся въ неразрывной взаимной связи, приводящей къ тому, что каждая часть, взятая въ отдѣльности, не можетъ существовать, какъ отторгнутая отъ своего цѣлаго. Въ одиночномъ состояніи для производства продуктовъ, потребляемыхъ каждымъ изъ насъ впродолженіи одного дня, необходимо было бы употребить цѣлыя столѣтія; другими словами, въ этомъ состояніи каждый изъ насъ никогда не могъ бы имѣть того, что въ настоящее время имѣетъ, или можетъ имѣть, каждый день (3). Вполнѣ вѣрно замѣчаніе Г. Кэри, что въ совершенно изолированномъ положеніи человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ, какъ существомъ, отличающимся отъ животныхъ высшими потребностями и въ особенности потребностями умственными. Изолируйте человѣка, говоритъ Кэри, и въ этомъ состояніи, потерявши даръ слова, онъ лишится своихъ мыслительныхъ способностей, вмѣстѣ съ которыми потеряетъ и свои характеристическія человѣческія свойства. Возвращенный въ общество, этотъ человѣкъ получаетъ возможность говорить и опять становится разумнымъ существомъ (4). Та жизнь внѣ общественная, о которой мечтали нѣкоторые изъ мыслителей прошлаго столѣтія и которую они изображали такими увлекательными картинами, въ дѣйствительности возможна не иначе, какъ при уничтоженіи въ человѣкѣ его человѣческаго достоинства, при низведеніи человѣка на степень неразумнаго животнаго, живущаго изолированными усиліями и одареннаго ничтожными потребностями. Возможность удовлетворенія въ настоящее время высоко развитыхъ потребностей человѣка, принадлежащаго къ образованнымъ обществамъ, безъ всякаго сомнѣнія, обусловливается развитіемъ техническихъ знаній и нравственно-юридическаго порядка, но ни то, ни другое не мыслимо внѣ общества, не возможно въ той внѣ общественной средѣ, въ которой человѣкъ низводится на степень неразумнаго животнаго.

Очевидно, что общественный элементъ въ дѣятельности людей, предназначенной къ достиженію удовлетворенія потребностей, представляетъ собою въ высшей степени важную сторону, безъ надлежащаго развитія которой не мыслимо надлежащее развитіе остальныхъ сторонъ, безъ надлежащаго развитія которой не мыслимо также сохраненіе и развитіе отличительныхъ свойствъ человѣка, какъ разумнаго существа.

Этотъ общественный элементъ въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ потребностей, и составляетъ предметъ науки, называемой политическою экономіею.

Названіе этой науки — греческое; политическій значитъ — общественный, экономія — домоустройство, домоуправленіе или вообще домовитость. Такимъ образомъ названіе экономической науки можетъ быть переведено словами: общественное домостроительство или общественная домовитость. Такое названіе науки безусловно соотвѣтствуетъ ея предмету. Политическая экономія есть наука общественной домовитости. Она имѣетъ своею задачею изученіе тѣхъ естественныхъ законовъ домовитости, которые заключаются въ общественности, въ той массѣ разнообразныхъ сношеній между людьми, необходимость коихъ проистекаетъ изъ необходимости удовлетворенія потребностей. Домовитость въ дѣятельности человѣка зависитъ отъ разумной организаціи или техники, или нравственно-юридическаго порядка, или общественности. Она можетъ быть, такимъ образомъ, или техническою, или нравственно-юридическою, или общественною. Политическая экономія ограничиваетъ сферу своихъ изслѣдованій исключительно явленіями и законами послѣдней домовитости. Она не касается технической стороны въ дѣятельности людей; не изучаетъ, на прим. устройства земледѣльческихъ машинъ, ихъ вліянія на обработку почвы и т. п., но изучаетъ общественное значеніе машинной обработки земли, вліяніе машиннаго производства на положеніе рабочихъ и хозяевъ, изучаетъ явленія борьбы и союзности между людьми, образующіяся при такомъ производствѣ. Она не касается и нравственно-юридической стороны въ дѣятельности людей; не изучаетъ на прим. обычныхъ и положи-

тельныхъ законовъ, регулирующихъ право собственности, но останавливается на общественныхъ явленіяхъ, образующихся при различныхъ формахъ и размѣрахъ собственности, изучаетъ вліяніе послѣднихъ на хозяйственное развитіе общества, на его богатство или бѣдность, изучаетъ механизмъ обмѣна, натуральные, денежные и кредитные способы перехода собственности изъ однихъ хозяйствъ въ другія.

Точно также и при изученіи явленій духовной дѣятельности политическая экономія, оставляя въ сторонѣ физическій и этическій элементы этой дѣятельности, сосредоточиваетъ свое вниманіе на общественномъ ея элементѣ, правильная организація котораго приводитъ къ сбереженію духовныхъ силъ человѣка, къ болѣе легкому и всестороннему удовлетворенію его духовныхъ потребностей. Она обращаетъ вниманіе не на внутреннее достоинство различныхъ продуктовъ духовнаго труда, не на полезность ихъ, но на цѣнность и цѣну, на тѣ связи между людьми, которыя образуются между ними въ цѣляхъ лучшаго удовлетворенія духовныхъ нуждъ. Политическая экономія въ этомъ случаѣ подводитъ къ одному знаменателю дѣятельность духовную съ матеріальною дѣятельностью. Такимъ общимъ знаменателемъ является общественность, какъ совокупность разнообразныхъ сношеній между людьми, изученіе естественныхъ законовъ которыхъ и составляетъ предметъ этой науки.

(1) Д. С. Милль. Основ. полит. экономіи, т. 1-й, стр. 35—36.
(2) Э. Вреденъ. Строй экономическ. предпріятій, стр. 8.
(3) F. Bastiat. Harmonies économiques. стр. 27. (4) Н. С. Carey. Principes de la science sociale, т. 1-й, стр. 40.

§ 2. Приведенное нами опредѣленіе политической экономіи представляетъ собою обобщеніе фактическихъ воззрѣній наиболѣе авторитетныхъ экономистовъ, *словесно* въ этомъ случаѣ чрезвычайно далеко расходящихся.

По справедливому замѣчанію Г. Маклеода, хотя во многихъ наукахъ опредѣленіе предмета — задача не легкая, „но ни

въ одной наукѣ она не представляетъ столько трудностей, какъ въ политической экономіи; ни въ одной наукѣ извѣстные писатели не выражали такихъ разнообразныхъ и разносторонних мнѣній на счетъ свойства и пространства избраннаго предмета; ни въ одной наукѣ они не расходились до такой степени на счетъ того, что должно быть включено въ ея область и не расходились такъ въ изложеній" (1). Въ доказательство этого приводимъ сводъ важнѣйшихъ воззрѣній на предметъ экономической науки.

По ученію основателя политической экономіи, А. Смита, предметъ этой науки состоитъ въ изученіи природы и источниковъ народнаго и государственнаго богатства (2).

Точнаго опредѣленія того, что такое богатство, А. Смитъ не даетъ, но изъ его изслѣдованій видно, что подъ богатствомъ онъ разумѣетъ совокупность вещественныхъ продуктовъ или результаты того труда, который овеществляется въ произведеніяхъ. Невещественный трудъ, по его воззрѣнію, не имѣетъ производительнаго значенія, вслѣдствіе чего продукты такого труда не могутъ считаться въ реэстрѣ народнаго ботатства. И такъ, по ученію Смита, политическая экономія ограничивается изученіемъ природы и источниковъ матеріальнаго богатства народовъ и государствъ.

Ближайшій изъ учениковъ А. Смита, Ж. Б. Сэ., называетъ политическую экономію наукой о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ; но, въ противоположность ученію Смита, въ понятіе богатства онъ включаетъ и невещественную дѣятельность человѣка. Невещественныя богатства, говоритъ онъ, могутъ приносить такой же доходъ, какъ и богатства матеріальныя. Изъ двухъ лицъ, одинаково лишившихся имущества, тотъ, кто владѣетъ лучшими способностями, долженъ быть признанъ болѣе богатымъ, чѣмъ другой, не владѣющій такими способностями. Человѣкъ, на воспитаніе котораго затрачены извѣстныя издержки, можетъ быть разсматриваемъ какъ накопленный капиталъ, потому что затраченныя такимъ образомъ издержки приносятъ доходъ, подобно всякому другому капиталу (3).

Д. Рикардо не даетъ опредѣленія политической экономіи; но уже изъ даннаго имъ названія своей книгѣ: „Начала политической экономіи и налоги“ можно заключить, что изученіе источниковъ государственнаго богатства (теорія налоговъ), по его мнѣнію, не входитъ въ составъ политической экономіи.

Шторхъ дѣлаетъ попытку вполнѣ самостоятельнаго включенія въ сферу экономическихъ изслѣдованій законовъ невещественной дѣятельности. Политическая экономія, говоритъ онъ, имѣетъ своимъ предметомъ изученіе тѣхъ естественныхъ законовъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе человѣческаго рода. Она указываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, живя въ обществѣ, можетъ удовлетворять свои потребности какъ физическія, такъ и нравственныя, какъ природныя, такъ и пріобрѣтенныя, указываетъ при какихъ условіяхъ развиваются богатство, искуство, образованіе, товарищества; однимъ словомъ, наука эта изучаетъ тотъ естественный механизмъ, которымъ обусловливается цѣлесообразность человѣческой дѣятельности. Она раздѣляется на двѣ самостоятельныя части, на теорію народнаго богатства и теорію цивилизаціи. Богатствомъ Шторхъ называетъ совокупность матеріальныхъ имуществъ, составляющихъ собственность извѣстнаго народа, а цивилизаціей — совокупность имуществъ нематеріальныхъ (1). Такимъ образомъ Шторхъ совершенно по иным основаніямъ, нежели Ж. Б. Сэ, включаетъ въ сферу политико-экономическихъ изслѣдованій невещественную дѣятельность. Сэ отождествляетъ эту дѣятельность съ вещественною, включаетъ ее въ сферу экономическихъ изслѣдованій единственно потому, что она приноситъ доходъ, подобно труду, направленному къ производству вещественныхъ продуктовъ. По Шторху, политическая экономія занимается изученіемъ законовъ народнаго благосостоянія, состоящаго въ удовлетвореніи всѣхъ законныхъ потребностей человѣка. Невещественная дѣятельность имѣетъ въ виду удовлетвореніе духовныхъ потребностей человѣка, безъ какого удовлетворенія человѣкъ не можетъ чувствовать себя счастливымъ, благосостояніе его не возможно. Невещественная дѣятельность, по этому, и должна входить въ кругъ изслѣдованій науки, изучающей законы народна-

го благосостоянія. Но такъ какъ дѣятельность эта не тождественна съ вещественною, то изученіе ея должно составить особый отдѣлъ политической экономіи, названный теоріей цивилизаціи.

По взгляду Кэри, политическая экономія есть практическая часть соціальной науки. Соціальная наука занимается изученіемъ законовъ, регулирующихъ стремленія людей къ развитію индивидуальности и ассоціаціи; политическая экономія изучаетъ средства согласованія этихъ стремленій такимъ образомъ, чтобы соціальные законы могли вполнѣ осуществляться въ дѣйствительности (5).

Маклеодъ называетъ политическую экономію наукою обмѣна. Потребности являются двигателями производства. Когда продукты произведены, то распредѣленіе ихъ можетъ быть основано на двухъ противоположныхъ законахъ; или на законѣ, по которому никто не имѣетъ исключительнаго права собственности на произведенное имъ, при чемъ всѣ произведенія поступаютъ въ общій капиталъ и за тѣмъ распредѣляются сообразно установленнымъ для этого правиламъ; или на совершенно противоположномъ законѣ, на признаніи принципа собственности, по которому распредѣленіе произведеній совершается посредствомъ обмѣна, причемъ количество, отдаваемое въ обмѣнъ, опредѣляется частнымъ соглашеніемъ договаривающихся сторонъ. Всѣ разнообразные планы распредѣленія произведеній, основанные на первомъ законѣ, извѣстны подъ общимъ названіемъ соціализма. Всѣ эти планы —печальное заблужденіе, неосуществимая мечта, которая всегда приводила и будетъ приводить къ неудачамъ. Человѣкъ имѣетъ ненарушимое право удерживать за собою продукты своей дѣятельности и обмѣнивать ихъ на чужія произведенія по своему усмотрѣнію. „Этими-то обмѣнами и различными размѣрами, въ которыхъ предметы обмѣниваются одни на другіе, наука политической экономіи и должна ограничиться. Предметъ чистой науки политической экономіи заключается въ томъ, чтобы изучить законы, опредѣляющіе отношенія обмѣниваемыхъ количествъ. Мѣновыя отношенія каждаго количества къ другому называются его цѣнностью. Такимъ образомъ, истинная задача науки политической

экономіи заключается въ томъ, чтобы изучить законы, опредѣляющіе цѣнность количествъ“ ([6]).

По Д. С. Миллю, политическая экономія есть наука о богатствѣ. „Экономисты, говоритъ онъ, поставляютъ цѣлію своей науки изслѣдованія о сущности богатства, законахъ его пропзводства и распредѣленія. Прямо или косвенно, въ этотъ кругъ входитъ изложеніе всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ хорошее или дурное состояніе человѣчества вообще или извѣстнаго человѣческаго общества по отношенію къ предмету всеобщаго желанія людей, богатству.“ Богатствомъ Милль называетъ сумму необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ вещей, имѣющихъ мѣновую цѣнность, то есть годныхъ къ обмѣну и продажѣ ([7]).

По ученію Молинари, политическая экономія занимается описаніемъ общественнаго организма, условій богатства или бѣдности населенія, факторовъ производства продуктовъ, необходимыхъ для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей, способовъ пріобрѣтенія этихъ продуктовъ отдѣльными членами общества и законами распредѣленія доходовъ между участниками въ производствѣ. Эта наука имѣетъ своимъ предметомъ изученіе всего общественнаго механизма, она есть ни что иное, какъ анатомія и физіологія общества ([8]).

По Рошеру, политическая экономія занимается главнымъ образомъ матеріальнымъ бытомъ народовъ; она есть наука о законахъ хозяйственныхъ явленій народной жизни. Такъ какъ хозяйственный бытъ находится въ тѣсной связи со всѣми сторонами народной жизни, то политическая экономія косвеннымъ образомъ касается и сторонъ, прямо не относящихся къ хозяйственнымъ явленіямъ, но имѣющихъ на послѣднія жизненное вліяніе ([9]).

По опредѣленію Коклена, политическая экономія имѣетъ своимъ предметомъ промышленность, но не техническую ея сторону, но общественныя отношенія, которымъ она подчиняется въ своемъ развитіи ([10]).

По ученію Бастіа, предметъ этой науки — взаимныя между людьми услуги, направленныя къ удовлетворенію потребностей ([11]).

Не меньшее разногласіе по вопросу о предметѣ политической экономіи существуетъ и въ нашей экономической литературѣ.

По ученію Т. Степанова, эта наука „разгадываетъ физическую жизнь государствъ, какъ политическихъ обществъ; каждый человѣкъ живетъ двоякою жизнію, физическою и нравственною. Человѣкъ, какъ простое животное, долженъ ѣсть, пить, одѣваться, сберегать себя отъ холода. Отсюда развиваются тысячи физическихъ или животныхъ нуждъ, потому что пища, питье, одежда, жилища облекаются человѣкомъ въ разнообразные виды и всякій стремится удовлетворить этимъ нуждамъ по мѣрѣ своихъ силъ. Кромѣ этихъ потребностей нашей физической природы, находятся еще другія нужды, нравственныя, относящіяся до нашей нравственной природы. Эти нужды равно многочисленны. Что мы сказали о частномъ человѣкѣ, то же идетъ къ цѣлымъ обществамъ, состоящимъ изъ частныхъ людей, заключающимъ въ своемъ кругу всѣ ихъ нужды физическія и нравственныя. Мы можемъ представлять себѣ общества, какъ индивидуальныя лица, имѣющія жизнь физическую и нравственную. Предметы первой извѣстны подъ именемъ богатства, предметы второй составляютъ образованность, понимаемую въ обширномъ смыслѣ. Какъ богатства въ обществѣ пріобрѣтаются—вотъ задача, рѣшаемая политическою экономіею“ ([12]).

По опредѣленію И. Горлова, политическая экономія разсматриваетъ хозяйственныя условія народнаго благосостоянія, на сколько они заключаются въ нравственной природѣ человѣка и въ общественности ([13]).

По опредѣленію Н. Бунге, „задача политической экономіи состоитъ въ изученіи общественной стороны хозяйственныхъ явленій, и законовъ, которымъ подчинены эти явленія“ ([14]).

По опредѣленію М. Вольскаго, наука эта опредѣляетъ общіе законы общественнаго организма и стремится къ достиженію благосостоянія отдѣльныхъ лицъ и обществъ ([15]).

По опредѣленію Э. Вредена, политическая экономія есть наука человѣческаго хозяйства ([16]).

Изъ приведенныхъ опредѣленій видно, что вопросъ о предметѣ политической экономіи до настоящаго времени не можетъ считаться рѣшеннымъ точно и безспорно. Между тѣмъ истинная констатировка предмета науки имѣетъ жизненное значеніе; политическая экономія не заслуживала бы имени науки, если бы предметъ ея изслѣдованій не могъ быть точно и безспорно указанъ. Опредѣленіе предмета имѣетъ такое же значеніе въ наукѣ, какъ сознаніе для индивидуума; человѣкъ перестаетъ быть разумнымъ существомъ, коль-скоро лишается сознанія, наука не можетъ быть истинной наукой, коль-скоро остается неопредѣленнымъ, неизвѣстнымъ поле ея изслѣдованій. Всякая совокупность знаній, въ числѣ другихъ условій необходимыхъ для того, чтобы быть наукой, должна быть органическимъ цѣлымъ. Но органической цѣлости не можетъ быть тамъ, гдѣ приходится бродить ощупью, гдѣ не установилась почва. Органическая цѣлость науки предполагаетъ ея индивидуальность или самобытность въ семьѣ другихъ наукъ, но это не мыслимо, такъ сказать, безъ самосознанія науки, то есть безъ точнаго опредѣленія ея предмета, сферы и предѣловъ ея изслѣдованій, подобно тому, какъ не мыслима индивидуальность человѣка внѣ самосознанія.

Къ счастію, относительно предмета своей науки экономисты фактически далеко не такъ расходятся, какъ это можно бы предполагать на основаніи предложенныхъ ими опредѣленій. Эта однородность фактическихъ воззрѣній ихъ и даетъ намъ возможность точно формулировать задачу политической экономіи.

Анализируя фактическія воззрѣнія экономистовъ о предметѣ политической экономіи, мы находимъ въ этихъ воззрѣніяхъ двѣ стороны, въ большей или меньшей степени общія всѣмъ имъ.

Съ одной стороны нельзя не признать такою общею стороною этихъ воззрѣній то, что экономисты, предлагая самыя разнообразныя опредѣленія своей науки, въ то же время всѣ одинаково или почти одинаково исключаютъ изъ сферы своихъ изслѣдованій физическій и этическій элементы, сосредоточивая свое вниманіе на элементѣ общественномъ въ дѣятельности людей. А. Смитъ въ своемъ геніальномъ трудѣ о богатствѣ народовъ изучаетъ природу и источники богатства не съ технической и нравственно-

юридической сторонъ, но исключительно со стороны общественной, изучаетъ общественныя свойства и условія благосостоянія. Онъ занимается изслѣдованіемъ общественныхъ условій успѣшности труда, говоритъ о раздѣленіи его, о распредѣленіи продуктовъ, о цѣнности, деньгахъ, заработной платѣ, капиталистической прибыли, рентѣ, накопленіи и употребленіи капиталовъ, о естественномъ и историческомъ развитіи благосостоянія народовъ, о системахъ меркантилистовъ и физіократовъ, о государственныхъ налогахъ и расходахъ. Уже одинъ этотъ перечень предмета изслѣдованій достаточно ясно указываетъ, что А. Смитъ въ своемъ изслѣдованіи занимается исключительно общественною стороною богатства народовъ. То же самое необходимо сказать и о всѣхъ другихъ экономистахъ. Никто изъ извѣстныхъ представителей политической экономіи не считаетъ дѣломъ экономиста изученіе ни техники, ни этики человѣческой дѣятельности и ея результатовъ, народнаго богатства. Всѣ экономисты, если не въ опредѣленіяхъ предмета своей науки, то непосредственно въ своихъ изслѣдованіяхъ обращаютъ вниманіе свое на общественный элементъ въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, исключительно этотъ элементъ считаютъ предметомъ политико-экономическаго изслѣдованія.

Съ другой стороны, занимаясь изученіемъ общественности въ человѣческой дѣятельности, экономисты большею частью односторонне ею занимаются, обращаютъ вниманіе на одну ея сторону, игнорируя другою. Экономисты большею частью занимаются мѣновыми сношеніями между людьми, изучаютъ законы борьбы и союзности тѣхъ явленій общественности, которыя имѣютъ своимъ источникомъ существованіе различій въ свойствахъ и стремленіяхъ людей. Это лучше всего можетъ быть доказано сравненіемъ такихъ, по видимому, противоположныхъ воззрѣній на предметъ политической экономіи, какъ воззрѣнія Маклеода и Кэри. По господствующему мнѣнію, одинъ изъ нихъ съужаетъ, между тѣмъ какъ другой, напротивъ того, расширяетъ предѣлы экономической науки. Какъ мы видѣли, свое опредѣленіе предмета политической экономіи Кэри ставитъ въ зависимость отъ опредѣленія соціальной науки; политическая экономія,

по его ученію, составляетъ прикладную часть соціологіи; чѣмъ занимается въ теоріи соціологія, тѣмъ съ практической точки зрѣнія занимается политическая экономія. Такимъ образомъ легко можетъ показаться, что Кэри разширяетъ предметъ политической экономіи, почти отождествляя сферу изслѣдованій этой науки съ сферой изслѣдованій соціальной науки вообще. На основаніи этого многіе и заключаютъ, что Кэри отождествляетъ политическую экономію съ соціальною наукою и такимъ образомъ вводитъ въ экономическую науку то, что должно бы входить въ сферу соціологіи. Совершенно на оборотъ относительно Маклеода; большинство ученыхъ вооружается противъ крайняго съуженія имъ сферы экономическихъ изслѣдованій.

Но противоположныя воззрѣнія Маклеода и Кэри имѣютъ много тождественнаго. Общество, по опредѣленію Кэри, есть ничто иное, какъ сумма соединеній, происходящихъ отъ существованія различій между людьми. Оно возникло тогда, когда къ Робинзону Крузэ присоединился Пятница и когда между ними появился обмѣнъ мыслей и услугъ. Общество и сношенія между людьми — это понятія тождественныя. Но сношеніе возможно лишь тогда, когда существуетъ различіе между людьми. Если бы Робинзонъ и Пятница имѣли однѣ и тѣ же способности, то общенія между ними не былобы подобно тому, какъ нѣтъ химическаго соединенія между двумя атомами кислорода или водорода. Химическое соединеніе возникаетъ лишь тогда, когда производится соприкосновеніе между разнородными элементами. То же самое и въ мірѣ человѣческомъ. Общество не существовало бы, если бы не было различій между людьми. Чѣмъ значительнѣе различія, тѣмъ сильнѣе стремленія къ сношеніямъ, тѣмъ сильнѣе развивается общественность. Между обществами, исключительно занимающимися земледѣліемъ, ассоціація едва замѣтна; но она въ высшей степени развита въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ фермеръ, юристъ, торговецъ, плотникъ, кузнецъ, каменьщикъ, мельникъ, прядильщикъ, ткачъ, архитекторъ, производители машинъ и добыватели желѣза входятъ въ общество, какъ составныя его части. Въ обществѣ, подобно тому, какъ и въ мі-

рѣ неорганическомъ, стремленіе къ ассоціяціи увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ различій и уменьшается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ ихъ ([17]). Очевидно, что, по ученію Кэри, общество есть мѣновая ассосіація.

Одинъ изъ послѣдователей Кэри прямо говоритъ, что общество есть ничто иное, какъ сумма обмѣновъ ([18]). Такимъ образомъ соціальная наука Кэри въ сущности мало отличается отъ политической экономіи Маклеода, та и другая занимаются изученіемъ сношеній, происходящихъ отъ существованія различій, то есть явленій и законовъ обмѣна услугъ ([19]).

Епископъ Уатли, предложивъ назвать политическую экономію каталактикою, какъ наукою о мѣновыхъ сношеніяхъ, не сказалъ ничего новаго, онъ только ясно формулировалъ то, что de facto признавалось большинствомъ другихъ экономистовъ. Всякій вопросъ экономисты разсматривали сквозь призму обмѣна; на самое общество нѣкоторые изъ нихъ, какъ видимъ, смотрѣли какъ на сумму обмѣновъ. Они слабо замѣчаютъ или даже игнорируютъ другую сторону общественности, совершенно противоположную мѣновой, а именно ту сторону, которая имѣетъ своимъ прямымъ источникомъ не различія, но сходства между людьми. Сношенія между людьми происходятъ не только отъ существованія различій, но также отъ существованія сходствъ. Я имѣю хлѣбъ, но желаю пріобрѣсть строительный матеріалъ, другой человѣкъ имѣетъ строительный матеріалъ и желаетъ пріобрѣсть хлѣбъ; между нами происходитъ обмѣнъ, появляется мѣновое сношеніе, имѣющее своимъ источникомъ существованіе различій. Десять человѣкъ, работая вмѣстѣ, могутъ общими усиліями поднять извѣстную тяжесть, между тѣмъ какъ усилія каждаго изъ нихъ не принесутъ никакой пользы, если каждый изъ нихъ будетъ работать отдѣльно. Здѣсь мы видимъ фактъ сношенія, источникъ котораго заключается въ существованіи сходствъ въ средствахъ и цѣли. Элементъ сходствъ лежитъ въ основаніи безконечнаго множества разнообразныхъ союзовъ, начиная союзами родственными, племенными, и кончая союзомъ, обнимающимъ собою всѣ другіе—государствомъ. Соединенію мелкихъ капиталовъ мы обязаны всѣми

великими предпріятіями, которыми гордится настоящее время, между тѣмъ какъ тѣ же самые капиталы, взятые въ отдѣльности, не приносили бы обществу никакой пользы, или, если бы и приносили, то самую ничтожную. Промышленность въ большихъ размѣрахъ возможна не иначе, какъ при разнообразныхъ соединеніяхъ труда съ капиталомъ. Наконецъ, одно простое соединеніе труда многихъ людей образуетъ множество разнообразныхъ производительныхъ союзовъ, называемыхъ артелями, производительными товариществами и т. п. Игнорировать закономъ единенія сходствъ, утверждать, что общество есть сумма сношеній, происходящихъ отъ существованія различій, значитъ повторять ошибку Гегеля, отрицавшаго существованіе звѣзднаго міра.

И такъ, представители экономической науки, не смотря на всѣ свои словесныя разногласія въ опредѣленіи предмета ея, сходятся между собою въ томъ, что ни физическій, ни этическій элементы дѣятельности не входятъ въ сферу политической экономіи; они въ своихъ изслѣдованіяхъ занимаются исключительно общественнымъ элементомъ дѣятельности.

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ фактическимъ воззрѣніемъ, намъ въ то же время нельзя согласиться съ тѣми воззрѣніями, по которымъ общественность состоитъ лишь изъ мѣновыхъ сношеній, которыми исключительно и должна заниматься политическая экономія. Истинная задача послѣдней состоитъ въ полномъ и всестороннемъ изученіи законовъ общественности въ дѣятельности людей, въ изученіи законовъ сношеній, происходящихъ отъ существованія различій и сходствъ между людьми.

Считая предметомъ политической экономіи законы общественности въ дѣятельности, необходимо признать, что эта наука не можетъ ограничивать своихъ предѣловъ однимъ матеріальнымъ трудомъ, подобно тому, какъ она не можетъ ограничиться изученіемъ одной стороны общественности, игнорируя другую. Для полнаго представленія законовъ явленій общественности въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, политическая экономія должна уяснить законы разнообразныхъ сношеній между людьми, возникающихъ по поводу удовлетворенія потребностей какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ. Исключать

изъ сферы политико-экономическихъ изслѣдованій категорію дѣятельности, направленной къ удовлетворенію духовныхъ потребностей, также не основательно, какъ не основательно ограниченіе ея лишь одной стороной явленій общественности. Необходимо сказать, что и въ вопросѣ о включеніи въ область политической экономіи общественныхъ законовъ духовной дѣятельности фактически разногласіе также не далеко простирается.

Дѣло въ томъ, что экономисты, требовавшіе исключенія духовной дѣятельности изъ политической экономіи, не могли обойти ее совершеннымъ молчаніемъ. Такъ, они говорятъ о цѣнности труда артистовъ, художниковъ, ученыхъ, говорятъ о различныхъ союзахъ, образующихся между людьми при удовлетвореніи духовныхъ потребностей. Не могли они обойти молчаніемъ эту дѣятельность потому, что законы общественности, въ своемъ основаніи, тождественны во всѣхъ видахъ человѣческой дѣятельности, таковы на прим. законы цѣнности, законы возникновенія и развитія союзовъ, называемыхъ товариществами, учрежденіями, заведеніями и т. п.

Нѣтъ надобности поэтому въ раздѣленіи политической экономіи на тѣ два отдѣла, о которыхъ говоритъ Шторхъ. Эта наука не имѣетъ такого двойственнаго содержанія, по которому является то „теоріей богатства“, то „теоріей цивилизаціи.“ Она представляетъ собою науку о законахъ развитія человѣческой цивилизаціи, такъ какъ въ развитіи общественности и состоитъ развитіе цивилизаціи какъ матеріальной, такъ и духовной.

(1) Основ. полит. экон. стр. 1. (2) Richesse des Nations, т. 2, стр. 176. (3) Traité d'écon. pol. стр. 33. (4) Cours d'écon. pol. см. discours prélim. (5) Principes de la science soc. т. 3, стр. 411—412. (6) Основ. стр. 11. (7) Осн. пол. эк. предв. замѣчанія. (8) Cours d'écon. pol. т. 1, стр. 19: L'écon. politique est la science qui décrit l'organisation de la société. —C'est la description du mécanisme de la société, en deux mots, une anatomie et une physiologie sociales. (9) Die Grundlagen der Nationalökonomie, стр. 33—34. (10) Dictionnaire de l'écon. pol. сл. écon. politique. (11) Harm. écon. стр. 58—59. (12) Записки о пол. экономіи, т. 1, стр. 17—18. (13) Начала пол. экон. т. 1, стр. 17. (14) Осн. пол. экон. стр. 11. (15) Задача

пол. экон. стр. 13. ([16]) Курсъ пол. экон. стр. 51. ([17]) Principes, т. 1, стр. 224 — 225. ([18]) T. Bastiat, Harm. économ. стр. 141. ([19]) Даже понятіе объ обществѣ, высказанное Маклеодомъ, почти тождественно съ опредѣленіемъ Кэри-Бастіа. „Чтобы получить для себя необходимое, говоритъ онъ, человѣкъ долженъ изучать и наблюдать, въ чемъ нуждаются другіе люди; на оборотъ, если другіе нуждаются въ томъ, что онъ производитъ, они должны узнавать, въ чемъ онъ самъ нуждается, что бы предложить ему этотъ нужный предметъ, въ обмѣнъ на его произведеніе. При такихъ условіяхъ, общество состоитъ изъ членовъ, связанныхъ другъ съ другомъ и принужденныхъ изучать потребности и желанія каждаго изъ своей среды.“ стр. 10. Осн. пол. экономіи.

§ 3. Политическая экономія есть наука, изучающая законы общественности въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію потребностей. Но возможно ли строго научное изученіе явленій общественности? Предметомъ науки, въ строгомъ смыслѣ этого слова, могутъ быть только всеобщіе и неизмѣнные законы, которымъ подчинены тѣ или иныя явленія, въ противоположность предмету искуства, или такъ называемыхъ прикладныхъ знаній, изучающихъ средства и условія достиженія извѣстныхъ результатовъ. Законы, констатируемые наукою, не зависятъ отъ воли людей, мы ихъ не можемъ измѣнять или уничтожать; между тѣмъ какъ средства и условія достиженія опредѣленныхъ результатовъ, констатируемыя прикладными знаніями, вѣчно измѣняются ([1]). Можно ли сказать, что явленія общественности заключаютъ въ себѣ всеобщіе и неизмѣнные законы, изученіе которыхъ было бы задачей политической экономіи? Не видимъ ли мы, что въ сферѣ общественныхъ явленій царствуетъ та сила, которая носитъ названіе свободной воли? Тамъ, гдѣ все зависитъ отъ воли, прихоти, каприза людей, можетъ ли существовать естественная законоподчиненность?

Все, что по собственной свободной волѣ устроено человѣкомъ, можетъ быть также свободно разрушено имъ, измѣнено

и пересоздано. Дѣло рукъ человѣка, общественные факты, должны состоять въ безусловной отъ него зависимости; по его волѣ могутъ быть измѣняемы, разрушаемы, организуемы.

Нѣкоторые и утверждаютъ это. Общежитіе, говорятъ намъ, есть дѣло рукъ человѣка, который по своему произволу можетъ такъ или иначе организовать общественные процессы, можетъ свободно распоряжаться ими, давать то или другое направленіе, то или другое устройство. Тѣ начала, которыя лежатъ въ основаніи организаціи современныхъ обществъ, могутъ быть по нашему произволу измѣняемы и уничтожаемы. Мало того; по ученію нѣкоторыхъ, эти начала и должны быть уничтожены, такъ какъ они приняты человѣчествомъ во времена варварскія, почему и не проникнуты духомъ разума. Это послѣднее воззрѣніе лежитъ въ основаніи всѣхъ системъ, носящихъ общее названіе соціализма. Если нѣтъ никакихъ естественныхъ законовъ, которымъ подчинялись бы общественныя явленія, то, очевидно, политическая экономія не можетъ быть наукой; она въ этомъ случаѣ была бы искуствомъ, какъ сборникомъ правилъ или рецептовъ для наилучшаго устройства отношеній между людьми. Всякій экономистъ былъ бы „организаторомъ“, вся дѣятельность его состояла бы въ составленіи проэктовъ для достиженія всеобщаго счастія. Составленіе этихъ проэктовъ и легко и, для многихъ, очень пріятно. Составленіе ихъ удовлетворяетъ самолюбію тѣхъ честолюбивыхъ мечтателей, которымъ самоувѣренность позволяетъ казаться всеобщими преобразователями, создателями порядка тамъ, гдѣ порядокъ, по ихъ мнѣнію, не данъ самимъ Провидѣніемъ. Идея естественной законоподчиненности общественныхъ явленій еще не получила надлежащаго распространенія. Неудивительно, поэтому, что всеобщіе организаторы и преобразователи еще могутъ находить аудиторію и пользоваться въ ней авторитетомъ. Для людей же науки эти утописты представляются не только безъ всякаго авторитета, но даже сумасшедшими (2). Въ дѣйствительности это не сумасшедшіе, но плохіе мыслители, это люди, не знакомые съ самыми обыденными пріемами научнаго изслѣдованія общественныхъ явленій. По справедливому замѣчанію

Руссо, необходимъ философскій умъ, для надлежащаго изученія окружающихъ насъ на каждомъ шагу явленій. Точнѣе говоря, для этого изученія необходимы научные пріемы.

Утописты, отрицающіе естественную законоподчиненность общественныхъ явленій, совершенно были бы правы, если бы для научныхъ изслѣдованій можно было довольствоваться поверхностнымъ обозрѣніемъ окружающихъ насъ фактовъ. И въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли можно представить себѣ что нибудь болѣе хаотическое какъ то, что каждый изъ насъ видитъ при поверхностномъ обозрѣніи этихъ фактовъ. Здѣсь все кажется такимъ-то страннымъ хаосомъ, все, по видимому, зависитъ отъ слѣпаго случая, отъ каприза тѣхъ или иныхъ дѣятелей, отъ свободной воли каждаго изъ насъ. О законоподчиненности въ средѣ этихъ фактовъ, по видимому, не можетъ быть и рѣчи. И наблюдатель, разсуждающій такимъ образомъ, безусловно правъ съ своей точки зрѣнія. Наблюдая отрывочно окружающіе насъ общественные факты, никто изъ насъ не замѣтитъ естественной ихъ законоподчиненности. При такихъ условіяхъ идея законоподчиненности никогда не можетъ возникнуть, подобно тому, какъ при наблюденіи отраженія свѣта въ незначительныхъ капляхъ воды, по замѣчанію А. Кетле, не возможно дойти до пониманія явленія радуги, при чемъ мысль о связи между этимъ явленіемъ и отраженіемъ свѣта не возникнетъ въ умѣ наблюдателя, если онъ не измѣнитъ условій наблюденія ([3]). Законоподчиненность общественныхъ явленій можетъ быть открыта лишь тогда, когда мы возвысимся надъ обыденнымъ, узкимъ кругозоромъ и станемъ изучать факты въ ихъ цѣлостности, взявъ для наблюденія значительныя ихъ количества достаточныя для возможно полнаго обнаруженія ихъ естественной связи и преемственности въ пространствѣ и времени. Въ статистикѣ этотъ методъ, состоящій въ выводѣ заключеній изъ значительнаго количества фактовъ, впервые былъ научно уясненъ геніальнымъ пасторомъ П. Зюсьмильхомъ, высказавшимъ и фактически доказавшимъ знаменитое положеніе: „чѣмъ болѣе численность сравниваемыхъ количествъ, тѣмъ болѣе изчезаетъ безпорядокъ, замѣчаемый въ небольшихъ количествахъ фактовъ“ ([4]). На этомъ положеніи основана вся система обществен-

ной физики А. Кетле. Это же положеніе, односторонне развитое, привело нѣкоторыхъ мыслителей къ полному отождествленію явленій общественныхъ съ физическими, то есть къ полному отрицанію свободы воли въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Особенно рѣзко выражено послѣднее воззрѣніе у Бокля. Сторонники свободы воли, говоритъ онъ, обыкновенно ссылаются на то, что мы сознаемъ себя свободными. Но сознаніе не можетъ быть верховнымъ критеріемъ истины. Сознаніе не непогрѣшимо. Исторія представляетъ намъ множество предразсудковъ, а эти продукты сознанія ясно доказываютъ, что сознаніе можетъ ошибаться. Доказательства его ошибочности можно найти и въ обыденной жизни. Развѣ въ извѣстныхъ случаяхъ не сознаемъ мы существованія призраковъ и привидѣній, а между тѣмъ развѣ не всѣми признано, что они существовать не могутъ? Если бы кто попытался опровергнуть это разсужденіе, сказавъ, что такое сознаніе есть кажущееся, а не дѣйствительное, то я спросилъ бы, кто можетъ разсудить, когда сознаніе истинно и когда оно ложно? Если эта способность обманываетъ насъ въ одномъ, то чѣмъ мы обезпечены, что она не обманываетъ насъ въ другомъ? Если же нѣтъ обезпеченія, то на эту способность нельзя положиться. Нельзя, такимъ образомъ, признать себя свободнымъ только потому, что я сознаю себя таковымъ. Между тѣмъ факты убѣждаютъ въ томъ, что свободы нѣтъ. Изъ статистики преступленій оказывается, что, при неизмѣненій условій, преступленія повторяются съ такимъ постоянствомъ, что можно предсказывать изъ года въ годъ количество лицъ, которыя должны сдѣлаться преступниками. Особенно эта законоподчиненность поразительна въ такомъ преступленій, какъ самоубійство. Самоубійство есть дѣйствіе вполнѣ изолированное; свободное отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, оно болѣе, чѣмъ какое либо другое преступленіе, кажется произведеніемъ чистой воли. Между тѣмъ оказывается, что оно есть продуктъ всего состоянія общества, что отдѣльный преступникъ приводитъ въ исполненіе то, что является необходимымъ слѣдствіемъ предшествующихъ обстоятельствъ. При данномъ состояніи общества извѣстное число лицъ должно непремѣнно наложить на себя руку. Вопросъ, кто будутъ эти частныя лица, лишающія

себя жизни, зависитъ отъ частныхъ законовъ. Сила общаго закона такъ велика, что ни любовь къ жизни, ни страхъ наказанія въ иномъ мірѣ не могутъ ничего сдѣлать даже для стѣсненія его дѣйствій. Даже число браковъ, ежегодно совершающихся, опредѣляется не характерами и желаніями частныхъ лицъ, но общими законами, надъ которыми частныя лица не имѣютъ никакой власти. Это число находится въ постоянномъ и опредѣленномъ отношеніи къ цѣнамъ на хлѣбъ.

Даже отсутствіе памяти отличается общимъ характеромъ необходимости и неизмѣннаго порядка.

Парижскій и Лондонскій почтамты обнародовали свои отчеты за нѣсколько лѣтъ о числѣ писемъ, на которыхъ писавшіе забыли выставить адресъ, число этихъ писемъ, если взять въ соображеніе различіе обстоятельствъ, почти одно и тоже ежегодно. Такимъ образомъ почти одно и тоже число лицъ забываютъ эту простую формальность, такъ что за каждый извѣстный періодъ можно заранѣе предсказать приблизительно, у скольких человѣкъ не достанетъ памяти въ этомъ пустомъ, и, по видимому, случайномъ дѣлѣ (5).

Положительная наука отрицаетъ это безусловное подведеніе къ одному знаменателю явленій общественныхъ съ физическими. Признавая въ сферѣ общественныхъ явленій существованіе естественныхъ законовъ, эта наука въ тоже время проводитъ мысль, что, изучивъ эти законы, мы можемъ руководить ими сообразно съ нашими цѣлями.

При однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ статистическія данныя показываютъ намъ одинаковую смертность, одинаковое число людей умираетъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ при равномъ вѣтрѣ волны на берегахъ моря разбиваются въ равномъ числѣ. Но изучивъ эти условія, мы можемъ измѣнять ихъ и такимъ образомъ вліять на законъ смертности. Человѣкъ, какъ членъ общества, говоритъ А. Кетле, подчиняется опредѣленнымъ общественнымъ законамъ; но, благодаря своимъ умственнымъ дарованіямъ, онъ можетъ управлять общественными законами (6). Знаніе даетъ человѣку истинную свободу. Общество представляетъ собой ор-

ганизмъ, имѣющій свои законы, осознаніе коихъ даетъ возможность руководить ими, давать имъ направленіе, соотвѣтствующее нашимъ цѣлямъ. Политическая экономія занимается изученіемъ законовъ, имѣющихъ этотъ, а не какой либо другой характеръ.

Отличительная черта экономическихъ, то есть общественныхъ законовъ въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію потребностей, состоитъ въ томъ, что эти законы развиваются и не имѣютъ, подобно законамъ физическимъ, фаталистическаго характера. Во всякомъ же развитіи необходимо отличать два элемента: внутренній и внѣшній. Вполнѣ вѣрна мысль, что развитіе есть ничто иное, какъ постепенное осуществленіе возможности, содержащейся уже въ зародышѣ развивающагося даннаго; но при этомъ необходимо не забывать, что такое или иное осуществленіе возможности въ развитіи обусловливается средой, въ которой происходитъ процессъ развитія. Безъ всякаго сомнѣнія, развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка есть ничто иное, какъ постепенное осуществленіе той возможности, которая содержится уже въ зародышѣ нашего я; но, тѣмъ не менѣе, на это осуществленіе такое большое вліяніе оказываетъ внѣшній элементъ, что развитіе многихъ людей представляется скорѣе всего воплощеніемъ въ личности совокупности условій, при которыхъ пришлось развиваться и жить этимъ людямъ.

Внутренній элементъ въ развитіи, очевидно, подъ вліяніемъ внѣшняго можетъ быть низводимъ до едва замѣтнаго минимума.

Это никогда не должно быть забываемо при политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Не обращая вниманія на ростъ экономическихъ принциповъ, экономистъ очень легко можетъ принять временное и относительное за постоянное и безусловное, очень легко можетъ впасть то въ оптимизмъ, то въ пессимизмъ, смотря по тому, какой періодъ развитія экономическихъ принциповъ ему прійдется наблюдать. Если бы на лунѣ были жители, говоритъ Р о ш е р ъ, и если бы кто нибудь изъ нихъ увидѣлъ нашего ребенка, то, не зная закона развитія, не принялъ ли бы онъ это дитя, хотя бы оно было вполнѣ прекрасное, за урода съ несоразмѣрно большою головою, никуда непригодными руками,

ногами и т. д. (7). А между тѣмъ подобнаго рода сужденія встрѣчаются весьма часто. Между изслѣдователями общественныхъ явленій, забывающими необходимость исторической индукціи въ изслѣдованіяхъ этихъ явленій.

Съ другой стороны, не менѣе часто забывается также необходимость пользованія при такихъ изслѣдованіяхъ дедукціей, состоящей въ изолированіи изучаемаго явленія отъ его мѣстныхъ, временныхъ и частныхъ осложненій. Экономическіе законы можно раздѣлить на двѣ категоріи, на законы родовые и видовые. Первые проистекаютъ изъ самой природы экономическихъ отношеній и представляютъ собою ту идею возможности въ развитіи, которая содержится въ самой природѣ развивающагося даннаго и которая въ дѣйствительности постепенно осуществляется. Въ своемъ осуществленіи родовой законъ дифференцируется подъ вліяніемъ законовъ видовыхъ, какъ условій мѣстныхъ, временныхъ и частныхъ. Для отысканія родоваго закона необходимо устранить его осложненія, изолировать изучаемое явленіе отъ вліянія на него видовыхъ законовъ. На этомъ основаніи дедукція политической экономіи должна быть выводима изъ среднихъ величинъ. Въ статистическихъ изслѣдованіяхъ методъ этотъ состоитъ въ наблюденіи надъ массами явленій и заключеній отъ среднихъ данныхъ, выводимыхъ посредствомъ суммированія изучаемыхъ явленій и дѣленія суммы на число ея составныхъ частей, при чемъ частныя, временныя и мѣстныя условія сглаживаются и получается рядъ общихъ или родовыхъ условій, отъ которыхъ зависитъ общественная жизнь (8).

Вообще говоря, подъ выводомъ среднихъ величинъ въ статистикѣ подразумѣвается методъ устраненія въ изучаемыхъ явленіяхъ условій частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ въ цѣляхъ открытія общаго или родоваго закона. Но суммированіе данныхъ и дѣленіе полученной суммы на число ея составныхъ частей представляетъ собою только одинъ изъ видовъ изолированія явленія отъ его осложненій видовыхъ, причемъ этотъ видъ метода не приложимъ къ цѣлой массѣ явленій, ускользающихъ отъ подведенія ихъ подъ числовой знаменатель. Кромѣ статистическаго, существуетъ логическій выводъ среднихъ величинъ, на которыхъ

также можетъ быть основана политико-экономическая дедукція. Сущность его состоитъ въ различеніи общественнаго хозяйства отъ частнаго и въ выборѣ для наблюденій средняго времени и средняго мѣста, посредствомъ какихъ пріемовъ дѣйствительно устраняются отъ изучаемаго явленія его видовыя осложненія, какъ условія частныя, временныя и мѣстныя (³).

Благодаря несоблюденію этихъ особенностей методовъ изслѣдованія, до настоящаго времени въ политической экономіи идетъ споръ между пессимистическими и оптимистическими воззрѣніями. Нѣкоторые экономисты и всѣ „организаторы“ утверждаютъ, что современный строй экономическихъ отношеній несправедливъ, безусловно основанъ на животной борьбѣ взаимно противоположныхъ интересовъ, что человѣкъ въ отношеніи къ человѣку является волкомъ. Изъ послѣдователей этого экономическаго пессимизма, одни проникнуты фатализмомъ, считаютъ существующее зло неизбѣжнымъ и необходимымъ; другіе требуютъ радикальнаго переустройства всѣхъ отношеній и составляютъ проэкты новыхъ организацій, о которыхъ мы выше говорили. Оптимисты, напротивъ того, утверждаютъ, что существующій строй безусловно разуменъ и справедливъ, что люди, предоставленные самимъ себѣ, безъ всякихъ теорій наилучшимъ образомъ устраиваютъ свой бытъ; всякое вмѣшательство въ этотъ бытъ было бы только нарушеніемъ человѣческой свободы, нарушеніемъ вполнѣ естественнаго порядка экономическихъ отношеній. Между сторонниками этихъ противоположныхъ направленій происходитъ ожесточенная борьба, весьма часто переходящая изъ кабинетной и идейной въ уличную и кровавую.

Выходъ изъ этихъ односторонностей указывается правильнымъ методомъ экономическихъ изслѣдованій.

Одинаково не научно, какъ возведеніе явленій въ принципъ, такъ и отрицаніе ихъ законоподчиненности. Необходимо только не забывать, что общественная законоподчиненность не тождественна съ физическою. Въ самой природѣ экономическихъ отношеній лежитъ упорядочивающій ихъ принципъ, тѣ естественные законы, которымъ человѣкъ долженъ повиноваться.

Но эти законы въ своемъ развитіи видоизмѣняются средой, весьма часто подавляются ею, низводятся до едва замѣтнаго минимума. Задача истинной науки политической экономіи — осознать природу экономическихъ отношеній, осознать ту идею возможности въ развитіи, которая представляетъ собою постепенно осуществляющійся законъ, и посредствомъ такого осознанія способствовать болѣе полному его осуществленію, руководить экономическою дѣятельностью, какъ общественною, такъ и частною, на сколько дѣятельность человѣка зависитъ отъ его сознанія. Истинная экономическая наука, указавъ на высокое значеніе принципа раздѣленія труда, въ тоже время указываетъ и на темныя стороны, сопровождающія осуществленіе этого принципа въ дѣйствительности. Изученіемъ сущности этого принципа и причинъ его темныхъ сторонъ она даетъ возможность направлять осуществленіе его такимъ образомъ, что бы это осуществленіе не сопровождалось темными явленіями. Точно также, указывая на законы союзности интересовъ между людьми, политическая экономія указываетъ и на явленія борьбы взаимно противоположныхъ интересовъ, изучаетъ причины ея и естественныя условія ея уничтоженія. Политическая экономія, какъ наука, должна быть чужда и пессимистическихъ и оптимистическихъ увлеченій; не возводя явленій въ законъ лишь на основаніи ихъ существованія, она въ то же время и не должна отрицать законоподчиненности только потому, что то или иное частное, временное или мѣстное явленіе противорѣчитъ существованію общаго закона.

Такая система политической экономіи вполнѣ справедливо на своемъ знамени можетъ имѣть великія слова мыслителя: homo sum et nihil humani mihi alienum puto. Политическая экономія проводитъ мысль о разумной союзности всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ, о томъ, что отъ такого или иного состоянія этой союзности зависитъ уровень удовлетворенія потребностей.

Она освѣщаетъ уже существующее согласіе интересовъ и указываетъ на естественные законы развитія возможно полнаго ихъ соглашенія. Видя же свои интересы въ такой или иной мѣрѣ солидарными съ интересами другихъ, человѣкъ постепенно пріучается къ этой солидарности, такъ что для него, наконецъ, ста-

новится чѣмъ-то патологическимъ отдѣленіе индивидуальныхъ интересовъ отъ общественныхъ. Для такого человѣка становится вполнѣ понятнымъ положеніе: я человѣкъ и ничто человѣческое не чуждо мнѣ.

Вотъ та завѣтная идея въ развитіи человѣчества, осознаніе и осуществленіе которой въ жизни составляетъ основную задачу политической экономіи.

Законы политической экономіи получать возможно полное значеніе въ жизни только тогда, когда они будутъ осознаны обществомъ. До той же поры они дѣйствуютъ чисто механически, хотя въ то же время естественно развиваются и, какъ бы насильно, входятъ въ сознаніе людей. Но только вполнѣ осознанные обществомъ, они получатъ надлежащее значеніе. Въ этомъ отношеніи много правды въ кажущемся парадоксомъ положеніи Ж. Б. Сэ, что человѣкъ, написавшій популярное сочиненіе по политической экономіи, приноситъ несравненно большую пользу человѣчеству, чѣмъ написавшій вполнѣ ученое сочиненіе по этому предмету, но мало доступное за запорами ученыхъ терминовъ, хотя бы въ немъ были проводимы и новыя мысли.

Такое значеніе политической экономіи вполнѣ ясно уяснилъ Маклеодъ. „Когда всѣ выводы нашей науки, говоритъ онъ, будутъ ясно поняты и всѣ доктрины ея получатъ доступъ въ сознаніе большинства людей, она приведетъ къ тому, что весь міръ изъ бойни и мясной лавки превратится въ садъ изобилія и благосостоянія. Когда вполнѣ убѣдятся люди, что интересы всего человѣчества тѣсно связаны съ поддержаніемъ міра и что каждый народъ заинтересованъ въ благосостояніи своихъ сосѣдей, что несчастье каждаго народа вредно отражается на интересахъ другихъ народовъ, тогда только тучи войны перестанутъ висѣть на горизонтѣ“ ([10]). Такимъ образомъ, политическая экономія окажетъ свое полное и желаемое вліяніе на междучеловѣческія отношенія тогда, когда всѣ доктрины ея получать доступъ въ сознаніе народовъ. Маклеодъ представляетъ и примѣръ вліянія изученія экономическихъ принциповъ на общежитіе. „Знаменитый ученый, говоритъ онъ, открывшій ту знаменитую истину, что въ торговлѣ

обѣ стороны должны выигрывать, произвелъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи и политикѣ народовъ, переворотъ, который доставилъ человѣчеству больше существенныхъ благъ, чѣмъ открытія всѣхъ другихъ наукъ, вмѣстѣ взятыхъ“ (11).

Политическая экономія, доктрины которой имѣютъ такое жизненное значеніе, тѣмъ не менѣе остается наукою въ строгомъ смыслѣ этого слова, исключая изъ своей сферы элементы искусства и ремесла. Она имѣетъ своимъ предметомъ изученіе постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ общественности въ дѣятельности людей, предоставляя изученіе наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ и условій организаціи ея, сообразно съ вѣчно измѣняющимися обстоятельствами, такъ называемымъ прикладнымъ наукамъ. Каждая отдѣльная отрасль дѣятельности, основываясь на общихъ экономическихъ законахъ, для своей цѣлесообразности требуетъ отдѣльныхъ, лишь ей свойственныхъ средствъ и условій, постоянно измѣняющихся во времени и пространствѣ.

Дѣятельность людей, направленная къ удовлетворенію потребностей государственнаго организма, основываясь на общихъ экономическихъ законахъ, въ то же время должна быть сообразуема съ постоянно измѣняющимися разнообразными элементами, наприм. съ положительными и обычными законами страны, уровнемъ развитія образованія, путей сообщенія, народнаго благосостоянія и т. п. Дѣятельность сельскаго хозяина, подчиненная общимъ экономическимъ законамъ, въ то же время безусловно подчинена измѣняющимся обстоятельствамъ мѣста и времени, вслѣдствіе чего не можетъ быть одинаково какъ въ различныхъ странахъ, такъ и въ различное время. Тѣ интенсивныя системы хозяйства, которыя приносятъ большой доходъ вблизи такихъ большихъ городовъ, какъ Лондонъ и Парижъ, въ мѣстностяхъ слабо населенныхъ не только не дали бы сельскому хозяину никакого дохода, но раззорили бы его. Каждая отдѣльная отрасль человѣческой дѣятельности такимъ же образомъ, основываясь на постоянныхъ и неизмѣнныхъ законахъ, изучаемыхъ политическою экономіею, въ то же время подчиняется измѣняющимся условіямъ среды, вслѣдствіе чего средства и условія ея цѣлесообразности не могутъ быть всегда одинаковы. Изученіе наиболѣе цѣлесооб-

разныхъ средствъ и условій успѣшности каждой отдѣльной отрасли дѣятельности составляетъ предметъ прикладныхъ частей политической экономіи, которыхъ можетъ быть столько же, сколько существуетъ такихъ отдѣльныхъ отраслей. Таковы, наприм., прикладныя науки политической экономіи: государственная экономія, которая также называется теоріей финансовъ, финансовымъ хозяйствомъ, сельскохозяйственная экономія, коммерческая экономія и т. п.

(1) Курсель-Сенель прекрасно опредѣляетъ различіе между наукой и искуствомъ въ слѣд. словахъ: Quel est le propre de la science? C'est, sans contredit, l'étude des lois constantes et universelles qui régissent les phénomènes, des lois indépendantes des caprices humains et que nous appelons naturelles. L'art, au contraire, étudie les meilleurs moyens d'obtenir un rèsultat déterminé, d'établir les constructions imaginées et voulues par les hommes. Il en resulte, que les lois qu'étudie la science ont un caractère de fixité qui manque aux préceptes de l'art, lesquels varient et se transforment par les progrès de la science et de la civilisation, см. Journ. des économistes. 1877, м. Сент. стр. 323—324. (2) M. de Molinari, Cours d'écon. pol. т. 1. стр. 30. (3) Physique sociale, 1869. т. 1, стр. 94—95. (4) Die Göttliche Ordnung и т. д. 1788. т. 1, стр. 78, 240—243 и др. (5) Исторія цивиллиз. въ Англіи, ч. 1, гл. 1. (6) Phys. sociale, 1, 99. (7) Die Grundlagen d. N.-ökonomie, стр. 43—44. (8) Phys. soc. 1, стр. 98. (9) Въ нашей литературѣ значеніе этихъ пріемовъ прекрасно уяснено г. Зибером ъ въ первой главѣ его диссертаціи: Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо. См. также изслѣдованіе А. Антоновича. Теорія цѣнности, гл. 1. (10) (11) Основ пол. экономіи, стр. 18—20.

§ 4. Экономическая жизнь слагается изъ трехъ отправленій, изъ производства, распредѣленія и потребленія. Между этими отправленіями существуетъ неразрывная связь, по которой каждое изъ нихъ является условіемъ существованія и развитія остальныхъ. Необходимость удовлетворенія потребностей вызываетъ производство, спеціализирующихся по качествамъ производительныхъ силъ, что въ свою очередь вызываетъ необходи-

мость правильнаго распредѣленія производимыхъ благъ между производителями, безъ чего не мыслима надлежащая спеціализація занятій и, слѣдовательно, разумная успѣшность производства. Производительная дѣятельность завершается потребленіемъ, нормальность котораго является необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго производства и распредѣленія, такъ какъ потребляемая пища при обыкновенномъ положеніи дѣлъ не изчезаетъ, но, по выраженію К э р и, принимаетъ высшую форму физической и умственной силы, обнаруживающейся въ дальнѣйшемъ созданіи средствъ удовлетворенія потребностей. Экономическая жизнь представляетъ собою постоянный кругъ, въ которомъ производство, распредѣленіе и потребленіе, какъ отдѣльныя отправленія, перестаютъ существовать независимо, не могутъ быть противополагаемы другъ другу, сливаясь въ одно цѣлое, называемое дѣятельностью людей. Но политическая экономія, изучающая общественный элементъ въ этой дѣятельности, указывая на взаимную связь между отдѣльными функціями дѣятельности, не можетъ отождествлять ихъ. При всей неразрывной взаимной связи, каждая изъ этихъ функцій имѣетъ свои общественныя особенности, требующія самостоятельнаго изученія. Политическая экономія, по этому, изучаетъ отдѣльно законы общественности въ сферѣ производства, въ сферѣ распредѣленія и въ сферѣ потребленія.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Элементы производства.

Производствомъ называется совокупность дѣйствій, имѣющихъ цѣлію приспособленіе предметовъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Человѣкъ не можетъ создавать новаго вещества, не можетъ увеличить количества существующей въ мірѣ матеріи ни на одинъ атомъ; производство, поэтому, не можетъ состоять въ созданіи новаго вещества. Производитель создаетъ лишь годность или полезность, по которой опредѣленный предметъ становится средствомъ удовлетворенія нашихъ потребностей.

Производство слагается изъ трехъ факторовъ, изъ силъ природы, труда и капитала.

I. Силы природы.

§ 1. Силы природы съ экономической точки зрѣнія могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на общедоступныя и необщедоступныя. Относительно первыхъ не соблюдается хозяйственный принципъ бережливости, проявляющійся въ стремленіи получить возможно большій результатъ съ возможно меньшими уси-

ліями; подобной бережливости, на примѣръ, никто не соблюдаетъ при вдыханіи и выдыханіи воздуха. Такія общедоступныя силы не подлежатъ экономическому анализу, не имѣютъ значенія экономическихъ величинъ; такія силы обладаютъ химическими, физическими и тому подобными свойствами, но не имѣютъ свойствъ экономическихъ. Въ составъ экономическихъ явленій входятъ только тѣ силы, которыя, вслѣдствіе своей ограниченности и необщедоступности, должны быть утилизируемы хозяйственнымъ образомъ и по поводу утилизированія которыхъ необходимо возникаютъ между людьми опредѣленныя сношенія.

Силы природы послѣдней категоріи въ свою очередь раздѣляются на соединенныя или съ движимыми, или съ недвижимыми вмѣстителями. Различіе это имѣетъ весьма существенное значеніе.

Силы природы, соединенныя съ недвижимыми вмѣстителями, подчинены закону, по которому при данной техникѣ удвоенный трудъ не даетъ удвоеннаго продукта. Тюненъ вычисляетъ на основаніи опытныхъ данныхъ, что нанесеніе навоза толщиною на $^1/_2$ дюйма увеличиваетъ плодородіе земли на $^1/_2$ зерна, но дальнѣйшее увеличеніе навоза не сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ плодородія. Если прибавить навоза снова на $^1/_2$ дюйма, то плодородіе возрастаетъ лишь на $^3/_8$ зерна; при дальнѣйшей такой же прибавкѣ оно увеличится только на $^1/_4$ зерна.

Такимъ образомъ, увеличеніе навоза на $1^1/_2$ дюйма вмѣсто того, чтобы увеличить плодородіе земли въ $1^1/_2$ раза, увеличиваетъ всего на $1^1/_8$ зерна, то есть на $^3/_8$ менѣе, нежели могло бы получиться въ томъ случаѣ, еслибы увеличеніе издержекъ производства сопровождалось пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта (1).

Полученный результатъ не прямо пропорціоналенъ увеличенію издержекъ. Нельзя отрицать, что въ земледѣліи существуетъ тотъ предѣлъ, далѣе котораго увеличеніе издержекъ производства влечетъ за собою относительное уменьшеніе дохода, вслѣдствіе чего каждый новый продуктъ получается съ относительно большими усиліями. Если бы въ земледѣліи не существовало такого предѣла, то увеличеніемъ издержекъ на одной десятинѣ

можно было бы прокормить населеніе всей Европы (Р о ш е р ъ). „Лишь только земледѣліе достигаетъ извѣстной не очень высокой степени развитія, говоритъ М и л л ь, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только явились у нихъ порядочныя орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствію закона, что, при данномъ положеніи земледѣльческаго искуства и знанія, увеличеніе труда не даетъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ, удвоеніе труда не удвоиваетъ продукта, или, выражая тоже самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе, чѣмъ пропорціональнымъ возрастаніемъ въ приложеніи труда къ землѣ“ (2) (3). Всякое сосредоточеніе силъ въ неподвижномъ вмѣстителѣ сопровождается относительнымъ уменьшеніемъ дѣйствія каждой изъ нихъ. И это вѣрно не только въ отношеніи естественно неподвижныхъ вмѣстителей, но также и относительно вмѣстителей экономически неподвижныхъ въ данное время.

Если машина вполнѣ удовлетворительно при 10 рабочихъ, то удвоеніе количества рабочихъ не будетъ сопровождаться пропорціональнымъ увеличеніемъ дѣйствія машины и удвоеніемъ продукта. Точно также, если сила воды въ данной мѣстности приводитъ въ дѣйствіе мельницу съ десятью колесами, то, очевидно, что увеличеніе колесъ не дастъ пропорціональнаго увеличенія дѣйствія силы.

Силы природы, соединенныя съ движимыми вмѣстителями, подчиняются совершенно иному закону. Увеличеніе вмѣстителей здѣсь сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ силъ; умножая тѣла, съ которыми соединены силы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ въ одинаковой степени умножаемъ и самыя силы. Увеличивая, наприм., количество каменнаго угля, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ и пропорціонально бо́льшее количество теплоты. Возможность увеличенія такихъ движимыхъ вмѣстителей опредѣленныхъ силъ обусловливается естественнымъ положеніемъ страны. Особенно большое значеніе въ этомъ случаѣ имѣютъ запасы горючихъ матеріаловъ и удовлетворительныя средства сообщеній. По

справедливому замѣчанію Франклина, Англія обязана своимъ богатствомъ каменному углю и каналамъ.

Нѣкоторые изъ экономистовъ поднимали вопросъ о сравнительномъ участіи силъ природы въ различныхъ отрасляхъ производства. Такъ, по мнѣнію А. Смита, природа помогаетъ человѣку только въ земледѣліи, въ другихъ же отрасляхъ промышленности все производится руками человѣка, безъ всякаго участія силъ природы (4). По мнѣнію другихъ экономистовъ, природа не участвуетъ въ производствѣ того, что имѣетъ цѣнность, что составляетъ предметъ купли-продажи; все, производимое природой, не имѣетъ цѣнности (5).

А. Смитъ не замѣтилъ того, что природа — необходимый дѣятель во всѣхъ отрасляхъ промышленности. „Матерія, находящаяся на земномъ шарѣ, говоритъ Миллъ, небездѣятельно принимаетъ формы и качества, придаваемыя ей человѣческими руками. Она имѣетъ сама дѣятельныя силы, которыя участвуютъ въ трудѣ и могутъ быть употребляемы на замѣну его. Силы и вещества природы участвуютъ въ трудѣ дѣятельнымъ, а не пассивнымъ образомъ. Работникъ беретъ стебель льна или пеньки, раздѣляетъ его на волокна, свиваетъ пальцами нѣсколько такихъ волоконъ при помощи простаго орудія, называемаго веретеномъ. Надѣлавъ такимъ образомъ нитокъ, онъ кладетъ рядомъ множество ихъ и всовываетъ поперекъ ихъ другія такія же нитки, такъ чтобы каждая поперечная шла поочередно сверху одной и снизу другой продольной, эта часть дѣла облегчается орудіемъ, которое называется челнокомъ. Вотъ работникъ произвелъ ткань, льняную или пеньковую, смотря по матеріалу. Говорятъ, что онъ выдѣлалъ ее руками, и предполагается, что никакая сила природы не содѣйствовала ему. Но какая же сила дѣлала возможнымъ каждый процессъ этой выдѣлки и сдерживаетъ сдѣланную ткань въ цѣлости? Это дѣлается крѣпостью волоконъ, то есть силою сцѣпленія ихъ частицъ, а это одна изъ силъ природы и мы можемъ въ точности измѣрить ея энергію сравнительно съ другими механическими силами, чтобы узнать, какое количество каждой изъ нихъ нужно для нейтрализованія или уравновѣшенія этой силы сцѣпленія“ (6).

Съ другой стороны, необходимо также признать участіе силъ природы въ производствѣ цѣнностей. Самъ же Милль, отрицающій это участіе, въ то же время говоритъ: „Участіе природы въ каждой человѣческой работѣ неизмѣримо и несоизмѣримо. Если два элемента равно необходимы для произведенія результата, то нельзя говорить, что такая-то часть его произведена однимъ элементомъ, а такая-то другимъ; это все равно, что попытаться рѣшить, которая изъ двухъ половинъ ножницъ болѣе участвуетъ въ разрѣзываніи, или который изъ двухъ факторовъ, 5 и 6, болѣе участвуетъ въ произведеніи числа 30“ (7).

(1) Изолированное государство, пер. Волкова. 1, 179. (2) Основанія полит. экономіи 1, 222. (3) Теоретическое объясненіе сказаннаго, по мнѣнію А. Людоговскаго, одного изъ лучшихъ у насъ спеціалистовъ по сельско-хозяйственной экономіи, заключается въ томъ, что „расходъ на большую часть отдѣльныхъ работъ въ хозяйствѣ пропорціоналенъ или пространству, или количеству обрабатываемаго продукта, почему при повтореніи каждой данной работы стоимость ея каждый разъ остается одинаковою, между тѣмъ какъ дѣйствіе на увеличеніе урожая зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ достигнута цѣль предъидущими работами, предшествовавшими повторенію, при этомъ въ большинствѣ случаевъ оказывается, что для каждаго новаго повторенія работы остается меньшее поприще для дѣйствій, а слѣдовательно она оказываетъ и менѣе сильное дѣйствіе на увеличеніе урожая. Такъ на прим., если бы для истребленія сорныхъ травъ употреблены были 4 вспашки экстирпаторами, то можно положительно утверждать что первая вспашка была наиболѣе производительна, потому что уничтожила большее число сорныхъ травъ, чѣмъ остальныя, а четвертая повліяла наименѣе, потому что предъидущими обработками уже достигнута была большая часть цѣли. Между тѣмъ, расходъ на каждую обработку остался равнымъ, будучи пропорціоналенъ пространству. При сортировкѣ хлѣба — пропускъ его черезъ машину въ первый разъ отдѣлитъ болѣе негодныхъ зеренъ, нежели пропускъ во 2-й, а этотъ болѣе, нежели въ 3-й разъ и т. д.“ Основ. сельскохозяйственной экономіи, стр. 50. (4) Rich. des Nations, 2, 117. (5) T. Bastiat. Harm écon. гл. V. (6) Основанія, т. 1, стр. 34. (7) Ibid. стр. 37.

§ 2. На низшихъ ступеняхъ развитія общественности человѣкъ всецѣло зависитъ отъ силъ природы. Особенно громадное вліяніе на человѣка оказываютъ въ это время климатъ и почва.

Климатъ принадлежитъ къ числу дѣятелей, хотя и не способныхъ къ присвоенію отдѣльными лицами, но находящихся въ неразрывной связи съ тою или иною страною, и въ этомъ отношеніи принадлежитъ къ числу дѣятелей непосредственно необщедоступныхъ въ международныхъ мѣновыхъ сношеніяхъ. Свойствами климата опредѣляется плодородіе земли, ея годность къ производству тѣхъ или иныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, что въ свою очередь вліяетъ на характеръ и направленіе другихъ хозяйственныхъ предпріятій. Въ странахъ съ теплымъ климатомъ многія сельскохозяйственныя работы могутъ быть распредѣлены на большее количество времени, вслѣдствіе чего одна и та же работа исполняется меньшимъ количествомъ рабочихъ рукъ, скота, орудій и машинъ. Вотъ почему, даже при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, въ странахъ съ продолжительными зимними холодами сельское хозяйство не можетъ быть такъ успѣшно, какъ къ мѣстностяхъ, въ которыхъ зимнее время не такъ продолжительно и менѣе сурово. Это никогда не должно быть забываемо при оцѣнкѣ состоянія и развитія сельскаго хозяйства во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества. Еще А. Гакстгаузенъ замѣтилъ тотъ фактъ, что къ Россіи не можетъ быть приложимъ сельскохозяйственный масштабъ, который привыкли употреблять при оцѣнкѣ состоянія и развитія сельскаго хозяйства въ западной Европѣ. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, говоритъ онъ, земледѣліе при равныхъ затратахъ не можетъ быть такъ успѣшно, какъ въ мѣстностяхъ съ болѣе умѣреннымъ климатомъ и зимними холодами менѣе продолжительными. Обработка земли и сборъ продуктовъ съ полей въ послѣднихъ мѣстностяхъ могутъ быть совершаемы въ теченіи болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ въ первыхъ; такъ на прим., около Орлеана, или около Майнца эти работы продолжаются въ теченіи 7 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ частяхъ Россіи онѣ должны быть окончены въ 4 мѣсяца,—короткость лѣта не позволяетъ долѣе работать на поляхъ. Изъ этого видно, что, при равенствѣ всѣхъ

остальныхъ условій, если около Орлеана или Майнца опредѣленный результатъ получается работой четырехъ людей и четырехъ лошадей, то на сѣверѣ отъ Волги для полученія того же результата необходимо семь человѣкъ и семь лошадей (1). Значительная часть нашихъ сельскихъ хозяевъ, поэтому, болѣе нуждается въ сокращающихъ трудъ сельскохозяйственныхъ орудіяхъ и машинахъ, чѣмъ сельскіе хозяева западной Европы, работающіе при болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ (2). Продолжительность и суровость зимы ведетъ къ полному прекращенію сельскохозяйственныхъ полевыхъ занятій. Это ведетъ въ свою очередь къ тому, что сельское хозяйство такихъ мѣстностей не можетъ вполнѣ спеціализироваться; сельскій хозяинъ не можетъ всецѣло предаться одному промыслу, онъ ищетъ для свободнаго зимняго времени работъ постороннихъ его главному промыслу. Сельскій хозяинъ, полевыя работы котораго продолжаются не болѣе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, не можетъ такъ спеціально заняться своимъ дѣломъ, какъ земледѣлецъ, находящійся при болѣе благопріятныхъ условіяхъ; весьма естественно, что дѣло перваго не можетъ быть такъ успѣшно, какъ дѣло послѣдняго. Наша кустарная промышленность представляетъ собою результатъ такого рода климатическихъ условій, мѣшающихъ крестьянину въ зимнее время заниматься сельскохозяйственными работами. Крестьянинъ не можетъ заниматься спеціально однимъ земледѣльческимъ промысломъ, онъ по необходимости ищетъ постороннихъ заработковъ и находитъ ихъ главнымъ образомъ въ разнаго рода кустарныхъ занятіяхъ. Вполнѣ справедливо, что въ настоящее время „это соединеніе разныхъ занятій, основанное на естественныхъ отношеніяхъ страны, отсутствіе строгаго раздѣленія промысловъ, составляетъ характерную черту хозяйственнаго быта Россіи и есть одна изъ причинъ, почему обработка полей не доведена у насъ до такого совершенства, и почему наши урожаи не такъ изобильны“ (3). Но желать уничтоженія кустарной промышленности болѣе, чѣмъ странно; эта промышленность основывается „на естественныхъ отношеніяхъ страны.“ Нельзя сомнѣваться, что въ будущемъ она перестанетъ быть тормазомъ въ ростѣ нашего сельскохозяйственнаго дѣла, въ большей части

случаевъ обставленнаго такими неблагопріятными климатическими условіями. Освобожденный крестьянинъ, получившій возможность развиваться умственно, безъ всякаго сомнѣнія, съ теченіемъ времени организуетъ болѣе разумно свой кустарный трудъ, который станетъ приносить достаточный доходъ, что въ свою очередь отозвется и на развитіи земледѣлія, требующаго большихъ средствъ сравнительно съ болѣе благодатными мѣстностями.

Подобно климату и почва, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія, оказываетъ громадное вліяніе на человѣка. Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась полосой наиболѣе плодородной, простирающейся съ небольшими перерывами отъ восточной части южнаго Китая до западныхъ береговъ Малой Азіи, Финикіи и Палестины. Арабы въ своемъ отечествѣ, вслѣдствіе безплодія почвы, были грубымъ народомъ; но въ VII в. они завоевали Персію, въ VIII лучшую часть Испаніи, въ IX Пенджабъ, и грубые дикари сдѣлались образованнѣйшими народами тогдашняго міра. По ученію Бокля, цивилизація Азіи и Африки произведена почвой, а цивиллизація Европы—климатомъ. Отсюда происходитъ и различіе въ характерѣ этихъ цивиллизацій. Вліяніе благодатной почвы проще, а потому и цивиллизація, вызываемая ею, ранѣе. Но эта цивиллизація не прочна, такъ какъ при благодатной почвѣ человѣческія силы усыпляются, подобно тому, какъ замораживаютъ ихъ холодныя пустыни полярныхъ странъ. Напротивъ того, умѣренный климатъ, поддерживая трудовую энергію, представилъ возможность большаго постоянства цивиллизаціи. Вотъ почему цивиллизація Европы показала способность къ развитію, неизвѣстную для цивиллизацій, обусловливаемыхъ почвою (¹).

Самое отношеніе между сушей и водой оказываетъ значительное вліяніе на развитіе общественности.

Для уясненія этого вліянія достаточно припомнить, что на Европейскомъ материкѣ одна миля береговаго протяженія приходится на 40 кв. миль внутренняго пространства, а если считать береговую линію острововъ, то менѣе, чѣмъ на 30 кв. миль; между тѣмъ какъ въ южной Америкѣ на 97, въ Азіи на 105, въ Африкѣ на 152 кв. мили. Своимъ экономическимъ развитіемъ

Европа въ многихъ отношеніяхъ обязана достаточному развитію береговой линіи, морямъ Средиземному и Нѣмецкому съ Балтійскимъ, множеству заливовъ и острововъ, составляющихъ удобныя станціи для сношеній (5). Выгоды приморскаго положенія и большихъ внутреннихъ водныхъ путей весьма часто нейтрализуютъ печальныя послѣдствія безплодія почвы. Правда, какъ замѣчаетъ Миллъ, польза отъ моря и большихъ рѣкъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ сберегаютъ расходы по перевозкѣ. Но люди, размышлявшіе объ этомъ предметѣ, понимаютъ, какая огромная экономическая выгода приносится такимъ сбереженіемъ. Эта выгода такъ важна, что часто съ избыткомъ вознаграждаетъ за безплодіе почвы и почти за всѣ другія естественныя невыгоды; въ особенности относится это къ тому раннему періоду промышленности, когда трудъ и наука еще не создали искуственныхъ средствъ сообщенія, могущихъ соперничать съ естественными. Въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка самыми цвѣтущими обществами были не тѣ, которыя имѣли наибольшую территорію, или плодороднѣйшую почву, а тѣ, которыя, какъ Аѳины, Тиръ, Марсель, Венеція, вольные города Балтійскаго моря, были принуждены безплодіемъ почвы обращаться къ извлеченію всей возможной пользы изъ своего удобнаго приморскаго положенія (6).

Но какъ ни сильно вліяніе природы на общественный бытъ, какъ ни значительно вліяніе естественныхъ выгодъ на экономическое развитіе народовъ, тѣмъ не менѣе мы не должны считать силы природы исключительнымъ факторомъ благосостоянія. Избытокъ естественныхъ выгодъ весьма часто скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Успѣшность въ производствѣ зависитъ отъ трудовой энергіи, которая развивается не отсутствіемъ препятствій, но затрудненіями. Избытокъ естественныхъ выгодъ также можетъ быть вреденъ, какъ и крайній недостатокъ ихъ; въ благодатныхъ странахъ, гдѣ почти безъ всякаго труда человѣкъ можетъ имѣть средства къ существованію, его силы усыпляются и энергія ослабѣваетъ точно также, какъ суровыя полярныя страны, такъ сказать, замораживаютъ эти силы и энергію ихъ. Вотъ почему вполнѣ справедливо замѣчаніе Милля, что качества и способности самаго общества еще важнѣе для него, чѣмъ естественныя выго-

ды, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ онѣ важнѣе богатства и знатности. Въ самомъ себѣ человѣкъ находитъ силу, которая даетъ ему возможность бороться съ самыми неблагопріятными естественными условіями, и исторія представляетъ намъ факты достойныхъ удивленія побѣдъ. Сила эта—его трудъ, его физическія и духовныя свойства, направленныя къ достиженію хозяйственныхъ цѣлей.

(1) Studien über die inneren Zustände Russlands, т. 1, стр. 173—174. По изчисленіямъ Гакстгаузена, въ имѣніи около Майнца, обнимающемъ собою 1000 моргеновъ пахатной земли и луговъ, необходимо имѣть четыре пары лошадей, восемь работниковъ, шесть работницъ и 1500 дней поденныхъ рабочихъ; такое имѣніе даетъ около 8500 талеровъ валоваго дохода, издержка обработки не простираются болѣе 3500 талеровъ, слѣдовательно чистаго дохода—5000 талеровъ. Въ соотвѣтствующемъ по величинѣ имѣніи на сѣверѣ отъ Волги, при равенствѣ остальныхъ условій, уже вслѣдствіе климатическихъ невыгодъ необходимо имѣть семь паръ лошадей, четырнадцать рабочихъ мужчинъ, десять работницъ и 2100 дней поденныхъ работниковъ. Очевидно, что въ этомъ послѣднемъ имѣніи чистый доходъ не будетъ свыше 2600 талеровъ, вмѣсто 5000, приносимыхъ имѣніемъ, лежащимъ около Майнца. Сверхъ того, въ майнцскомъ имѣніи зимою прокармливается лишь $^4/_7$ того количества людей и скота, которое прокармливается сѣвернымъ русскимъ имѣніемъ; въ первомъ меньшее количество рабочихъ людей и скота зимой приходится прокармливать не болѣе 5 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ во второмъ ихъ большее количество должно быть содержимо въ продолженіи 8 мѣсяцевъ. Въ Майнцскомъ имѣніи и въ зимнее время рабочіе и скотъ могутъ быть заняты дѣломъ, непосредственно относящимся къ сельскому хозяйству; между тѣмъ какъ въ русскомъ сѣверномъ имѣніи почти невозможно зимой никакія сельскохозяйственныя работы, не считая привоза древеснаго матеріала и отправки продуктовъ къ мѣстному рынку, для чего достаточно пары лошадей и одного рабочаго. Очевидно, что въ сѣверномъ имѣніи въ теченіи 8 зимныхъ мѣсяцевъ приходится почти даромъ содержать вдвое большее число рабочихъ и скота. На основаніи подобныхъ изчисленій Гакстгаузенъ приходитъ

къ заключенію, что если бы кому либо было подарено имѣніе на прим. въ Ярославльской губерніи съ непремѣннымъ условіемъ завести хозяйство по образцу лучшихъ хозяйствъ западной Европы, то одаренный не только бы не имѣлъ никакой прибыли, но въ непродолжительномъ времени раззорился бы. (2) Въ лѣтнее время періодъ, когда совершается весь кругъ земледѣльческихъ работъ, гов. Горловъ, у насъ коротокъ. Кто живалъ въ деревняхъ, тотъ конечно замѣчалъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится иногда нашъ сельскій житель отъ скопляющихся работъ; онъ не успѣлъ еще кончить покоса въ лугахъ, примыкающихъ къ ржаному полю, какъ уже поспѣла рожь, а тамъ подступаютъ, среди неоконченныхъ работъ хлѣбной уборки, озимая орьба, сѣвъ озимаго хлѣба, жнитво яровое и окончательная косьба луговъ въ яровомъ полѣ. Потому можно смѣло сказать, что именно у насъ полезно бы было устройство хорошихъ жатвенныхъ машинъ, заведеніе выгодныхъ орудій для подъема земли и пахоты, содержаніе сильныхъ лошадей, равно какъ введеніе пріемовъ, сокращающихъ работу. Нач. пол. экон. т. 1, стр. 196—197. (3) Ibid. стр. 195. (4) Исторія цивил. въ Англіи, ч. 1. (5) Э. Вреденъ. Курсъ пол. экон. стр. 168—171. Европейскій материкъ представляетъ собою треугольникъ, который острымъ своимъ угломъ направленъ къ Западу, а основаніемъ, на Востокѣ, прилегаетъ къ азіатскому материку, почему съ З. на В. въ Европѣ все болѣе и болѣе усиливается континентальный характеръ и уменьшаются выгоды отъ сосѣдства съ моремъ. (6) Осн. пол. экон. 1, 139—140.

II. Трудъ.

§ 1. Въ обыденной рѣчи трудомъ называютъ „всякое физическое или умственное обремененіе или стѣсненіе, всѣ непріятныя ощущенія, соединенныя съ употребленіемъ мысли или мускуловъ на извѣстное занятіе“ (Миллъ). Одни изъ экономистовъ безусловно соглашаются съ этимъ обыденнымъ воззрѣніемъ на трудъ, между тѣмъ какъ другіе рѣшительно возстаютъ про-

тивъ принципіальнаго соединенія понятій обремененія и непріятности съ понятіемъ о трудѣ. По мнѣнію первыхъ, трудъ „составляетъ для человѣка самоотверженіе, потому что кто ему предается, тотъ подвергается усталости и даже изнеможенію, лишаетъ себя спокойства и нѣкоторымъ образомъ свободы“ (1).

По мнѣнію вторыхъ, обремененіе или непріятность, которыми фактически сопровождается всякій трудъ, представляютъ результатъ не самаго труда, но внѣшней его обстановки; самъ по себѣ, какъ естественная потребность нашего организма, трудъ пріятенъ, онъ становится непріятнымъ лишь тогда, когда среда, въ которой происходитъ дѣятельность ей, не благопріятна (2). Послѣднее воззрѣніе послужило исходнымъ пунктомъ построенія многихъ утопическихъ проэктовъ такой организаціи труда, при которой никакой трудъ не только не былъ бы непріятнымъ, но служилъ бы источникомъ постоянныхъ удовольствій. Такова, напр., извѣстная утопія Карла Фурье, лучше всѣхъ другихъ утопій въ этомъ родѣ иллюстрирующая значеніе стремленія къ превращенію труда въ игру. Всеобщая цѣль всѣхъ стремленій человѣка, по ученію Фурье есть счастье. Счастье состоитъ не въ чемъ либо иномъ, какъ въ полномъ удовлетвореніи нашихъ страстей (3). Долгъ, обязанность, все это простая выдумка философовъ, не имѣющая никакихъ реальныхъ основаній. Человѣкъ долженъ подчиняться только своимъ страстямъ и въ этомъ подчиненіи онъ найдетъ свое истинное счастье. Если въ дѣйствительности страсти приводятъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, то это происходитъ вслѣдствіе отсутствія надлежащей среды, въ которой бы страсти человѣка могли находить полное удовлетвореніе. Необходимо, по этому, организовать такую среду. Страсти раздѣляются на чувственныя (p. sensuelles), сердечныя (p. affectives) и дистрибутивныя (p. distributives ou mécanisantes). Первыя состоятъ въ стремленіяхъ къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей и совпадаютъ съ пятью чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Вторыя состоятъ въ стремленіяхъ къ единенію и образованію группъ между людьми; къ нимъ относятся: дружба, честолюбіе, любовь и семейныя чувства. Третьи слагаются: изъ кабалиста (la cabaliste), состоящаго въ стремле-

ніяхъ къ интригамъ и соперничеству; изъ папильона (la papillonne), состоящаго въ стремленіяхъ къ перемѣнамъ и разнообразію въ удовольствіяхъ, и изъ композита (la composite), возбуждающаго до энтузіазма. Чувственныя и сердечныя страсти находятъ примѣненіе и въ современныхъ обществахъ, но не приводятъ къ всеобщему счастію, такъ какъ ихъ проявленіе стѣсняется вслѣдствіе всеобщаго гоненія страстей дистрибутивныхъ. Для всеобщаго счастія необходимо гармоническое проявленіе всѣхъ страстей. Когда настанетъ господство такой гармоніи, изчезнетъ изъ лица земли всякое горе, не будетъ нищеты и пороковъ, трудъ будетъ не бременемъ, но истиннымъ удовольствіемъ. Такое блаженное время наступитъ тогда, когда люди раздѣлятся на производительныя группы и серіи, то есть когда они подѣлятся по видамъ и родамъ труда на опредѣленныя общественныя единицы. Тогда кабалистъ, побуждая къ соперничеству, будетъ причиною общаго увеличенія производительной дѣятельности; въ этомъ же направленіи будетъ дѣйствовать и композитъ, вызывающій энтузіазмъ между производителями, работающими не въ одиночку, но въ пріятномъ и постоянномъ сообществѣ; наконецъ папильонъ, побуждая къ разнообразію въ занятіяхъ, при чемъ однимъ дѣломъ производитель не долженъ заниматься болѣе двухъ часовъ, предупреждаетъ усталость и самое занятіе дѣломъ превращаетъ въ развлеченіе. При такой организаціи „физическія влеченія находятъ свое удовлетвореніе въ трудѣ и создаютъ въ то же время блага, служащія къ удовлетворенію духовныхъ потребностей“ (4).

Превращеніе труда въ игру, напряженнаго занятія въ развлеченіе — весьма заманчиво. Также заманчива была мысль о философскомъ камнѣ, который бы все превращалъ въ золото; а въ дѣтствѣ нашемъ также заманчива была для насъ шапка—невидимка, коверъ-самолетъ и тому подобные продукты сказочнаго мышленія. Въ странахъ, наполненныхъ волшебниками, живутъ безъ всякаго труда, все каждому туземцу тотчасъ же подается невидимыми силами, коль-скоро появится у него одно желаніе имѣть что-либо. Съ превращеніемъ труда въ игру и на землѣ будетъ тоже; труда, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, не будетъ; онъ превратится въ игру, въ развлеченіе, въ удовольствіе

служащее источникомъ новыхъ удовольствій. Очевидно, что доктрина, отождествляющая трудъ съ игрою, должна быть признана продуктомъ сказочнаго мышленія, продуктомъ фантазіи и дѣтства мысли человѣка. Недаромъ же Фурье не удовольствовался радикальнымъ измѣненіемъ общественнаго строя, но пророчествуетъ также измѣненіе и всей физической природы. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что съ принятіемъ его доктрины климатъ измѣнится на всемъ земномъ шарѣ къ лучшему, морская вода превратится въ пріятную жидкость, со вкусомъ лимонада, вредные человѣку звѣри будутъ повсемѣстно уничтожены, полезные усовершенствуются и возникнутъ новые ихъ виды, такъ на прим. появится особаго рода китъ, съ помощью котораго будутъ передвигаться корабли. Въ сказкахъ все возможно. Прискорбно лишь то, что подобныя сказки слушаются взрослыми и принимаются ими за нѣчто серьезное.

Между трудомъ и игрой нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго; первый является средствомъ къ достиженію опредѣленной цѣли, между тѣмъ какъ вторая является и средствомъ и цѣлію въ одно и то же время. Когда плотникъ рубитъ дерево, необходимое для постройки дома, онъ трудится и никто, не одаренный всемогуществомъ, не обратитъ его ремесленнаго занятія въ игру, такъ какъ ремесло для ремесла, плотничество для плотничества при нормальномъ положеніи умственныхъ способностей дѣло не мыслимое. Когда тотъ же человѣкъ играетъ въ карты, когда онъ танцуетъ, когда онъ поетъ для собственнаго удовольствія или съ такою же цѣлію занимается музыкой, онъ перестаетъ трудиться, его занятіе не трудъ, но игра. Конечно, балетный танцоръ, театральный хористъ и музыкантъ, подобно плотнику, рубящему дерево не для процесса рубки, но для полученія впослѣдствіи извѣстнаго результата, не занимаются игрой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; для нихъ это занятіе является трудомъ и весьма часто тяжелымъ трудомъ. Но точно также и рубка дровъ не плотникомъ - ремесленникомъ, но человѣкомъ, ищущимъ въ этомъ дѣлѣ пользы для своего здоровья, не можетъ быть названа трудомъ. Дѣло въ

томъ, что всякій трудъ, представляя собою средство къ полученію въ будущемъ извѣстнаго результата, предполагаетъ опредѣленную разницу во времени между производительнымъ процесомъ и предположенною цѣлію; между тѣмъ какъ въ игрѣ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, такой разницы во времени нѣтъ, здѣсь средство и цѣль совпадаютъ, являются величинами неразрывно связанными. Привлекательность игры и заключается въ этой связи средствъ съ цѣлями, благодаря чему игра привлекаетъ къ себѣ сама собою. Трудъ, какъ средство къ полученію въ будущемъ извѣстнаго результата, не самъ по себѣ привлекаетъ труженниковъ; привлекаютъ ихъ тѣ результаты, которые достигаются трудомъ. И такъ какъ никогда невозможно уничтоженіе того положенія дѣлъ, при которомъ трудъ представляетъ собою лишь средство къ полученію въ будущемъ извѣстныхъ результатовъ, то превращеніе труда въ игру, дѣло не мыслимое. Въ дѣйствительности существуетъ нѣкоторое различіе между разными видами труда по продолжительности времени, проходящаго между производительнымъ процессомъ и ожидаемымъ результатомъ. Въ сельскохозяйственномъ трудѣ этотъ промежутокъ времени больше, чѣмъ въ торговой промышленности; въ отвлеченныхъ умственныхъ занятіяхъ онъ несравненно короче, чѣмъ въ такъ называемыхъ позитивныхъ умственныхъ занятіяхъ, требующихъ предварительнаго собиранія матеріала изслѣдованій и кропотливаго, точнаго и почти всегда скучнаго анализированія его, опредѣленія научнаго достоинства, сортировки, сравненій и т. п. пріемовъ. Вотъ почему, выражаясь не точно, можно сказать, что одни виды труда привлекательнѣе другихъ; торговля больше привлекаетъ къ себѣ многихъ людей чѣмъ сельскохозяйственное дѣло, философовъ больше, чѣмъ послѣдователей точныхъ наукъ. Говоря это, необходимо не забывать, что привлекательность различныхъ занятій обусловливается не трудомъ, какъ средствомъ, но цѣлію, достигаемою этимъ средствомъ. Конечно, во многихъ случаяхъ обременительность труда проистекаетъ отъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ происходитъ наша дѣятельность, на прим. отъ излишней продолжительности занятія, отъ работы въ мастерскихъ, напол-

пенныхъ сыростью, спертымъ воздухомъ, вредною для здоровья минеральною пылью. Статистика указываетъ на многія ремесла. крайне вредно отражающіяся на здоровьи рабочихъ, сокращающія ихъ жизнь и увеличивающія заболѣваемость. Весьма часто, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, „трудъ оплачивается цѣною жизни и является тайнымъ убійцей, скрывающимся за болѣзнями, которыя считаются нами за ближайшія причины смерти“ (5). Устраненіе такихъ неблагопріятныхъ условій облегчитъ работу, но нѣтъ такой чудодѣйственной силы, которая превратила бы ее въ игру. Съ другой стороны, элементъ игры въ извѣстной степени можетъ входить въ сферу труда, подъ вліяніемъ чего ремесло возвышается на степень искуства; писецъ можетъ увлекаться самимъ процессомъ писанія, плотникъ—процессомъ хорошей постройки, писатель—художественностью своего умственнаго творчества и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ трудъ до извѣстной степени облегчается, но никогда не перестаетъ быть трудомъ, не превращается въ элементъ ему противоположный—въ игру.

Не будучи игрой, не будучи по сущности своей началомъ, доставляющимъ человѣку чувственное довольство, трудъ является нравственнымъ долгомъ каждаго, доставляющимъ нравственное довольство производителю. Безъ труда жизнь человѣческая не мыслима, всякій долженъ заработывать свой хлѣбъ въ потѣ лица своего (Бытія, 3 гл. стр. 19). И лишь такимъ образомъ, живя своимъ, а не чужимъ трудомъ, человѣкъ можетъ сознавать себя существомъ нравственнымъ и самостоятельнымъ. Паразитъ между людьми, существо глубоко безнравственное, праздность всегда считалась въ числѣ пороковъ лучшими представителями человѣчества. Не даромъ Іисусъ, сынъ Сираховъ, уподоблялъ лѣность „камню нечистому, калу воловію“ (Сир. гл. 22 ст. 1 и 2). И чѣмъ выше развитіе общественности, тѣмъ болѣе трудъ становится почетнымъ и бездѣйствіе признается состояніемъ недостойнымъ человѣка, какъ нравственнаго существа. Только варварскіе народы могли считать работу принадлежностью рабовъ и раздѣлять правило, выраженное въ словахъ: pigrum et iners

videtur, sudore adquirere, quod possis sanguine parare. Развитіе общественности предполагаетъ развитіе взаимной зависимости между людьми, по которой благосостояніе каждаго члена общества обусловливается благосостояніемъ другихъ, преступный поступокъ одного посредственно или непосредственно вызываетъ страданія въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ общественнаго тѣла. При такомъ состояніи праздность и паразитизмъ вредно отражаются на благосостояніи всего общества; между тѣмъ какъ трудъ всякаго получаетъ общественное значеніе, становится условіемъ общаго благосостоянія, получаетъ характеръ лично-нравственнаго долга. Этотъ нравственный элементъ, съ развитіемъ общественности все болѣе и болѣе присоединяющійся ко всѣмъ видамъ труда, доставляетъ труженику нравственное довольство, вознаграждающее его за обремененія, за тотъ потъ, безъ котораго онъ не можетъ ѣсть свой хлѣбъ.

(1) И. Горловъ. Начала пол. экон. 1, 40. (2) По мнѣнію Дежерандо, считать трудъ обременительнымъ по природѣ—значитъ дѣлать ошибку столь же грубую, сколько и безчестную. De la bienfaisance publique, 11, гл. 5. По поводу этого мнѣнія И. Горловъ основательно замѣчаетъ, что „трудъ есть не униженіе, а честь и достоинство человѣка, это истина высокая и несомнѣнная. Но что трудъ не составляетъ жертвы и тягости, это противорѣчитъ опыту“ Ibid. стр. 40. (3) Le vraie bonheur ne consiste qu'a satisfaire ses passions. Le bonheur sur lequel on a tant raisonné; ou plutôt tant déraisonné; consiste à avoir beaucoup des passions et beaucoup de moyens de les satisfaire. Diction. de l'écon. pol. сл. Fourier. (4) Ф. Шефле. Капитализмъ и соціализмъ, стр. 280. (5) Haushofer. Lehr-und-Handbuch der Statistik. § 115.

§ 2. При грубости нравовъ, характеристической чертѣ низшихъ ступеней общественнаго развитія, обременительность труда вызываетъ желаніе заставить другихъ работать на себя и мысль о томъ, что всякій трудъ, какъ средство къ пріобрѣтенію полезностей, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей, долженъ

быть принадлежностью людей низшей породы. Такъ возникаетъ борьба между людьми, возникаютъ тѣ враждебныя отношенія, въ результатѣ которыхъ одни становятся побѣдителями—другіе побѣжденными, одни господами—другіе рабами, одни богатыми—другіе нищими. Эта фактическая враждебность въ отношеніяхъ возводится въ принципъ и возникаютъ теоріи то оправдывающія рабство и санкціонирующія анархію интересовъ, то требующія радикальныхъ перестроекъ всего существующаго общественнаго строя. Въ древности такіе мыслители, какъ Платонъ и Аристотель, не сомнѣвались въ правомѣрности рабства, доказывали, что рабство неизбѣжно, что оно требуется самою природою. Впослѣдствіи такіе мыслители, какъ Монтань были увѣрены въ безспорности положенія: le profit de l'un fait le dommage de l'autre. Гоббезъ училъ, что человѣкъ—грубо эгоистическое существо, что люди—волки относительно другъ друга (homo homini lupus est), что естественное отношеніе человѣка къ человѣку — это война каждаго противъ всѣхъ и каждаго (bellum omnium contra omnes); Томасъ Морусъ и Кампанелла, провозглашали, что существующій общественный строй основанъ на порабощеніи слабыхъ болѣе сильными, на грабежѣ и обманѣ рабочихъ богатыми людьми, что необходимо разрушить этотъ строй и на его мѣстѣ создать новый, въ которомъ не должно быть мѣста эгоистическимъ стремленіямъ, не должно быть собственности, но все должно быть общимъ и поровну распредѣляемымъ между всѣми. Меркантилисты проповѣдывали, что мѣновыя отношенія какъ между частными лицами, такъ и между народами, это отношенія войны, отношенія борьбы изъ за того, на чью долю прійдется денежная прибыль, что продавецъ и покупщикъ-враги, каждый изъ нихъ старается побороть другаго, каждый изъ нихъ стремится къ тому, что бы основать собственное благополучіе на несчастіи другаго, что благосостояніе одного народа мыслимо не иначе, какъ при униженіи и несчастіи другихъ народовъ. Никто и не думалъ, чтобы трудъ въ обществѣ имѣлъ естественную и разумную организацію, естественный упорядочивающій принципъ. Всѣ думали, говоритъ Молинари, что общественный міръ предоставленъ Богомъ какому-то жесто-

кому случаю, благодаря которому общество представляетъ собою нѣчто въ родѣ галеръ, гдѣ царствуетъ грабежъ и обманъ, если не замѣчается палка надсмотрщика; всѣ думали, что благосостояніе однихъ покупается цѣною страданія другихъ, видѣли въ обществѣ лишь побѣдителей и побѣжденныхъ, палачей и жертвъ (1).

Этотъ общественный пессимизмъ былъ пораженъ научными политико-экономическими изслѣдованіями, въ особенности же изслѣдованіями А. Смита, геніальнаго основателя политической экономіи, открывшаго упорядочивающій принципъ отношеній въ самомъ корнѣ пессимистическихъ ученій. По его ученію, общественный организмъ имѣетъ естественную самосохраняющую силу, благодаря которой при полной свободѣ отношеній достигается благосостояніе и которая, подобно таинственному началу животной жизни, возстановляетъ здоровье и возвращаетъ силы организму, не смотря на всѣ препятствія. Эта самосохраняющая или упорядочивающая сила есть личный интересъ каждаго или своекорыстіе. Подчиняясь личному интересу, каждый человѣкъ заботится о своей пользѣ въ настоящемъ и будущемъ. Съ этою цѣлію онъ употребляетъ свой трудъ возможно цѣлесообразнѣе, старается производить то, въ чемъ наиболѣе нуждается общество; такимъ цѣлесообразнымъ употребленіемъ своего труда онъ извлекаетъ наибольшія выгоды для себя, принося въ то же время наибольшія выгоды другимъ, нуждающимся въ произведеніяхъ его труда. Имѣя въ виду лишь собственный интересъ, торговецъ способствуетъ общественнымъ выгодамъ болѣе, нежели въ то время, когда дѣйствительно заботится о послѣднихъ. Въ основаніи экономическаго общежитія лежитъ, поэтому, не принципъ борьбы, но законъ взаимности интересовъ. Человѣкъ—существо общежительное; ему врождено стремленіе къ общенію съ другими, развивающееся подъ вліяніемъ личнаго интереса. Между людьми даже противоположныя дарованія не только не ведутъ къ борьбѣ, но оказываютъ пользу всѣмъ, содѣйствуя развитію раздѣленія труда. Благодаря раздѣленію труда, продукты самыхъ разнообразныхъ трудовыхъ особенностей собираются какъ бы въ одну общую массу, изъ которой каждый можетъ получать произведенія, изготовленныя другими.

Личный интересъ долженъ быть не сдерживаемъ, но просвѣщаемъ; по самой сущности своей этотъ интересъ не противорѣчитъ, но содѣйствуетъ общественному благосостоянію. По мѣрѣ просвѣщенія личнаго интереса, по мѣрѣ того, какъ разумная природа человѣка беретъ перевѣсъ надъ неразумною борьба между людьми исчезаетъ. Всемірно-историческій опытъ несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ томъ, что свободный трудъ производительнѣе и поэтому дешевлѣ рабскаго труда; слѣдовательно рабство противорѣчитъ разумно понятому личному интересу. Увеличеніе вознагражденія за трудъ рабочихъ также не противорѣчитъ личному интересу хозяевъ, напротивъ того, разумно понятый интересъ послѣднихъ требуетъ не дешеваго, но хорошо оплачиваемаго труда. Трудъ человѣка поощряется хорошимъ вознагражденіемъ, производительность его увеличивается по мѣрѣ увеличенія вознагражденія. Во всѣхъ странахъ, въ которыхъ трудъ хорошо оплачивается, мы находимъ наиболѣе дѣятельныхъ рабочихъ. Высокая заработная плата не противорѣчитъ и общественному интересу. По видимому, увеличеніе ея должно бы сопровождаться увеличеніемъ цѣнъ продуктовъ, что невыгодно для потребителей. Въ дѣйствительности и это не всегда вѣрно. Увеличеніе производительной силы труда, происходящее вслѣдствіе увеличенія заработей платы, ведетъ къ тому, что однимъ и тѣмъ же количествомъ рабочаго времени производится большее количество продуктовъ, и вмѣсто возвышенія цѣнъ возвышеніе заработей платы ведетъ къ уменьшенію ихъ ([2]).

Ученіе А. Смита о принципіальномъ согласіи всѣхъ разумно понятыхъ интересовъ, развитое въ подробностяхъ позднѣйшими изслѣдователями, составляетъ краеугольный камень политической экономіи. Необходимость въ потѣ лица своего добывать средства къ существованію порождаетъ въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ не законъ животной борьбы за существованіе, но законъ союзности или взаимности въ цѣляхъ возможно лучшаго удовлетворенія потребностей. Борьба между людьми представляетъ собою фактъ постепенно исчезающій вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ люди становятся сознательно и разумно дѣйствующими существами, вмѣстѣ съ развитіемъ въ человѣкѣ его часто человѣ-

ческихъ свойствъ. Съ историческимъ развитіемъ въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ все болѣе и болѣе начинаетъ господствовать союзность, приводящая къ разумной общности въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Основанія развитія этой союзности заключаются въ общежительныхъ свойствахъ человѣка, съ особенною ясностью описанныхъ американскимъ экономистомъ Кэри и его лучшими послѣдователями.

Человѣкъ, говоритъ Кэри, есть существо, стремящееся къ индивидуальности и ассоціаціи, существо отвѣтственное въ своихъ дѣйствіяхъ и развивающееся. Такимъ образомъ, какъ членъ общества, человѣкъ заключаетъ въ себѣ четыре свойства: а) индивидуальность, б) ассоціацію, в) отвѣтственность и г) прогрессивное развитіе.

а) Чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ болѣе различій въ его частяхъ и тѣмъ болѣе особенностей, которыми оно отличается отъ другихъ видовъ. Это вѣрно и въ отношеніи къ людямъ. На низшихъ ступеняхъ развитія люди крайне схожи между собою, кто видѣлъ одного дикаря опредѣленнаго племени, тотъ видѣлъ ихъ всѣхъ. Ничего подобнаго нельзя сказать о людяхъ на высшихъ ступеняхъ развитія. Каждый изъ нихъ имѣетъ особенности, по которымъ существенно отличается отъ своихъ ближнихъ, имѣетъ индивидуальныя черты, по которымъ онъ не экземпляръ породы, на самобытная личность.

б) Индивидуальность представляетъ собою необходимое условіе развитія ассоціаціи, хотя и сама обусловливается въ своемъ развитіи послѣднимъ свойствомъ. „Индивидуальность является источникомъ разнообразія, безъ котораго не возможна ассоціація. Фермеръ не нуждается въ союзѣ съ сосѣднимъ фермеромъ, но ему нужны плотникъ, кузнецъ, мельникъ. Фабричный работникъ рѣдко обмѣнивается продуктами своего труда съ такимъ же фабричнымъ рабочимъ, но онъ нуждается въ продавцѣ хлѣба, въ строителѣ домовъ и т. п. Различія въ занятіяхъ необходимое условіе возникновенія ассоціаціи. Только различія производятъ соединенія; законъ моллекулярнаго притяженія безусловно приложимъ къ міру человѣческому.“

в) Съ развитіемъ индивидуальности и ассоціаціи возникаетъ и развивается чувство отвѣтственности за свои дѣйствія предъ самимъ собою и предъ обществомъ. Дикій человѣкъ грабитъ и убиваетъ ближняго, гордясь награбленнымъ имуществомъ и скальпомъ своей жертвы, какъ неопровержимыми свидѣтельствами храбрости. Съ развитіемъ общежитія эти дѣйствія перестаютъ быть предметомъ гордости; они получаютъ ихъ дѣйствительное названіе—грабежа и убійства. Нарушенія правъ ближнихъ всѣми признаются преступными дѣйствіями; каждый начинаетъ жить собственнымъ трудомъ, уважая неприкосновенность труда другихъ. Безъ существованія такой отвѣтственности каждаго за свои дѣйствія развитіе человѣческихъ обществъ не мыслимо.

г) Наконецъ послѣднее свойство человѣка—это способность къ прогрессу. Прогрессъ, говоритъ Кэри, есть результатъ ассоціаціи, состоящей въ неизбѣжной связи съ отвѣтственностью и индивидуальностью. Безъ разнообразія въ трудовыхъ особенностяхъ, безъ различія въ занятіяхъ прогрессъ невозможенъ. Истинность этого положенія очевидна для всякаго, кто наблюдалъ развитіе и распространеніе идей въ такихъ странахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ земледѣліемъ существуетъ—мануфактурная промышленность и торговля (3).

Въ этомъ ученіи американскаго экономиста нельзя согласиться лишь съ тѣмъ, что индивидуальность или разнообразіе есть единственная и исключительная причина ассоціаціи. Фермеръ, говоритъ онъ, не нуждается въ другомъ фермерѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ то, что имѣетъ и другой, вслѣдствіе чего между ними не можетъ быть общенія. Дѣйствительно, между ними не можетъ быть общенія въ формѣ обмѣна; но обмѣнъ — не единственная форма ассоціаціи. Фермеръ можетъ вступить въ сотоварищество съ другимъ фермеромъ для того, чтобы пріобрѣсть изъ города средства удобренія земли, имѣя въ виду, что оптовое пріобрѣтеніе выгоднѣе для каждаго изъ нихъ, чѣмъ пріобрѣтеніе розничное. Фермеръ можетъ вступить въ товарищество съ другимъ фермеромъ для сбыта произведеній, для отправки ихъ на мѣсто потребленія и т. п. Фабричные рабочіе образуютъ между собою потребительныя товарищества, могутъ содержать общее училище для своихъ дѣтей, общую больницу, имѣть

общія мѣста для развлеченія, библіотеки, образуютъ между собою товарищества ссудосберегательныя, товарищества взаимной помощи въ несчастіяхъ, образуютъ промысловыя товарищества и т. д. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ мы видимъ, что ассіосіація существуетъ внѣ разнообразія, что индивидуальность не можетъ быть признана единственнымъ источникомъ товариществъ. Кромѣ закона индивидуальности, т. е. разнообразія или различій въ трудовыхъ особенностяхъ, источникомъ ассосіаціи является также законъ сходствъ въ трудѣ и цѣляхъ людей.

Человѣкъ, какъ дѣятель въ средѣ другихъ людей, является съ указанными свойствами, представляющими собою источникъ всей совокупности междучеловѣческихъ союзовъ. Постепенно развиваясь, въ особенности подъ вліяніемъ распространенія знаній, эти свойства ведутъ къ взаимности между людьми, къ союзности между всѣми отдѣльными производителями и производствами. Подъ ихъ вліяніемъ борьба между людьми мало по малу исчезаетъ, интересы умиротворяются, люди союзно трудятся для общей цѣли удовлетворенія своихъ потребностей. Мрачный законъ борьбы за существованіе къ человѣческому міру не можетъ быть такъ безусловно приложимъ, какъ къ міру животному и растительному. Сфера всеобщаго господства его—міръ безсознательный; тамъ же, гдѣ царствуетъ сознаніе и разумъ, борьба за существованіе можетъ быть лишь временнымъ явленіемъ, продолжающимся до тѣхъ поръ, пока люди недостаточно возвысились надъ жизнью безсознательною, и оканчивающимся вмѣстѣ съ переходомъ людей въ жизнь сознательную и разумную. Въ сферѣ мыслящихъ существъ регулирующимъ закономъ можетъ быть не борьба за существованіе, но союзность въ цѣляхъ разумнаго существованія.

(1) Cours d'écon pol. т. 1., стр. 25. (2) Richesse des Nations, т. 1., стр. 104—107; 190—199; т. 3.. стр. 13—15, 29 и др. (3) Principes de la science sociale, т. 1, стр. 39—64.

§ 3. Между трудомъ направленнымъ къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, и трудомъ, направленнымъ къ удо-

влетворенію потребностей духовныхъ, существуетъ самая тѣсная связь. Направленіе и характеръ матеріальнаго труда человѣка обусловливаются направленіемъ и характеромъ духовной дѣятельности. Объ участіи умственнаго труда въ самой простой механической работѣ никто не можетъ сомнѣваться. „Самый тупой носильщикъ, изо дня въ день таскающій кирпичи по подмосткамъ, говоритъ Милль, исполняетъ отчасти дѣло умственное; самая понятливая собака не выучится этому. Самый тупоумный человѣкъ можетъ вертѣть рукоятку машины, а лошадь не можетъ вертѣть этого колеса, если кто нибудь не погоняетъ ее и не смотритъ за ней“ (1). Развитіе физическаго труда обусловливается знаніемъ свойствъ естественныхъ дѣятелей, то есть обусловливается умственнымъ развитіемъ трудящихся. Вотъ почему народное благосостояніе находится въ тѣсной зависимости отъ умственнаго быта; тамъ, гдѣ встрѣчается невѣжество, въ то же время господствуетъ и нищета. Поднятіе уровня умственнаго состоянія массъ равносильно увеличенію ихъ экономическаго благосостоянія. Причина бѣдности заключается въ томъ, что физическій трудъ не оплодотворенъ умственнымъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрно слѣдующее замѣчаніе одного изъ нашихъ экономистовъ: „Бѣдность народа есть ничто иное, какъ скрытое богатство. При благопріятныхъ условіяхъ этотъ скрытый теплородъ экономическаго міра освобождается и обнаруживаетъ сокровища, далеко превосходящія тѣ, сравнительно незначительныя богатства, которыя накопляются по временамъ въ рукахъ руководителей промышленности и къ которымъ такъ неразумно возбуждается многими недальновидными писателями зависть народа, этого величайшаго изъ всѣхъ капиталистовъ (2). Благопріятныя условія, о которыхъ говоритъ нашъ экономистъ, это образованіе производителей, дающее имъ господство надъ силами природы и превращающее ихъ механическую въ сознательную дѣятельность.

Умственный трудъ, необходимый во всѣхъ родахъ и видахъ дѣятельности, для болѣе цѣлесообразнаго регулированія послѣдней спеціализируется и такимъ образомъ подчиняется общему закону интенсивнаго пользованія, состоящему въ сосредоточеніи или централизаціи силы, направленной къ достиженію опредѣленной цѣли.

Такъ возникаетъ такъ называемая коньектура или проэктъ предпріятія, предварительное соображеніе его осуществимости и доходности. Никакой трудъ не можетъ существовать безъ такой коньектуры (5): всякая дѣятельность предполагаетъ предварительное осознаніе ея или осуществимости или доходности. Но многіе виды дѣятельности требуютъ спеціальной подготовки для составленія коньектуры; во многихъ случаяхъ для ея составленія необходимъ трудъ не одного, но многихъ спеціалистовъ; наконецъ могутъ быть случаи, когда дѣло составленія коньектуры не доступно средствамъ частныхъ лицъ и предпринимается правительствами,—таковы на прим. въ нѣкоторыхъ случаяхъ предварительныя изысканія о возможности проведенія желѣзно-дорожнаго пути, о существованіи каменноугольныхъ залежей и т. п. Представляя собою результатъ общаго закона интенсивности пользованія силами, отдѣленіе коньектуральнаго труда отъ исполнительнаго должно быть разсматриваемо также какъ неизбѣжный результатъ безконечнаго разнообразія между людьми въ ихъ трудовыхъ способностяхъ. Нѣкогда существовало воззрѣніе, теперь окончательно потерявшее свой кредитъ, что всѣ люди равны по своимъ умственнымъ способностямъ. Воззрѣніе это на столько же истинно, какъ и аналогичная съ нимъ доктрина равенства по плодородію всѣхъ земель; доказывать равенство умственныхъ способностей людей все равно, что утверждать равенство плодородія различныхъ поземельныхъ участковъ на всемъ земномъ шарѣ. На низшихъ ступеняхъ своего развитія люди дѣйствительно мало различаются между собою, но такое равенство и есть признакъ дикости. Не даромъ говорятъ, что разнообразіе есть источникъ жизни; гдѣ нѣтъ разнообразія, тамъ нѣтъ и жизни; въ безжизненной песчаной пустынѣ каждая отдѣльная часть есть какъ бы повтореніе другой. Однообразіе умственныхъ способностей, какъ отрицаніе разнообразія въ жизни, представляло бы собою превращеніе экономическаго общежитія въ безжизненную песчаную пустыню. Если же умственныя способности людей разнообразны, то, очевидно, утилизація ихъ не можетъ быть одинаковою; никто же не требуетъ одинаковой обработки земли на всемъ земномъ шарѣ и производства на ней вездѣ одинаковыхъ растеній. Разнообразныя

способности людей вызываютъ разнообразіе въ средствахъ ихъ утилизаціи, подъ вліяніемъ чего одни принимаютъ на себя исполнительный трудъ, другіе конъектуральный, одни являются самостоятельными предпринимателями, другіе наемными участниками въ предпріятіяхъ, одни хозяевами, другіе рабочими. Предпринимательство, по которому одинъ или нѣсколько человѣкъ, задумавъ извѣстное предпріятіе, осуществляютъ его при помощи наемнаго труда, представляетъ собою одинъ изъ видовъ конъектуральнаго труда, источникомъ котораго служитъ разнообразіе между людьми въ ихъ способностяхъ. Но всякій, на примѣръ, можетъ рѣшиться принять на себя рискъ какого либо новаго предпріятія; не всякій рѣшается на свой рискъ завести какое либо хозяйственное дѣло, въ результатѣ котораго можно получить выигрышъ, но можно и потерять все свое состояніе, или часть его. Такіе люди и находятъ примѣненіе своему труду въ исполнительныхъ наемныхъ работахъ, предпринимаемыхъ другими. Предпринимательство, такимъ образомъ, представляетъ собою явленіе вполнѣ естественное въ народной экономіи. Оно представляетъ собою продуктъ безконечнаго разнообразія способностей человѣческихъ. Подобно тому, какъ нелѣпа мысль о томъ, что бы на всемъ земномъ шарѣ люди сѣяли одну пшеницу или одну рожь, такъ же нелѣпа и мысль о возможности превращенія всѣхъ людей въ предпринимателей и исполнителей въ одно и тоже время. „До однообразной сообразительности всѣхъ людей довести невозможно, справедливо говоритъ Э. Вреденъ, именно вслѣдствіе различія индивидуальныхъ способностей разныхъ людей. Если задаваться водвореніемъ подобнаго незыблемаго уровня, то это мыслимо не иначе, какъ притупивъ даровитыхъ лицъ до уровня наименѣе способныхъ. Не слѣдуетъ искать исхода изъ существующаго неравенства въ стремленіи довести всѣхъ до однообразной степени трудовой способности. Въ дѣйствительномъ быту существуетъ нерушимая постепенность, только ее и возможно повысить“ (1). Другими словами, необходимо искать не уничтоженія разнообразія въ трудовыхъ способностяхъ, не превращенія обществъ въ безжизненную пустыню, въ которой каждая часть была бы повтореніемъ другой; но необходимо заботиться о возможномъ

возвышеніи трудовыхъ способностей производителей, о поднятіи способностей каждаго до того уровня, который обусловливается индивидуальными силами. Вотъ почему вопросъ о народномъ образованіи имѣетъ въ высшей степени важное значеніе съ точки зрѣнія народной экономіи. Это прямой вопросъ о поднятіи уровня народнаго благосостоянія.

Заботы о народномъ образованіи составляютъ почти вездѣ одну изъ функцій государственной власти. Это требуется уже тѣмъ, что народное образованіе имѣетъ общественное значеніе, вслѣдствіе чего не можетъ быть отдано на волю частныхъ дѣятелей. Государственные расходы на это образованіе имѣютъ высоко производительное значеніе для государствъ, благодаря тому, что трудъ народа, оплодотворенный знаніемъ, становится болѣе производительнымъ, что равносильно возвышенію податныхъ силъ населенія и средствъ, которыми располагаютъ государства. Съ другой стороны, эти расходы болѣе чѣмъ уравновѣшиваются уменьшеніемъ издержекъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій, вызываемыхъ невѣжествомъ и слабостью трудовыхъ силъ, не укрѣпленныхъ умственнымъ развитіемъ. Безвозвратные расходы на охрану и преслѣдованіе, сыскную полицію и тюрьмы, исправленіе малолѣтнихъ осужденныхъ и т. п. сокращаются въ размѣрѣ ихъ полнѣйшей замѣны воспроизводительными затратами по воспитанію сообразительныхъ рабочихъ и добросовѣстныхъ податныхъ плательщиковъ (*).

Первоначальное народное образованіе можетъ быть или произвольнымъ, или обязательнымъ. Въ первомъ случаѣ отъ воли родителей или опекуновъ дѣтей зависитъ посѣщеніе дѣтьми народнаго училища. Предполагаютъ, что вмѣшательство государства въ это дѣло было бы нарушеніемъ свободы, вмѣшательствомъ въ частную жизнь, въ семейные разсчеты. Во имя этой свободы многіе и стоятъ за полную свободу первоначальнаго обученія. Но очевидно, что защищать безусловную свободу обученія, значитъ защищать право оставаться въ непроглядномъ невѣжествѣ, а такого права въ развитомъ обществѣ никто не имѣетъ. Въ свободной странѣ для гражданъ свобода обязательна, такъ какъ, по закону, никто настолько не свободенъ, чтобы отказаться отъ своей

свободы и сдѣлаться рабомъ или крѣпостнымъ человѣкомъ. Эта обязательность свободы не только не нарушаетъ послѣдней, но является ея необходимымъ условіемъ, ея законной гарантіей. Точно также и обязательное первоначальное образованіе не можетъ нарушать свободы гражданъ, а, напротивъ того, представляетъ собою необходимое условіе ея, такъ какъ при отсутствіи образованія истинная свобода не мыслима.

Подобно умственному, и нравственный элементъ въ трудѣ имѣетъ высокое значеніе въ народной экономіи. Въ древнемъ мірѣ трудиться считали безчестнымъ, всякій матеріальный трудъ считался признакомъ низкаго происхожденія. Если бы каждый думалъ такъ, то экономическое общежитіе было бы не мыслимо. Съ развитіемъ общественности, образованія и въ особенности осознанія христіанскихъ истинъ нравственный элементъ во всякомъ трудѣ получаетъ все большую и большую силу, праздность признается порокомъ, житье здоровыхъ людей на чужой счетъ—преступленіемъ. Существованіе и развитіе трудоваго нравственнаго элемента гарантируется также общественною властью. Сюда относится дѣятельность солдата, полицейскаго сторожа, судьи, законодателя и т. д. О важности труда этихъ лицъ такъ выражается Милль: „трудъ ихъ составляетъ часть издержекъ производства, если бы количество продуктовъ не было достаточно на содержаніе этого труда, то производство не было бы возможно, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ теперь. Если бы правительство не давало охраненія дѣлу производства, то производители были бы принуждены или отнимать на свою защиту значительную часть своего времени и труда отъ производства, или нанимать на свою защиту вооруженныхъ людей; въ томъ и другомъ случаѣ трудъ охраненія прямо вознаграждался бы изъ продукта и нельзя было бы производить вещей, недающихъ средствъ платить за этотъ прибавочный трудъ. При нынѣшнемъ устройствѣ продуктъ платитъ свою долю на такое охраненіе и получаетъ его въ болѣе удовлетворительномъ качествѣ съ гораздо меньшими издержками“ (6). Изъ этого видно, что развитіе нравственнаго элемента въ трудѣ обусловливается личными выгодами производителей. Личный интересъ производителей требуетъ надлежащей

охраны ихъ дѣятельности дѣятельностью законодателя, судьи, полиціи и т. п. Только на низшихъ ступеняхъ общежитія обманъ въ торговлѣ можетъ быть до извѣстной степени выгоденъ; съ экономическимъ развитіемъ онъ становится убыточнымъ для торговца. Отъ торговца, обманывающаго своихъ покупщиковъ, послѣдніе уходятъ къ другимъ торговцамъ и торговое дѣло его падаетъ. Обманъ для торговца могъ быть выгоденъ лишь въ то время, когда, при отсутствіи или слабомъ развитіи торговаго соперничества, покупщикъ не могъ выбирать предмета покупки между многими торговцами, когда положеніе торговца было монополизировано, сравнительно съ положеніемъ покупателя. Въ настоящее время во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ развито торговое соперничество, интересъ каждаго лица, занимающагося торговлей, заключается въ возможно лучшемъ изученіи потребностей покупщиковъ и въ возможно полномъ ихъ удовлетвореніи. Этимъ обусловливаются размѣры получаемой имъ выгоды. Точно также лишь на низшихъ ступеняхъ развитія, при грубомъ состояніи обществъ, можно было не замѣчать убыточности житья чужимъ трудомъ, даровaго пользованія человѣческими силами, то есть рабства и крѣпостнаго права, подобно тому, какъ только въ это время не замѣчается убыточность такъ называемаго хищническаго пользованія силами земли, приводящаго къ ея истощенію. Съ размноженіемъ населенія и съ его умственнымъ развитіемъ люди начинаютъ замѣчать, что свободный трудъ несравненно производительнѣе и, слѣдовательно, выгоднѣе труда несвободнаго. Несвободный человѣкъ не имѣетъ личной выгоды быть прилежнымъ; не имѣетъ никакихъ мотивовъ обнаруживать свои трудовыя способности; обнаруженіе ихъ можетъ быть даже вредно, такъ какъ замѣтивъ эти способности, владѣлецъ можетъ усилить свои требованія. Съ другой стороны, необходимость строгаго надзора за несвободнымъ трудомъ еще болѣе усиливаетъ его убыточность. Свободные работники выгоднѣе, поэтому, и для общества и для каждаго отдѣльнаго человѣка. На тѣхъ же основаніяхъ и трудъ справедливо оплачиваемый выгоднѣе труда, оплачиваемаго несправедливо. Производительность зависитъ отъ охоты къ труду, а охота къ труду сбусловливается преимущественно тѣмъ,

въ какой мѣрѣ трудящійся пользуется самъ произведеніями своей дѣятельности (7).

(1) Основ. пол. экономіи, т. 1. стр. 53. (2) Е. де Робертн. Политико-экономическіе этюды, стр. 99. (3) Э. Вреденъ Строй эконом. предпріятій, стр. 17, 34. (4) Основ. пол. экон. стр. 191. (5) Ibid. стр. 194. (6) Осн. пол. экономіи 1. 49. (7) W. Roscher. Die Grundlagen der Nationalökonomie, § 39.

III. Капиталъ.

§ 1. Третій факторъ производства, являющійся какъ бы посредникомъ между человѣкомъ и силами природы, называется капиталомъ.

Съ частно-хозяйственной точки зрѣнія капиталомъ можетъ быть названо всякое вообще имущество, которое какимъ бы то ни было образомъ приноситъ доходъ. Политическая экономія занимающаяся изученіемъ общественной стороны въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, не можетъ ограничиться этимъ частно-хозяйственнымъ понятіемъ.

Понятіе это не можетъ быть примѣнимо къ тому коллективному человѣку, который называется обществомъ. Такъ для частнаго кредитора долговая росписка есть капиталъ, она свидѣтельствуетъ о томъ, что кредиторъ далъ взаймы опредѣленную сумму, которую онъ имѣетъ получить по истеченіи извѣстнаго срока и которая приноситъ ему доходъ, обыкновенно называемый процентами. Но съ общественной точки зрѣнія такая долговая росписка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа капиталомъ. Если бы признать вполнѣ вѣрнымъ часто-хозяйственное понятіе о капиталѣ, то въ такомъ случаѣ, когда кредиторъ ссужаетъ опредѣленную сумму другому лицу, было бы два капитала: въ а) долговая росписка, находящаяся въ рукахъ кредитора и предоставляющая ему право на полученіе въ извѣстное время ссуженнаго имущества и процентовъ, во б) самое это ссуженное имущество, находящееся въ рукахъ должника. Съ

общественной точки зрѣнія здѣсь вовсе нѣтъ двухъ капиталовъ, но только одинъ — ссуженное имущество.

Но и это ссуженное имущество не всегда можетъ быть названо капиталомъ съ общественной точки зрѣнія. Положимъ, кредиторъ даетъ взаймы опредѣленное имущество, получая отъ должника долговую росписку, причемъ возвратъ занятаго обезпечивается поземельною собственностью должника. Послѣдній занятую сумму можетъ употребить производительнымъ или непроизводительнымъ образомъ. Онъ можетъ употребить ее или на улучшенія въ своей поземельной собственности, или расточить на пріемы гостей, на балы и т. п. Въ первомъ случаѣ занятое имущество затрачивается производительнымъ образомъ; въ теченіи опредѣленнаго времени издержки, затраченныя на поземельныя улучшенія, возвращаются съ прибылью. Должникъ въ этомъ случаѣ имѣетъ возможность возвратить занятое имъ имущество при посредствѣ этого же занятаго имущества, получая, сверхъ того, опредѣленную прибыль. Здѣсь это имущество воспроизводится впродолженіи извѣстнаго времени, что и даетъ возможность возвратить долгъ при посредствѣ самаго же долга. Во второмъ случаѣ должникъ теряетъ имущество непроизводительно; занятая имъ сумма пропадаетъ, все равно, что бросается въ воду. Должникъ возвращаетъ свой долгъ не посредствомъ самаго же занятаго имущества, но изъ другихъ источниковъ. Потребленное имущество въ этомъ случаѣ не воспроизводится. Съ общественной точки зрѣнія послѣднее имущество не можетъ быть названо капиталомъ. Это имущество для общества не существуетъ, хотя кредиторъ такимъ употребленіемъ его собственности ея не лишается. Не кредиторъ, но общество теряетъ то имущество, которое употребляется непроизводительно, которое послѣ потребленія не воспроизводится. Изъ этого же видно, что съ общественной точки зрѣнія капиталомъ можетъ быть названо лишь то имущество, которое употребляется производительно, которое воспроизводится послѣ того, какъ было потреблено. Такъ, въ приведенныхъ случаяхъ займа капиталомъ называется то занятое имущество, которое употреблено на поземельныя улучшенія и въ теченіи опредѣленнаго времени воспро-

изводится. Я затрачиваю свое имущество на содержаніе рабочихъ, строющихъ мнѣ домъ; мое имущество употребляется рабочими, уничтожается ими, но въ результатѣ потребленія и видимаго уничтоженія оно не только воспроизводится, но получается, сверхъ того, прибыль. Затраченное такимъ образомъ имущество можетъ быть названо капиталомъ съ общественной точки зрѣнія (1).

Воспользуемся для болѣе точнаго уясненія научнаго понятія о капиталѣ нѣкоторыми примѣрами, приведенными Миллемъ въ его основаніяхъ политической экономіи (2).

Извѣстное частное лице отдаетъ свои деньги государству и получаетъ долговую росписку или обязательство, по которому государствомъ уплачивается опредѣленный ежегодный доходъ. Безъ всякаго сомнѣнія, для частнаго лица такое обязательство — капиталъ, хотя оно не можетъ быть названо капиталомъ для общества. Но можно ли назвать самое ссуженное имущество капиталомъ? Если оно употребляется на постройку желѣзной дороги, то это—производительное потребленіе; занятая сумма воспроизводится съ прибылью, что даетъ возможность возвратить занятое при посредствѣ самаго же занятаго имущества. Употребленное такимъ производительнымъ образомъ имущество является капиталомъ. Оно перестаетъ быть капиталомъ лишь тогда, когда потребляется непроизводительно, когда оно не воспроизводится, и когда, поэтому, долгъ долженъ быть возвращенъ при помощи другихъ источниковъ доходовъ.

Можно ли считать капиталомъ ту плату, которая идетъ землевладѣльцу въ видѣ вознагражденія за пользованіе принадлежащей ему землей и которая обыкновенно называется рентой? Милль не считаетъ этой платы капиталомъ. „Рента, платимая за землю, а не за улучшенія, произведенныя въ ней трудомъ, говоритъ онъ, есть расходъ непроизводительный. Она въ такомъ случаѣ просто цѣна, платимая за пользованіе силами природы, обращенными въ частную собственность. Инструменты — вещи, произведенныя трудомъ, но земля существуетъ сама собою. Плата за землю не принадлежитъ къ издержкамъ производства; необходимость платить за нее заставляетъ имѣть такое количество капи-

таловъ, которое больше размѣра, требуемаго естественною необходимостью или достаточнаго при иной системѣ поземельнаго владѣнія. Этотъ излишекъ капитала, хотя и назначенъ своими владѣльцами на производство, употребляется въ сущности непроизводительнымъ образомъ и ежегодно воспроизводится не изъ собственныхъ продуктовъ.“ Ученіе Милля можно болѣе наглядно уяснить слѣдующимъ образомъ. Положимъ, арендаторъ земли имѣетъ капитала 1,000 рублей; размѣры ренты—300 рублей, уплачиваемые въ началѣ года. Арендаторъ, уплатившій 300 рублей ренты, имѣетъ капитала только 700 рублей, который онъ и затрачиваетъ на производство. Такимъ образомъ эти 300 рублей не входятъ въ составъ издержекъ производства. Необходимость платить ренту заставляетъ имѣть большее количество капиталовъ, чѣмъ нужно было бы безъ платежа ренты; безъ послѣдняго условія въ приведенномъ случаѣ было бы достаточно имѣть только 700 рублей для полученія того же количества продуктовъ, для полученія котораго, при существованіи ренты, необходимо имѣть 1,000 рублей. Вотъ почему Милль и не считаетъ имущества, входящаго въ составъ ренты, капиталомъ. Съ этимъ воззрѣніемъ мы не можемъ согласиться. Нельзя утверждать, что плата за землю не входитъ въ составъ издержекъ производства. Плата за землю есть плата за пользованіе производительными силами природы, заключенными въ землѣ и состоящими въ частной собственности, безъ существованія которой разумное производство не мыслимо; 300 рублей ренты, о которой мы говорили, существуютъ во все время производства въ ихъ эквивалентѣ—производительныхъ силахъ земли. Плата эта ежегодно воспроизводится не изъ 700 рублей, то есть не изъ оставшейся части имущества арендатора, но изъ производительныхъ силъ земли; она является вполнѣ производительною затратою и затраченная такимъ образомъ сумма должна считаться капиталомъ.

Можно ли считать капиталомъ то имущество, которое входитъ въ составъ налога на матеріалъ? „Предположимъ, говоритъ Милль, что налагается пошлина на производство въ одномъ изъ его первыхъ періодовъ, на примѣръ, облагается пошлиной матеріалъ. Фабрикантъ долженъ пла-

тить пошлину до начала производства, и потому долженъ имѣть большую массу средствъ, чѣмъ сколько нужно было бы имѣть безъ этой пошлины. Такимъ образомъ этотъ способъ взиманія налоговъ подвергаетъ излишнему ограниченію промышленность страны: часть имущества, назначеннаго своими владѣльцами на производство, отвлекается отъ этой цѣли и находится въ постоянномъ положеніи уплаты впередъ.“ Никто не сомнѣвается, что то имущество, которое входитъ въ составъ налога на матеріалъ, необходимый для производства, представляетъ собою вычетъ изъ капитала фабриканта; если бы налога такого не было, то фабрикантъ могъ бы пріобрѣтать большее количество матеріала для своего производства. Нѣтъ сомнѣнія никакого, что налогъ на доходъ, получаемый въ результатѣ производства, выгоднѣе для общества, чѣмъ налогъ на матеріалъ производства. Но все это еще не даетъ права отрицать капиталистическій характеръ у имущества, входящаго въ составъ пошлины на матеріалъ. Когда пошлина эта истрачивается непроизводительно, когда она такимъ образомъ пропадаетъ для общества, только тогда мы не можемъ считать ее капиталомъ. Когда же она производительно употребляется, тогда ущербъ, произведенный уменьшеніемъ капитала фабриканта, восполняется; то, что было бы безъ существованія пошлины произведено фабрикантомъ, производится быть можетъ въ иномъ видѣ лицами, употребляющими имущество, входящее въ составъ пошлины.

И такъ, отличительная черта капитала — воспроизводство; что не воспроизводится въ результатѣ употребленія, то не можетъ считаться въ реэстрѣ народныхъ капиталовъ.

В. Рошеръ называетъ капиталомъ всякое произведеніе, которое предназначено къ полученію новыхъ произведеній. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ онъ насчитываетъ слѣдующіе роды имуществъ, изъ которыхъ слагается народный капиталъ. 1) Поземельныя улучшенія, каковы на прим. осушительныя или оросительныя сооруженія, ограды и т. п. 2) построенія, предназначенныя къ производству, храненію произведеній и улучшенію естественныхъ путей сообщеній; 3) инструменты, машины и утварь (Geräthe), необходимая для пользованія производителей;

4) полезныя животныя, разводимыя человѣкомъ; 5) произведенія какъ матеріалъ добыванія новыхъ произведеній, на прим. сѣмена; 6) произведенія, необходимыя для производства, но не входящія въ новые продукты какъ ихъ составныя части, на прим. порохъ для охоты; 7) средства содержанія лицъ, занимающихся производствомъ; 8) торговые запасы; 9) деньги и 10) нематеріальныя имущества, (unkörperliche kapitalien, Quasikapitalien по Шмитгеннеру) (5).

Попытка Рошера, какъ и вообще всякая попытка опредѣлить точнымъ образомъ, какія вещи входятъ въ составъ капитала и какія не входятъ, не можетъ быть признана удовлетворительною. Дѣло въ томъ, что различіе между капиталомъ и некапиталомъ, какъ основательно замѣтилъ Миллъ, заключается не въ характерѣ имущества, а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употребить имущество на ту или другую цѣль. Одно и тоже имущество можетъ быть капиталомъ и не быть имъ, смотря по тому, къ какому употребленію назначаетъ его владѣлецъ. Если это имущество употребляется производительно, оно капиталъ; въ противномъ случаѣ, оно перестаетъ быть капиталомъ. Самъ же Миллъ впадаетъ въ заблужденіе, сдѣлавъ попытку опредѣленія того, какое именно имущество, входящее въ составъ заработной платы, должно считаться капиталомъ. Онъ говоритъ, что значительная часть этого имущества не можетъ считаться капиталомъ. „Тотъ излишекъ заработной платы, который превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни, составляетъ не содержаніе труда, но его вознагражденіе. Этотъ излишекъ равняется всей суммѣ, которая превышаетъ то, что разсчетливый рабовладѣлецъ даетъ на содержаніе своему рабу.“ Излишекъ этотъ, по мнѣнію Милля, не составляетъ капитала. Если рабовладѣлецъ даетъ своему рабу въ теченіи года имущества на 50 р. и этой суммы достаточно для поддержанія жизни раба; если, далѣе, свободный работникъ получаетъ въ годъ 100 рублей, то излишекъ отъ платы, получаемой рабомъ, составляетъ уже не то, что необходимо для содержанія, но вознагражденіе за трудъ. Излишекъ этотъ не необходимъ для содержанія, слѣдовательнаго безъ него возможно было бы обойтись въ производствѣ, почему онъ и не

составляетъ капитала въ строгомъ смыслѣ этого слова. Утверждая это, Миллъ не обратилъ вниманія на то, что увеличеніе заработной платы усиливаетъ энергію труда и увеличиваетъ производство. Та часть заработной платы, которая превышаетъ уровень необходимыхъ средствъ для содержанія рабочаго, можетъ быть названа капиталомъ, такъ какъ она увеличиваетъ производительность труда и такимъ образомъ не изчезаетъ безслѣдно, но воспроизводится и почти всегда воспроизводится съ излишкомъ.

Считая воспроизводство отличительною чертою капитала, мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку. Имущество иногда можетъ не находить для себя въ продолженіи извѣстнаго времени производительнаго употребленія. Такъ имущество, годное для содержанія производительныхъ рабочихъ, иногда можетъ оставаться безъ производительнаго употребленія по недостатку рабочихъ. Капиталъ фабриканта, состоящій въ промышленныхъ постройкахъ, машинахъ и орудіяхъ производства, можетъ нѣкоторое время оставаться безъ употребленія вслѣдствіе недостачи матеріала, обрабатываемаго на фабрикѣ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ имущество остается капиталомъ, но капиталомъ мертвымъ, какъ выражается Миллъ, или покоющимся, какъ выражается Рошеръ.

Изъ понятія о воспроизводствѣ, какъ отличительной чертѣ капитала, слѣдуетъ, что всякое имущество, представляющее собою капиталъ, должно быть признано активнымъ факторомъ производства. Имущество перестаетъ быть капиталомъ, когда въ результатѣ употребленія возстановленіе его производится на счетъ другихъ источниковъ. Въ научномъ понятіи о капиталѣ, такимъ образомъ, содержится понятіе о его производительности, о его возстановляемости не изъ посторонныхъ источниковъ, но изъ собственныхъ силъ, участвующихъ въ производствѣ наравнѣ съ трудомъ человѣка и силами природы. Въ этомъ отношеніи научное понятіе о капиталѣ существенно отличается отъ частно-хозяйственнаго, по которому является капиталомъ все, что только даетъ какимъ бы то ни было образомъ доходъ. Если считать капиталомъ всякое имущество, которое частному лицу приноситъ доходъ не изъ собственныхъ силъ, то производительность уже не

можетъ считаться принадлежностью капиталовъ; ея нѣтъ тамъ, гдѣ не существуетъ воспроизводимости. Это различіе между частно-хозяйственнымъ, и обще-хозяйственнымъ единственно научнымъ, опредѣленіемъ капитала игнорируется нѣкоторыми писателями. Между тѣмъ, благодаря смѣшенію ихъ, до настоящаго времени существуетъ экономическая школа, отвергающая производительное значеніе капиталовъ. Послѣдователи этой школы считаютъ, что капиталъ не можетъ быть названъ самостоятельнымъ факторомъ производства, что онъ представляетъ собою только условіе для обнаруженія производительныхъ силъ человѣка и природы. Домъ, говорятъ намъ, не строитъ новыхъ домовъ, но онъ необходимъ для плотника, строющаго дома. Капиталъ, необходимая принадлежность производительныхъ силъ, но самъ ничего не производитъ, подобно тому, какъ старый домъ, не строитъ новыхъ домовъ.

Намъ кажется странною мысль доказывать производительность капитала; его производительность, очевидная истина для всякаго, кто не смѣшиваетъ обыденныхъ опредѣленій съ научными и кто не закрываетъ глазъ предъ дѣйствительностью, указывающею на капиталъ, какъ на ту великую силу, благодаря которой человѣческій міръ получилъ возможность такого развитія, какого мы не видимъ въ другихъ сферахъ жизни. Капиталъ служитъ съ одной стороны къ поддержанію и усиленію производительности труда, а съ другой къ поддержанію и усиленію производительной дѣятельности природы. Примѣромъ перваго могутъ служить орудія, какъ механизмы, приводимые въ движеніе человѣкомъ и часто замѣняющіе его члены. Животное роетъ землю непосредственно своими членами; человѣкъ передалъ эту дѣятельность заступу такимъ образомъ увеличилъ силу ноги своей. Животное ловитъ добычу непосредственно своими членами; человѣкъ изобрѣлъ для этого лукъ, ружье и другія орудія, безконечно увеличивающія его силу сравнительно съ силами животныхъ. Всѣ подобнаго рода капиталы служатъ къ увеличенію и поддержанію силъ трудоваго организма. Наоборотъ машины, какъ механизмы, въ которыхъ главная дѣйствующая сила не человѣкъ, но силы природы, на прим. вода, вѣтеръ, паръ, служатъ однимъ изъ могущест-

веннѣйшихъ средствъ увеличенія служебности человѣку силъ природы. Безъ дѣятельности капитала человѣкъ былъ бы рабомъ природы, каковымъ мы и находимъ его на низшихъ ступеняхъ развитія. Какъ увидимъ ниже, капиталъ въ сущности своей представляетъ собою знаніе человѣка, принявшее вещественную форму, которая, разрушаясь, воспроизводится и увеличивается, передается отъ одного поколѣнія другому, представляя собою постоянно увеличивающійся фондъ общественнаго благосостоянія. Нужно крайнее пристрастіе къ предвзятымъ теоріямъ, чтобы отрицать производительное значеніе такой важной во всѣхъ отношеніяхъ силы. Конечно, домъ самъ по себѣ ничего не производитъ, но самъ по себѣ ничего не производитъ и трудъ. Дѣло въ томъ, что для экономическаго произведенія необходимы три фактора: природа, трудъ и капиталъ. Только взятые вмѣстѣ эти факторы обнаруживаютъ свою производительность. Домъ, какъ капиталъ, является производительнымъ факторомъ, подобно другимъ факторамъ производства. Онъ, на прим. поддерживаетъ животную теплоту и предохраняетъ организмъ отъ вредныхъ вліяній. Въ первомъ случаѣ онъ представляетъ собою положительную производящую силу, во второмъ сберегаетъ растрату труда. Самъ по себѣ онъ ничего не производитъ, но также и заступъ ничего не производитъ самъ по себѣ, хотя въ соединеніи съ трудомъ онъ значительно увеличиваетъ результаты производства. Сами по себѣ ни лукъ, ни ружье ничего не производятъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они не оказываютъ никакого вліянія на результаты охоты, что весь результатъ послѣдней достигается только руками человѣка.

(1) Воспроизводимость, какъ существенная черта капитала, придаетъ послѣднему характеръ внутренняго постоянства, не смотря на внѣшнюю его измѣняемость, вслѣдствіе чего капиталъ представляетъ собою какъ бы родъ метепсихозы. „Если земледѣлецъ на прим., мѣняетъ мѣру хлѣба на барана или на какое-нибудь полевое орудіе, то богатства, находившіяся въ его распоряженіи, измѣняютъ свой видъ; они состоятъ уже изъ другихъ предметовъ, но чрезъ это полезность

и цѣнность ихъ, можетъ быть, не увеличились и не уменьшились. Это отвлеченіе нѣкоторой суммы полезностей или цѣнностей, существованіе которой всегда связано съ существованіемъ матеріальнаго богатства, но которая, однакожъ, имѣетъ законы продолжительности, увеличенія и уменьшенія, совершенно независимые отъ законовъ, коимъ подчинены тѣ или другіе матеріальные предметы, получило особое названіе: его называютъ капиталомъ." К. Сенёль. Банки, ихъ устройство, операціи и управленіе стр. 14. (2) Осн. пол. экон. т. 1 кн. 1. гл. IV. (3) Die Grundl. der Nationalökon. § 42.

§ 2. Капиталы раздѣляются на двѣ категоріи, на *постоянные* или *основные* и *оборотные* или *движимые*.

А. Смитъ къ категоріи постоянныхъ относилъ такіе капиталы, которые приносятъ доходъ, не перемѣняя своего владѣльца, не уходя изъ рукъ въ другія руки; наоборотъ къ категоріи оборотныхъ, по его мнѣнію, относятся капиталы, приносящіе доходъ посредствомъ обмѣна. Машины могутъ приносить доходъ безъ перемѣны ихъ владѣльца, прямымъ употребленіемъ ихъ въ дѣло; въ этомъ случаѣ онѣ считаются постояннымъ капиталомъ. Но машина можетъ принесть доходъ и инымъ образомъ; владѣлецъ можетъ продать ее и такимъ образомъ получить прибыль, здѣсь машина приноситъ доходъ тѣмъ, что переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, перемѣняетъ своего владѣльца и поэтому является оборотнымъ капиталомъ (1).

Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи экономическая наука пришла къ отрицанію этого ученія. Весьма легко замѣтить, что по воззрѣнію А. Смита, источникомъ дохода, приносимаго оборотнымъ капиталомъ, не можетъ считаться производство, но обмѣнъ. Между тѣмъ посредствомъ обмѣна доходы только распредѣляются, а не производятся. Если въ результатѣ производства не созданъ доходъ, то онъ не можетъ быть пріобрѣтенъ посредствомъ обмѣна по той простой причинѣ, что контрагенты обмѣна не имѣютъ его. Не обмѣнъ, но лишь производство можетъ быть источникомъ доходовъ или прибылей какъ на постоянный, такъ и на оборотный капиталы.

По ученію Д. Рикардо (2), оборотнымъ капиталомъ называется такой, который быстро разрушается и требуетъ безпреривнаго возобновленія; постояннымъ же такой, который медленно разрушается. Пивоваръ, машины и строенія котораго долговѣчны, обладаетъ постояннымъ капиталомъ; напротивъ того, сапожникъ, капиталъ котораго состоитъ въ пищѣ, выдаваемой рабочимъ, владѣетъ оборотнымъ капиталомъ. Точнѣе формулируя это воззрѣніе Рикардо, въ настоящее время экономисты къ категоріи оборотныхъ капиталовъ относятъ такіе, которые, служа производству, исполняютъ свое назначеніе въ одинъ разъ въ противоположность постояннымъ, могущимъ служить производству много разъ, не измѣняя своей формы. „Сало и поташъ, изъ которыхъ дѣлается мыло, говоритъ Миллъ, разъ пошедши въ дѣло перестаютъ быть поташемъ и саломъ, и въ другой разъ уже не годятся на выдѣлку мыла, хотя въ новой своей формѣ мыла могутъ служить матеріаломъ или орудіемъ для другихъ отраслей фабрикаціи. Капиталъ, исполняющій такимъ способомъ въ одинъ только разъ все свое дѣло въ производствѣ, на которое обращенъ, называется оборотнымъ капиталомъ. Другіе капиталы имѣютъ болѣе прочный характеръ, ихъ дѣятельность не истощается однимъ разомъ употребленія ихъ въ дѣло. Сюда принадлежатъ зданія, машины и всѣ или почти всѣ вещи, называемыя инструментами, сюда принадлежатъ прочныя улучшенія земли. Капиталъ, существующій въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и возвращаемый продуктами въ теченіи продолжительнаго времени, называется постояннымъ или основнымъ капиталомъ.“

Указанное различіе между оборотными и постоянными капиталами имѣетъ важное практическое значеніе. Оборотный капиталъ воспроизводится сполна въ результатѣ одной операціи, возстановляется каждый разъ по окончаніи производства, принося прибыль; постоянный же, не разрушаясь одной операціей, возстановляется или воспроизводится по частямъ: если машина служитъ сто лѣтъ для производства, то ежегодно возстановляется только $^1/_{100}$ часть ея стоимости. Изъ этого слѣдуетъ, что превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный можетъ быть вредно для людей, живущихъ заработною платою. Частные случаи такого вреда были возведены нѣкоторыми экономистами въ законъ.

Такъ, по ученію Рикардо, превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный ведетъ къ уменьшенію валоваго продукта страны и такимъ образомъ наноситъ вредъ рабочему классу, такъ какъ нѣкоторые изъ его членовъ остаются безъ заработковъ и „часть населенія становится излишнею въ сравненіи съ фондами на употребленіе его въ дѣло.“ Положимъ, землевладѣлецъ употребляетъ капиталъ въ размѣрѣ 200 рублей на содержаніе рабочихъ, какой капиталъ даетъ прибыли 10%. Въ результатѣ производства нашъ землевладѣлецъ имѣетъ общаго или валоваго дохода 220 рублей; для простоты вывода мы не беремъ въ разсчетъ другихъ издержекъ, на прим. издержекъ въ видѣ сѣмянъ. На слѣдующій годъ этотъ землевладѣлецъ изъ своего капитала половину употребляетъ на прочныя земледѣльческія улучшенія; въ это время онъ имѣетъ уже только 100 рублей на содержаніе рабочихъ. Половина прежняго количества рабочихъ въ этомъ случаѣ остается безъ заработка. Но измѣнилось ли положеніе самаго землевладѣльца? Нисколько, его чистый доходъ, которымъ лишь онъ и заинтересованъ, остается прежній, хотя измѣняется валовой. Считая прибыли 10%, онъ получитъ 20 р. чистаго дохода на весь свой капиталъ; сверхъ того, его оборотный капиталъ, затраченный на содержаніе рабочихъ, въ результатѣ производства весь возстановляется; наконецъ, если новый его постоянный капиталъ служитъ производству 50 лѣтъ, то ежегодно возстановляется только $^1/_{50}$ часть его или 20 рубля. Такимъ образомъ этотъ землевладѣлецъ имѣетъ валоваго дохода только 122 р., вмѣсто прежнихъ 220 рублей. Очевидно всякому, что отъ этого измѣненія нисколько не ухудшилось положеніе землевладѣльца, онъ получаетъ свой прежній чистый доходъ, которымъ живетъ, измѣненіе состоитъ лишь въ томъ, что одна часть 200 рублей, прежде цѣликомъ разходовавшихся на содержаніе рабочихъ, теперь заключена въ землю, но приноситъ прежній доходъ. Землевладѣльцу нѣтъ дѣла до того, потребляется ли его капиталъ рабочимъ, или заключается въ землю: въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково не пользуется самимъ капиталомъ, а только прибылью. Положеніе нашего землевладѣльца не измѣнилось, хотя ухудшилось положеніе рабочихъ. Въ дѣйствительности положеніе этого землевладѣльца можетъ даже улуч-

шиться. Оборотный капиталъ, превращенный въ постоянный въ видѣ поземельныхъ улучшеній, увеличиваетъ плодородіе земли, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ можетъ получить большій чистый доходъ. Капиталъ, затраченный на поземельныя улучшенія, дастъ, положимъ, 15% прибыли; въ такомъ случаѣ валоваго дохода будетъ 127 рублей, а чистаго 25 рублей. Валовой доходъ хотя и меньше сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда не были производимы улучшенія въ землѣ, но чистый доходъ, какъ видимъ, можетъ увеличиться. Улучшеніе, произведенное превращеніемъ оборотнаго капитала въ постоянный, можетъ быть выгодно для капиталиста, будучи въ то же время вредно для рабочихъ.

Развивая свою мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный, Р и к а р д о представляетъ слѣдующій примѣръ. Положимъ, говоритъ онъ, примѣняется машина въ суконной промышленности; по введеніи машиннаго производства было бы произведено менѣе сукна, ибо предприниматель не сталъ бы нуждаться болѣе въ той части этого количества, которая предназначалась на уплату большему числу рабочихъ. Могутъ возразить, что спросъ на сукно будетъ прежній, но кто заявилъ бы этотъ спросъ? Фермеры и другіе производители необходимыхъ предметовъ, которые употребляли свои капиталы на производство этихъ товаровъ съ цѣлію пріобрѣсти за нихъ сукно; они отдавали хлѣбъ и другіе предметы необходимости суконному фабриканту за сукно, а послѣдній доставлялъ ихъ своимъ рабочимъ за сукно, которое производили они для него. По введеніи машинъ, фабрикантъ не нуждается болѣе въ прежнемъ количествѣ пищи для содержанія рабочихъ, потому что этихъ рабочихъ меньше, такъ какъ часть труда рабочихъ замѣнена трудомъ машинъ; ему нѣтъ болѣе мотивовъ производить прежнее количество сукна для полученія пищи. Производители пищи, производившіе ее для обмѣна на сукно, теперь не могутъ получать послѣднее посредствомъ прежняго способа употребленія своихъ капиталовъ. Въ данномъ случаѣ „спросъ на трудъ уменьшилсябы и товары, необходимые для поддержанія труда, призводилисьбы въ меньшемъ количествѣ“ (3).

Не отрицая частныхъ случаевъ вреднаго дѣйствія превращеній оборотныхъ капиталовъ въ постоянные, современная экономическая наука не возводитъ такихъ случаевъ въ непреложный законъ. Превращенія эти обыкновенно производятся въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ существуетъ обиліе капиталовъ и трудъ дорогъ; слѣдовательно, они происходятъ не въ бѣдныхъ, но богатыхъ странахъ. Въ такихъ странахъ превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный производится или на счетъ мертвыхъ капиталовъ, или на счетъ доходовъ. Миллъ говоритъ, что едвали можно найти хотя одинъ примѣръ значительнаго увеличенія постояннаго капитала въ такой странѣ и въ такое время, когда не возрастаетъ быстро оборотный капиталъ; что усовершенствованія очень рѣдко или даже никогда не дѣлаются на капиталъ, извлекаемый изъ существующаго производства, а совершаются обращеніемъ на нихъ возрастанія капитала. Если же такъ, то, по общему правилу, превращеніе оборотныхъ капиталовъ въ постоянные не сопровождается печальными послѣдствіями. Печальныя послѣдствія такого превращеніи появляются только тогда, когда оно производится на счетъ уже занятаго оборотнаго капитала. Вотъ почему въ странахъ недостаточно развитыхъ въ экономическомъ отношеніи и, поэтому, небогатыхъ капиталами, машины вызываютъ вполнѣ основательныя жалобы со стороны рабочихъ. Но и здѣсь введеніе машиннаго производства, какъ и всякое превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный, сокращающее трудъ, будучи въ первое время вредно для рабочихъ, впослѣдствіи становится выгоднымъ для всѣхъ. Когда вводятся усовершенствованные способы производства, тогда обыкновенно понижаются цѣны продуктовъ, производимыхъ этими усовершенствованными способами; у потребителей вслѣдствіе этого происходятъ сбереженія и является возможность постепеннаго накопленія капиталовъ. Пусть въ бумажномъ производствѣ чрезъ приложеніе машинъ фабриканты пришли въ состояніе выдѣлывать свой товаръ съ употребленіемъ только $^1/_{10}$ части прежнихъ расходовъ. Тогда бумажный товаръ будетъ продаваться за $^1/_{10}$ часть прежней цѣны, вмѣстѣ съ чѣмъ у потребителей остается $^9/_{10}$ отъ денегъ, которыя прежде тратились на этотъ пред-

метъ, а у производителей $^{9}/_{10}$ свободнаго капитала. Въ такомъ положеніи вещей потребители увеличиваютъ свой спросъ или на бумажныя вещи, если не были достаточно ими снабжены, или же на другіе предметы. Для удовлетворенія этого новаго спроса производство вещей соотвѣтственно возрастаетъ, для чего употребляется упомянутый капиталъ, сдѣлавшійся свободнымъ. Съ увеличеніемъ производства увеличивается и спросъ на рабочихъ, вслѣдствіе чего тѣ рабочіе, которые были лишены заработка, снова находятъ примѣненіе своей рабочей силы и заработокъ (4). Въ однихъ случаяхъ такое увеличеніе спроса на трудъ наступаетъ медленно, въ другихъ же оно является очень быстро. Въ послѣднемъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе грандіозный фактъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный, совершившагося съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. До этого изобрѣтенія множество лицъ занималось перепиской книгъ, какъ ремесломъ, доставлявшимъ средства къ существованію. Съ появленіемъ книгопечатанія это ремесло переписчиковъ само собою уничтожилось, но отъ этого не могли пострадать представители самаго ремесла. Благодаря книгопечатанію, книги сдѣлались продуктомъ дешевымъ, вслѣдствіе чего увеличился спросъ на нихъ и ихъ производство; увеличеніе производства создало значительный спросъ на трудъ людей, занимающихся приготовленіемъ орудій и машинъ, употребляемыхъ для печатанія, а также непосредственно занимающихся этимъ дѣломъ печатанія книгъ. Этотъ видъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный служитъ прекрасной иллюстраціей того, въ какой степени можетъ увеличиваться спросъ на трудъ по прошествіи нѣкотораго времени, необходимаго для увеличенія спроса на товары и увеличенія производства ихъ. Въ настоящее время количество лицъ, непосредственно занимающихся печатаніемъ книгъ, въ громадныхъ размѣрахъ превосходитъ число прежнихъ переписчиковъ.

Наконецъ, необходимо не забывать, что превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный во многихъ случаяхъ сопровождается еще болѣе значительнымъ освобожденіемъ части оборотныхъ капиталовъ страны. Это въ особенности необходимо сказать относительно постройки желѣзныхъ дорогъ; здѣсь за-

трата оборотнаго капитала одновременно сопровождается громаднымъ освобожденіемъ тѣхъ долей оборотныхъ капиталовъ, которыя затрачивались на проѣздъ и перевозку по простымъ дорогамъ. Сопоставляя тарифы желѣзныхъ дорогъ съ платою за гужевую перевозку, находимъ, что во Франціи перевозка по желѣзнымъ дорогамъ въ 4 раза дешевле, въ Англіи — въ 7 разъ; перевозка по каналамъ въ среднемъ выводѣ стоитъ вдвое дороже желѣзно-дорожной. Но еще большее сбереженіе замѣчаемъ относительно времени. Высшій предѣлъ быстроты проѣзда лошадьми—12 верстъ въ часъ; таково движеніе лучшихъ дилижансовъ Англіи и Франціи. Между тѣмъ высшій предѣлъ переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ около 84 верстъ въ часъ; въ Англіи, въ которой существуетъ самое быстрое желѣзнодорожное движеніе, экспрессы или курьерскіе поѣзда проходятъ отъ 74 до 84 верстъ въ часъ ([5]). Изъ этого видно, какое громадное сбереженіе оборотнаго капитала, необходимаго для сношеніи по простымъ дорогамъ, происходитъ одновременно съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, то есть съ превращеніемъ части оборотнаго капитала страны въ постоянный.

([1]) Richesse des Nations, т. 2., стр. 5. ([2]) Начала политической экономіи и налоги. гл. 1. отд. 4. ([3]) ibid. гл. XXXI; ([4]) Горловъ, нач. пол. экон. т. 1., стр. 219, ([5]) А. Чупровъ. Желѣзнодорожное хозяйство, кн. 1., гл. 1.

§ 3. Уясняя значеніе и свойства капитала, Милль констатируетъ слѣдующія теоремы: а) размѣръ народной промышленности ограничивается размѣромъ существующаго капитала; б) капиталъ есть результатъ сбереженія; в) хотя капиталъ есть результатъ сбереженія, тѣмъ не менѣе онъ употребляется, и г) спросъ на товары не есть спросъ на трудъ.

а) Размѣръ промышленности, говоритъ онъ, не можетъ быть больше того, на сколько она снабжена необходимыми матеріалами и пищею для прокормленія. Эта истина такъ очевидна, что многими принимается за безспорную въ разговорной

рѣчи. Но многіе думаютъ, что можно создать промышленность, не создавая капитала. Думаютъ, на примѣръ, что когда правительство запрещаетъ ввозъ какого нибудь иностраннаго товара и этотъ товаръ начинаетъ производиться въ странѣ, то этимъ страна обогащаегся, такъ какъ создается, сверхъ существующихъ уже, новая отрасль промышленности. „Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная ихъ законами на новоприобрѣтенную отрасль промышленности, отнята у какой нибудь другой отрасли, въ которой она давала занятіе, вѣроятно, почти такому же количеству труда, какому даетъ занятіе въ новомъ дѣлѣ.“

Можно считать безусловной истиной, что размѣръ народной промышленности ограничивается размѣромъ существующаго капитала, что промышленность не можетъ быть болѣе капитала; рабочихъ не можетъ быть больше того, сколько возможно ихъ содержать запасами приготовленной пищи; утилизированіе силъ природы не можетъ быть больше того, которое допускается существующими орудіями и количествомъ рабочихъ, обусловливающимся размѣромъ существующаго капитала. Тѣмъ не менѣе нельзя согласиться съ положеніемъ Милля, что правительство своими запретительными законами не можетъ увеличивать размѣровъ народной промышленности. Оно не можетъ ихъ увеличивать только въ томъ случаѣ, когда уже весь существующій капиталъ занятъ, когда такимъ образомъ нѣтъ капитала для новой отрасли промышленности. Въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно новая отрасль промышленности можетъ образоваться не иначе, какъ отнятіемъ части или даже всего капитала у другой отрасли существующаго производства, которая вслѣдствіе этого или уменьшается или вовсе уничтожается. Созданная при подобныхъ условіяхъ новая отрасль промышленности не увеличиваетъ народнаго богатства; размѣръ народной промышленности остается прежній. Но врядъ ли существуетъ гдѣ либо такая страна, въ которой бы весь капиталъ былъ приложенъ къ производству, въ которой бы не было покоющихся или ищущихъ занятій капита-

ловъ. Самъ же Милль говоритъ: „Если размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, чтобы онъ всегда достигалъ этого предѣла.“ Можетъ случиться, что нельзя найти рабочихъ, которыхъ могъ бы содержать существующій капиталъ; часто капиталъ не употребляется въ дѣло лишь потому, что владѣльцы его не могутъ конкуррировать съ иностранными производителями. Вообще много данныхъ указываютъ на то, что въ каждой странѣ находятся незанятые капиталы. Когда правительство запрещаетъ ввозъ иностраннаго товара, оно предоставляетъ возможность незанятымъ капиталамъ обратиться къ производству. Появившаяся при такихъ условіяхъ новая отрасль промышленности увеличиваетъ уровень народнаго богатства и уровень народной промышленности.

Такъ какъ размѣръ промышленности ограниченъ размѣрами капитала, то всякое увеличеніе капитала можетъ увеличивать промышленность. Изъ этой очевидной истины Милль дѣлаетъ въ высшей степени важный въ политической экономіи выводъ. Каждое увеличеніе капитала, говоритъ онъ, даетъ труду или увеличеніе занятія, или увеличеніе вознагражденія, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если новый капиталъ находитъ новыя руки для занятія дѣломъ, онъ увеличиваетъ общую массу продуктовъ; если онъ не находитъ новыхъ рукъ, то даетъ прежнимъ рукамъ большую пропорцію продуктовъ и даже въ этомъ случаѣ можетъ увеличить общую массу продуктовъ, возбуждая работниковъ къ болѣе усердному труду. Границею богатства, поэтому, не можетъ служить недостатокъ потребителей, а служитъ ею недостаточное количество производителей и производительныхъ силъ.

б) Если бы каждый человѣкъ расходовалъ все имъ производимое, то не было бы накопленія капиталовъ. Всякій капиталъ есть результатъ сбереженія, онъ не существовалъ бы въ томъ состояніи, при которомъ все производимое потреблялось бы цѣликомъ. Такое сбереженіе не означаетъ непремѣнно уменьшенія въ размѣрѣ потребленія; оно состоитъ въ томъ, что производится больше, чѣмъ потребляется.

в) Хотя сбереженіе необходимо для возникновенія и накопленія капиталовъ, тѣмъ не менѣе все, что производится, потребляется. „Капиталъ поддерживается отъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ что постоянно воспроизводится: всѣ составныя части его разрушаются употребленіемъ и вообще разрушаются вскорѣ послѣ того, какъ произведены; но люди, потребляющіе ихъ, занимаются между тѣмъ производствомъ другаго капитала, имѣющаго большій размѣръ. Возрастаніе капитала подобно возрастанію населенія. Каждый, кто рожденъ, умираетъ; но каждый годъ число рождающихся больше числа умирающихъ; потому населеніе постоянно возрастаетъ, хотя ни одного изъ лицъ, составляющихъ его, не существовало вовсе на свѣтѣ до времени не далекой старины.“ Слово „сбереженіе“ не говоритъ о томъ, что продуктъ спрятанъ, что онъ не потребляется, „оно говоритъ только то, что если сберегаемое немедленно потребляется, то потребляется не лицемъ сберегающимъ, а другимъ лицемъ. Если продуктъ отложенъ до будущаго потребленія, то нужно сказать просто, что онъ спрятанъ.“

Легко замѣтить, что въ изложенныхъ двухъ теоремахъ Миллъ впалъ въ противорѣчіе, желая отождествить сбереженіе съ потребленіемъ. Сбереженіе есть ничто иное, какъ сохраненіе продукта отъ потребленія, значитъ, оно не тождественно съ послѣднимъ. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что сбереженіе состоитъ въ потребленіи продукта не лицемъ сберегающимъ, а другимъ лицемъ. Если согласиться съ этимъ, то необходимо признать, что накопленіе капиталовъ невозможно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ хозяинъ предпріятія и работникъ соединены въ одномъ лицѣ, каковы на прим. наши крестьяне собственники. Въ дѣйствительности капиталъ образуется и увеличивается какъ сбереженіемъ, такъ и производительнымъ потребленіемъ.

Сбереженіе, какъ экономическій дѣятель, есть результатъ предусмотрительности, существенно необходимой для возникновенія капитала. Человѣкъ замѣчаетъ, что въ одно время онъ можетъ работать и приготовлять продукты для своего прокормленія, между тѣмъ какъ въ другое время этому препятствуютъ внѣшнія условія дѣятельности. Для того, чтобы просуществовать въ хо-

лодное время года, онъ заготовляетъ пищу лѣтомъ. Для того чтобы не нищенствовать въ старости, онъ заготовляетъ средства къ существованію въ молодости. Безъ предусмотрительности такое предварительное заготовленіе не мыслимо. Есть страны въ высшей степени богатыя производительностью, но въ то же время народъ въ такихъ странахъ весьма часто живетъ въ бѣдности. Извѣстно всѣмъ плодородіе земель Новой Испаніи и въ то же время крайне необезпеченное экономическое положеніе ея туземныхъ жителей. Въ Испанскихъ колоніяхъ часто повторяютъ что жители жаркой полосы до тѣхъ поръ не выйдутъ изъ состоянія апатіи, въ которую они погружены уже цѣлыя столѣтія, пока банановыя деревья не будутъ истреблены по распоряженію короля. Очевидно, что одной производительности еще мало для появленія капитала. Для капитализаціи имущества необходима предусмотрительность, на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія едва существующая. На этихъ ступеняхъ цивилизаціи, говоритъ американскій экономистъ Р э, у человѣка недостаетъ привычки связывать въ умѣ будущее съ настоящимъ и представлять рядъ событій, которыми они соединяются. Отсутствіе предусмотрительности представляетъ собою важнѣйшую причину бѣдности людей на этихъ ступеняхъ развитія. Подтвержденіемъ этой мысли служитъ опытъ іезуитовъ цивиллизовать парагвайскихъ индѣйцевъ. Іезуиты встрѣтили въ своей попыткѣ препятствіе не въ отсутствіи трудолюбія у туземцевъ; трудолюбіе они успѣли скоро вызвать. Самымъ главнымъ препятствіемъ было отсутствіе предусмотрительности. „Если миссіонеры оставляли на ихъ собственную заботу воловъ, которыми они пахали, индѣйцы въ своей несообразительной беззаботности могли оставлять ихъ на ночь не выпряженными изъ плуга. Бывали примѣры и хуже того, индѣйцы рѣзали воловъ себѣ на ужинъ, и, слыша упрекъ за это, думали, что достаточно оправдываются, говоря: „намъ хотѣлось ѣсть.“ Дикарь живетъ только настоящимъ; онъ рубитъ дерево, желая достать плодовъ его, не замѣчая того, что въ будущемъ лишается возможности пользоваться плодами этого дерева. Онъ не можетъ трудиться для будущаго; горизонтъ его мышленія ограничивается настоящимъ, о будущемъ онъ не думаетъ. Ясно, что при такомъ

состояніи людей образованіе капиталовъ невозможно. Когда люди непредусмотрительны, сбереженія не существуетъ, не существуетъ и капитализація имуществъ.

Но считая сбереженіе необходимымъ для образованія капиталовъ, мы не должны преувеличивать его значенія, не должны распространять его вліянія на всѣ виды капитала. Сбереженіе необходимо относительно распредѣленія работъ по временамъ года, относительно существованія въ различные возрасты человѣческой жизни, относительно разныхъ случайныхъ обстоятельствъ каково на прим. храненіе хлѣба въ общественныхъ магазинахъ на случай неурожая и т. п. обстоятельствъ. Но для массы другихъ общественныхъ явленій сбереженіе не только не имѣетъ благотворнаго экономическаго вліянія, но часто становится даже вреднымъ.

Одного сбереженія недостаточно для развитія капитализаціи имуществъ. Ирландскій работникъ въ значительной степени бережливъ, но въ тоже время не можетъ выбиться изъ бѣдности. Во всѣ времена отсутствія общественной безопасности люди сберегали запасы, зарывали ихъ въ землю, но этимъ богатство ихъ мало увеличивалось. Капиталъ можетъ увеличиваться не иначе, какъ при производительномъ потребленіи его составныхъ частей. Машины, орудія и тому подобные виды капитала приносятъ доходъ не сбереженіемъ, но производительнымъ потребленіемъ; всякому очевидно, что сбереженіе ихъ отъ употребленія въ дѣло было бы причиною не увеличенія, но уменьшенія капитала. Наблюденіе надъ экономическими фактами современныхъ образованныхъ государствъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что большая часть существующихъ въ настоящее время капиталовъ обязана своимъ существованіемъ производительному потребленію. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрно сдѣланное Миллемъ сравненіе роста капиталовъ съ ростомъ населенія. Населеніе постоянно ростетъ, постоянно увеличивается, не смотря на то, что лица, входящія въ составъ его, вовсе не существовали въ весьма недалекомъ прошломъ, какъ и наоборотъ, въ данный моментъ не существуетъ многихъ, существовавшихъ въ этомъ недалекомъ прошломъ. Точно также ростетъ и постепенно увеличивается капи-

талъ. Въ настоящее время почти не существуютъ тѣ капиталы, которыми пользовались люди назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ. Машина, бывшая вполнѣ годною для производства въ прошломъ столѣтіи, вовсе не годится для этой цѣли въ наше время. Капиталы, которыми пользуются современныя общества, будутъ не годиться для цѣлей производства будущимъ поколѣніямъ. Продукты, производимые однимъ поколѣніемъ потребляются этимъ же поколѣніемъ или ближайшими его преемниками. Одно и только одно передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, постоянно накопляясь и увеличиваясь, это знаніе. „Каждое поколѣніе къ унаслѣдованнымъ отъ предковъ знаніямъ прибавляетъ новыя знанія, увеличивая такимъ образомъ свою власть надъ природой, экономизируя трудъ и въ результатѣ производя все больше и больше капитала, производя, но не накопляя, потому что капиталъ не пригоденъ къ накопленію, и слѣдующія поколѣнія будутъ нуждаться уже въ иныхъ орудіяхъ производства, въ иныхъ капиталахъ. Настоящій капиталъ общества, это знаніе его и власть надъ природой, и когда мы говоримъ о накопленномъ капиталѣ, мы собственно говоримъ о накопленномъ знаніи, о накопленномъ умѣньи сберегать трудъ“ (²).

г) Спросомъ на товары, говоритъ Миллъ, опредѣляется направленіе труда, а не самое количество его; послѣднее опредѣляется капиталомъ прямо обращеннымъ на вознагражденіе труда, то есть капиталомъ, представляющимъ собою спросъ на трудъ. Изъ этого видно, что спросъ на товары и спросъ на трудъ не одно и тоже; покупать продуктъ еще не значитъ давать занятіе труду. Положимъ, что потребитель прежде имѣлъ привычку покупать бархатъ, но потомъ онъ отказывается отъ этого расхода и начинаетъ употреблять прежнюю сумму на наемъ каменьщиковъ. Если справедливо, что спросъ на товары есть въ тоже время спросъ на трудъ, то перемѣна въ характерѣ этого расхода не даетъ новаго занятія труду, а только переноситъ занятіе отъ ткачей бархата къ каменьщикамъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ иное. Фабрикантъ бархата, послѣ того, какъ уменьшился спросъ на бархатъ, уменьшаетъ размѣры своего производства и освобождаетъ часть капитала, соотвѣтствующую раз-

мѣрамъ уменьшенія производства. Этотъ капиталъ не та сумма, которую покупщикъ сталъ употреблять на продовольствованіе каменьщиковъ; это вторая такая же сумма. Такимъ образомъ мы видимъ теперь двѣ суммы обращенныя на вознагражденіе труда вмѣсто того, что прежде была только одна такая сумма. Тутъ не просто переносъ занятія отъ бархатныхъ ткачей къ каменьщикамъ; тутъ во первыхъ, создается новое занятіе для каменьщиковъ, а во вторыхъ переносится занятіе отъ ткачей бархата къ какимъ либо другимъ работникамъ, по всей вѣроятности къ тѣмъ, которые производятъ пищу и другіе предметы, потребляемые каменьщиками.

Положеніе, что спросъ на товары не тоже, что спросъ на трудъ, по мнѣнію М и л л я, равнозначительно выраженію, что человѣкъ приноситъ пользу другимъ не тѣмъ, что потребляетъ самъ, но только тѣмъ, чего не потребляетъ самъ. Если вмѣсто расхода въ 100 р. на вина, говоритъ онъ, я употребляю свои деньги на заработную плату, то спросъ на товары въ обоихъ случаяхъ равенъ въ 1-мъ случаѣ на 100 р. требуется вина, а во 2-мъ на 100 р. требуется хлѣба и другихъ предметовъ, потребляемыхъ рабочими. Но въ первомъ случаѣ я самъ потребилъ имущества на 100 р., а во второмъ передалъ силу своего потребленія рабочимъ. Сказать иначе значилобы сказать, что когда я потребилъ меньше прежняго, то не осталось больше прежняго на потребленіе другимъ, а это явное противорѣчіе. Въ этомъ второмъ случаѣ нельзя сказать, что человѣкъ вовсе лишается потребленія, онъ отсрочиваетъ его и на время своей отсрочки передаетъ силу своего потребленія другимъ. „Изъ всей той части продуктовъ страны, которая дѣйствительно и буквально потребляется всѣми другими ея жителями на ихъ личныя потребности, ровно ни одна доля ни малѣйшимъ образомъ не продовольствуетъ труда. Потребленіе не служитъ ни на чью пользу, кромѣ самаго человѣка, который потребляетъ.“ Иногда увеличеніе потребленія извѣстнаго товара, то есть увеличеніе спроса на извѣстный товаръ, дѣйствительно имѣетъ слѣдствіемъ своимъ, что въ отдѣльной отрасли промышленности, прежній капиталъ даетъ больше занятія труду. Но при этомъ обыкновенно не замѣчаютъ другаго обстоятельства: эта

выгода приносится труду и капиталу въ одной отрасли промышленности только отнятіемъ такой же выгоды у другой отрасли.“

Научный анализъ отношеній между производствомъ и потребленіемъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Милль правъ, но только односторонне. Онъ вполнѣ правъ, говоря, что если спросъ на товаръ есть спросъ на трудъ, то въ приведенномъ выше случаѣ перемѣны въ характерѣ расходованія капиталовъ не можетъ быть увеличенія ни капитала, ни занятій, а только простое перенесеніе ихъ изъ одной отрасли промышленности въ другую. Въ дѣйствительности весьма часто происходитъ увеличеніе и занятій и капитала, слѣдовательно весьма часто бываетъ, что спросъ на продуктъ не одно и тоже, что спросъ на трудъ. Но такіе случаи представляютъ собою исключеніе изъ общаго правила, а не общее правило. Милль свою теорему основалъ именно на такихъ исключительныхъ случаяхъ. Это очевидно изъ слѣдующихъ его словъ: „спросъ, отложенный до окончанія дѣла, не дѣлающій никакой затраты на производство, а только уплачивающій затраты, сдѣланныя другими, ни мало не составляетъ спроса не трудъ.“ Это вполнѣ вѣрно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что по общему правилу спросъ на товары не даетъ занятія труду. Къ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, когда человѣкъ можетъ покупать, ничего не производя, теорема Милля вполнѣ приложима. Но не могутъ же всѣ члены общества жить такимъ образомъ. Для производительныхъ людей спросъ на товары есть и условіе и причина занятій труда. При настоящемъ состояніи производства взаимное потребленіе продуктовъ труда есть необходимое условіе для занятія труда. Коль скоро прекращается потребленіе, прекращается сбытъ, прекращается и производство. Взаимность потребленія продуктовъ разнообразныхъ занятій представляетъ собою ничто иное, какъ взаимность спроса на продукты, взаимность сбыта ихъ, безъ котораго невозможно производство. Человѣкъ приноситъ пользу другимъ своимъ собственнымъ потребленіемъ. Я произвожу пшеницу и желаю пріобрѣсть рожь; другой человѣкъ производитъ рожь и желаетъ пріобрѣсть пшеницу. Взаимная нуждаемость порождаетъ обмѣнъ взаимно спрашиваемыхъ продуктовъ, каждый изъ насъ потребляетъ часть про-

дуктовъ, производимыхъ другимъ. Это потребленіе продуктовъ другаго приноситъ пользу каждому же изъ насъ, представляя собою рынокъ для сбыта произведеній. Изъ этого видно, что спросъ на товары является спросомъ на нашъ трудъ. При мѣновомъ хозяйствѣ спросъ на трудъ овеществляется въ спросѣ на продукты. Къ такимъ общественно-хозяйственнымъ фактамъ относится положеніе К э р и, что каждый актъ потребленія есть въ то же время актъ производства, что экономическая жизнь представляетъ собою безконечный кругъ, въ которомъ производство и потребленіе изчезаютъ другъ въ другѣ. Въ сферѣ этихъ общественно-хозяйственныхъ фактовъ спросъ на товары есть въ то же время спросъ на трудъ.

(1) Осн. полит. экон. т. 1. кн. 1. гл. V. (2) Е. де Р о б е р т и. Политико-экон. этюды, стр. 92—93.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Организація производства.

Изъ совмѣстной дѣятельности основныхъ элементовъ производства слагаются предпріятія, общественный организмъ которыхъ имѣетъ свои естественные законы, исключающіе всякій произволъ и искуственную организацію. Законами этими регулируются объемъ, форма и содержаніе всѣхъ предпріятій, направленныхъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, другими словами всѣ стороны общественнаго организма предпріятій одинаково исключаютъ произволъ, одинаково устраняютъ утопическіе проэкты искуственныхъ организацій, какъ основанныхъ на произволѣ и хаотическихъ воззрѣніяхъ разнообразныхъ прожектеровъ. Политическая экономія изучаетъ этого характера естественные законы объема, формы и содержанія предпріятій.

I. Объемъ предпріятій.

Одиночество и хозяйство, понятія взаимно противоположныя. Люди соединяютъ свои усилія для достиженія общихъ цѣлей тождественными средствами, организуютъ предпріятія по закону единенія сходныхъ интересовъ и достигаютъ промышленныхъ результатовъ, достиженіе которыхъ было бы не мыслимо при разъединеніи усилій. Они соединяются вмѣстѣ для поднятія тяжести,

которая не могла бы быть поднята, если бы каждый работалъ въ одиночествѣ. Они соединяютъ свои усилія для уборки въ хорошую погоду хлѣба, который могъ бы пропасть въ полѣ безъ этого соединенія усилій. Существуетъ въ обществѣ масса капиталовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности, по своей незначительности, не имѣетъ никакого хозяйственнаго значенія. Является предприниматель, который собираетъ всѣ эти капиталы въ одно цѣлое и, сами по себѣ ничтожные, капиталы эти получаютъ важное значеніе въ народной экономіи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ соединеніе промышленныхъ факторовъ вызывается необходимостью организаціи предпріятій въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, требуемыхъ самою сущностью предпріятія и недоступныхъ средствамъ одиночныхъ производителей. Съ другой стороны такое соединеніе промышленныхъ факторовъ вызывается также тѣмъ, что многія предпріятія, могущія существовать и при незначительныхъ капиталахъ, даютъ, при организаціи ихъ въ малыхъ размѣрахъ, незначительные результаты. Основной законъ, регулирующій стремленіе предпріятій къ разширенію объема, состоитъ въ томъ, что издержки занятія не возрастаютъ пропорціонально возрастанію размѣровъ его. Для уясненія этого закона возьмемъ въ примѣръ занятіе снабженія городскихъ жителей водою. Если въ городѣ 10 улицъ, то можетъ быть образовано столько же отдѣльныхъ компаній, изъ которыхъ каждая будетъ заниматься снабженіемъ водой жителей одной улицы. Очевидно, при этомъ каждая отдѣльная компанія должна будетъ имѣть отдѣльныя машины для поднятія воды, отдѣльныя зданія, отдѣльныя партіи рабочихъ, отдѣльныхъ надзирателей, распорядителей, кассировъ и т. д. Въ томъ же случаѣ, когда, вмѣсто 10 отдѣльныхъ компаній, устроивается одна, то, вмѣсто 10 отдѣльныхъ партій машинъ, 10 отдѣльныхъ зданій и т. д., достаточно все это имѣть въ двухъ и много въ трехъ экземплярахъ. Такимъ образомъ при увеличеніи размѣровъ предпріятія издержки производства не увеличиваются пропорціонально увеличенію этихъ размѣровъ. Въ почтовомъ дѣлѣ, если бы почта большаго города не была централизована въ одномъ заведеніи, а раздѣлена между нѣсколькими соперничествующими компаніями, каждая изъ этихъ

компаній была бы принуждена имѣть заведеніе столь же обширное, какъ то, которое одно можетъ быть достаточно для цѣлаго города при существованіи централизаціи. Каждая компанія, говоритъ Милль, должна была бы устроить пріемъ и раздачу писемъ во всѣхъ частяхъ города, посылать почталіоновъ въ каждую улицу, почти въ каждый домъ, по столько же разъ въ день, какъ посылаетъ почтамтъ при централизаціи, иначе дѣло велось бы хуже. Каждая компанія должна была бы въ каждомъ кварталѣ имѣть контору со всѣми вспомогательными учрежденіями для сбора писемъ изъ разныхъ конторъ и распредѣленія ихъ по кварталамъ на раздачу. Я уже не говорю о томъ, что понадобилось бы гораздо большее число высшихъ служащихъ для надзора за подчиненными, что потребовалось бы больше расходовъ на жалованье этимъ довѣреннымъ лицамъ, и по ихъ многочисленности вѣроятно даже пришлось бы часто быть менѣе разборчивымъ при назначеніи на это мѣста, брать на нихъ людей, неспособныхъ исполнять свои обязанности (1). Вотъ почему увеличеніе размѣровъ производства сопровождается удешевленіемъ продуктовъ и облегченіемъ потребленія.

По мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, вопросъ о производствѣ въ большихъ и малыхъ размѣрахъ долженъ рѣшаться по примѣненію къ земледѣлію по инымъ основаніямъ, чѣмъ въ примѣненіи къ другимъ отраслямъ промышленности. Таково на прим. мнѣніе Милля, неотрицающаго, впрочемъ, нѣкоторыхъ выгодъ большихъ фермъ сравнительно съ малыми. Большой фермеръ, говоритъ онъ, имѣетъ нѣкоторую экономію въ издержкахъ по постройкахъ; помѣстить большое количество скота въ одной постройкѣ стоитъ дешевле, чѣмъ помѣщеніе его въ нѣсколькихъ постройкахъ. Существуютъ также преимущества и въ пользованіи орудіями производства; мелкому фермеру не такъ легко и удобно имѣть дорогія орудія, какъ большому. Точно также есть нѣкоторая выгода и относительно издержекъ перевоза, перевести на рынокъ небольшое количество продукта стоитъ почти такого же труда, какъ перевести гораздо большее количество. Перевозка на ферму малаго количества удобренія или предметовъ ежедневнаго потребленія стоитъ почти тоже, что перевозка гораздо

большаго количества; притомъ и покупать вещи большими количествами бываетъ дешевле, чѣмъ малыми. Но всѣ эти выгоды не на столько велики, что бы было желательно уничтоженіе мелкихъ фермъ. Факты изъ обыденной жизни доказываютъ, что мелкія фермы могутъ давать гораздо большій валовой доходъ, чѣмъ большія. Главное преимущество первыхъ надъ послѣдними состоитъ въ томъ, что, какъ выражается Блекеръ, большой фермеръ говоритъ своимъ работникамъ: ступайте на работу, а если мелкій фермеръ нанимаетъ работниковъ, то говоритъ имъ: пойдемте на работу. Разница эта имѣетъ важное значеніе и ее нельзя забывать при сравненіи значенія большихъ и малыхъ фермъ. Одно изъ главныхъ возраженій противъ мелкихъ фермъ состоитъ въ томъ, что онѣ не могутъ содержать достаточнаго количества скота, вслѣдствіе чего у нихъ недостаетъ удобренія и земля, раздробленная на мелкіе участки, должна постепенно истощаться. Дѣйствительность не подтверждаетъ этого воззрѣнія, а доказываетъ совершенно противное. Изобиліе скота и удобренія на мелкихъ фламандскихъ фермахъ составляетъ самую поразительную черту фламандскаго земледѣлія, которому дивятся всѣ знатоки дѣла и въ Англіи и на континентѣ. Наконецъ, для надлежащаго уясненія вопроса о значеніи обработки земли на небольшихъ участкахъ необходимо обращать вниманіе въ особенности на обработку ея мелкими поземельными собственниками. Ни одинъ наемникъ, какъ бы ни была высока его заработная плата, не въ состояніи воздѣлывать землю съ такимъ стараніемъ, съ такимъ уходомъ, какъ воздѣлываетъ ее собственникъ. Вотъ тѣ мотивы, на основаніи которыхъ Миллъ исключаетъ земледѣліе изъ подчиненія общему закону размѣровъ производства (²). Легко замѣтить, что эти мотивы не основательны.

Всѣ сказанныя преимущества малыхъ фермъ и мелкой поземельной собственности существуютъ и въ другихъ отрасляхъ предпріятій, хотя въ то же время не даютъ въ этихъ послѣднихъ отрасляхъ особенныхъ выгодъ предъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ. Мелкій ремесленникъ, подобно мелкому фермеру, говоритъ своимъ рабочимъ: „пойдемте на работу,“ но при всемъ томъ онъ не можетъ производить такъ успѣшно, какъ производитъ

капиталисть, говорящій своимъ рабочимъ: „ступайте на работу.“ Мелкій поземельный собственникъ усерднѣе работаетъ, чѣмъ наемщикъ; но, безъ всякаго сомнѣнія, и мелкій самостоятельный ремесленникъ усерднѣе работаетъ, чѣмъ наймитъ, между тѣмъ это не даетъ ему особаго преимущества надъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ. Необходимо не забывать, что большія предпріятія привлекаютъ къ себѣ образованныхъ распорядителей, а высокое спеціальное и общее образованіе вознаграждаетъ меньшую заинтересованность ихъ въ успѣхѣ предпріятія. Большія сельскохозяйственныя предпріятія имѣютъ возможность привлекать къ себѣ такихъ образованныхъ распорядителей; а изъ этого слѣдуетъ, что въ той степени, въ какой знаніе или вообще умственное раввитіе въ экономическомъ отношеніи важнѣе одного усердія, въ такой же степени большія сельско-хозяйственныя предпріятія выгоднѣе таковыхъ въ малыхъ размѣрахъ. Никто не можетъ упрекнуть нашихъ крестьянъ въ отсутствіи усердія къ труду, между тѣмъ производительность имъ принадлежащихъ земель слабѣе производительности земель помѣщичьихъ (3). Усердіе не можетъ превозмочь той экономіи въ издержкахъ производства, которая представляетъ собою неотъемлемое свойство земледѣлія въ большихъ размѣрахъ. Уже А. Юнгъ констатировалъ фактъ существованія этой экономіи; онъ считаетъ, что въ его время въ Англіи требовалось для фермы:

въ 30 акр.	по 1	рабочему	на 15	акр.	и по 1	лошади на 10	акр.
„ 55	„	„	18⅓	„	„	11	„
„ 88	„	„	22	„	„	14⅔	„

Вотъ почему, говоря относительно, хозяйственный инвентарь въ большихъ имѣніяхъ стоитъ дешевле, чѣмъ въ малыхъ. Въ Саксоніи въ крестьянскихъ хозяйствахъ приходится на 100 акровъ 3⅓ лошадей, между тѣмъ какъ въ дворянскихъ 1½. Въ Бельгіи, въ странѣ мелкопомѣстнаго владѣнія, приходится на 100 гектаровъ 10 лошадей, между тѣмъ какъ въ Англіи всего 6. Крупный земледѣлецъ можетъ производить разнообразныя комбинаціи относительно пользованія своимъ рабочимъ скотомъ, что

недоступно мелкимъ хозяевамъ; такъ на прим. на тяжелыхъ почвахъ онъ можетъ впрягать въ плугъ по 3 лошади и двумя такими плугами онъ обработаетъ вдвое большее пространство, чѣмъ мелкій хозяинъ также двумя плугами и 4 лошадьми. Торговыя сношенія сельскаго хозяина, говоритъ Р о ш е р ъ, не становятся затруднительнѣе въ такой же пропорціи, въ какой возрастаетъ количество производимыхъ имъ продуктовъ. Крупному землевладѣльцу легче производить займы, чѣмъ многимъ мелкимъ, хотя бы сумма землевладѣнія послѣднихъ равнялась одному крупному имѣнію; въ странахъ съ крупнымъ землевладѣніемъ поземельный кредитъ дешевлѣ, чѣмъ въ странахъ съ мелкопомѣстнымъ хозяйствомъ. Нельзя также считать не имѣющею важнаго значенія ту экономію, которую имѣетъ крупный землевладѣлецъ въ издержкахъ по постройкамъ; устроить скотный дворъ на 100 коровъ далеко не значитъ издержать въ 20 разъ болѣе дерева, кирпичу и т. п., чѣмъ на такой дворъ для 5 коровъ; издержки по постройкамъ далеко не возрастаютъ пропорціонально увеличенію размѣровъ строеній. Наконецъ, относительно коммерческой прибыли самъ же М и л л ь говоритъ, что крупныя хозяйства прибыльнѣе малыхъ. Говоря, что валовой доходъ отъ малыхъ хозяйствъ выше таковаго въ большихъ хозяйствахъ, онъ утверждаетъ, что большой фермеръ находитъ излишнимъ платить за весь тотъ трудъ, которому съ радостью отдается поселянинъ или фабричный работникъ, имѣющій въ собственности небольшой участокъ земли. „При одинаковомъ искуствѣ и знаніи, большой фермеръ не получаетъ съ земли столько продукта, какъ мелкій собственникъ или мелкій фермеръ, если у мелкаго фермера есть достаточныя побужденія работать усердно. Но если большой фермеръ получаетъ меньшую пропорцію продукта, онъ расходуетъ еще меньшую пропорцію, а платя за весь трудъ, употребляемый имъ, онъ не находитъ нужнымъ употреблять большее количество его,“ то есть находитъ излишнимъ употреблять такое количество труда, какое употребляетъ собственникъ на своемъ небольшомъ участкѣ земли. Если же въ большихъ хозяйствахъ получается съ относительно меньшими затратами большій продуктъ, чѣмъ въ хозяйствахъ малыхъ, то изъ этого очевидно, что и сельское хозяйство подчинено

тому же общему экономическому закону, по которому издержки дѣла не возрастаютъ пропорціонально размѣрамъ его.

Можно ли на основаніи сказаннаго утверждать, что мелкія самостоятельныя хозяйства не должны существовать, что они должны уступить мѣсто большимъ хозяйствамъ? Многіе даютъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. По видимому, и самая жизнь стремится къ тому, что бы замѣнить малыя хозяйства большими. Если послѣднія производятъ продукты съ меньшими издержками, то первыя не могутъ конкуррировать съ ними и должны прекращать свое существованіе, уступить мѣсто большимъ предпріятіямъ. Но не всегда подобные факты могутъ быть оправданы. При рѣшеніи поставленнаго нами вопроса необходимо постоянно помнить одну истину, въ которой никто никогда не сомнѣвался, которая каждому представляется общимъ мѣстомъ, но которая въ то же время постоянно забывается, когда рѣшается вопросъ о замѣнѣ производства въ малыхъ размѣрахъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ. Истина эта: производство существуетъ для человѣка, а не человѣкъ для производства. Разширеніе размѣровъ производства желательно лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно не сопровождается униженіемъ личности человѣка. Крайнее разширеніе производства можетъ сопровождаться уничтоженіемъ самостоятельности рабочихъ массъ, низведеніемъ ихъ на степень простыхъ орудій производства; человѣкъ въ этомъ случаѣ становится орудіемъ промышленности, не цѣлію производства, но исключительно средствомъ его. Предприниматель легко склоненъ не признавать въ этомъ орудіи человѣческаго достоинства, обращается съ человѣкомъ какъ съ инструментомъ, необходимымъ для производства; пользуется имъ, пока онъ здоровъ и можетъ работать, стараясь выжать возможно больше работы за возможно меньше вознагражденіе, и удаляетъ отъ себя въ случаѣ потери здоровья, удаляетъ также легко, какъ выбрасываетъ тотъ винтъ въ машинѣ, который сдѣлался негоднымъ. Представимъ себѣ, что въ цѣляхъ извлеченія возможно большаго дохода отъ земли поземельная собственность была бы сосредоточена въ рукахъ небольшаго количества землевладѣльцевъ, что мелкая поземельная собственность была бы уничтожена, крестьяне обезземелены,

При такомъ положеніи дѣлъ землевладѣлецъ имѣетъ возможность нанимать рабочихъ дешево, издержки производства, въ числѣ другихъ причинъ и вслѣдствіе дешевизны труда, были бы ничтожны; богатство нѣкоторыхъ было бы велико. Но всякому очевидно, что это богатство было бы основано на фундаментѣ несчастій рабочихъ массъ. Преслѣдовать одни цѣли производства и превращать массу людей, во имя увеличенія производства, въ простыя орудія—это значитъ забывать, что не человѣкъ существуетъ для производства, а производство имѣетъ цѣлію удовлетвореніе потребностей людей. Доктрины, преслѣдующія такія цѣли, должны быть признаны безнравственными. Таковы всѣ доктрины, носящія названіе коммунизма и соціализма, разсчитанныя на то, что люди могутъ продать свою самостоятельность и свободу за богатство, подобно Исаву, продавшему свое право первородства за чечевичную похлёбку. Такъ, по ученію Фурье, тѣ громадныя богатства, которыми будетъ владѣть человѣчество, когда осуществитъ измышленную имъ систему организаціи труда, главнымъ образомъ будутъ проистекать изъ сбереженія расходовъ производства посредствомъ общественнаго хозяйства. Онъ доказываетъ, что „расходы на строительный матеріалъ для возведенія большаго хлѣбнаго амбара, назначеннаго для 300 семействъ, будутъ едва равняться десятой части расхода, употребляющагося на возведеніе 300 такихъ крестьянскихъ овиновъ, какіе имѣются теперь. Сверхъ того, 300 крестьянскихъ семействъ теряютъ въ настоящее время, ежегодно, на одномъ только провозѣ на рынокъ своихъ припасовъ приблизительно 6,000 рабочихъ дней, не высчитывая здѣсь ни расхода на самый провозъ, ни фрахта. Дрова, сожигаемыя теперь въ 100 домашнихъ хозяйствахъ и въ 100 различныхъ кухняхъ, печахъ и каминахъ, могутъ приготовлять пищу для 900 хозяйствъ, если будутъ употребляться въ трехъ нарочно для этой цѣли устроенныхъ кухняхъ; сверхъ того, тѣмъ же самымъ огнемъ можно будетъ еще топить зимою печи.“ Для всей этой экономіи въ расходахъ Фурье требуетъ лишь одного—полнаго отреченія отъ своей самобытности и свободы, жизни въ стойлахъ, называемыхъ фаланстерами и коммунами; во имя увеличенія произведеній, по его системѣ, человѣкъ долженъ быть рабомъ производства (*).

Крайнее увеличеніе размѣровъ производства, сопровождаясь порабощеніемъ значительной части производителей, въ концѣ концовъ становится невыгоднымъ и въ чисто производительномъ значеніи. Когда работникъ теряетъ самостоятельность, тогда производительность его труда постепенно слабѣетъ и предприниматель начинаетъ больше терять на отсутствіи энергіи въ трудѣ, чѣмъ выигриваетъ на разширеніи размѣровъ своего производства. Подневольный трудъ всегда менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободнаго человѣка. Ясно, что разширеніе размѣровъ производства въ своемъ естественномъ развитіи встрѣчаетъ естественный предѣлъ, состоящій въ томъ, что производство перестаетъ приносить выгоды, когда его централизація ведетъ къ потерѣ самостоятельности рабочихъ. Большія сельско-хозяйственныя предпріятія могутъ приносить выгоды лишь до тѣхъ поръ, пока крайнее сосредоточеніе земель не приведетъ къ порабощенію населенія. Таково было положеніе на прим. земледѣльческой промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго до 19 февраля 1864 года. По конституціи, дарованной Наполеономъ I-мъ учрежденному имъ герцогству Варшавскому, крестьяне этихъ губерній получили личную свободу, но безъ надѣла землей. Весьма естественно, что это освобожденіе было только номинальнымъ; безземельный крестьянинъ находился въ полной зависимости отъ помѣщика, — безъ земли онъ не могъ существовать, а владѣть ею онъ могъ не иначе, какъ съ позволенія помѣщика. Сверхъ того, спустя пять мѣсяцевъ послѣ освобожденія крестьянъ, декретомъ герцога варшавскаго было постановлено, что бы крестьянинъ, переходя отъ одного землевладѣльца къ другому, оставлялъ въ пользу перваго свой домъ, скотъ, земледѣльческія орудія и хлѣбъ, необходимый для посѣва на той землѣ, которую онъ занималъ. Очевидно этотъ декретъ имѣлъ прямою цѣлію усилить фактическое закрѣпощеніе крестьянъ, а также доставить возможность произвесть его въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ по какимъ либо обстоятельствамъ крестьянамъ удалось избѣжать его. „При такомъ законодательствѣ крестьянамъ оставалось выбирать одно изъ двухъ: или согласиться на всякія условія, какія бы ни были предложены помѣщикомъ, или же съ женою и дѣтьми покидать свое

прежнее жилище и идти по міру.“ Но это полное сосредоточеніе земли въ рукахъ особаго землевладѣльческаго сословія не было цѣлесообразнымъ и въ спеціально производительномъ значеніи; сельско-хозяйственная производительность того времени была гораздо ниже теперешней производительности. Изъ губерній ц. Польскаго между 1836—1847 г., при населеніи въ 4,800,000 душъ, было вывозимо ежегодно около 2,360,000 прусскихъ шеффелей хлѣба; количество это было достаточно для прокормленія 315,000 человѣкъ; другими словами, вся земледѣльческая производительность края могла давать содержаніе всего 5,115,000 душъ. Въ настоящее время эта производительность даетъ содержаніе почти 6,000,000 туземнаго населенія и, сверхъ того, вывозитъ около 200,000 четвертей, могущихъ покормить 800,000 душъ; то есть въ настоящее время, послѣ надѣленія крестьянъ землей, земледѣльческая производительность края даетъ прокормленіе почти 7,000,000 населенія. Фактъ этотъ неоспоримо доказываетъ, что обработка земли въ большихъ размѣрахъ можетъ считаться прибыльною лишь до тѣхъ поръ, пока она не приводитъ къ уничтоженію самостоятельности рабочихъ.

Для того, чтобы разширеніе размѣровъ производства могло приносить дѣйствительныя выгоды обществу, необходимо совмѣстное существованіе въ странѣ хозяйственныхъ предпріятій самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. При такомъ экономическомъ строю страны, рабочій не можетъ быть порабощенъ большимъ предпринимателемъ; находя для себя тяжелымъ служить у послѣдняго, онъ предпочтетъ самостоятельное небольшое хозяйство. Большія предпріятія не будутъ вести къ уничтоженію самостоятельности рабочихъ и, поэтому, не будутъ сопровождаться вредными послѣдствіями для общества. Съ другой стороны, существованіе большихъ предпріятій оказываетъ благотворное вліяніе на развитіе малыхъ, служа образцемъ улучшеній и мотивомъ къ ихъ принятію, такъ какъ безъ принятія ихъ не всегда возможно конкуррировать съ большими предпріятіями. Изъ этого видно, что необходимо совмѣстное существованіе въ странѣ большой, средней и малой поземельной собственности. На общественной власти лежитъ трудная обязанность регулировать разнообразіе хозяй-

ственныхъ предпріятій въ цѣляхъ предупрежденія уничтоженія однихъ другими.

(1) Осн. пол. экономіи, т. 1, стр. 184. (2) Ibid. стр. 185—198. (3) Докладъ коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства 1, стр. 14. (4) National-oekonomie des Ackerbaues, B. 11. § 49. (5) Б. Гильдебрандтъ. Истор. обозрѣніе пол. экон. системъ, стр. 93.

II. Формы предпріятій.

§ 1. Производство можетъ быть предпринимаемо или собственниками или временными владѣльцами тѣхъ или иныхъ факторовъ производства. Вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ формъ предпріятій до настоящаго времени раздѣляетъ экономистовъ на два направленія; одни утверждаютъ, что производитель наиболѣе усерденъ лишь въ то время, когда онъ является собственникомъ предпріятія, что личная заинтересованность въ трудѣ должна быть признана всеобщимъ экономическимъ двигателемъ, а заинтересованность такая во всей полнотѣ своей проявляется только у собственника; другіе утверждаютъ, что и временные владѣльцы тѣхъ или иныхъ факторовъ производства могутъ вести предпріятія также успѣшно, какъ и собственники, что заинтересованность въ дѣлѣ собственника не можетъ быть признана единственнымъ и основнымъ экономическимъ двигателемъ. Первое воззрѣніе наиболѣе научно развито еще А. Смитомъ. По его мнѣнію, человѣкъ наибольшую пользу приноситъ обществу лишь тогда, когда, какъ производитель, онъ лично заинтересованъ въ исходѣ предпріятія, а наиболѣе онъ заинтересованъ тогда, когда состоитъ собственникомъ предпріятія. Исходя изъ этого понятія о значеніи собственности въ производствѣ, А. Смитъ пришелъ къ тому убѣжденію, что по принципу найма предпріятія могутъ дѣйствовать лишь въ ограниченной сферѣ такихъ операцій, выполненіе которыхъ можетъ быть строго регламентировано и въ которыхъ доступенъ всякому надзоръ за наем-

ными исполнителями дѣла. Къ такимъ операціямъ онъ относитъ: банковыя, страховыя, построеніе каналовъ и водопроводныхъ трубъ (1). Въ сельскомъ хозяйствѣ обработка земли собственниками лучше обработки ея арендаторами, которые уже потому одному не могутъ производить поземельныхъ улучшеній въ такихъ размѣрахъ, какъ собственникъ, что часть капитала ихъ уносится арендной платой (2). Артуръ Юнгъ называлъ собственность „магическою силою, обращающею песокъ въ золото.“ Дайте человѣку, говоритъ онъ, въ прочное владѣніе скалу, онъ обратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню (3). По мнѣнію писателей втораго направленія, добросовѣстный и успѣшный трудъ получается не только тогда, когда производитель лично пользуется въ качествѣ собственника факторами производства. „Какъ незначительна, говоритъ Миллъ, часть совершаемаго въ Англіи труда, производимаго лицами, работающими въ свою собственную пользу, какъ мала эта часть во всѣхъ родахъ труда, отъ наименѣе вознаграждаемыхъ до наиболѣе вознаграждаемыхъ. Отъ ирландскаго жнеца или чернорабочаго до верховнаго судьи и государственнаго министра почти весь трудъ, совершаемый въ обществѣ, вознаграждается поденною платою, или опредѣленнымъ жалованьемъ (4). По мнѣнію гр. Гаспарена, въ сельскомъ хозяйствѣ „господство воздѣлыванія почвы самимъ собственникомъ обусловливается малымъ развитіемъ промышленности, даже вообще цивиллизаціи и общественной свободы. Господство этого рода землевоздѣлыванія зависитъ отъ бѣдности земледѣльческаго класса, отъ котораго нельзя ждать никакихъ затратъ, иногда отъ его несвободнаго состоянія, потому что при крѣпостномъ состояніи народа помѣщикъ также крѣпокъ землѣ, какъ и крестьянинъ: крѣпостное состояніе принуждаетъ собственника самому заниматься своимъ владѣніемъ вслѣдствіе недостатка и въ людяхъ, на которыхъ можно положиться, и въ людяхъ, у которыхъ есть капиталъ (5). По ученію Рошера, арендная система въ общественномъ отношеніи также болѣе полезна, чѣмъ обработка земли самими собственниками. Разумно устроенная арендная система, говоритъ онъ, имѣетъ тенденцію привлекать къ земле-

дѣлію капиталы, которые безъ нея не пошли бы къ сельскому хозяйству. Если капиталистъ арендуетъ участокъ земли и употребляетъ свой капиталъ на поземельныя улучшенія, то общество болѣе выигриваетъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы этотъ капиталистъ употребилъ свой капиталъ на покупку имѣнія, уплаченной имъ суммы сельское хозяйство лишалось бы (6). По Л. де Лаверню, для производства одинаковыхъ поземельныхъ улучшеній землевладѣлецъ долженъ имѣть вдвое большій капиталъ, чѣмъ арендаторъ; послѣдній весь свой капиталъ, употребляетъ въ сельскохозяйственное дѣло, между тѣмъ какъ первый сверхъ того затрачиваетъ часть на покупку имѣнія (7). На основаніи прочныхъ гарантій, представляемыхъ современной арендой, говоритъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, она является образцовой формой хозяйства. Утверждать, будто поземельныя улучшенія могутъ предприниматься лишь тогда, когда земледѣлецъ обезпеченъ въ томъ, что онъ, затрачивающій трудъ и капиталъ, воспользуется самъ и плодами этой затраты въ будущемъ, значитъ впадать въ большую ошибку и противорѣчить дѣйствительности. „Въ числѣ улучшеній земли есть такія, вліяніе которыхъ на почву очень продолжительно и даже, какъ полагаютъ, постоянно; иначе говоря, плоды такихъ улучшеній будутъ получаться въ теченіи продолжительнаго и даже неопредѣленнаго времени. А между тѣмъ и на такія улучшенія временный владѣлецъ затрачиваетъ свой капиталъ также, какъ и на тѣ, вліяніе которыхъ на почву прекращается быстро. Рѣшается онъ на такія затраты всякій разъ, когда улучшеніе обѣщаетъ возвратить израсходованное и дать обычный процентъ на капиталъ, не заботясь нисколько о томъ, что оно будетъ вліять на доходъ и послѣ оплаты затраченнаго капитала. Будетъ ли такъ называемое „постоянное улучшеніе“ произведено фермеромъ, или даже акціонерной компаніей, и тотъ и другая, какъ представители капитала, прилагаютъ его къ землѣ не въ видахъ вѣчнаго полученія дохода, а единственно потому, что это приложеніе въ теченіи извѣстнаго періода возвращаетъ капиталъ обратно и приноситъ такой процентъ, которымъ они вполнѣ удовлетворяются (8).“

Это разногласіе въ воззрѣніяхъ по вопросу о значеніи принциповъ собственности и временнаго владѣнія въ производство имѣетъ реальное основаніе. Въ дѣйствительности и полная собственность и временное владѣніе не всегда имѣютъ одинаковое значеніе въ производствѣ. Поземельный собственникъ можетъ хищнически пользоваться своимъ имуществомъ, можетъ истощить производительныя силы земли нерацiональнымъ пользованіемъ, уничтожить лѣсъ и т. п.; точно также можетъ поступать и временный владѣлецъ. Наоборотъ, при существованіи опредѣленныхъ условій временное владѣніе является „магической силой, превращающей песокъ въ золото," подобно магической силѣ, приписываемой собственности. Но никто не можетъ отрицать того, что, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, предприниматель собственникъ болѣе заинтересованъ въ благоразумномъ пользованіи факторами производства, чѣмъ временный владѣлецъ послѣднихъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что временный владѣлецъ, при существованіи достаточныхъ гарантій, производитъ капитальныя затраты, руководясь возможностію извлечь возможно большую прибыль и возвратить свой капиталъ; прекрасной иллюстраціи этого служитъ англійское земледѣліе, въ которомъ большая часть усовершенствованій произведена фермерами. Но если капитальныя затраты производитъ фермеръ, то еще больше имѣетъ побужденій производить ихъ собственникъ, который не только получаетъ прибыль и возвращаетъ свой капиталъ, подобно фермеру, но и послѣ этого пользуется произведенными улучшеніями. Если фермеръ прилагаетъ къ землѣ свой капиталъ не въ видахъ постояннаго полученія дохода, но „единственно потому, что это приложеніе въ теченіи извѣстнаго періода возвращаетъ капиталъ обратно и приноситъ достаточный процентъ," то поземельный собственникъ, сверхъ побужденій, присущихъ и фермеру, производя затраты, имѣетъ въ виду „постоянное" полученіе дохода. Очевидно, что такой собственникъ имѣетъ болѣе мотивовъ и больше усердія къ хозяйственной дѣятельности, чѣмъ фермеръ. Съ другой стороны, при развитіи кредита этотъ собственникъ не можетъ нуждаться въ капиталѣ, слѣдовательно нельзя сказать, что для него затруднительнѣе производ-

ство капитальныхъ улучшеній, чѣмъ для временнаго владѣльца. Личный интересъ — это краеугольный камень производительной дѣятельности; предприниматель собственникъ и временный владѣлецъ факторовъ производства подчиняются этому основному экономическому двигателю; не имѣя личнаго интереса въ улучшеніяхъ, ни собственникъ, ни временный владѣлецъ не предпринимали бы ихъ. Но этотъ личный интересъ полнѣе выражается въ собственности, чѣмъ во временномъ владѣніи. Въ этомъ отношеніи, со стороны усердія и побужденій къ улучшеніямъ, предпріятія, организованныя собственниками, имѣютъ преимущество предъ предпріятіями, организованными временными владѣльцами факторовъ производства. Для надлежащей успѣшности послѣднихъ необходимо существованіе такихъ условій, которыя нейтрализовали бы недостатокъ усердія или вызывали бы побужденія къ затратамъ; только при существованіи такихъ условій предпріятія эти могутъ имѣть благотворное вліяніе на производительность страны. Только при наличности такихъ условій принципъ временнаго владѣнія дѣйствительно можетъ быть подведенъ къ одному знаменателю съ принципомъ полной собственности.

Существеннѣйшее изъ этихъ условій состоитъ въ организаціи предпріятій въ относительно большихъ размѣрахъ. „Усердіе приноситъ мало пользы, справедливо замѣчаетъ Милль, если принадлежитъ человѣку безъ хорошихъ умственныхъ способностей,—а это по необходимости должно быть такъ въ большей части предпріятій, управляемыхъ лицами, наиболѣе заинтересованными въ нихъ. Когда предпріятіе обширно и можетъ давать вознагражденіе, достаточное для привлеченія къ нему кандидатовъ, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ, то для общаго управленія и для всѣхъ второстепенныхъ обязанностей спеціальнаго рода можно бываетъ выбирать людей съ такими знаніями и умственнымъ развитіемъ, что эти преимущества съ излишкомъ будутъ вознаграждать меньшую степень ихъ заинтересованности въ результатѣ предпріятія. Благодаря своей большой проницательности, они, посвящая дѣлу даже только часть своихъ мыслей, могутъ замѣчать выгоды, которыя не будутъ никакъ замѣчены людьми посредственныхъ способностей даже при полномъ напряженіи

вниманія; а превосходство знаній, обычная вѣрность взгляда и сужденія предохраняютъ ихъ отъ ошибокъ, боязнь которыхъ удержала бы рисковать своими интересами чрезъ отступленіе отъ обыкновенной рутины (9). Въ большихъ предпріятіяхъ недостатокъ усердія руководителей и исполнителей вполнѣ вознаграждается превосходствомъ ихъ знаній и искуства. Къ этому же результату приводитъ и та экономія въ издержкахъ, которая составляетъ характеристическую черту производства въ большихъ размѣрахъ. Большія фермы привлекаютъ къ себѣ людей опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, вслѣдствіе чего относительный недостатокъ усердія нейтрализуется знаніемъ; съ другой стороны, большой фермеръ имѣетъ экономію въ издержкахъ производства, что въ свою очередь вознаграждаетъ за недостатокъ усердія. Говоря это, необходимо помнить, что размѣры землевладѣнія опредѣляются не механически, но экономически; то пространство земли, которое при одной системѣ сельскаго хозяйства считается мелкимъ владѣніемъ, при другой можетъ быть крупнымъ; вблизи Лондона фермерское хозяйство на 5 — 20 акрахъ имѣетъ такое же значеніе, какъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ ферма въ 150—200 акровъ (10).

Такъ какъ личный интересъ лежитъ въ основаніи производительной дѣятельности, то какъ собственность, такъ и временное владѣніе наибольшія выгоды приносятъ обществу тогда, когда экономическій строй требуетъ разумнаго пользованія факторами производства. Въ Англіи каждый фермеръ, подчиняясь личному интересу, производитъ всевозможныя поземельныя улучшенія, такъ какъ именно въ этомъ состоитъ его прямая выгода; онъ по необходимости въ опредѣленномъ направленіи производитъ капитальныя затраты, такъ какъ всякое иное пользованіе чужою поземельною собственностію было бы для него убыточно. Наоборотъ, при менѣе благопріятномъ экономическомъ строѣ, поземельный собственникъ можетъ истощать силы земли, также подчиняясь личному интересу. Въ этомъ отношеніи разница между принципами временнаго владѣнія и полною собственностію состоитъ лишь въ томъ, что при неблагопріятномъ экономическомъ строѣ временный владѣлецъ болѣе склоненъ къ хищ-

ничеству, чѣмъ собственникъ, имущество котораго можетъ быть разрушено продолжительнымъ нераціональнымъ пользованіемъ ([11]).

Такимъ же образомъ, при существованіи благопріятныхъ условій личный интересъ въ сферѣ наемнаго труда производитъ превращеніе „песка въ золото.“ Наемный рабочій, получающій хорошее вознагражденіе и дорожащій имъ, работаетъ также успѣшно, какъ и собственникъ. Въ этомъ отношеніи въ сферѣ найма дѣйствуетъ то общее правило, по которому рабочій тѣмъ усерднѣе трудится, чѣмъ болѣе въ его занятіе проникаетъ личный интересъ. Вотъ почему трудъ раба менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ крѣпостнаго; трудъ крѣпостнаго менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободнаго человѣка; на этомъ же основаніи существуетъ разница въ степени продуктивности и свободныхъ рабочихъ, смотря по различію въ получаемомъ ими вознагражденіи ([12]). Наконецъ, личный же интересъ на высшихъ ступеняхъ гражданственности въ сферѣ общественнаго труда является тою свѣтлою силою, благодаря которой частныя лица проникаются идеей общественности, служатъ общественному дѣлу съ такимъ же рвеніемъ, какъ бы служили своему собственному.

([1]) Rich. des Nations, т. III., стр. 103. ([2]) Ibid. т. 2. стр. 150. ([3]) Милль. Осн. пол. экономіи, т. 1. стр. 335. ([4]) Ibid. стр. 254—255. ([5]) Фермерство, стр. 5. ([6]) N.-eokonomie des Ackerbaues B. II § 62. ([7]) Essai sur l'econ. rurale de l'angleterre, de l'écosse et de l'irlande, стр. 121—124. ([8]) Посниковъ. Общинное землевладѣніе, т. 1., стр. 68. ([9]) Милль. Основанія, т. 1. стр. 181—182. ([10]) Roscher. N. oecon. des Ackerb. ib. § 48. ([11]) Подъ вліяніемъ условій сбыта продуктовъ въ Англіи посѣвы, истощающіе почву, занимаютъ незначительное пространство, между тѣмъ какъ во Франціи посѣвы эти имѣютъ преобладающее значеніе, такъ какъ вызываются особенностями сбыта см. L. de Lavergne. Essai sur l'econ. rurale de l'angl. и пр. ch. IV. ([12]) W. Roscher. Die Grundlagen der Nationalökonomie, §§ 39, 40.

§ 2. Всѣ производства, основанныя какъ на принципѣ полной, такъ и на принципѣ неполной собственности, обыкновенно

предпринимаются или единоличными предпринимателями, или товариществами капиталистовъ, или товариществами послѣднихъ вмѣстѣ съ рабочими, или, наконецъ, товариществами самихъ рабочихъ.

Когда отдѣльный человѣкъ становится промышленнымъ предпринимателемъ, ведетъ дѣло на собственный рискъ и отвѣтственность, то всѣ другіе люди, участвующіе въ такомъ предпріятіи, имѣютъ значеніе вполнѣ подчиненное; за свой трудъ они получаютъ опредѣленное жалованіе, не участвуя ни въ прибыляхъ, ни въ убыткахъ предпріятія. Это чуждая всѣхъ осложненій форма производства, совершаемаго единоличными предпринимателями. При этой формѣ предприниматель пользуется наибольшею хозяйственною свободою; ему принадлежитъ инпціатива дѣла, отъ него одного зависитъ то или иное направленіе предпріятія, его существованіе и прекращеніе. Вотъ почему съ точки зрѣнія хозяйственной свободы форма эта должна быть признана имѣющею особенно важное значеніе въ народной экономіи. Экономическій прогрессъ былъ бы не мыслимъ, если бы не было въ обществѣ людей передовыхъ, силой мысли своей освободившихся отъ обычной рутины въ производствѣ, изобрѣтающихъ способы улучшеній и осуществляющихъ ихъ на дѣлѣ; масса обыкновенныхъ людей, боящаяся нововведеній до той поры, пока не увидитъ ихъ выгодности, только благодаря такой дѣятельности передовыхъ предпринимателей можетъ развиваться прогрессивно. Чужіе капиталы съ большимъ трудомъ получаются для нововведеній; представителямъ послѣднихъ почти всегда приходится единолично нести рискъ и отвѣтственность по осуществленію ихъ изобрѣтеній и открытій. Въ единоличныхъ предпріятіяхъ безусловно осуществляется идея личнаго интереса, такъ какъ единоличный предприниматель дѣйствуетъ вполнѣ свободно, преслѣдуя тѣ или иныя промысловыя цѣли. И такъ какъ личный интересъ является основнымъ двигателемъ на пути хозяйственныхъ улучшеній, то единоличныя предпріятія, представляя собою полное выраженіе идеи личнаго интереса, представляютъ собою тѣ формы дѣятельности, благодаря которымъ индивидуумъ освобождается отъ стѣсняющихъ условій труда и становится піонеромъ въ сферѣ производственныхъ усовершенствованій.

Но въ дѣйствительности существуетъ много предпріятій, выполненіе которыхъ недоступно средствамъ отдѣльнаго лица. Отсюда возникаетъ необходимость товариществъ между предпринимателями—капиталистами, между капиталистомъ или ихъ товариществомъ и рабочими, и между самими рабочими. Товарищество между капиталистами—предпринимателями раздѣляются на полныя товарищества и товарищества найщиковъ. Полное товарищество состоитъ въ томъ, что всѣ участники, складывающіе свои капиталы для осуществленія опредѣленнаго предпріятія, отвѣчаютъ предъ третьими лицами всѣмъ своимъ имуществомъ; отвѣтственность ихъ — неограниченная. Весьма естественно, что не много можетъ быть такихъ людей, которые на подобныхъ условіяхъ соглашались бы вступать въ товарищества; поэтому полныя товарищества не часто встрѣчаются. Большею частью встрѣчаются товарищества съ ограниченною отвѣтственностью участниковъ, или товарищества найщиковъ. Ограниченная отвѣтственность участниковъ предпріятія можетъ быть двухъ видовъ, она можетъ относиться или ко всѣмъ участникамъ предпріятія, или только къ нѣкоторымъ. Въ первомъ случаѣ товарищества называются акціонерными въ тѣсномъ смыслѣ слова; во второмъ—товариществами на вѣрѣ или коммандитными товариществами. Когда нѣсколько лицъ вступаютъ между собою въ союзъ для веденія какого либо дѣла и вносятъ опредѣленныя доли капитала, объявляя всѣмъ третьимъ лицамъ, съ которыми могутъ имѣть сношенія, что берутъ на себя отвѣтственность при могущихъ случиться потеряхъ только въ размѣрахъ складочнаго капитала, то такое товарищество называется акціонернымъ. Французское законодательство называетъ подобнаго рода товарищества также апонимными. Когда же промышленное товарищество образуется такимъ образомъ, что одни изъ участниковъ входятъ на правахъ полныхъ товарищей, то есть несутъ отвѣтственность всѣмъ своимъ имуществомъ, а другіе принимаютъ на себя отвѣтственность только имуществомъ складочнымъ, то эти товарищества носятъ названіе коммандитныхъ, или товариществъ на вѣрѣ.

Товарищества между предпринимателями и рабочими состоятъ изъ союзовъ, въ которыхъ вознагражденіе рабочихъ за ихъ

трудъ не ограничивается однимъ постояннымъ окладомъ въ видѣ или жалованья выдаваемаго за извѣстное рабочее время, или такъ называемой поштучной платы, но при существованіи этой формы вознагражденія, или даже безъ нея, рабочіе имѣютъ участіе въ прибыляхъ отъ предпріятія. Существованіе этой формы предпріятій вызывается какъ необходимостью привлеченія рабочихъ къ опредѣленной отрасли производства, такъ и стремленіемъ заохотить ихъ къ труду, такъ какъ работникъ, интересы котораго солидарны съ интересами предпринимателя, работаетъ усерднѣе того, кто мало или вовсе незаинтересованъ въ успѣшности дѣла. Въ обрабатывающихъ отрасляхъ промышленности продуктивное значеніе этой солидарности интересовъ уже давно осознано и осуществленіе ея встрѣчается весьма часто. Въ сельскомъ хозяйствѣ такая форма предпріятій болѣе рѣдка, хотя именно въ этой отрасли промышленности она наиболѣе необходима ([1]). Въ земледѣліи наиболѣе употребительнымъ видомъ товарищества между землевладѣльцемъ и лицами, обработывающими землю, можетъ быть названа система половничества, являющаяся въ тоже время весьма неудовлетворительной формой. Обработывающій землю на правахъ половника обыкновенно отдаетъ половину плодовъ собственнику земли, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доля послѣдняго бываетъ или больше, или меньше этой обычной нормы. По видимому, такое половничество вполнѣ объединяетъ интереса земледѣльца съ землевладѣльцемъ; чѣмъ лучше будетъ обработывать землю первый, тѣмъ большій получитъ онъ доходъ и въ тоже время тѣмъ большій доходъ отъ земли получитъ и землевладѣлецъ. Дѣйствительность не оправдываетъ этого предположенія. Въ то время, когда земледѣліе ведется экстенсивно, когда въ земли затрачивается мало капиталовъ, половничество не тормозитъ развитія сельскаго хозяйства; на высшихъ же ступеняхъ общественности оно является системой вредной въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. По мѣрѣ увеличенія поземельныхъ затратъ со стороны половника, обработка земли для послѣднаго становится все болѣе и болѣе убыточною, подъ вліяніемъ закона непропорціональности между возрастаніемъ продукта и возрастаніемъ издержекъ. При издержкѣ половника въ 100 р. и при валовомъ доходѣ въ

500 рублей, половникъ получитъ 150 р., землевладѣлецъ 250; при издержкѣ половника въ 300 р. и при валовомъ доходѣ въ 800 руб., половникъ получитъ 100 руб., а землевладѣлецъ 400 рублей (2). Очевидно, что половнику невыгодно производить поземельныя улучшенія, требующія капитальныхъ затратъ; его интересы въ этомъ отношеніи не солидарны съ интересами землевладѣльца. По мнѣнію А. Смита, половникъ не имѣетъ выгоды производить какія бы то ни было улучшенія на собственный счетъ (3). Самая форма платежа за землю, состоящая почти всегда въ выдачѣ продуктовъ, не благопріятствуетъ развитію сельско-хозяйственнаго дѣла. По справедливому замѣчанію de Passy, половникъ, отдающій землевладѣльцу часть продуктовъ изъ всей массы его произведеній, не можетъ быть заинтересованъ въ производствѣ возможно бо́льшаго чистаго дохода съ опредѣленнаго пространства земли. Предположимъ, что въ данной мѣстности гектаръ, засѣянный рожью, приноситъ 125 франковъ, при издержкахъ въ 45 фр.; между тѣмъ какъ тотъ же гектаръ, засѣянный пшеницей, при издержкахъ въ 120 франковъ, приноситъ 250 фр. валоваго дохода. Арендаторъ, платящій денежную ренту, безъ всякаго сомнѣнія, предпочтетъ культуру пшеницы культурѣ ржи; культура, дающая ему 130 франковъ чистаго дохода, для него выгоднѣе культуры, дающей всего 80 фр. такого дохода. Совершенно иначе разсчитываетъ половникъ; гектаръ пшеницы, дающій 250 фр., при затратахъ въ 120 фр., даетъ ему валоваго дохода 125 фр., а по вычетѣ затратъ, приноситъ чистаго дохода всего 5 франковъ; — гектаръ ржи, при издержкахъ въ 45 фр. и валовомъ доходѣ въ 125 фр., даетъ ему воловаго дохода 62½ фр. а чистаго 17½ франковъ. Очевидно, что половникъ будетъ засѣвать на арендуемомъ имъ полѣ не пшеницу, но рожь; культура пшеницы для него убыточна сравнительно съ культурой ржи. На этомъ же основаніи, говоритъ de Passy, половникъ не будетъ заниматься культурой льна, пеньки и имъ подобныхъ продуктовъ, производство которыхъ поглащаетъ болѣе половины цѣнности получаемаго чистаго дохода. Половничество, такимъ образомъ, препятствуетъ введенію и развитію тѣхъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, которыя, при значительныхъ затратахъ, ведутъ къ

увеличенію чистаго дохода съ опредѣленнаго участка земли. Эта система должна быть признана вредною для сельско-хозяйственнаго прогресса (1). Во многихъ мѣстахъ, въ которыхъ господствуетъ половничество, капиталы для поземельныхъ улучшеній даются землевладѣльцами. Но легко можетъ случиться, что полученный для такихъ цѣлей капиталъ будетъ употребленъ половникомъ въ посторонніе земледѣлію промыслы; съ другой стороны, снабженіе половниковъ капиталами выгодно для землевладѣльца лишь тогда, когда эти капиталы, затраченные въ землю, приносятъ по крайней мѣрѣ вдвое большій процентъ сравнительно съ обычнымъ въ данной мѣстности; если этого условія нѣтъ, то землевладѣльцу нѣтъ выгоды снабжать капиталомъ своего половника, такъ какъ ему прійдется получить при этомъ процентъ на половину меньшій противъ обычнаго. Вотъ почему половничество, по общему правилу, тормозитъ развитіе сельско-хозяйственнаго дѣла. Оно можетъ быть оправдываемо лишь въ видѣ такъ называемой испольной работы, когда нанимаемый работникъ получаетъ вознагражденіе въ натурѣ изъ части продуктовъ, въ производствѣ которыхъ онъ участвуетъ только своимъ трудомъ. Такъ при кошеніи сѣна такая форма участія рабочаго въ общемъ доходѣ отъ луговодства вполнѣ раціональна; чѣмъ тщательнѣе съ опредѣленнаго участка онъ скоситъ сѣно, тѣмъ большая доля продукта ему достанется, а вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ болѣе выиграетъ и луговладѣлецъ. Натуральное участіе въ прибыляхъ предпріятія во многихъ случаяхъ можетъ быть замѣнено денежнымъ, но до настоящаго времени сельско-хозяйственная практика представляетъ мало фактовъ такой организаціи сельско-хозяйственнаго труда, далеко отставшаго въ этомъ отношеніи отъ обрабатывающихъ отраслей промышленности.

Послѣднюю форму предпріятій составляютъ союзы рабочихъ, называемые у насъ артелями. Предпріятія въ этой формѣ уже давно обратили на себя вниманіе многихъ писателей, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ извратившихъ истинное значеніе артельнаго труда и превратившихъ его въ какое то страшилище, угрожающее проглотить и уничтожить цивиллизацію современныхъ народовъ.

Союзы рабочихъ, такъ искаженные разными прожектерами, организуются по закону простаго сотрудничества или единенія сходныхъ интересовъ. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что разныя лица помагаютъ другъ другу въ выполненіи одной и той же работы. Значеніе такого совмѣстнаго труда впервые было уяснено въ экономической наукѣ Уэкфильдомъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію изслѣдованія А. Смита о богатствѣ народовъ. „При многихъ случаяхъ простаго сотрудничества людей, говоритъ онъ, каждому очевидно, что двое людей, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше четырехъ людей, или четырежды четырехъ людей, работающихъ каждый особо отъ другихъ. Подниманіе большихъ тяжестей, подниливаніе деревьевъ на корню, пилка лѣса, уборка большаго количества сѣна или хлѣба въ короткое время хорошей погоды, осушеніе большаго пространства земли въ недолгій періодъ, въ какой можно успѣшно вести это дѣло, передвиганіе оснастки на кораблѣ, движеніе большихъ лодокъ веслами, нѣкоторыя рудокопныя операціи, установка лѣсовъ для постройки зданій, битье камня для поправки шоссе въ такомъ количествѣ, что бы все шоссе постоянно было исправно—во всѣхъ этихъ и въ тысячахъ другихъ простыхъ операціяхъ рѣшительно необходимо работать многимъ людямъ въ одномъ мѣстѣ, въ одно время, однимъ и тѣмъ же способомъ. Дикари Новой Голландіи никогда не помагаютъ другъ другу, даже въ самыхъ простѣйшихъ операціяхъ, и ихъ положеніе едва-ли выше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже ниже состояніе дикихъ животныхъ, которыхъ удается имъ ловить.“ Въ борьбѣ съ разнообразными препятствіями въ дѣлѣ производства и удовлетворенія потребностей, людямъ необходимо соединяться вмѣстѣ, иначе индивидуальныя усилія ихъ могутъ оказаться безполезными; имъ необходимо соединяться вмѣстѣ не только для борьбы съ могучими силами природы, но и для спасенія въ сферѣ той междучеловѣческой борьбы, которая называется конкурренціей. Отдѣльный экономическій атомъ легко погибаетъ въ этой борьбѣ; другіе занимаютъ его мѣсто, радуясь паденію конкуррента, радуясь появленію вакантнаго мѣста. Спасеніе и помощь въ такіе черные дни онъ можетъ найти только въ союзахъ, организован-

ныхъ по закону единенія сходныхъ интересовъ. Принципъ общиннаго труда имѣетъ такимъ образомъ высокое значеніе въ народной экономіи. Но не нужно преувеличивать этого значенія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, желающіе, чтобы артельная форма предпріятій поглотила всѣ другія формы. У насъ, на прим., нѣкоторые писатели предлагаютъ проэкты такихъ земледѣльческихъ артелей, при которыхъ отдѣльные крестьяне не имѣли бы самостоятельной поземельной собственности, сообща обработывали землю, принадлежащую общинѣ и, за тѣмъ, дѣлились бы продуктами. Эти проэкты обезземеленія крестьянъ противны свободѣ человѣка. Не имѣя отдѣльной собственности, къ которой можно былобы приложить свой трудъ и добыть себѣ средства существованія, отдѣльный работникъ будетъ въ полной зависимости отъ артели, его личная свобода будетъ только номинальною свободою. Всѣ приговоры большинства артельщиковъ, которымъ онъ не сочувствуетъ, будутъ имѣть для него принудительное значеніе; онъ долженъ будетъ работать такъ и тогда, какъ того желаетъ большинство артельщиковъ, или лица, стоящія въ главѣ артели. Не повиноваться онъ не можетъ, такъ какъ неповиновеніе можетъ быть равносильно лишенію средствъ существованія. Въ поземельной артели неизбѣжно встрѣтиться съ тѣмъ общимъ явленіемъ, что одна личная свобода, несопровождаемая свободою экономическою, равняется нулю. Конечно, можетъ быть установлено для всѣхъ артелей общее правило, по которому посредствомъ годичнаго взноса опредѣленной суммы артельщикъ можетъ освободить себя отъ работы въ натурѣ, не лишаясь правъ на доходы, какъ это было въ извѣстной ржищевской артели (5); мы не отрицаемъ, что такое постановленіе можетъ принести извѣстную долю пользы, но далеко не всегда. Артельщикъ не всегда можетъ владѣть достаточными средствами для подобныхъ взносовъ; за тѣмъ, если возможность такихъ взносовъ будетъ облегчена, на прим. посредствомъ особаго кредита, то артель легко останется безъ членовъ работниковъ, которые предпочтутъ работу, соотвѣтствующую личному выбору, работѣ по наряду. Въ послѣднемъ случаѣ артель перестанетъ существовать, между тѣмъ какъ въ первомъ она будетъ особымъ видомъ закрѣпощенія, будетъ,

такъ сказать, взаимнымъ закрѣпощеніемъ, такъ какъ при отсутствіи экономической свободы не можетъ быть и рѣчи о существованіи личной свободы человѣка. На этомъ основаніи Милль осуществленіе артельнаго сельскаго хозяйства, организованнаго парагвайскими іезуитами, объясняетъ тѣмъ, что образованные люди привели подъ свое умственное владычество племя дикарей, подчинившихся ихъ безусловной власти. Это хозяйство, говоритъ онъ, „предполагаетъ полный деспотизмъ со стороны правителей—товарищей, и черта эта мало измѣнилась бы тѣмъ, если бы лица, которымъ ввѣряется власть, стали по временамъ смѣняться посредствомъ народныхъ выборовъ (6). Вотъ почему и въ западной Европѣ мы встрѣчаемъ факты артельнаго сельскаго хозяйства, но только въ тѣ вѣка, когда люди мало дорожили свободой, когда немногіе изъ образованныхъ людей понимали и чувствовали потребность индивидуальной свободы. Во Франціи въ средніе вѣка существовали крестьянскія общины — communautés, обрабатывавшія землю сообща и дѣлившія между собою продукты общиннаго труда. Общинники жили „á communs pot, sel et dépense, „a mixtion des biens“, старались быть въ отношеніяхъ между собою „uns et communs en biens meubles, héritages et conquêtes (7). Нравственныя и общественныя условія, споспѣшествовавшія развитію индивидуализма, свободы и уваженія къ личности ближнихъ, были причиною постепеннаго исчезновенія этихъ общинъ, въ большей части случаевъ неоставившихъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, почему въ настоящее время слабые остатки ихъ рѣдко гдѣ встрѣчаются (8). Лишь тотъ, кто не желаетъ видѣть въ человѣкѣ индивидуума, а только экземпляръ породы въ особомъ стадѣ, можетъ не сомнѣваться въ разумности артельныхъ общинъ. Если бы такому человѣку предстояла дилемма: или поступить въ члены поземельной артели, или получить незначительный надѣлъ земли въ частное владѣніе, онъ, не задумываясь, предпочелъ бы послѣднее, предпочелъ бы свободу распоряженія своимъ рабочимъ временемъ, труду обязательному и подневольному въ сельской общинѣ. Но вопросъ иначе рѣшается разнаго рода соціалистическими прожектерами, когда дѣло идетъ о другихъ и въ особенности о „мужикѣ.“ Для этихъ другихъ за-

конъ индивидуальнаго развитія и личной независимости не признается; даже совѣсть не протестуетъ у этихъ писателей — преобразователей, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подѣлить людей на особыя стойла, называемыя земледѣльческими артелями, коммунами и т. п. Подумаешь, что вопросъ идетъ лишь объ уничтоженіи пастбищъ и кормленіи скота въ стойлахъ.

Наши крестьяне несравненно разумнѣе относятся къ вопросу объ артельныхъ предпріятіяхъ. Они, на примѣръ, избѣгаютъ такихъ видовъ земледѣльческой артели, при которыхъ каждый отдѣльный членъ долженъ отказаться отъ своего поземельнаго надѣла, лишиться такимъ образомъ хозяйственной свободы, и при которыхъ участіе въ артели должно быть обязательно какъ для настоящихъ, такъ и для нарождающихся поколѣній рабочихъ. Они понимаютъ, что именно такіе виды артели всего опаснѣе для свободной дѣятельности каждаго, дѣлая отдѣльнаго хозяина батракомъ общины. Поэтому общинный трудъ, направленный къ обработкѣ собственныхъ пахатныхъ участковъ, практикуется ими въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, когда самостоятельная обработка положительно не мыслима. При такъ называемомъ общинномъ землевладѣніи, пока общинниковъ мало, общинная земля раздѣляется на крупныя полосы; съ увеличеніемъ населенія возникаетъ необходимость съуживать полосы. При этомъ, „когда дѣло доходитъ до того, что полосы становятся чрезвычайно узки, то хозяева, получающіе надѣлъ всего на одну душу, соединяются съ какимъ либо сосѣдомъ, получаютъ надѣлъ вмѣстѣ и обрабатываютъ его сообща (9). Такое соединеніе надѣловъ и труда нисколько не связываетъ отдѣльныхъ членовъ тѣми стѣсненіями, которыя неизбѣжны въ обширной поземельной артели. Два или три сосѣда, соединяющіе свои надѣлы для совмѣстной ихъ обработки, продолжаютъ состоять временными собственниками своей земли, ихъ частныя права не поглощаются правами артели на эту землю, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ сохраняетъ свою хозяйственную свободу и можетъ состоять въ артели до той поры, пока ему это выгодно. Если общность обработки начинаетъ стѣснять его, онъ можетъ соединить свой надѣлъ и трудъ съ другими, съ которыми вести общее дѣло ему ни-

сколько не противно. Между такою вполнѣ свободною формою артельнаго труда и постоянными земледѣльческими артелями, разрушающими хозяйственную свободу отдѣльныхъ членовъ, нѣтъ ничего общаго.

Можно признать отличительнымъ характеромъ всѣхъ практикуемыхъ нашимъ крестьянствомъ артелей — временное ихъ назначеніе. Это служитъ положительнымъ доказательствомъ отвращенія крестьянъ отъ тѣхъ видовъ артельныхъ предпріятій, посредствомъ которыхъ уничтожается независимость отдѣльныхъ членовъ. Краткосрочность артельнаго труда служитъ гарантіей независимости отъ артельныхъ руководителей, которые свое непродолжительное старшинство надъ товарищами считаютъ высокою честью, стараются исполнять честно и свои обязанности. Самое же существенное въ этихъ, хотя и кратковременныхъ, но ежеминутно въ крестьянской средѣ учреждаемыхъ артеляхъ состоитъ въ возможности выхода изъ опредѣленной артели, коль скоро порядки ея или произволъ руководителей оказываются для того или иного члена обременительными. Возможность выхода, обезпечиваетъ взаимное уваженіе правъ каждаго, служитъ гарантіей противъ притѣсненій меньшинства большинствомъ членовъ, чего нѣтъ и не можетъ быть въ постоянной артели, въ особенности же въ постоянной земледѣльческой артели, въ которой поземельные участники лишаются своихъ поземельныхъ надѣловъ, отдаютъ ихъ въ артельную массу, прикрѣпляясь вмѣстѣ съ ними къ артели. Послѣдователи послѣдняго вида артелей игнорируютъ тотъ знаменательный фактъ, что въ средѣ нашего крестьянства, такъ склоннаго къ артельному труду, нигдѣ не существуетъ постоянныхъ земледѣльческихъ артелей. Крестьяне весьма часто артельно обрабатываютъ арендуемыя ими земли, но не соединяютъ въ большихъ размѣрахъ въ одну артельную массу собственныхъ надѣловъ. Имѣя свою собственную землю, крестьяне артельно обрабатываютъ арендуемый ими участокъ, если не сознавая, то чувствуя, что такая артель не можетъ принести каждому изъ нихъ особенныхъ стѣсненій, такъ какъ выходъ изъ нея вполнѣ возможенъ, чего не было бы въ томъ случаѣ, если бы они отказались отъ своей земли, какъ находящейся въ ихъ част-

ной собственности и превратили бы эту землю въ артельную. Даже и къ своимъ собственнымъ землямъ и притомъ въ большихъ размѣрахъ они примѣняютъ артельный трудъ, но только въ такихъ его формахъ, при которыхъ каждый отдѣльный хозяинъ не лишается надѣла, не теряетъ хозяйственной самостоятельности. Такъ, въ степной полосѣ между Ураломъ и Волгою крестьяне соединяютъ своихъ лошадей и воловъ для обработки земли тяжелымъ плугомъ, такъ какъ живой инвентарь каждаго отдѣльнаго хозяина весьма часто недостаточенъ для такой обработки. Таковы же артели крестьянъ, имѣющія цѣлію пріобрѣтеніе разнаго рода дорогихъ орудій, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, но пріобрѣтеніе которыхъ для каждаго отдѣльнаго хозяина на собственныя средства затруднительно или вовсе невозможно. Всѣ подобнаго рода артельныя предпріятія, поднимая производительное значеніе личности, не отнимаютъ хозяйственной самостоятельности и свободы ([10]).

([1]) Это проистекаетъ изъ необходимости свободнаго распоряженія трудомъ рабочихъ, что невозможно при отсутствіи солидарности ихъ интересовъ съ интересами землевладѣльца. Нѣкоторые требуютъ даже уничтоженія или ограниченія свободы сельскихъ рабочихъ, исходя изъ необходимости въ сельскомъ хозяйствѣ полной свободы распоряженія трудомъ. Польскій экономистъ Н. Миттельштедтъ говоритъ по этому поводу: „Освобожденный работникъ зачастую говоритъ: „сего, дня дождь, я останусь дома.“ Если бы генералу поручили команду надъ войскомъ, которое будетъ драться только тогда когда захочетъ, и откажется идти въ походъ въ дождливую погоду, что онъ бѣдняга сдѣлаетъ? А въ хозяйствѣ хуже чѣмъ на войнѣ; потерянная недѣля ничѣмъ не вознаградится, даже если бы въ слѣдующую недѣлю располагали двойными рабочими силами; время ушло, солнце грѣетъ слабѣе и результатъ долженъ выйти плохой, тогда какъ на войнѣ можно вознаградить потерянное и въ концѣ концовъ все таки остаться побѣдителемъ“. Нов. экон. начала, стр. 100. ([2]) Н. Бунге. Полицейское право, выпускъ 3, стр. 228. ([3]) Richesse des Nations т. II, стр. 145. ([4]) Dict. de l'econ. pol. сл. agriculture. ([5]) Фундуклей. Стат. описаніе Кіевск. губ. т. II, стр. 292—298. ([6]) Ос-

нов. пол. экон. т. 1. стр. 264. (7) Eugène Bonnemère. Hist. de l'association agricole, стр. 22. (8) L. Reybaud. Études sur les réformateurs modernes, т. II, стр. 177. (9) Древняя и новая Россія, 1876. N. 10, ст. г. Потанина: Никольскій уѣздъ и его жители, стр. 150. (10) А. Антоновичъ. Общинный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ, см. Жур. Мин. Госуд. Имуществъ. 1878. Іюнь.

III. Предпріятія съ точки зрѣнія содержанія ихъ.

§ 1. (1) Способности людей разнообразны и не равны подобно тому, какъ разнообразны и не равны ихъ духовныя и матеріальныя потребности. Также разнообразны и силы природы. Нѣтъ въ мірѣ такой страны, которая вмѣщала бы въ себѣ всѣ необходимыя условія производства. Однѣ страны и даже однѣ мѣстности одной и той же страны изобилуютъ извѣстными условіями производства, между тѣмъ какъ въ другихъ эти условія отсутствуютъ. Наконецъ, то же необходимо сказать и относительно капитала; силы его разнообразны въ разныхъ странахъ и въ разныхъ частяхъ одной и той же страны. Это разнообразіе потребностей человѣка и производительныхъ силъ представляетъ собою основную причину разнообразія производительной дѣятельности по содержанію ея. Люди группируютъ свои занятія по извѣстнымъ условіямъ производства; однѣ группы занимаются одними промыслами, другія — другими; каждая изъ нихъ старается заниматься именно тѣмъ, къ производству чего находитъ наиболѣе годныхъ условій. Такъ возникло раздѣленіе занятій или промысловъ. Производительная дѣятельность человѣка въ этомъ отношеніи можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе отдѣлы: а) отдѣлъ добывающей промышленности, состоящей въ добываніи продуктовъ, произведенныхъ главнымъ образомъ силами природы; сюда относятся на прим. охота, рыболовство, такъ называемые горные промыслы; б) сельское хозяйство, имѣющее своей задачей производство сырыхъ продуктовъ и первоначальную переработку ихъ; в) отдѣлъ обрабатывающей промышленности, состоящей въ дальнѣйшей обработкѣ продуктовъ, какъ

создаваемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и получаемыхъ въ добывающихъ отрасляхъ промышленности; г) отдѣлъ торговой промышленности, имѣющей своимъ предметомъ посредничество между производителями и потребителями; д) отдѣлъ перевозочной промышленности, имѣющей своей задачей перемѣщеніе лицъ и вещей изъ однихъ мѣстъ въ другія и е) отдѣлъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій (professions libérales), куда относится трудъ ученыхъ, художниковъ, артистовъ и т. п. Эти общіе отдѣлы, на которые дѣлится народной трудъ, какъ видимъ, въ свою очередь раздѣляются на отдѣльные виды, изъ коихъ каждый становится предметомъ занятій особыхъ группъ людей. Благодаря этому раздѣленію, въ настоящее время самая простая вещь, употребляемая каждымъ изъ насъ, прежде чѣмъ достигнетъ своего назначенія должна проходить массу самыхъ разнообразныхъ производствъ. Для той одежды, которую носитъ простой поденщикъ, необходимо, чтобы одни производители занимались разведеніемъ овецъ, другіе мытьемъ шерсти, третьи пряденьемъ, четвертые тканьемъ, нѣкоторые крашеніемъ сукна, шитьемъ его и т. д. На приготовленіе этой же одежды идетъ часть труда фабриканта, занимающагося приготовленіемъ машинъ для пряжи, для шитья и т. п., идетъ часть труда земледѣльца, инженера, фабриканта красокъ. Каждый изъ нихъ работаетъ, даже не зная о существованіи другаго, но въ результатѣ ихъ совокупной дѣятельности является одежда поденщика. И эта одежда только потому такъ дешева и общедоступна, что представляетъ собою результатъ такого обширнаго раздѣленія занятій.

Вслѣдствіе раздѣленія занятій каждый человѣкъ имѣетъ возможность посвятить себя тому, къ производству чего онъ наиболѣе способенъ и что онъ можетъ производить наиболѣе успѣшно. Одинъ человѣкъ посвѣщаетъ себя производству продукта А, другой — продукта В; каждый изъ нихъ, занявшись спеціально однимъ производствомъ, пріобрѣтаетъ ловкость, благодаря которой производство идетъ съ успѣхомъ. Положимъ, каждый изъ нихъ производитъ продуктъ своей спеціальности въ два дня, но продуктъ, составляющій спеціальность другаго, можетъ

произвесть не иначе, какъ въ пять дней. Предположимъ, далѣе, что между этими производителями установливается обмѣнъ, такъ какъ каждый изъ нихъ нуждается въ продуктѣ другаго. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ получаетъ желаемый продуктъ двумя днями труда; между тѣмъ какъ въ томъ случаѣ, если бы самъ производилъ, то употребилъ бы для этого пять дней. Каждый, слѣдовательно, выигрываетъ по три дня, а оба вмѣстѣ сберегаютъ шесть дней. Эти шесть дней безвозвратно пропали бы, если бы эти производители не спеціализировали своихъ занятій и не обмѣнивались между собою продуктами. Если мы обратимъ вниманіе на то, что общество состоитъ не изъ двухъ производителей, но изъ милліоновъ, то поймемъ, какая громадная масса сберегается труда, благодаря раздѣленію занятій. Съ другой стороны раздѣленіе занятій представляетъ собою условіе, благодаря которому спеціальныя качества различныхъ факторовъ производства относительно потребленія какъ бы сглаживаются. Одна мѣстность наиболѣе способна къ производству одного продукта, другая — къ производству другаго. Если бы каждая изъ этихъ мѣстностей вела изолированное хозяйство, то вслѣдствіе этого, каждая изъ нихъ была бы монополизирована относительно другой, не могла бы пользоваться спеціальными особенностями другой. Даже болѣе; каждая изъ нихъ не пользовалась бы во всей полнотѣ своими спеціальными особенностями. Если бы населеніе каждой изъ этихъ мѣстностей производило для себя все, что необходимо для удовлетворенія потребностей, то оно принуждено было бы производить и то, что въ данной мѣстности плохо производится. Такимъ образомъ была бы двоякая потеря: а) населеніе не вполнѣ утилизировалобы спеціальныя особенности своей мѣстности и б) имѣло бы въ плохомъ качествѣ и меньшемъ количествѣ то, что всего успѣшнѣе производится въ другой мѣстности. Для избѣжанія этихъ потерь населеніе каждой мѣстности спеціально посвящаетъ себя тому производству, которое ведется всего успѣшнѣе въ его мѣстности; за тѣмъ устанавливается обмѣнъ продуктовъ, вслѣдствіе чего каждая сторона имѣетъ возможность пользоваться особенностями другой. Такимъ образомъ раздѣленіе занятій приводитъ къ общности въ дѣлѣ пользованія спеціальны-

ми особенностями факторовъ производства; относительно потребленія оно какъ бы уничтожаетъ естественныя монополіи различныхъ мѣстностей, труда и капитала.

Въ своемъ постепенномъ развитіи раздѣленіе занятій переходитъ въ раздѣленіе между людьми промышленныхъ операцій въ каждой отдѣльной вѣтви промышленности. Для уясненія сущности этого подраздѣленія приводимъ нѣкоторые образцы его.

Процессъ выдѣлки булавки, говоритъ А. Смитъ, раздѣляется на 18 отдѣльныхъ операцій, изъ которыхъ каждая можетъ быть предметомъ занятій особаго работника; одинъ рабочій тянетъ проволоку, другой прямитъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ отрѣзки и т. д. А. Смитъ видѣлъ небольшую фабрику, на которой работало всего 10 человѣкъ, такъ что нѣкоторымъ изъ этихъ рабочихъ приходилось дѣлать не одну, а нѣсколько разныхъ операцій. Не смотря на то, что рабочіе эти были бѣдны и употребляли плохіе инструменты, тѣмъ не менѣе они производили въ день около 12 фунтовъ булавокъ. Въ фунтѣ считается около 4,000 булавокъ среднихъ размѣровъ; слѣдовательно, 10 рабочихъ производили въ день около 48,000 булавокъ, или каждый въ отдѣльности — 4,800 булавокъ. Если бы они работали отдѣльно, то есть если бы каждый изъ нихъ производилъ всѣ операціи выдѣлки булавокъ, то не сдѣлалъ бы ихъ и 20 въ теченіи дня.

Ж. Б. Сэ представляетъ примѣръ фабрикаціи игральныхъ картъ. Каждая карта, то есть небольшой кусокъ картона, величиною въ ладонь, прежде превращенія въ игральную карту, проходитъ не менѣе 70 отдѣльныхъ операцій. Сэ видѣлъ карточную фабрику, на которой работало всего 30 человѣкъ. Эти люди дѣлали въ день 15,500 картъ, то есть каждый изъ нихъ производилъ болѣе 500 картъ. Если бы они работали врозь и каждый производилъ всѣ части фабрикаціи картъ, то каждый изъ нихъ едва ли бы успѣлъ сдѣлать въ день двѣ карты, а всѣ вмѣстѣ, вмѣсто 15,500 картъ, сдѣлали бы только 60 картъ въ день.

По замѣчанію Ч. Беббеджа, производство часоваго механизма раздѣляется на 102 отдѣльныя операціи, требую-

щія спеціальнаго изученія; ученикъ, поступающій къ хозяину для изученія часоваго мастерства, изучаетъ только $^1/_{102}$ часть его и, по истеченіи срока обученія, безъ новаго обученія не способенъ ни къ какой другой операціи того же искуства. Только тотъ работникъ, который занимается сборомъ въ одно цѣлое всѣхъ отдѣльныхъ частей часоваго механизма, можетъ работать въ другихъ отдѣленіяхъ, сверхъ своего; но этотъ рабочій и не включается въ число 102 лицъ, между которыми распредѣляются отдѣльныя операціи производства часоваго механизма.

Въ числѣ причинъ успѣшности производства при раздѣленіи операцій промысла между отдѣльными рабочими имѣютъ силу и общія причины успѣшности производства при раздѣленіи занятій или промысловъ, но существуютъ также и такія, которыя имѣютъ особенное значеніе именно при этомъ подраздѣленіи раздѣленныхъ занятій на отдѣльныя операціи, называемомъ нѣкоторыми экономистами „раздѣленіемъ труда.“

А. Смитъ приводитъ три причины особой успѣшности раздѣленнаго труда.

1) Раздѣленіе труда ведетъ къ увеличенію ловкости работника. Тотъ кузнецъ, который искусно владѣетъ молотомъ, но не пріобрѣлъ навыка въ выдѣлкѣ гвоздей, не можетъ сдѣлать болѣе двухъ или трехъ сотень гвоздей въ день; между тѣмъ какъ мальчикъ, исключительно занимающійся выдѣлкой гвоздей, можетъ производить ихъ болѣе двухъ тысячъ. Эта причина, констатированная А. Смитомъ, дѣйствительно имѣетъ весьма важное значеніе; благодаря раздѣленію труда ловкость работника увеличивается и подъ вліяніемъ навыка и подъ вліяніемъ упрощенія производимыхъ операцій. То, что сначала дѣлается медленно, по замѣчанію Милля, впослѣдствіи дѣлается быстро; то, что сначала дѣлается аккуратно только при медленности, потомъ дѣлается также аккуратно съ быстротою. Чѣмъ проще части, на которыя раздѣляется трудъ, тѣмъ скорѣе пріобрѣтается ловкость. И это относится не только къ операціямъ физическаго труда, но также и къ умственному труду.

2) При раздѣленіи труда происходитъ сбереженіе времени, которое обыкновенно теряется при переходахъ отъ одного дѣла

къ другому, На этомъ основаніи, говоритъ К. Смитъ, сельскій рабочій, принужденный часто мѣнять работы, непроизводительно теряетъ много времени, пріобрѣтаетъ привычку къ праздности и становится неспособнымъ къ энергическому труду. Воззрѣніе А. Смита раздѣляется также Беббеджемъ. По его мнѣнію, когда человѣкъ занятъ однимъ дѣломъ, то не можетъ съ успѣшностью сразу заняться другимъ. Различныя операціи производятся разными мускулами; мускулы работавшіе пріобрѣтаютъ гибкость къ работѣ, между тѣмъ какъ бездѣйствовавшіе пріобрѣтаютъ неподвижность, вслѣдствіе чего при перемѣнѣ работы сначала обыкновенно дѣло идетъ вяло и медленно. Сверхъ того, при многихъ производствахъ орудія требуютъ особаго приспособленія, для чего также можетъ безполезно тратиться много времени.

Миллъ не раздѣляетъ этого воззрѣнія. Онъ говоритъ что А. Смитъ придаетъ слишкомъ большое значеніе потерѣ времени отъ перехода отъ одного дѣла къ другому. Самая перемѣна работы можетъ служить вмѣсто отдыха; надъ разными работами работаютъ разные мускулы и умственныя способности, изъ которыхъ однѣ отдыхаютъ и освѣжаются, пока другіе работаютъ. Физическій трудъ самъ по себѣ служитъ отдыхомъ для умственнаго, и наоборотъ. Разнообразіе въ работѣ производитъ освѣжающее дѣйствіе на человѣка, слѣдовательно и въ экономическомъ отношеніи полезно.

Но самъ Миллъ вполнѣ справедливо утверждаетъ, что его соображеніе имѣетъ не одинаковую важность для разныхъ характеровъ. Такъ на прим. женщины живѣе мужчинъ, вслѣдствіе чего предпочитаютъ разнообразіе въ трудѣ. Но есть многіе и между женщинами и между мужчинами, предпочитающіе усидчиво работать надъ какимъ либо однимъ дѣломъ. Очевидно, къ такимъ людямъ воззрѣніе А. Смита вполнѣ примѣнимо. Необходимо, чтобы при раздѣленіи труда каждый могъ заниматься именно такъ, какъ онъ находитъ для себя наилучше заниматься. И однообразіе и разнообразіе въ трудѣ имѣютъ важное значеніе въ дѣлѣ производства, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ трудящихся. Раздѣленіе труда, упрощая производствен-

ныя операціи, должно представлять полную возможность примѣненія къ производству трудовыхъ особенностей каждаго.

3) Когда человѣкъ сосредоточиваетъ вниманіе на одномъ предметѣ, то при этомъ онъ скорѣе можетъ изобрѣтать средства болѣе легкаго достиженія цѣли, чѣмъ при раздѣленіи его вниманія между многими и различными предметами. Вотъ почему говоритъ А. Смитъ, раздѣленіе труда должно быть признано важнѣйшею причиною техническихъ улучшеній, облегчающихъ производство. Это воззрѣніе примѣнимо и къ умственному труду: только сосредоточиваясь на небольшомъ кругѣ предметовъ, человѣкъ можетъ изслѣдовать всѣ стороны изучаемыхъ явленій и принесть дѣйствительную пользу умственному развитію.

4) Къ этимъ тремъ причинамъ особой успѣшности раздѣленнаго труда Ч. Беббеджъ присоединяетъ четвертую, состоящую въ классификаціи работниковъ по ихъ способностямъ. Трудъ распредѣляется наиболѣе производительнымъ образомъ чрезъ эту классификацію. Еслибы работникъ, который получаетъ два рубля, былъ принужденъ производить всѣ операціи, на которыя можетъ быть раздѣленъ данный промыслъ, то онъ тратилъ бы мало производительно часть своего рабочаго времени, производя тѣ операціи, которыя могли бы выполняться болѣе простыми и менѣе способными рабочими, получающими меньшую заработочую плату. Издержки производства при такихъ обстоятельствахъ были бы непомѣрно высоки. Такимъ образомъ классификація работниковъ по ихъ способностямъ при раздѣленіи труда приводитъ къ значительному сокращенію издержекъ въ многихъ производствахъ.

5) Наконецъ, по замѣчанію J. Rae, благодаря раздѣленію труда, извлекается наибольшая полезность отъ употребленія въ дѣло инструментовъ и машинъ. При отсутствіи раздѣленія занятій, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣло употребляются разные инструменты и машины, часть ихъ не была бы постоянно занята, лежала бы праздно. Когда производитель употреблялъ бы въ дѣло одинъ инструментъ, употребляемый для одной операціи, всѣ остальные инструменты, употребляемые при другихъ операціяхъ, лежали бы праздно. Благодаря раздѣленію труда,

является возможность постояннаго ихъ употребленія различными рабочими, занятыми различными производственными операціями. Когда же машины и инструменты постоянно заняты, то получается отъ каждой изъ нихъ большій доходъ и можно каждую изъ нихъ лучше содержать, что въ свою очередь увеличиваетъ производительность.

Степень, до которой можетъ быть доведено раздѣленіе труда, обусловливается размѣрами сбыта продуктовъ и характеромъ производства.

Десять рабочихъ, раздѣлившихъ между собою операціи выдѣлки булавокъ, могутъ приготовить въ день 48,000 булавокъ. Очевидно, для того, чтобы раздѣленіе труда могло быть доведено до этого предѣла, необходимо, чтобы существовала возможность сбывать именно это количество булавокъ. Если спросъ на этотъ продуктъ не такъ великъ, если покупщиками требуется ежедневно всего 24,000 булавокъ, то трудъ рабочихъ не можетъ быть раздѣленъ на 10 операцій, такъ какъ въ этомъ случаѣ они производили бы часть булавокъ, не находящихъ сбыта. Вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда спросъ на продукты ограниченъ, раздѣленіе труда незначительно. Въ небольшихъ городахъ и деревняхъ торговецъ занимается продажей самыхъ разнообразныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ въ большихъ городахъ торговля спеціализируется, торговецъ исключительно занимается на прим. продажей чая, масла или какого нибудь другаго одного предмета. Многіе продукты не выдерживаютъ далекой доставки, или, если и выдерживаютъ, то не иначе, какъ при значительныхъ издержкахъ провоза. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ спросъ на продукты ограничивается небольшимъ райономъ, слѣдовательно въ производствѣ подобныхъ продуктовъ раздѣленіе труда по необходимости незначительно. Изъ этого видно, что раздѣленіе труда и, слѣдовательно, усиленіе его продуктивности можетъ быть достигаемо не иначе, какъ при расширеніи рынка для сбыта продуктовъ. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣютъ улучшенія въ путяхъ сообщеній, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ возможность сбыта продуктовъ.

Съ другой стороны, какъ мы сказали, степень раздѣленія труда обусловливается характеромъ производства. Оно вообще менѣе возможно въ тѣхъ отрасляхъ, въ которыхъ главнымъ дѣятелемъ являются силы природы; въ земледѣліи оно менѣе возможно, чѣмъ въ обработывающей промышленности. Въ сельскомъ хозяйствѣ различныя работы въ большинствѣ случаевъ совершаются не одновременно, но въ различное время года. Сельскій хозяинъ долженъ быть то пахаремъ, то сѣятелемъ, то жнецемъ и т. п. Эти работы совершаются въ разное время, поэтому должны быть выполняемы однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Невозможность широкаго примѣненія раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ представляетъ собою одну изъ причинъ того, почему производительная сила труда въ этомъ хозяйствѣ не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Крайнее развитіе раздѣленія занятій и труда имѣетъ и свои темныя стороны. Оно можетъ быть причиною зависимости работника отъ капиталиста, когда проводитъ къ тому, что обученіе рабочаго ограничивается какимъ либо однимъ незначительнымъ предметомъ производства, или частью его, на прим. $^1/_{102}$ частью часоваго механизма. Такой рабочій находится въ полномъ подчиненіи у хозяина, такъ какъ ему трудно найти занятіе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ требуются иныя свѣдѣнія и гдѣ ему приходится конкуррировать съ мастерами своего дѣла. Сопровождаясь такою односторонностью въ развитіи человѣка, раздѣленіе труда приводитъ за тѣмъ къ тому, что, по выраженію Рошера, въ людяхъ общество начинаетъ болѣе терять, чѣмъ пріобрѣтать въ вещественныхъ цѣнностяхъ. Каково можетъ быть умственное развитіе того человѣка, который въ продолженіи всей своей жизни больше ничѣмъ не занимался, какъ только выдѣлываньемъ $^1/_{102}$ части часоваго механизма? Видѣть выгоды въ усиленіи производства при такомъ крайнемъ раздѣленіи труда, значитъ подчинять человѣка производству, значитъ утверждать, что не продукты создаются для человѣка, но человѣкъ созданъ для производства продуктовъ. Разумное развитіе раздѣленія труда не должно приводить къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Обя-

зательное образованіе является однимъ изъ лучшихъ средствъ къ такому направленію раздѣленія труда.

Въ умственномъ мірѣ раздѣленіе занятій и труда можетъ сопровождаться не менѣе печальными послѣдствіями. Въ настоящее время науки раздѣлились на дробныя части, изъ коихъ каждая составляетъ спеціальность особыхъ лицъ. Между различными узкими спеціальностями нѣтъ ничего общаго; ученые разныхъ видовъ умственнаго труда перестаютъ понимать другъ друга. Средствомъ противъ такихъ печальныхъ результатовъ должно быть всестороннее общее образованіе, по которому каждый могъ бы быть подготовленъ къ потребленію разнообразныхъ продуктовъ раздѣленнаго умственнаго труда.

(1) A. Smith. Richesse des Nations, т. 1. гл. 1—111, Милль, Осн. пол. экон. т. 1, кн. 1, гл. VIII.

§ 2. (1) Съ возникновеніемъ и развитіемъ раздѣленія занятій, когда общество состоитъ изъ множества группъ, трудящихся въ разнообразныхъ отрасляхъ промысловъ, весьма естественно возникаетъ вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ послѣднихъ. Вопросъ этотъ долгое время былъ спорнымъ въ экономической литературѣ и имѣетъ свою исторію, свидѣтельствующую о печальныхъ послѣдствіяхъ заблужденій, нѣкогда считавшихся аксіомами.

Послѣдователи системы, носящей названіе меркантилизма, считали производительными только тѣ занятія, которыя умножаютъ въ странѣ количество благородныхъ металловъ. По ихъ ученію, мануфактурная или обработывающая промышленность производительнѣе земледѣльческой; мануфактурные продукты обладаютъ высокою цѣнностью сравнительно съ ихъ объемомъ, между тѣмъ какъ продукты земледѣлія имѣютъ сравнительно съ ихъ объемомъ незначительную цѣнность; поэтому первые доставляютъ большую возможность привлекать въ страну золото и серебро. На томъ же основаніи производство предметовъ роскоши и вообще

утонченныхъ продуктовъ считалось наиболѣе производительнымъ занятіемъ. Внѣшняя торговля, по ученію меркантилистовъ, представляетъ собою ничто иное, какъ борьбу изъ-за денегъ между торгующими странами. Когда одна страна за свои товары получаетъ деньги отъ другой, то первая, по ихъ мнѣнію, увеличиваетъ свое богатство, между тѣмъ какъ вторая лишается части его. Отсюда выводили заключеніе, что страна посредствомъ торговли можетъ увеличить свое богатство не иначе, какъ въ ущербъ другой; увеличеніе благосостоянія одной страны разсматривалось какъ причина уменьшенія благосостоянія другой. На этомъ основаніи старались поощрять вывозную торговлю и всѣми возможными мѣрами стѣсняли ввозную, за исключеніемъ ввоза орудій производства и сырыхъ продуктовъ, которые имѣли быть вывезены обратно въ обработанномъ видѣ. Разработку рудниковъ меркантилисты считали занятіемъ производительнымъ даже въ томъ случаѣ, когда издержки производства вовсе не окупались, такъ какъ и въ этомъ случаѣ количество обращающейся въ странѣ монеты не уменьшалось, но увеличивалось.

Основное заблужденіе меркантилистовъ состояло въ томъ, что они отождествляли деньги съ богатствомъ. По выраженію А. Смита, считать деньги богатствомъ, это тоже самое, что считать дорогу, по которой всего удобнѣе доѣхать до нашего дома, за этотъ самый домъ. Деньги представляютъ собою только орудіе для обращенія богатствъ, а не самыя богатства. Если такъ, то очевидно, что все ученіе меркантилистовъ о производительномъ значеніи различныхъ занятій является страннымъ заблужденіемъ. Меркантильная доктрина, по замѣчанію Милля, кажется намъ похожею на нескладныя фантазіи дѣтства, мгновенно разрушаемыя однимъ словомъ взрослаго человѣка. „Но пусть никто не говоритъ, что избѣжалъ бы этого заблужденія, если бы жилъ во времена его господства.“ Въ дѣйствительности это заблужденіе, основанное на такомъ нелѣпомъ понятіи о сущности богатства, господствовало въ умахъ лучшихъ мыслителей и современныхъ ему законодателей. Подъ вліяніемъ этого заблужденія фабричные законы многихъ странъ были законами Драконa, писанными кровью человѣческою. Въ Англіи, на прим., существовала стро-

гая система постановленій, имѣвшихъ цѣлію стѣснить вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, служащихъ матеріаломъ для фабрикъ; наоборотъ, ввозъ такихъ продуктовъ поощрялся всевозможными мѣрами. При Карлѣ II вывозъ шерсти былъ объявленъ государственною измѣною; виновный подвергался конфискаціи всего имущества и смертной казни. Постановленіе это было нѣсколько смягчено при Вильгельмѣ III. Вмѣсто смертной казни и конфискаціи всего имущества, опредѣленъ былъ штрафъ въ 3 шилл. съ каждаго фунта шерсти и конфискація груза; сверхъ того, преступникъ такой терялъ право требовать съ кого бы то ни было свой долгъ. Кто не могъ уплатить положеннаго штрафа въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, тотъ наказывался ссылкой на 7 лѣтъ; если онъ убѣгалъ изъ ссылки, то подвергался смертной казни. Былъ также запрещенъ вывозъ овецъ. Въ 8-й годъ царствованія Елисаветы былъ изданъ законъ, по которому уличенный въ этомъ преступленіи наказывался конфискаціей всего имущества, заключеніемъ въ тюрьму на одинъ годъ, и, по окончаніи срока заключенія, у него отсѣкали лѣвую руку. При повтореніи преступленія, виновный подвергался смертной казни. Считая мануфактурную промышленность наиболѣе производительною меркантилисты порабощали мануфактурамъ всѣхъ производителей сырыхъ продуктовъ, имъ были подчиняемы интересы потребителей, имъ были подчиняемы всѣ люди не только живые, но и мертвые. Въ Англіи въ 1678 г. было издано постановленіе, по которому мертвые могли быть погребаемы не иначе, какъ въ шерстяной одеждѣ.

Ученіе меркантилистовъ было подвергнуто критикѣ экономической школой, извѣстной въ настоящее время подъ именемъ физіократіи. По ученію физіократовъ, народное богатство можетъ быть увеличиваемо только однимъ путемъ, а именно—усовершенствованіемъ земледѣлія. Одно лишь земледѣліе не только возвращаетъ затраты, употребленныя на производство, но также даетъ чистый доходъ. Сельскій хозяинъ, положивъ въ землю одно зерно, возвращаетъ его въ видѣ пяти и болѣе зеренъ; благодаря участію силъ природы въ сельскомъ хозяйствѣ, получается новое имущество, которое не существовало прежде. Всѣ дру-

гія отрасли промышленности только воспроизводятъ сдѣланныя затраты; сколькимъ бы операціямъ не подвергался фунтъ шерсти въ обработывающихъ отрасляхъ народной промышленности, онъ остается не болѣе, какъ тѣмъ же фунтомъ шерсти; промышленныя операціи не могутъ придать къ нему ни малѣйшаго атома, не создадутъ новаго имущества, этого produit net, составляющаго отличительную черту сельскаго хозяйства. Всѣ не земледѣльческія отрасли промышленности безплодны; отъ нихъ нечего ожидать увеличенія народнаго богатства. Фабричныя произведенія имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ сырые матеріалы, обрабатываемые на фабрикахъ, но это нисколько не противорѣчитъ признанію всѣхъ фабрикъ безплодными. Новая цѣнность, представляющая собою разницу между цѣною сыраго матеріала и цѣною его въ обработанномъ видѣ, есть простой результатъ того, что при обдѣлкѣ сырыхъ матеріаловъ потребляются земледѣльческіе же продукты, размѣромъ потребленія которыхъ и опредѣляется размѣръ новой цѣнности. Мануфактурная промышленность только измѣняетъ форму вещества, но не создаетъ ничего новаго, поэтому не имѣетъ производительнаго значенія; точно также безплодна и торговля, не создающая продуктовъ, но только перемѣщающая ихъ. Возвысивъ такимъ образомъ значеніе сельскаго хозяйства, физіократы должны были признать, что подати могутъ быть налагаемы только на землевладѣльцевъ. Подати взимаются не съ капитала, а съ чистаго дохода, но такъ какъ, по ихъ ученію, только одно земледѣліе даетъ чистый доходъ, то одни лишь землевладѣльцы и должны уплачивать подати. Всѣ другія отрасли промышленности, какъ не дающія чистаго дохода, какъ безплодныя въ экономическомъ отношеніи, должны быть свободны отъ всякихъ общественныхъ и государственныхъ повинностей.

Это ученіе физіократовъ было встрѣчено массой образованныхъ современниковъ съ полнымъ сочувствіемъ, многими съ энтузіазмомъ. Ф. Кенэ (Quesnay), основатель физіократіи, написалъ таблицу, въ которой посредствомъ числовыхъ формулъ изобразилъ сущность своего ученія. Таблица эта, говоритъ А. Бланки, разъяснялась и развивалась приверженцами съ такою

же увѣренностью, съ какою объясняются въ школахъ геометрическія теоремы; ее твердили наизустъ, какъ катехизисъ, изъ котораго каждый классъ гражданъ узнавалъ свои обязанности въ общественной іерархіи. Дюпонъ де Немуръ говорилъ о ней: „это чудная формула, благодаря которой мы имѣемъ возможность съ поразительною быстротою и точностью производить всѣ операціи относительно происхожденія и распредѣленія богатствъ. По мнѣнію маркиза де-Мирабо, съ самаго начала существованія міра сдѣлано было три величайшихъ открытія: письма, монеты и экономической таблицы Ф. Кенэ.

Въ настоящее время это ученіе не имѣетъ никакого научнаго значенія. Теорія физіократовъ основана на ложномъ понятіи о томъ, что такое производство. Производство состоитъ не въ созданіи матеріи, но въ созданіи годности; въ результатѣ производства получается новая годность, новая полезность, но не новая матерія. Ни одна отрасль промышленности не производитъ новаго вещества, этого produit net физіократовъ, не производитъ его и земледѣліе, которое, подобно другимъ отраслямъ промышленности, лишь придаетъ существующей матеріи новую годность. Процессомъ производства человѣкъ придаетъ веществу ту форму, при которой оно становится наиболѣе годнымъ къ удовлетворенію потребностей. Въ этомъ отношеніи всѣ отрасли промышленности имѣютъ одинаковое значеніе; ни одна изъ нихъ не создаетъ новаго вещества, ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа безплодною, такъ какъ каждая имѣетъ своимъ предметомъ созданіе новой годности для удовлетворенія нашихъ потребностей.

А. Смитъ считалъ производительными только тѣ занятія, которыя овеществляются въ продуктахъ, могущихъ быть предметомъ обмѣна. Такъ называемый невещественный трудъ и вообще всѣ личныя услуги онъ считалъ не имѣющими производительнаго значенія для общества. Люди, работающіе въ такихъ занятіяхъ, не создаютъ ничего такого, что имѣло бы вещественную форму и мѣноспособность. Работа такихъ людей, подобно рѣчамъ оратора или аккордамъ музыканта, исчезаетъ въ ту же минуту, когда она окончена; результатъ годоваго труда не вы-

ражается ни въ какихъ вещественныхъ цѣнностяхъ. Но и между вещественными занятіями, по мнѣнію А. Смита, существуетъ разница ихъ значенія. Въ одномъ только земледѣліи, говоритъ онъ, не только воспроизводятся сдѣланныя затраты, но также получается излишекъ, называемый рентой; такого излишка нѣтъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Утверждая это, согласно съ воззрѣніями физіократовъ, А. Смитъ тѣмъ не менѣе отвергаетъ взглядъ послѣднихъ на неземледѣльческія отрасли труда, какъ на безплодныя занятія. Сами физіократы признаютъ, говоритъ онъ, что классъ людей, состоящій изъ торговцевъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, ежегодно возстановляетъ цѣнность своего потребленія. Если же такъ, то мы не имѣемъ никакихъ основаній считать этотъ классъ безплоднымъ въ народной экономіи. „Не считаемъ же мы безплоднымъ тотъ бракъ, который даетъ, на смѣну отца и матери, сына и дочь, хотя такіе браки не увеличиваютъ населенія, но только поддерживаютъ его на уровнѣ прежней численности.“

Въ новѣйшее время ученіе А. Смита было поддержано Миллемъ (2). Всякій трудъ, говоритъ Милль, долженъ считаться непроизводительнымъ, если онъ оканчивается непосредственнымъ наслажденіемъ его результатами, не увеличивая запаса постоянныхъ средствъ этого наслажденія. Другими словами, всякій трудъ не увеличивающій матеріальныхъ продуктовъ страны, долженъ быть признанъ не имѣющимъ производительнаго значенія. Увеличеніе числа лицъ, занимающихся невещественнымъ трудомъ, ведетъ къ уменьшенію въ странѣ числа лицъ, занимающихся другими отраслями производства, на прим. земледѣліемъ; но увеличеніе числа людей, занимающихся вещественнымъ производствомъ, въ то же время даетъ возможность существованію большему количеству людей въ другихъ занятіяхъ. „Трудъ на спасеніе жизни другу непроизводителенъ, если этотъ другъ непроизводительный работникъ и не производитъ болѣе того, что потребляетъ. Для религіознаго человѣка спасеніе души представляется далеко важнѣйшею услугою, чѣмъ спасеніе жизни; но этотъ человѣкъ не назоветъ миссіонера или духовное лицо производительными работниками, если они не будутъ, подобно

миссіонерамъ южныхъ морей, вмѣстѣ съ религіозными доктринами распространять плоды цивилизаціи. Напротивъ очевидно, что чѣмъ большее число миссіонеровъ или духовныхъ лицъ существуетъ въ націи, тѣмъ меньшее число обращено на другіе предметы; тогда какъ чѣмъ большее число занимается земледѣліемъ и мануфактурами, тѣмъ большее число остается для другихъ цѣлей. Въ первомъ случаѣ оно уменьшаетъ caeteris paribus свой запасъ матеріяльныхъ произведеній, въ послѣднемъ случаѣ оно увеличиваетъ его.“

Доктрина непроизводительности невещественныхъ занятій весьма рано вызвала реакцію. Одни изъ противниковъ ея подводили невещественный трудъ къ одному знаменателю съ вещественнымъ и на этомъ основаніи утверждали его производительное значеніе. Такъ Ж. Б. Сэ смотрѣлъ на духовныя способности человѣка какъ на особаго рода капиталъ, приносящій проценты, подобно всѣмъ капиталамъ вообще.

Другіе противники, наоборотъ, такъ сказать, одухотворяли вещественную дѣятельность. Такъ ческій писатель Ригеръ говоритъ, что производство состоитъ въ созданіи полезностей, но полезность никогда не можетъ быть вещественною. Та форма, которую ремесленникъ или художникъ сообщаетъ своему веществу сама по себѣ на столько же можетъ считаться веществомъ, какъ и уроки, которые учитель даетъ своему ученику. Оба производятъ полезность, но съ тою разницею, что у перваго полезность воплощена въ веществѣ, тогда какъ у другаго перешла въ духъ. Отсюда видно, что все различіе заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ переработывается вещь, а въ другомъ духъ. Работа, какъ вещественная, такъ и духовная, производитъ полезность, которая остается и накопляется или въ видѣ вещей или въ видѣ полезныхъ дѣйствій на человѣка. Часъ ученія, который учитель посвящаетъ своему ученику, пройдетъ, какъ и та работа, которую выполняетъ горшечникъ для производства своей посуды. Но образованіе, которое такимъ образомъ получилъ ученикъ, остается въ немъ также прочно, какъ и та форма, которую придаетъ своей посудѣ горшечникъ.

Уже самый фактъ существованія теорій съ одной стороны овеществляющихъ духовную дѣятельность и съ другой одухотворяющихъ физическія занятія ясно указываетъ намъ на существованіе тѣсной связи между вещественными и невещественными занятіями, которая приводитъ къ прямому отрицанію доктрины непроизводительности послѣднихъ. Благодаря существованій тѣсной связи между этими занятіями, послѣдователи ученія о непроизводительности духовнаго труда впали въ непримиримыя противорѣчія. По ихъ ученію, говоритъ Ф. Листъ, воспитаніе свиней представляетъ собою производительное занятіе, между тѣмъ какъ воспитаніе человѣка—непроизводительный трудъ („also wer Schweine züchtet, ist productiv, und wer den Menschen erzieht, ist unproductiv?!“). Точно также, по ихъ ученію, считается производительнымъ трудъ человѣка, дѣлающаго скрипку, но непроизводителенъ трудъ скрипача, хотя трудъ перваго имѣетъ своимъ назначеніемъ служить послѣднему. Не производителенъ трудъ врача, между тѣмъ какъ, по этому ученію, считается производительнымъ трудъ аптекаря, изготовляющаго лекарство по рецепту перваго... Вотъ къ какимъ абсурдамъ приводитъ ученіе, отрицающее производительное значеніе невещественныхъ занятій.

Всѣ занятія, направленныя къ удовлетворенію потребностей человѣка, должны быть признаны имѣющими производительное значеніе. Но при этомъ каждое занятіе можетъ быть убыточнымъ для общества, когда оно развивается въ ущербъ другихъ занятій, когда оно развивается на счетъ этихъ послѣднихъ. Общество можетъ испытывать страданія отъ неномѣрнаго развитія однихъ занятій и слабосилія другихъ.

(1) A. Smith. Rich. des Nat. к. IV, гл. VIII и IX; Миллъ. Основанія, кн. 1 гл. III; В. Ригеръ. О капиталѣ и трудѣ невещественномъ ихъ значеніи и положеніи въ полит. экономіи; W. Rocher. Die Grundl. der Nationalökonomie, кн. 1, гл. III. (2) Къ воззрѣнію этому склоняется также Duhring, замѣчающій, что, не принявъ доктрины А. Смита, мы тѣмъ самымъ расширили бы неномѣрно предѣлы пол. экономіи; см. Kritische Grungl. der Nationaloekonomie und des Sozialismus. Berlin. 1871. стр. 161.

§ 3. Различныя по своему содержанію отрасли народнаго труда находятся между собою въ органической связи, по которой развитіе каждой изъ нихъ обусловливается развитіемъ остальныхъ. Каждая самостоятельная отрасль промышленности представляетъ собою рынокъ для сбыта продуктовъ другихъ отраслей; упадокъ какой либо изъ нихъ равносиленъ ограниченію сбыта продуктовъ остальныхъ отраслей, слѣдовательно равносиленъ ограниченію размѣровъ производства послѣднихъ.

Это положеніе было уяснено еще А. Смитомъ въ его прекрасномъ анализѣ отношеній между городомъ и деревней. Торговыя сношенія между городомъ и деревней, говоритъ онъ, состоятъ въ обмѣнѣ сырыхъ произведеній на произведенія обработанныя. Деревня доставляетъ городу средства къ существованію его жителей и матеріалы для фабрикъ; городъ даетъ жителямъ деревни продукты своихъ фабрикъ. Интересы жителей города и жителей деревни находятся между собою въ неразрывной зависимости; интересъ деревни заключается въ возможно полномъ удовлетвореніи требованій города, какъ и наоборотъ. Раздѣленіе занятій доставляетъ общую пользу всѣмъ людямъ, спеціализировавшимъ свой трудъ. Деревня получаетъ изъ города обработанныя произведенія съ гораздо меньшими издержками, чѣмъ тѣ, которыя потребовались бы при самостоятельномъ производствѣ городскихъ продуктовъ. Съ другой стороны, городъ представляетъ собою рынокъ для сбыта продуктовъ, производимыхъ въ деревнѣ. Чѣмъ богаче городъ, чѣмъ состоятельнѣе и многочисленнѣе его жители, тѣмъ обширнѣе такой рынокъ, тѣмъ больше сбытъ продуктовъ деревни и, слѣдовательно, тѣмъ больше выгоды послѣдней. „Сравните земли, лежащія вблизи городовъ, съ землями отдаленными отъ послѣднихъ, и вамъ легко будетъ убѣдиться въ пользѣ, приносимой городомъ сельскому хозяйству.“ И такъ, городъ не живетъ на счетъ деревни, деревня не живетъ на счетъ города, но благосостояніе и города и деревни взаимно обусловливается. Развитіе мануфактурной промышленности требуетъ развитія сельско-хозяйственной, какъ и наоборотъ — развитіе сельскохозяйственной промышленности обусловливается развитіемъ мануфактурной. Размѣры приложенія труда къ произ-

водству зависятъ отъ размѣровъ рынка. Мѣры, направленныя къ развитію мануфактуръ на счетъ сельскаго хозяйства, ведутъ къ упадку послѣдняго, къ ограниченію рынка для сбыта мануфактурныхъ продуктовъ и въ окончательномъ результатѣ сопровождаются не возвышеніемъ, но уменьшеніемъ мануфактурнаго производства (1).

Наиболѣе рельефной иллюстраціей строгой зависимости развитія каждой отдѣльной отрасли промышленности отъ развитія остальныхъ можетъ служить естественное развитіе земледѣлія, ростъ котораго есть въ то же время ростъ народной цивилизаціи.

Слѣдуя Рошеру, можно разнообразныя системы земледѣлія подвести къ слѣдующимъ пяти категоріямъ ихъ: 1) *полукочевое* хозяйство, состоящее въ воздѣлываніи земли въ теченіи опредѣленнаго времени, послѣ чего эта земля бросается подъ залежь (Dreisch), а земледѣлецъ обращается къ воздѣлыванію новыхъ земель. Сюда относится на прим. наше подсѣчное хозяйство, при которомъ для обращенія земли въ положеніе годное для земледѣлія прибѣгаютъ къ выжиганію лѣса, кустарника или дерна; выжженные участки воздѣлываются въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего бросаются, а землевладѣлецъ переходитъ къ новымъ участкамъ. 2) *Трехпольное* хозяйство, которое Рошеръ называетъ системой вѣчнаго пастбища; при этомъ хозяйствѣ каждое поле одинъ годъ засѣвается озимымъ хлѣбомъ, другой годъ яровымъ, а на третій остается подъ паромъ, то есть не засѣвается съ самой весны, а только обработывается и унаваживается, и за тѣмъ только поступается подъ посѣвъ озимаго хлѣба, который снимается уже въ слѣдующій годъ. 3) *Выгонное* хозяйство, при которомъ происходитъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, постоянная смѣна между посѣвами хлѣба и разведеніемъ кормовыхъ травъ. Въ этомъ хозяйствѣ силы земли возстановляются не залежью, какъ при полукочевомъ, и не исключительно паромъ, какъ при трехпольномъ хозяйствахъ, но посредствомъ травосѣянія, дающаго возможность содержанія значительнаго количества скота, какъ машины для удобренія. 4) *Плодосмѣнное* хозяйство, состоящее въ правильной смѣнѣ между хлѣбными, корнеплодными, травяными и другими культурными растеніями; здѣсь воз-

становленіе силъ земли достигается съ одной стороны сильнымъ удобреніемъ, на прим. гуано, молотою костью и съ другой смѣной насажденій, подготовляющей почву въ химическомъ и физическомъ отношеніяхъ къ развитію будущихъ растеній. 5) *Свободное* хозяйство, называемое Ро ш е р о мъ огороднимъ хозяйствомъ, идеалъ котораго, говоря словами Либиха, состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ плодосмѣнной системы при посредствѣ смѣны различныхъ видовъ удобренія. Принятіе каждой изъ этихъ системъ хозяйства зависитъ не отъ свободной воли сельскаго хозяина, но отъ всей совокупности экономическихъ условій, среди которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать, — другими словами, отъ развитія всѣхъ остальныхъ отраслей народнаго труда. Представимъ себѣ, слѣдуя ф. Тюнену, совершенно изолированное государство, имѣющее кругообразную территорію, почву на всемъ пространствѣ одинаково плодородную, безъ судоходныхъ рѣкъ и желѣзныхъ дорогъ, но съ большимъ городомъ въ центрѣ круга, въ которомъ сосредоточены неземледѣльческія отрасли труда и который, поэтому, представляетъ собою единственный рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Какъ будутъ распредѣлены системы хозяйства въ этомъ государствѣ?

Вблизи города, при обиліи удобренія и высокихъ цѣнахъ продуктовъ, будетъ господствовать система вольнаго хозяйства; здѣсь будутъ производимы тѣ продукты, которые не выносятъ далекой перевозки, которые скорѣе переносятся, чѣмъ перевозятся въ городъ; получая удобреніе изъ города, хозяева будутъ продавать сѣно и солому для городскихъ лошадей. Получая высокія цѣны за продукты и получая обильное удобреніе изъ города, сельскіе хозяева будутъ возстановлять силы земли смѣной различныхъ видовъ удобренія, не держась никакихъ опредѣленныхъ и постоянныхъ перемѣнъ въ посѣвахъ и насажденіяхъ. Очевидно, въ этой мѣстности будетъ господствовать наиболѣе интенсивное хозяйство, воздѣлываніе земли будетъ наиболѣе культурнымъ. По мѣрѣ отдаленія отъ города выгодныя условія хозяйства будутъ все болѣе и болѣе уменьшаться, вмѣстѣ съ чѣмъ должна уменьшаться и степень его интенсивности. Такъ какъ городъ въ на-

шемъ изолированномъ государствѣ представляетъ собою единственный рынокъ для сбыта продуктовъ, остающихся отъ потребленія на мѣстѣ, то въ мѣстахъ производства цѣны понижаются по мѣрѣ отдаленія отъ города концентрическими кругами обратно пропорціанально увеличенію затратъ на провозъ. Также уменьшается возможность пользованія изъ города удобреніемъ, вслѣдствіе увеличенія затратъ перевозки его. Это и заставляетъ сельскихъ хозяевъ, по мѣрѣ удаленія отъ города, все болѣе и болѣе уменьшать степень интенсивности хозяйства, то есть уменьшать поземельныя затраты. На этомъ основаніи за округомъ вольнаго хозяйства будетъ слѣдовать округъ хозяйства плодосмѣннаго, при которомъ, сверхъ сильнаго удобренія, силы земли возстановляются также естественнымъ путемъ чрезъ смѣну посѣвовъ. За этимъ округомъ будетъ слѣдовать культура выгоннаго хозяйства; находясь вдали отъ города, сельскій хозяинъ долженъ получать удобреніе на мѣстѣ производства, чего онъ достигаетъ разведеніемъ травъ. За округомъ выгоннаго хозяйства еще болѣе усиливается необходимость уменьшенія издержекъ производства для возможности доставки продуктовъ въ городъ; здѣсь сельскій хозяинъ обратитъ вниманіе на паръ, какъ на существенное средство возстановленія силъ земли и въ этой мѣстности будетъ господствовать трехпольное хозяйство. За этимъ округомъ будетъ слѣдовать полукочевое хозяйство, крайняя противоположность вольному хозяйству; при рѣдкости населенія и обиліи некультивированныхъ земель, здѣсь будетъ господствовать кочевое скотоводство, какъ продуктъ, который самъ себя доставляетъ къ мѣсту продажи. Наконецъ, за этимъ округомъ невозможно никакое земледѣліе, какъ промышленность; здѣсь будетъ господствовать лишь охота и рыболовство (2).

Изъ этой гипотезы, основанія которой предложены Тюненомъ въ видѣ отвлеченія, способствующаго уясненію сложныхъ хозяйственныхъ фактовъ, всякому очевидно, что принятіе усовершенствованныхъ системъ земледѣлія зависитъ не отъ воли землевладѣльца, но обусловливается экономическимъ строемъ страны, развитіемъ путей сообщенія и сбыта, то есть развитіемъ неземледѣльческихъ отраслей народнаго труда. Вотъ почему

усовершенствованныя системы земледѣлія не могутъ быть примѣняемы къ сельскому хозяйству тѣхъ странъ, въ которыхъ экономическій бытъ вообще слабо развитъ. Наоборотъ, въ странахъ съ высшимъ хозяйственнымъ развитіемъ убыточны экстенсивныя системы земледѣлія; сельскій хозяинъ въ этихъ странахъ, ведя хозяйство, свойственное низшимъ ступенямъ общественности, легко можетъ разорить свое состояніе, не выдержитъ конкурренціи съ раціонально ведущими свое дѣло сельскими хозяевами. Размѣры приложенія труда къ производству всецѣло обусловливаются размѣрами сбыта. Не имѣя сбыта, сельскій хозяинъ занимается земледѣліемъ исключительно для своихъ домашнихъ потребностей; количество его произведеній не можетъ быть значительнымъ, качество не всегда можетъ быть удовлетворительнымъ, потому что такой хозяинъ не спеціализируетъ своего занятія; онъ долженъ заботиться также объ удовлетвореніи своимъ непосредственнымъ трудомъ другихъ своихъ потребностей. Когда появляется сбытъ, сельское хозяйство совершенно преобразуется; изъ домашняго занятія, какъ промысла, направленнаго къ непосредственному удовлетворенію потребностей производителя, оно превращается въ самостоятельную промышленность, производящую для сбыта въ обмѣнъ на продукты другихъ отраслей труда. И чѣмъ лучше организованъ сбытъ, тѣмъ раціональнѣе организуется сельскохозяйственное дѣло, тѣмъ выше степень интенсивности его. Земледѣліе становится промышленностью, говоритъ де Лявернь, коль скоро развивается въ странѣ торговое и мануфактурное населеніе и когда это населеніе или находится на однихъ мѣстахъ съ земледѣльческимъ, или связано съ послѣднимъ удобными и дешевыми путями сообщеній. Англія Бекуелю обязана своимъ раціональнымъ скотоводствомъ; но если бы въ этой странѣ не было Аркрайта и Уатта, то и Бекуель не имѣлъ бы успѣха. „Если вы желаете развить земледѣліе, то постарайтесь о развитіи обрабатывающей промышленности и торговли, умножающихъ количество потребителей сельскохозяйственныхъ продуктовъ, въ особенности же усовершенствуйте пути сообщеній, благодаря которымъ происходитъ сближеніе между производителями и потребителями; все осталь-

ное возникнетъ само собою. Торговая и обрабатывающая промышленность такое же оказываетъ вліяніе на земледѣліе вообще, какъ кормовыя травы и скотоводство на хлѣбные посѣвы, съ перваго взгляда между этими отраслями занятій можетъ показаться противорѣчіе (opposition), но, вникнувъ глубже въ предметъ, мы замѣчаемъ между ними такую тѣсную связь, по которой солидность развитія каждой изъ нихъ обусловливается развитіемъ остальныхъ“ (3).

И такъ, единеніемъ или солидарностью между различными по содержанію занятіями обусловливается надлежащее развитіе каждаго изъ нихъ. Для осуществленія же въ возможной полнотѣ этого единенія, необходима близость ихъ между собою, необходимо совмѣстное ихъ существованіе въ странѣ. Эта истина прекрасно уяснена экономистомъ К э р и (4). Сельскій хозяинъ, говоритъ онъ, никогда не долженъ забывать того, что онъ есть простой заемщикъ у банка-земли. Въ этомъ банкѣ требуется такая же строгая аккуратность, какъ и въ лучшихъ банкахъ всѣхъ образованныхъ государствъ. Но осуществленіе этой аккуратности не возможно при отдаленности между сельскимъ производителемъ и городскимъ потребителемъ, при отсутствіи или слабомъ развитіи внутренней мануфактурной промышленности. Во всѣхъ случаяхъ такой отдаленности сельскій хозяинъ не имѣетъ возможности возстановлять производительныя силы земли. Трудность возвратить удобреніе, значительныя издержки, необходимыя для доставки продуктовъ на отдаленные рынки и т. п. обстоятельства производятъ то, что сельскій хозяинъ постоянно продаетъ частицы своей почвы, изъ которыхъ слагается его капиталъ. Безъ внутренней обрабатывающей промышленности страна, въ видѣ сырыхъ продуктовъ, отправляемыхъ на иностранные рынки, вывозитъ лучшую часть своей почвы, производительность которой постепенно слабѣетъ и наконецъ приходитъ въ окончательный упадокъ. При отдаленности потребителя сельскій хозяинъ не можетъ производить многихъ продуктовъ, не выдерживающихъ издержекъ провоза, вслѣдствіе чего разнообразіе въ сельскохозяйственномъ производствѣ для него не мыслимо. Производитель, находящійся въ сосѣдствѣ съ рынкомъ для сбыта продук-

товъ, производитъ разнообразныя произведенія, что даетъ ему возможность бороться съ разными случайностями, между тѣмъ какъ отдаленный земледѣлецъ весь во власти слѣпаго случая. Онъ находится въ положеніи того человѣка, котораго имущество находится на одномъ кораблѣ; въ самомъ концѣ плаванія корабль можетъ разбиться и все имущество пропадаетъ.

(1) Richesse des Nations, кн. III. гл. 1. (2) Тюненъ Изолированное государство, стр. 1 и слѣд. Roscher. N. oecon. des Ackerbaues, B. II. §§ 40—46. (3) Essai sur l'écon. rurale de l'angleterre, de l'écosse et de l'irlande, стр. 170, 172 и 179. (4) Principes de la science sociale, гл. X.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

напечатано				*слѣдуетъ читать*
стр.		*строк.*		
20	*сверху*	10	такимъ-то	какимъ-то
21	*снизу*	10	преступленій	преступленіи
24	*сверху*	2	часто. Между	часто между
„	„	21	заключеній	заключеніи
28	*снизу*	11	одинаково	одинаковою
33	*сверху*	18	удовлетворительно при .	удовлетворительно дѣйствуетъ при...
40	*снизу*	7	невозможно	невозможны
50	„	1	часто	чисто
85	„	6	хозяйство,	хозяйство—
94	„	13	строю	строѣ
98	*сверху*	2	въ производство	въ производствѣ
104	*снизу*	14	интереса	интересы
107	„	12	состояніе	состоянія
121	„	19	проводитъ	приводитъ
128	„	17	ческій	чешскій.

94	*сверху*	13	200,000	2,000,000

11539
X
11818

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ОСНОВАНІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

СОСТАВИЛЪ

Магистръ политической экономіи и статистики

А. АНТОНОВИЧЪ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Пособіе для курса читаемаго въ Институтѣ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Новой Александріи.

ВАРШАВА.
Типографія К. Ковалевскаго, ул. Королевская № 23.
1879.

64090

Дозволено Цензурою.
Варшава, 31 Августа 1879 г.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Элементы распредѣленія.

Произведенные продукты могутъ быть распредѣляемы между людьми или на основаніи установленныхъ обычаемъ и закономъ правилъ, или же на основаніи свободнаго соглашенія; въ первомъ случаѣ распредѣленіе является актомъ обязательнымъ и eo ipso принудительнымъ, во второмъ актомъ добровольнымъ. Обязательность тѣхъ или иныхъ правилъ распредѣленія, придуманныхъ разными писателями, лежитъ въ основаніи системъ, носящихъ въ настоящее время общее названіе соціализма. Добровольность или свобода распредѣленія лежитъ въ основаніи науки политической экономіи, признающей принадлежность человѣку того, что произведено имъ, или ему передано по доброй волѣ другими производителями. При этомъ разумная свобода не только не исключаетъ законодательныхъ нормъ, но требуетъ ихъ, какъ общественной гарантіи; свобода въ сферѣ экономическихъ отношеній не есть абсолютная свобода, но свобода законная, по которой человѣкъ не можетъ своею дѣятельностью, прямо или косвенно, причинять вредъ другимъ людямъ. Если соціализмъ, во имя увеличенія благосостоянія, превращаетъ людей въ рабовъ, отнимая у нихъ право на плоды ихъ дѣятельности, то всякому

очевидно, что и противоположный принципъ — абсолютная свобода — не можетъ быть нормальнымъ принципомъ общежитія; внѣ закона нѣтъ истинной свободы, какъ такой, которая была бы достойною человѣка и, поэтому, не приводила бы къ порабощенію однихъ другими; внѣ закона, гарантирующаго свободную дѣятельность всѣхъ и каждаго, не можетъ быть и разумнаго экономическаго общежитія. Свобода соглашенія въ распредѣленіи результатовъ производства есть тотъ естественный экономическій законъ, который охраняется положительнымъ правомъ и развивается подъ защитой его. Основными элементами этого естественно-экономическаго закона служатъ цѣнности, представляющія собою объектъ распредѣленія, а также деньги и кредитъ, какъ орудія, облегчающія мѣновыя сношенія между людьми.

I. Цѣнность (1).

§ 1. Съ понятіемъ о цѣнности соединяется неодинаковое значеніе съ точекъ зрѣнія производства, распредѣленія и потребленія.

Съ исключительной точки зрѣнія производства, цѣнность произведеннаго продукта представляется ничѣмъ инымъ, какъ количествомъ пожертвованій, затраченныхъ на его производство. Для производителя то дорого, что требуетъ для производства большаго количества усилій, и то дешево, что стоитъ малаго ихъ количества. Все, что получается безъ пожертвованій, разсуждаетъ производитель, не имѣетъ цѣнности; воздухъ не имѣетъ цѣнности, потому что для пріобрѣтенія его не требуется никакихъ усилій. Цѣнность возникаетъ только тогда, когда возникаетъ необходимость въ пожертвованіяхъ для полученія продукта; источникъ ея — усилія производства, чѣмъ больше количество такихъ усилій или пожертвованій, тѣмъ выше и цѣнность произведеннаго: размѣрами пожертвованій обусловливается размѣръ цѣнности продукта. Если бы намъ не было необходимости преодолѣвать препятствія въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей, то мы и понятія не имѣли бы о цѣнности, а знали бы только одну по-

лезность вещей. „Для волшебниковъ не существуетъ понятія цѣнности, такъ какъ одного мановенія жезла ихъ достаточно для того, чтобы получить все, чего только они могутъ пожелать.“ Цѣнность, такимъ образомъ, есть результатъ усилій, результатъ борьбы человѣка съ природою, есть мѣрило тѣхъ препятствій, которыя человѣку необходимо побороть для полученія желаемаго, мѣрило зависимости человѣка отъ природы въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Съ этой точки зрѣнія экономическій прогрессъ состоитъ въ уменьшеніи цѣнности, въ борьбѣ съ тѣмъ зломъ, которое называется цѣнностью. Чѣмъ невыгоднѣе положеніе производителя въ дѣлѣ производства, тѣмъ выше для него цѣнность результатовъ производства; на оборотъ, чѣмъ легче добывается продуктъ, чѣмъ меньше затрачивается издержекъ на его производство, тѣмъ больше получается полезностей въ результатѣ производства, но въ то же время тѣмъ меньше цѣнность произведеній. Цѣнность и полезность вещей находятся между собою въ обратно-пропорціональномъ отношеніи. Благосостояніе и цѣнность—величины противоположныя, увеличеніе одной изъ нихъ равносильно уменьшенію другой.

Въ актѣ распредѣленія необходимо отличать два момента сбытъ и пріобрѣтеніе, или предложеніе и спросъ.

Съ точки зрѣнія спроса воззрѣніе на цѣнность аналогично съ воззрѣніемъ производителя. Для желающаго пріобрѣсть продуктъ отъ другихъ, цѣнность представляется суммой пожертвованій, необходимыхъ для пріобрѣтенія. Какъ изолированный хозяинъ, такъ наприм. и чиновникъ, живущій жалованьемъ, одинаково смотрятъ на цѣнность какъ на зло, въ уменьшеніи котораго они прямо заинтересованы. По воззрѣнію обоихъ, экономическій прогрессъ состоитъ въ уменьшеніи цѣнности продуктовъ, что равносильно уменьшенію препятствій въ удовлетвореніи потребностей и увеличенію благосостоянія.

Совершенно противоположное понятіе придается слову цѣнность съ точки зрѣнія сбыта или предложенія. Для продавца цѣнность есть покупная сила его продуктовъ, мѣра власти его надъ принадлежащими другимъ лицамъ факторами производства и ихъ произведеніями. Продавецъ видитъ въ цѣнности сбыва-

маго собственный интересъ, личную выгоду; для него цѣнность и личная выгода прямо пропорціональны. Цѣнность опредѣляется не размѣромъ пожертвованій, необходимыхъ для производства или пріобрѣтенія, а, на оборотъ, опредѣляетъ размѣръ этихъ пожертвованій. Продуктъ не потому имѣетъ высокую цѣнность, что на производство его затрачено много издержекъ, а, на оборотъ, на производство этого продукта потому только затрачено много издержекъ, что онъ высоко цѣнится. Цѣнность есть власть надъ факторами производства и произведеніями другихъ лицъ; величина издержекъ какъ производства, такъ и пріобрѣтенія обусловливается размѣрами этой власти, а не на оборотъ.

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія спроса цѣнность является экономическимъ зломъ, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія предложенія—благомъ. Если пріобрѣтатель заинтересованъ въ уменьшеніи цѣнности, то продавецъ, на оборотъ, заинтересованъ въ ея увеличеніи. Цѣнность въ своихъ размѣрахъ опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, какъ борьбой взаимно противоположныхъ интересовъ. Каждый изъ контрагентовъ обмѣна, какъ продавецъ, желаетъ получить за свой продуктъ какъ можно больше чужихъ продуктовъ,—какъ покупщикъ, желаетъ дать за чужіе продукты какъ можно меньше своихъ. Интересы каждаго изъ нихъ противоположны; то, что для одного является мѣриломъ экономической власти, для другаго является мѣриломъ экономической зависимости; благосостояніе одного — несчастіе другаго, прибыль продавца — потеря покупателя. Обмѣнъ является актомъ борьбы интересовъ, причемъ, какъ и во всякой борьбѣ, побѣждаетъ болѣе сильный. Цѣнность продуктовъ—результатъ этой борьбы; она прямо пропорціональна силѣ продавца и обратно пропорціональна силѣ покупщика.

Наконецъ, съ исключительной точки зрѣнія потребленія цѣнность представляется тождественною съ полезностью, какъ годностью продукта къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Увеличеніе или уменьшеніе полезности въ глазахъ потребителя равносильно увеличенію или уменьшенію цѣнности; вещь, не имѣющая никакой полезности, не имѣетъ и цѣнности. Потребитель наиболѣе дорожитъ тѣми продуктами, которые для него наибо-

лѣе полезны; вещество, содержащее въ себѣ возможность большаго удовлетворенія потребности въ опредѣленное время, цѣннѣе вещества, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, содержащаго въ себѣ такую возможность въ меньшей степени. Законъ цѣнности съ этой точки зрѣнія формулируется въ словахъ: опредѣленное количество вещества, удовлетворяющаго потребность, всегда предпочитается меньшему количеству такого вещества. Съ исключительной точки зрѣнія потребленія случай высокой оцѣнки вещей мало полезныхъ—ненормальныя случаи.

Въ основаніи ученій экономистовъ о сущности и законахъ цѣнности лежатъ обыденные факты, на которые можно смотрѣть съ указанныхъ точекъ зрѣнія. Одни изъ экономистовъ смотрятъ на цѣнность съ точки зрѣнія потребленія, другіе съ точки зрѣнія распредѣленія, третьи съ точки зрѣнія производства и, наконецъ, четвертые, которые могутъ быть названы эклектиками, безразлично употребляютъ для уясненія понятія и законовъ цѣнности всѣ три изложенныя воззрѣнія. Вся литература вопроса о цѣнности сводится къ этимъ четыремъ категоріямъ, какъ теоретическимъ партіямъ, породившимъ безчисленное множество споровъ и пререканій. Понятіе о цѣнности съ точки зрѣнія потребленія лучше всего уяснено въ теоріи Ш т о р х а; понятіе мѣновой цѣнности нашло въ извѣстной степени послѣдовательныхъ выразителей въ лицѣ М а л ь т у с а, М а к л е о д а и Б а с т і а, воззрѣніе на цѣнность съ точки зрѣнія производства наиболѣе послѣдовательно развито въ ученіяхъ Р и к а р д о и К э р и. Къ представителямъ эклектическаго направленія въ ученіяхъ о явленіяхъ цѣнности принадлежатъ — А. С м и т ъ, Ж. Б. С э и Д. С. М и л л ь.

И такъ, на цѣнность можно смотрѣть съ различныхъ и взаимно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Если же такъ, то возможно ли построеніе общей теоріи явленій цѣнности? Если о цѣнности съ равною основательностью можно утверждать и pro и contra, то неужели экономическая наука должна признать, что научное рѣшеніе вопроса о цѣнности не мыслимо, такъ какъ вопросъ этотъ допускаетъ взаимно - противорѣчивыя рѣшенія?

Общество представляетъ собою не простую сумму отдѣльныхъ частей, но цѣлое, въ которомъ всѣ части находятся между собою въ органической связи. Подобно тѣсной связи составныхъ частей каждаго индивидуальнаго организма, общественный организмъ представляетъ намъ такую солидарность своихъ составныхъ частей, по которой неправильное отправленіе въ одной изъ нихъ сопровождается неправильными отправленіями въ другихъ, болѣзнь одного органа сопровождается заболѣваемостью въ остальныхъ. Но при этомъ необходимо не забывать, что общественная органичность есть органичность развивающаяся, что она не тождественна во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ. Сверхъ того, и на высшихъ ступеняхъ развитія въ каждомъ изъ наиболѣе развитыхъ общественныхъ организмахъ въ частныхъ случаяхъ существуютъ стремленія противо-органическія. Вотъ почему не всегда существуетъ связь между основными актами экономической жизни, между производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ. Отсутствіе органической связи между этими актами, замѣчаемое какъ въ прошедшемъ экономической жизни, такъ и на высшихъ ступеняхъ общежитія въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ, породило указанную нами тройственность понятій о цѣнности. Но по мѣрѣ развитія общественной органичности, по мѣрѣ усиленія органической связи между основными актами экономической жизни, эти частно-хозяйственныя понятія исчезаютъ, уступая мѣсто общественно-хозяйственному понятію, объединяющему и примиряющему частныя понятія.

Полезность можетъ быть единственнымъ основаніемъ цѣнности лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда потребленіе существуетъ какъ актъ въ большей или меньшей степени независимый отъ производства и обмѣна. Когда человѣкъ жилъ на готовыхъ хлѣбахъ природы, тогда цѣнность вещей для него тождественна была съ ихъ полезностью; въ то время не могло быть иного основанія для предпочтенія однихъ вещей другимъ. Когда земли было много, сравнительно съ количествомъ населенія, когда всякій могъ занимать любой поземельный участокъ и поземельная собственность въ точности не опредѣлялась, а распространялась вездѣ „куда плугъ и соха и топоръ и коса ходятъ,“ тогда един-

ственнымъ основаніемъ предпочтенія одного участка другому была его полезность. Полезность въ это время и была мѣриломъ цѣнности одного участка сравнительно съ другимъ. Съ умноженіемъ населенія это экономическое положеніе постепенно уступаетъ мѣсто другому, при чемъ полезность уступаетъ свое мѣсто хозяйственному труду, который все болѣе и болѣе становится на первомъ планѣ въ вопросѣ о предпочтеніи одного предмета другому. Полезность продукта можетъ оставаться безъ всякаго измѣненія, но съ измѣненіемъ затрачиваемаго на производство его хозяйственнаго труда цѣнность необходимо измѣняется. Положимъ, что этотъ продуктъ будетъ производиться вдвое меньшимъ количествомъ рабочаго времени, въ такомъ случаѣ онъ будетъ производиться вдвое легче и цѣнность его уменьшиться на половину, хотя полезность не измѣняется. Необходимо сказать, что самый законъ развивающагося потребленія требуетъ несоотвѣтствія между цѣнностью вещей и ихъ полезностью. Потребленіе требуетъ съ одной стороны легкости въ пріобрѣтеніи средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія нашихъ нуждъ; съ другой стороны—возможной полноты въ удовлетвореніи послѣднихъ. При существованіи раздѣленія занятій, этотъ естественный законъ потребленія можетъ быть осуществленъ въ жизни не иначе, какъ при удешевленіи каждаго отдѣльнаго продукта (этимъ обусловливается легкость удовлетворенія потребности), и въ тоже время при неизмѣненіи или же возвышеніи цѣнности всѣхъ потребляемыхъ продуктовъ (этимъ обусловливается полнота удовлетворенія потребности). Торговецъ, разумно понимающій свои собственные интересы, заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть возможность продавать продукты какъ можно дешевле, такъ какъ дешевизна привлекаетъ покупщиковъ и увеличиваетъ его общій доходъ. Торговцу выгоднѣе получить по одной копѣйкѣ дохода съ 10 сдѣлокъ въ теченіи опредѣленнаго времени, чѣмъ съ одной сдѣлки 5 копѣекъ. Торговцы, предпочитающіе 5 единицъ дохода 10 единицамъ, поступаютъ точно также, какъ поступаетъ дикарь, срубающій дерево для того, что бы воспользоваться его плодами. Точно также поступаютъ тѣ дикари, которые съѣдаютъ данный имъ для обработки земли скотъ и полагаютъ, что находятъ до-

статочное оправданіе, говоря: мы ѣсть хотѣли. Только прислабомъ пониманіи собственныхъ выгодъ торговецъ предпочитаетъ большой доходъ съ единицы продукта, не замѣчая происходящихъ отъ этого потерь. Чѣмъ дороже каждый отдѣльный продуктъ, тѣмъ ограниченнѣе его сбытъ, тѣмъ меньше общій доходъ; на оборотъ, удешевленіе продукта ведетъ къ разширенію сбыта и увеличенію общаго дохода. Но удешевленный продуктъ остается тою же самою единицею полезности; четверть ржи, цѣнность которой уменьшилась на половину, отъ этого удешевленія нисколько не уменьшается въ своей полезности. Если же удешевленіе продуктовъ требуется закономъ потребленія, то ясно, что закономъ потребленія требуется и несоотвѣтствіе между полезностью и цѣнностью.

Ж. Прудонъ видѣлъ хромоту справедливости въ этомъ несоотвѣтствіи между цѣнностью и полезностью продуктовъ. Полезностью, говоритъ онъ, называется способность произведеній удовлетворять наши потребности, а цѣнностью — способность этихъ произведеній обмѣниваться между собою. По видимому, должно быть такъ, что чѣмъ полезнѣе предметъ, чѣмъ болѣе годенъ онъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, тѣмъ большую цѣнность долженъ бы имѣть онъ, то есть долженъ бы обмѣниваться на соотвѣтственно большее количество другихъ предметовъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности далеко не такъ; въ обыденной жизни мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ странное противорѣчіе между полезностью и цѣнностью. Чѣмъ болѣе мы производимъ предметовъ, чѣмъ болѣе, слѣдовательно, выносимъ на рынокъ полезностей, тѣмъ больше падаетъ ихъ цѣнность, тѣмъ меньше получается въ обмѣнъ другихъ произведеній. Чѣмъ больше полезностей, тѣмъ болѣе они теряютъ при мѣнѣ; чѣмъ больше мы производимъ, тѣмъ бѣднѣе становимся. Правда хромаетъ, справедливости нѣтъ въ мѣновыхъ отношеніяхъ между людьми.

Но неужели для существованія правды въ мѣновыхъ отношеніяхъ необходимо, что бы цѣнность продукта не уменьшалась при уменьшеніи затратъ производства, такъ какъ въ противномъ случаѣ не будетъ соотвѣтствія между полезностью и цѣнностью?

Не требуетъ ли справедливость какъ-разъ противнаго, то есть что бы при уменьшеніи издержекъ производства цѣнность уменьшалась, хотя при этомъ полезность продукта нисколько не измѣняется? Другими словами, не требуетъ ли сама справедливость, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, несоотвѣтствія между полезностью и цѣнностью? Видѣть въ такихъ случаяхъ хромоту правды значитъ забывать, что полезность есть только средство къ удовлетворенію нашихъ потребностей, что законами потребленія опредѣляется и должно опредѣляться значеніе и движеніе ея. Впрочемъ, самъ Прудонъ, желая возстановить придуманную имъ хромоту правды, пришелъ въ окончательномъ выводѣ къ признанію справедливости въ несоотвѣтствіи между полезностью и цѣнностью. Онъ говоритъ, что противорѣчіе между цѣнностью и полезностью примиряется посредствомъ „установленной цѣнности.“ Цѣнность каждаго предмета должна быть равна количеству труда, необходимому для производства; увеличеніе или уменьшеніе этого труда должно быть равносильно увеличенію или уменьшенію цѣнности продукта. И это, по мнѣнію Прудона, не будетъ противорѣчить полезности, такъ какъ удешевленный продуктъ найдетъ большее количество покупщиковъ и потребляемость его возрастетъ пропорціонально его удешевленію. Если количество труда, необходимое для производства какого либо продукта, уменьшится въ 10 разъ, то цѣнность этого продукта уменьшится также въ 10 разъ, но при этомъ потребленіе удесятерится, вслѣдствіе чего между цѣнностью и полезностью не будетъ противорѣчія.

Признавъ регуляторомъ явленій цѣнности законъ издержекъ производства, Прудонъ уже тѣмъ самимъ призналъ справедливымъ несоотвѣтствіе между цѣнностью и полезностью. Если продуктъ начнетъ производиться вдвое меньшимъ количествомъ труда, вслѣдствіе чего вдвое же уменьшится его цѣнность и вдвое увеличится потребленіе, то общее количество потребляемыхъ полезностей увеличится вдвое, но общая ихъ цѣнность останется безъ измѣненія. Общая цѣнность въ два раза большаго количества полезностей вдвое подешевѣвшихъ равна количеству ихъ одинъ разъ взятому, когда еще не происходило такого удешевле-

нія. Если же потребленіе не увеличивается, то количество сбываемыхъ полезностей остается прежнее, хотя уменьшается цѣнность каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Изъ этого видно, что попытка Прудона примирить цѣнность съ полезностью не удачна. Онъ видѣлъ примиреніе въ опредѣленіи размѣровъ цѣнности трудомъ, но именно это опредѣленіе и разрушаетъ всякую паралельность между полезностью и цѣнностью. Прудонъ правъ, въ дѣйствительности существуетъ это противорѣчіе, ясно указывающее намъ на замѣну полезности, какъ регулятора явленій цѣнности, другими основаніями. Но не правъ онъ, видя въ этомъ „хромоту справедливости," нормальное положеніе которой необходимо возстановить. Справедливость требуетъ этого противорѣчія. Оно же требуется и интересами потребленія, такъ какъ является условіемъ легкости и полноты въ удовлетвореніи нашихъ потребностей.

Такимъ образомъ съ экономическимъ развитіемъ полезность или потребительное значеніе вещи перестаетъ быть основаніемъ цѣнности. Но потребленіе, какъ одинъ изъ основныхъ актовъ экономической жизни, не перестаетъ вліять на явленія цѣнности. Потребленіе, требуя легкости и полноты удовлетворенія нуждъ, требуетъ движенія цѣнности по двумъ противоположнымъ направленіямъ, требуетъ удешевленія каждаго продукта въ отдѣльности и въ тоже время неизмѣняемости или увеличенія общей цѣнности всѣхъ потребляемыхъ продуктовъ. Эти требованія потребленія осуществляются посредствомъ законовъ обмѣна и производства.

Основной законъ обмѣна — это законъ отношеній между спросомъ на продукты и предложеніемъ ихъ. Мы видѣли, что съ точки зрѣнія спроса цѣнность есть зло, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія предложенія или сбыта — благо. Подъ вліяніемъ противоположности интересовъ продавца и покупщика, выражающейся въ ихъ воззрѣніяхъ на цѣнность, законъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ представляется въ видѣ борьбы. Въ этой мѣновой борьбѣ каждый желаетъ покупать какъ можно дешевле и продавать свой продуктъ какъ можно дороже. Никто не отрицаетъ, что въ этомъ видѣ мѣновыя отношенія встрѣчают-

ся на каждомъ шагу. Но можно ли возводить факты этой борьбы въ законъ? Можно ли утверждать, что мѣновыя отношенія между людьми и должны быть основаны на борьбѣ взаимно противоположныхъ интересовъ? Можно ли согласиться, что конкурренція, которую еще А. Смитъ назвалъ „грубою справедведливостью“ представляетъ собою нормальный законъ отношеній?

Вопросъ о значеніи конкурренціи раздѣлилъ изслѣдователей на два противоположныя направленія. Одни утверждаютъ, что она представляетъ собою естественный и вполнѣ справедливый законъ мѣновыхъ отношеній, что всякая попытка ограничить поле ея дѣятельности равносильна покушенію на свободу человѣка. Нѣтъ никакой „анархической конкурренціи,“ говоритъ Ф. Бастіа, напротивъ того, конкурренція представляетъ собою законъ регулирующій экономическую жизнь, упорядочивающій мѣновыя сношенія. „Что такое анархическая конкурренція? Не знаю. Что можно бы поставить на мѣстѣ конкурренціи? Тоже не знаю. Конкурренція есть ничто иное, какъ отрицаніе стѣсненій, какъ свобода человѣка. Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что конкурренція ведетъ къ порабощенію человѣка человѣкомъ, что она — законъ борьбы между людьми, а во всякой борьбѣ есть побѣдитель и побѣжденный, есть повелитель и угнетенный, есть счастливый и несчастный. Возводить въ принципъ фактъ существованія конкурренціи, значитъ считать неизбѣжнымъ и справедливымъ порабощеніе людей.

Крайняя противоположность этихъ воззрѣній на одинъ и тотъ же предметъ говорятъ намъ о томъ, что въ этомъ самомъ предметѣ должны быть двѣ стороны, иначе не мыслимъ былъ бы споръ. И дѣйствительно, каждый изъ противниковъ видѣлъ одну сторону предмета, не обращая вниманія на другую; одни видѣли только хорошую сторону въ соперничествѣ, другіе только дурную. Между тѣмъ, обративъ вниманіе только на хорошую сторону, приходится санкціонировать темныя стороны конкурренціи, благодаря чему, многіе экономисты какъ бы повторяютъ слова Гегеля: все, что существуетъ, то и разумно. Съ другой стороны, обративъ исключительное вниманіе только на темныя сто

роны, получается еще болѣе печальный результатъ. Если конкурренція и анархія интересовъ одно и тоже, то необходимо уничтожить ее. Но чѣмъ же замѣнить? Уничтоженіе конкурренціи или соперничества равносильно уничтоженію личныхъ самостоятельныхъ побужденій къ дѣятельности; уничтожить конкурренцію, значитъ уничтожить личную отвѣтственность и свободу. Усиленная дѣятельность, вызываемая соперничествомъ, уступила бы мѣсто лѣности и упадку силъ. Соперничеству противоположна монополія. Но, по справедливому замѣчанію Прудона, если соперничество есть война, то монополія есть избіеніе плѣнныхъ.

Въ развитіи конкурренціи необходимо отличать два періода: первый, когда конкурренція представляетъ собою борьбу всѣхъ и каждаго противъ всѣхъ и каждаго; второй, когда она становится закономъ, гарантирующимъ возможно полное осуществленіе въ мѣновыхъ сношеніяхъ взаимности интересовъ.

Въ первомъ періодѣ развитія конкурренціи безусловно господствуетъ двойственность и противоположность воззрѣній продавца и пріобрѣтателя на цѣнность. Пріобрѣтатель смотритъ на цѣнность какъ на зло, какъ на выраженіе экономической зависимости отъ продавца; продавецъ смотритъ на цѣнность своего товара какъ на благо, какъ на выраженіе экономической власти надъ произведеніями и факторами производства другихъ. Первый желаетъ дать за чужой товаръ какъ можно меньше и получить за свой какъ можно больше; второй старается парализовать это стремленіе пріобрѣтателя, стремясь получить отъ него возможно большую плату за свой товаръ: результатомъ этой мѣновой борьбы и является цѣнность. Каждый изъ контрагентовъ обмѣна видитъ въ другомъ своего врага, котораго необходимо побороть; въ отношеніи къ нимъ вполнѣ вѣрно положеніе: homo homini lupus est. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія иначе и не можетъ быть. При слабомъ развитіи раздѣленія и соединенія занятій производительность слаба, вслѣдствіе чего въ обмѣнѣ значительная прибыль получается лишь тогда, когда другая сторона несетъ потерю. Весьма естественно, что каждый смотритъ на прибыль одного, какъ на потерю другаго. Такъ смотрѣли на

происхожденіе прибыли даже лучшіе изъ мыслителей древняго міра. Цицеронъ наприм., прямо утверждаетъ, что прибыль торговца есть результатъ обмана.

Относительно такого періода экономическаго быта оказываются вполнѣ вѣрными теоріи, по которымъ цѣнность вещей опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, какъ борьбой взаимно противоположныхъ интересовъ. Такова, наприм., теорія цѣнности Маклеода. По его ученію, цѣнность зависитъ въ своихъ размѣрахъ отъ относительнаго положенія покупщика и продавца. „Если бы человѣку, который только-что съѣлъ роскошный обѣдъ предложить корку хлѣба и стаканъ воды, то такое предложеніе, сдѣланное не во-время, возбудило бы въ немъ чувство, близкое къ отвращенію. Но если бы тотъ же человѣкъ былъ покинутъ въ одиночествѣ на необитаемомъ островѣ въ состояніи близкомъ къ голодной смерти, или если бы, находясь въ караванѣ, посреди африканскихъ степей, онъ изнемогалъ отъ жара и жажды, то съ какимъ восторженнымъ чувствомъ принялъ бы онъ то же самое предложеніе! При такихъ обстоятельствахъ лицо, имѣющее въ распоряженіи подобные предметы, могло бы вынудить у страдальца всякую цѣну, какую бы только онъ былъ въ состояніи заплатить. Дѣйствіе напряженія оказываемой услуги выражается возвышеніемъ цѣны за услугу; она измѣняется сообразно съ напряженностью оказываемой услуги и сообразно власти продавца надъ покупателемъ.“ Такимъ образомъ цѣнность, заключаетъ Маклеодъ, есть результатъ борьбы между покупателемъ и продавцемъ, „по мѣрѣ того, какъ одинъ получаетъ перевѣсъ надъ другимъ, цѣна повышается или понижается, подобно тому, какъ пѣна, при встрѣчѣ волнъ, бросается впередъ или назадъ, сообразно съ относительной силой каждой изъ встрѣчающихся волнъ. Цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцемъ. Обстоятельства, побуждающія въ борьбѣ ту или другую сторону дойти до соглашенія, служатъ единственнымъ основаніемъ цѣнности въ моментъ покупки. Всѣ эти обстоятельства сводятся къ одному общему закону отношенія между спросомъ и предложеніемъ.“

Но борьба интересовъ не можетъ быть названа основнымъ и неизбѣжнымъ закономъ отношеній между людьми. Для жизни растительной и чисто животной борьба за существованіе, законъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; для существъ разумныхъ она только фактъ, явленіе преходящее, по мѣрѣ умственнаго развитія уступающее мѣсто закону взаимности или союзности всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ.

Интереснъ фактъ, что въ томъ періодѣ жизни народовъ, когда люди жили общинами, родами и т. п., отношеніе между членами каждой изъ такихъ сферъ были основаны на принципѣ взаимности. Слѣды этихъ отношеній сохраняются и въ настоящее время; такъ и въ настоящее время обманъ, барышничество и т. п. виды борьбы за существованіе, считаются дѣломъ безчестнымъ въ отношеніяхъ между ближайшими родственниками, даже въ понятіяхъ торговцевъ, полагающихъ, что торговля не мыслима безъ обмановъ. Мѣновая борьба появилась впервые въ отношеніяхъ между членами различныхъ общинъ, родовъ и имъ подобныхъ сферъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Мэнъ, на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ Д. Леббокомъ: „Люди, соединенные въ группы, изъ которыхъ развилось новѣйшее общество, не заключали другъ съ другомъ торговыхъ сдѣлокъ, основанныхъ на такъ называемыхъ, для краткости, коммерческихъ принципахъ. Общее положеніе, по которому каждый стремится покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже, впервые сдѣлалось вѣрнымъ при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ только и было возможно въ то время, а именно — по отношенію не къ членамъ одной и той же группы, а къ иностранцамъ.

Постепенно предложеніе о правѣ каждаго добиваться наивысшей цѣны за товаръ проникло и въ эти группы, но никогда не было принято вполнѣ, пока соединительными узами между людьми считались узы семьи или класса. Правило это одерживаетъ верхъ лишь тогда, когда первобытная община разрушена.“ Отдѣльныя группы, на которыя раздѣлялось древнее общество, были между собою во враждебномъ отношеніи; каждая изъ нихъ смотрѣла на другую какъ на группу враговъ, торговыя

сношенія между ними были отношеніями войны, по которой каждый изъ контрагентовъ обмѣна старался обмануть другаго, старался продавать какъ можно дороже, покупать какъ можно дешевле. Подобныя сношенія между членами одной и той же группы считались безчестными. Только съ тѣхъ поръ, когда эти группы потеряли свое значеніе, когда общество разчленилось на свои составныя индивидуальныя части, когда оно превратилось, говоря словами Мэна, изъ скопленія семействъ въ собраніе индивидуумовъ,—отношенія между индивидуумами получили такой же характеръ, какой прежде имѣли отношенія между отдѣльными, чуждыми между собою группами.

Но общество мало по малу превращается изъ „собранія индивидуумовъ“ въ организмъ, въ которомъ развитіе и благосостояніе каждой отдѣльной части обусловливается развитіемъ и благосостояніемъ остальныхъ. Съ развитіемъ экономической органичности мѣновая борьба постепенно уступаетъ мѣсто закону взаимности интересовъ. Каждый начинаетъ осознавать свои интересы въ такой или иной мѣрѣ солидарными съ интересами другихъ и цѣнность продуктовъ является мѣриломъ этой солидарности. Интересно, что именно это воззрѣніе прекрасно уяснено тѣмъ же Маклеодомъ, который такъ рѣзко возводитъ въ законъ борьбу взаимно-противоположныхъ мѣновыхъ интересовъ. Въ самомъ началѣ своихъ „основаній политической экономіи“ онъ говоритъ: „Что бы получить для себя необходимое, человѣкъ долженъ изучать и наблюдать, въ чемъ нуждаются другіе люди; на оборотъ, если другіе нуждаются въ томъ, что онъ производитъ, то должны изучать, въ чемъ онъ самъ нуждается, что бы предложить ему этотъ нужный предметъ въ обмѣнѣ на его произведеніе. При такихъ условіяхъ, общество состоитъ изъ членовъ связанныхъ другъ съ другомъ и принужденныхъ изучать потребности и желанія каждаго изъ своей среды.“ Если же каждый для лучшаго удовлетворенія своихъ потребностей долженъ изучать потребности другихъ и содѣйствовать ихъ удовлетворенію; если каждый, такимъ образомъ, своимъ собственнымъ благосостояніемъ заинтересованъ въ благосостояніи другихъ, то научно ли утверждать, что мѣновыя пропорціи всегда регулируются борьбой

взаимно-противоположныхъ интересовъ? Въ другомъ мѣстѣ своей книги Маклеодъ не менѣе точно уяснилъ и тотъ законъ движенія цѣнности, который наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ потребленія. Онъ говоритъ, что если пониженіе цѣны продуктовъ совершается въ ариѳметической пропорціи, то увеличеніе потребляемаго количества совершается въ быстро восходящей геометрической пропорціи. При этомъ, хотя цѣнность каждаго продукта въ отдѣльности будетъ меньше, но возвысится общая цѣнность всѣхъ потребляемыхъ продуктовъ. „Эта истина способна къ всеобщему приложенію. Цѣнность всѣхъ хлопчатобумажныхъ товаровъ Великобританіи теперь, можетъ быть, въ сто разъ выше противъ того времени, когда каждая отдѣльная штука этихъ товаровъ была въ десятеро выше настоящей цѣны. Тоже самое съ книгами. Цѣнность всѣхъ произведеній книжной торговли теперь, можетъ быть, во сто разъ выше, чѣмъ въ то время, когда каждая отдѣльная книга стоила во сто разъ дороже, чѣмъ теперь.“ Изъ этого видно, что каждый человѣкъ, желая легче и полнѣе удовлетворять свои потребности, долженъ также заботиться о легкости и полнотѣ удовлетворенія потребности другихъ людей; каждый человѣкъ, желая пріобрѣтать какъ можно дешевле и больше чужихъ продуктовъ, долженъ заботиться о дешевизнѣ и количествѣ своихъ собственныхъ. Мѣриломъ и выраженіемъ этой взаимности интересовъ служитъ цѣнность продуктовъ. Двойственность въ понятіи мѣновой цѣнности исчезаетъ по мѣрѣ исчезновенія противоположности интересовъ продавца и пріобрѣтателя. Съ точки зрѣнія и одного и другаго цѣнность становится мѣриломъ союзности въ общемъ дѣлѣ удовлетворенія потребностей; нельзя сказать въ это время, что цѣнность съ точки зрѣнія продавца есть благо, потому что разумно понимающій свои выгоды продавецъ заинтересованъ въ возможности продавать свои продукты дешево; нельзя также сказать, что съ точки зрѣнія пріобрѣтателя цѣнность есть зло, такъ какъ, при развитіи раздѣленія и соединенія занятій, всякій пріобрѣтатель заинтересованъ въ возвышеніи общей цѣнности своихъ продуктовъ, при уменьшеніи ихъ относительной цѣнности. Противоположныя понятія продавца и пріобрѣтателя о существѣ цѣнности уступаютъ

мѣсто одному общему понятію, находя въ немъ объединеніе и примиреніе.

Точно также на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія и понятіе о цѣнности съ исключительной точки зрѣнія производства уступаетъ мѣсто общественно-хозяйственному понятію. При развитіи раздѣленія и соединенія занятій каждый производитель заинтересованъ въ томъ, чтобы какъ можно легче и больше производить, такъ какъ лишь при этомъ условіи онъ можетъ и съ меньшими издержками и въ большемъ количествѣ получать продукты отъ другихъ производителей. При такомъ положеніи дѣлъ онъ не можетъ смотрѣть на цѣнность какъ на зло; онъ заинтересованъ въ уменьшеніи издержекъ производства каждаго отдѣльнаго продукта и въ то же время въ возможномъ увеличеніи общаго количества затратъ, такъ какъ только при этихъ условіяхъ въ его хозяйствѣ получаются продукты и легче и въ большемъ количествѣ. Такимъ образомъ этотъ производитель, будучи заинтересованъ въ уменьшеніи цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта, въ то же время заинтересованъ въ увеличеніи цѣнности всего количества производимыхъ имъ продуктовъ, слѣдовательно не можетъ смотрѣть на цѣнность какъ на экономическое зло. Только въ изолированномъ положеніи и при отсутствіи органической связи между производствомъ и другими актами экономической жизни производитель могъ смотрѣть на цѣнность какъ на зло и на экономическій прогресъ какъ на успѣшную борьбу съ этимъ зломъ. Въ общественной жизни, когда, говоря словами А Смита, каждый живетъ не столько продуктами собственной спеціальности, сколько продуктами труда другихъ людей, производитель не можетъ быть заинтересованъ только въ одномъ удешевленіи продуктовъ. Если продукты его сдѣлаются дешевле на половину, то отъ этой дешевизны онъ ничего не выиграетъ; но онъ выигрываетъ въ томъ случаѣ, когда каждый продуктъ въ отдѣльности сдѣлается вдвое дешевле, а производство и сбытъ всѣхъ продуктовъ, наприм. учетверится.

И такъ, съ экономическимъ развитіемъ обществъ взаимнопротиворѣчивыя воззрѣнія на цѣнность исчезаютъ, уступая мѣсто общему понятію, по которому цѣнность вещей является мѣри-

ломъ и выраженіемъ союзности между людьми въ ихъ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей людей. Полезность весьма рано перестаетъ быть явленіемъ тождественнымъ съ цѣнностью, но законъ потребленія — легкость и полнота въ удовлетвореніи потребностей, является основаніемъ движенія или развитія цѣнности по двумъ, указаннымъ нами, направленіямъ. Развитіе это совершается при посредствѣ развитія отношеній между спросомъ и предложеніемъ, которыя мало по малу перестаютъ быть подчиненными борьбѣ за существованіе, подчиняясь закону союзности между людьми въ цѣляхъ лучшаго существованія. Враждебное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ съ экономическимъ развитіемъ постепенно исчезаетъ, законъ спроса и предложенія естественно становится закономъ взаимности интересовъ, взаимности мѣновой зависимости. Въ каждомъ болѣе или менѣе развитомъ общественномъ организмѣ каждый, какъ представитель спроса, желаетъ пріобрѣсти отъ другихъ какъ можно больше и съ меньшими издержками, каждый, какъ представитель предложенія, желаетъ высшей покупной силы своему имуществу. Но каждый же своему желанію можетъ удовлетворить не иначе, какъ возможно лучшимъ удовлетвореніемъ желаній другихъ. Такое взаимное удовлетвореніе желаній возможно не иначе, какъ при постепенномъ уменьшеніи издержекъ производства, сопровождающемся увеличеніемъ потребленія. Каждый начинаетъ понимать, что гораздо выгоднѣе получить за десять продуктовъ по копѣйкѣ, чѣмъ за одинъ продуктъ пять копѣекъ. Каждый стремится къ улучшенію своего производства, къ удешевленію его, къ увеличенію продуктовъ потребленія при относительномъ уменьшеніи издержекъ производства каждаго изъ нихъ. Только этимъ средствомъ каждый, какъ представитель спроса, получаетъ возможность пріобрѣтенія продуктовъ легче и больше, и, какъ представитель предложенія, получаетъ возможность увеличить покупную силу своего хозяйства. Въ этомъ высшемъ своемъ развитіи законъ спроса и предложенія продуктовъ и услугъ становится закономъ общественнаго прогресса, какъ той естественной формой, посредствомъ которой происходитъ удовлетвореніе потребностей.

Постепенно развивающаяся въ мѣновыхъ отношеніяхъ взаимность интересовъ требуетъ, чтобы продукты обмѣнивались пропорціонально издержкамъ производства. Разнообразныя издержки производства могутъ быть подведены къ одному общему знаменателю — къ времени, необходимому для обнаруженія производительной дѣятельности факторовъ производства. Если въ продуктахъ А и В овеществлено по три дня такого времени, то, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, эти продукты будутъ имѣть одинаковую цѣнность, такъ какъ только при этомъ условіи ни одинъ изъ контрагентовъ обмѣна не несетъ потери. Если владѣлецъ продукта А захочетъ взять за свой продуктъ два продукта В, то очевидно собственнику продукта В такой обмѣнъ не выгоденъ; ему приходится шестью днями рабочаго времени покупать всего три дня. Производитель продуктовъ В при существованіи такихъ условій обмѣна не можетъ долго вести свое хозяйство. Продукты А и В при обыкновенномъ положеніи дѣлъ необходимо должны обмѣниваться пропорціонально издержкамъ производства. Конечно, здѣсь разумѣются не индивидуальныя, но общественно-необходимыя издержки. Если бы цѣнность опредѣлялась уровнемъ первыхъ издержекъ, то продукты, произведенные лѣнивымъ рабочимъ, имѣли бы наиболѣе высокую нѣнность, потому что такой рабочій затрачиваетъ много времени на производство каждаго отдѣльнаго продукта. Цѣнность опредѣляется не такими индивидуальными, но общественно-необходимыми издержками производства, которыя требуются уровнемъ развитія техники въ опредѣленное время.

Мы говоримъ, что разнообразныя издержки производства *могутъ быть* подведены къ одному знаменателю — времени, необходимому для производства. Но этотъ знаменатель имѣетъ только абстрактное значеніе, къ которому прибѣгаютъ для лучшаго уясненія соотношенія между мѣновыми пропорціями и издержками производства. Въ обыденной жизни этотъ знаменатель не имѣетъ практическаго значенія, къ нему никакой производитель не прибѣгаетъ въ цѣляхъ опредѣленія размѣровъ затратъ производства.

Между тѣмъ для опредѣленія цѣнности издержками производства прежде всего необходимо опредѣлить цѣнность самихъ

издержекъ производства. Теоретически выходъ изъ этого cercle vicieux легко дается, опредѣляя размѣры издержекъ производства временемъ, необходимымъ для хозяйственной дѣятельности. Но если въ обыденной жизни не существуетъ такого опредѣленія, то какимъ же образомъ происходитъ регулированіе мѣновыхъ пропорцій производственными затратами?

Какимъ образомъ въ дѣйствительности происходитъ выходъ изъ того логическаго круга, по которому опредѣляемое должно опредѣляться самимъ же опредѣляемымъ, то есть, по которому цѣнность вещей опредѣляется цѣнностью производительныхъ затратъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ факты мѣновой борьбы, какъ основной формы междучеловѣческой борьбы за существованіе, всецѣло господствующей на низшихъ ступеняхъ развитія и на высшихъ ступеняхъ являющейся гарантіей осуществленія союзности.

Когда цѣнность вещей всецѣло представляла собою результатъ мѣновой борьбы между продавцемъ и пріобрѣтателемъ, тогда же появился общій знаменатель, называемый деньгами, послужившій средствомъ къ измѣренію всевозможныхъ цѣнностей. Цѣнность денегъ опредѣлялась также мѣновой борьбой, какъ и цѣнность всѣхъ товаровъ вообще. Но товаръ — деньги былъ товаромъ наиболѣе желательнымъ и общеспрашиваемымъ, обладая которымъ можно было пріобрѣтать все, въ чемъ, только существовала нужда. Весьма естественно, что прибыльность хозяйства стали измѣрять его денежною доходностью, а это и привело къ практическому выходу изъ указаннаго нами круга. Всякій старался производить то, что даетъ возможность получить отъ другихъ наибольше количество денегъ, оставляя тѣ промыслы, отъ которыхъ получается меньшая денежная прибыль, чѣмъ отъ другихъ. Если въ одной отрасли производства, затративъ 1000 рублей, производитель получаетъ дохода 1500, между тѣмъ какъ въ другой, при таковыхъ же издержкахъ, получаетъ всего 1300 рублей, то очевидно, онъ предпочтетъ заниматься первымъ промысломъ дающимъ 50% дохода, въ то время какъ второй промыслъ приноситъ всего 30%. Это-то стремленіе каждаго за-

ниматься наиболѣе прибыльнымъ промысломъ и приводитъ естественнымъ путемъ къ опредѣленію цѣнности размѣрами издержекъ производства. „Предметы, говоритъ Миллъ, имѣютъ тенденцію обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю стоимость производства съ обычною прибылью, иными словами, которыя даютъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ расходъ Но чтобы на ровный расходъ, то есть на ровную стоимость производства была ровная прибыль, предметы должны въ среднемъ выводѣ обмѣниваться другъ на друга пропорціонально стоимости своего производства; предметы, стоимость которыхъ одинакова, должны имѣть одинаковую цѣнность, потому что лишь въ этомъ случаѣ будетъ равная выручка съ равнаго расхода.“ Предположимъ, что въ двухъ отрасляхъ промышленности затрачивается по 1000 рублей; предположимъ, далѣе, что одна отрасль промышленности приноситъ 50% дохода, а другая 30. Весьма естественно, что капиталы устремляются въ первую отрасль, оставляя вторую. Увеличеніе продуктовъ въ первой отрасли промышленности увеличиваетъ конкурренцію между продавцами продуктовъ, желающими сбыть свои товары, вслѣдствіе чего цѣны товаровъ понижаются. Во второй отрасли промысловъ происходитъ обратное; часть капиталовъ отвлекается къ другимъ занятіямъ, благодаря чему, уменьшается конкурренція между продавцами и цѣны возвышаются. Это паденіе цѣнъ однихъ продуктовъ и возвышеніе другихъ будетъ происходить до тѣхъ поръ, пока въ обѣихъ отрасляхъ промышленности не сдѣлаются равными прибыли, для чего необходимо, чтобы продукты обмѣнивались пропорціонально издержкамъ производства. Такимъ образомъ между производителями возникаетъ борьба въ тѣхъ случаяхъ, когда прибыль отъ однихъ занятій выше чѣмъ въ другихъ промыслахъ, то есть возникаетъ тогда, когда цѣнности не опредѣляются издержками производства, когда прибыль одного въ такой или иной мѣрѣ является убыткомъ для другаго. Мѣновая борьба становится стражемъ мѣновой солидарности.

Цѣнность, въ точности соотвѣтствующую общественно-необходимымъ издержкамъ производства, можно назвать естествен-

ною, въ отличіе отъ рыночной, подверженной вліянію всей совокупности разнообразныхъ случайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ могутъ находиться продавцы, покупщики, производство и т. д. Естественная цѣнность, какъ выразился А. Смитъ, представляетъ собою какъ бы центръ тяжести, къ которому постоянно тяготѣютъ рыночныя цѣны товаровъ. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ, въ продолжительное время рыночныя цѣны не могутъ быть ни выше, ни ниже естественной цѣнности. Если въ данной мѣстности рыночная цѣна продукта выше естественной, то это значитъ, что прибыль отъ производства этого продукта выше, чѣмъ въ другихъ занятіяхъ. Въ такое болѣе доходное производство устремляются капиталы, предложеніе товаровъ увеличивается, усиливается конкурренція между продавцами и цѣнность понижается до ея естественнаго уровня. Наоборотъ, когда рыночная цѣнность даннаго продукта ниже естественной, то происходитъ отвлеченіе къ другимъ занятіямъ части капиталовъ, уменьшеніе предложенія и поднятіе цѣнности до ея естественнаго уровня. Только особенныя и исключительныя обстоятельства могутъ препятствовать тяготѣнію рыночныхъ цѣнъ къ ихъ естественному центру. По А. Смиту, обстоятельства эти могутъ быть: или чисто случайныя, каковы секреты въ производствѣ товаровъ, или физическія, каковы спеціальныя особенности почвы и климата, — или, наконецъ, общественныя, каковы привилегіи, цехи и т. п.

Постоянныя колебанія рыночныхъ цѣнъ, эта видимая хаотичность мѣновыхъ явленій, которая бросается въ глаза поверхностному наблюдателю, не видящему за ней сущности дѣла, нисколько не противорѣчитъ естественной законо-подчиненности этихъ явленій. „Если взять число лѣтъ, достаточное для того, чтобы колебанія въ одну сторону по центральной линіи могли вознаграждаться колебаніями въ другую сторону отъ нея, то средняя рыночная цѣна совпадетъ съ естественною цѣнностью, но очень рѣдко она совершенно совпадетъ съ нею въ какую нибудь данную минуту. Море всегда стремится къ уровню, но никогда не бываетъ съ точностью въ уровнѣ: поверхность его постоянно колеблется волнами и часто возмущается бурями. Доволь-

но того, что нѣтъ по крайней мѣрѣ на открытомъ морѣ ни одной точки, которая постоянно была бы выше другой. Каждый пунктъ моря поочередно поднимается и падаетъ, но океанъ сохраняетъ свой уровень“ (Милль).

§ 2. Съ экономическимъ развитіемъ обществъ увеличивается количество капиталовъ, такъ какъ облегчается производство ихъ.

Увеличеніе количества капиталовъ и облегченіе ихъ производства приводитъ къ уменьшенію ихъ цѣнности и уменьшенію платы за пользованіе ими. Какъ замѣтилъ Кэри, первый лукъ, созданный человѣкомъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ невооруженными руками трудно было поймать животное, необходимое для тетивы, былъ причиною уменьшенія своей собственной цѣнности, при посредствѣ разъ созданнаго лука новый могъ быть созданъ легче, съ меньшими пожертвованіями и трудомъ. Точно также каждый созданный капиталъ, служа къ облегченію производства, тѣмъ самимъ представляетъ собою причину уменьшенія своей цѣнности, облегчая созданіе новыхъ капиталовъ. Весьма естественно, что всѣ тѣ продукты, въ производствѣ которыхъ значительное участіе принимаетъ капиталъ, должны дешевѣть съ экономическимъ развитіемъ обществъ.

Таковы, главнымъ образомъ, мануфактурные продукты, постоянное удешевленіе которыхъ исторія вполнѣ подтверждаетъ. Такимъ же образомъ, по мѣрѣ экономическаго развитія, должны дешевѣть и тѣ продукты, въ производствѣ которыхъ принимаетъ значительное участіе трудъ человѣка. Развитіе раздѣленія труда, поощреніе энергіи послѣдняго лучшимъ вознагражденіемъ; въ особенности постоянно увеличивающееся образованіе производителей — это силы, благодаря которымъ въ одно и то же время начинаетъ производиться больше продуктовъ, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ въ отдѣльности дешевѣетъ. Особенно важное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи образованіе производителей. Кэри вполнѣ правъ утверждая, что цѣнность продуктовъ падаетъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ происходитъ замѣна физической силы умственною, замѣна свойствъ, общихъ у человѣка съ животными, тѣми свойствами, которыя принадлежатъ только

одному человѣку. Всѣ продукты, въ производствѣ которыхъ трудъ и капиталъ принимаютъ совмѣстное участіе большее, чѣмъ силы природы, имѣютъ естественное стремленіе дешевѣть. Во многихъ отрасляхъ промышленности даже увеличеніе цѣнности сыраго матеріала не сопровождается возвышеніемъ цѣнности продуктовъ, благодаря участію въ производствѣ труда и капитала. Въ производствѣ кружевъ, по словамъ Сеньера, сырой матеріалъ, стоющій 2 шилл., можетъ быть, посредствомъ обработки, возвышенъ въ цѣнности до 150 фунт. стерлинговъ. Если вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ сырой матеріалъ въ этомъ производствѣ поднимется до 4 шилл., то есть если цѣнность его увеличится вдвое, то въ то же время, вслѣдствіе улучшеній въ обработкѣ, вслѣдствіе введенія машинъ и орудій, облегчающихъ трудъ, вслѣдствіе лучшей организаціи раздѣленія производительныхъ операцій и т. п., издержки фабрикаціи могутъ уменьшиться на $^1/_4$ и цѣнность продукта уменьшится до 78 фунт. 19 шилл.; другими словами, увеличеніе цѣнности суровья не окажетъ никакого вліянія на цѣнность самаго продукта, существенная часть которой есть результатъ дѣятельности производительныхъ факторовъ, капитала и труда человѣка.

Относительно движенія цѣнности тѣхъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ главное участіе принадлежитъ силамъ природы, въ настоящее время господствуетъ воззрѣніе, по которому всѣ эти продукты дорожаютъ и должны дорожать съ экономическимъ развитіемъ обществъ. Основный законъ возрастанія продукта отъ земли, принятый въ настоящее время наукою, состоитъ въ положеніи, что при данной техникѣ увеличеніе затратъ не сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта; другими словами, этотъ законъ состоитъ въ томъ, что при данной техникѣ возрастаніе продукта отъ земли получается болѣе чѣмъ пропорціональнымъ увеличеніемъ издержекъ. Изъ этого-то и дѣлается заключеніе, что цѣны на продукты земледѣлія должны возвышаться по мѣрѣ увеличенія населенія, когда является необходимость въ увеличеніи продукта для прокормленія этого населенія; возвышенныя цѣны необходимы для вознагражденія за увеличенныя издержки. Съ этой точки зрѣнія интенсивныя си-

стемы поземельной обработки представляютъ собою симптомъ болѣе тяжкихъ условій прокормленія населенія. „Заботливое воздѣлываніе земли въ англійскихъ или шотландскихъ округахъ, имѣющихъ усовершенствованное земледѣліе, говоритъ Миллъ, служитъ симптомомъ или слѣдствіемъ болѣе тяжелыхъ условій, которыхъ стала требовать земля для увеличенія продукта. Эта усовершенствованная обработка требуетъ гораздо большей пропорціи расходовъ, чѣмъ хозяйство по болѣе поверхностной системѣ; для того, чтобы она стала прибыльною, нужны болѣе высокія цѣны.“ Такимъ образомъ интенсивность хозяйства не мыслима безъ высокихъ цѣнъ продуктовъ. Существованіе ея свидѣтельствуетъ объ увеличеніи затрудненій, встрѣчаемыхъ увеличившимся числомъ людей въ дѣлѣ своего прокормленія. Она свидѣтельствуетъ о томъ, какъ выражается Миллъ въ другомъ мѣстѣ своихъ основаній политической экономіи, что новые желудки требуютъ прежней пищи, между тѣмъ какъ новыя руки производятъ меньше прежняго.

Зависимость между цѣнностью продуктовъ и возможностью принятія интенсивныхъ системъ хозяйства, Рошеръ доказываетъ слѣдующимъ исчисленіемъ. Предположимъ, говоритъ онъ, что въ опредѣленной мѣстности рядомъ существуютъ четыре имѣнія, въ которыхъ, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, приняты разныя системы хозяйства, напримѣръ въ одномъ ведется сибирское хозяйство (С), въ другомъ старое трехпольное (Т), въ третьемъ мекленбургское (М), въ четвертомъ фландрійское (Ф). Предположимъ, далѣе, что въ этихъ хозяйствахъ получится дохода:

	С	Т	М	Ф
валоваго	500 шф.	1200 шф.	3000 шф.	7000 шф.
при расходѣ	50 тлр.	300 тлр.	1000 тлр.	3000 тлр.

Если шеффель продукта стоитъ $^1/_4$ талера, то чистаго дохода будетъ:

— 75 тлр. — 0 тлр. — 250 тлр. — 1250 тлр.

При такомъ положеніи дѣлъ одно лишь то имѣніе, въ которомъ ведется сибирское хозяйство, приноситъ доходъ, старая трехпольная система не приноситъ никакого дохода, мекленбургское хозяйство даетъ убытокъ въ 250 талеровъ, а фландрійское въ 1250 талеровъ. При данныхъ издержкахъ и цѣнѣ шеффеля въ $^1/_4$ тлр. возможно лишь одно сибирское хозяйство. Для принятія высшихъ системъ хозяйства необходимо возвышеніе цѣнъ. Но всякая высшая система сопровождается увеличеніемъ издержекъ производства, вслѣдствіе чего для принятія ея необходимо возвышеніе цѣнъ въ большей пропорціи сравнительно съ увеличеніемъ издержекъ. Если цѣнность шеффеля хлѣба удвоится и въ то же время удвоятся издержки производства, то отношеніе между доходностью указанныхъ хозяйствъ останется безъ всякаго измѣненія, по прежнему будетъ приносить чистый доходъ одно сибирское хозяйство, старая трехпольная система не даетъ никакого дохода, а хозяйства мекленбургское и фландрійское принесутъ чистый убытокъ. Предположимъ, по этому, что цѣны на хлѣбъ удвояются, между тѣмъ какъ издержки производства увеличиваются въ полтора раза. При цѣнѣ въ $^1/_2$ талера за шеффель, указанное отношеніе между хозяйства измѣнится въ слѣдующее:

	С.	Т.	М.	Ф.
Валовой доходъ	250 тал	600 тал.	1500 тал.	3500 тал.
Затраты	75 „	450 „	1500 „	4500 „
Чистый доходъ	175 „	150 „	0 „	—1000 „

При цѣнѣ въ 1 талеръ за шеффель:

Валовой доходъ	500 тал.	1200 тал.	3000 тал.	7000 тал.
Затраты	112,5 „	675 „	2250 „	6750 „
Чистый доходъ	387,5 „	525 „	750 „	250 „

При цѣнѣ въ 2 талера:

Валовой доходъ	1000 тал.	2400 тал.	6000 тал.	14000 тал.
Затраты	168,75 „	1012,5 „	3375 „	10125 „
Чистый доходъ	831,25 „	1387,5 „	2625 „	3875 „

И такъ, заключаетъ Рошеръ, экстенсивныя системы хозяйства приносятъ выгоды лишь на низшихъ ступеняхъ развитія, на высшихъ же становится болѣе выгодною интенсивность хозяйства." Но легко замѣтить всякому, что эта выгодность — односторонняя. Она, по ученію Рошера, получается на счетъ покупщиковъ продуктовъ земледѣлія, при чемъ эти покупщики должны оплачивать не только увеличенныя издержки производства, но и, сверхъ того, какъ бы премію сельскому хозяину за введеніе въ его имѣніи интенсивнаго хозяйства. Безъ такой преміи, то есть безъ увеличенія цѣны продукта въ большей пропорціи, чѣмъ происходитъ увеличеніе издержекъ, введеніе интенсивныхъ системъ хозяйства не мыслимо. Очевидно, что, по Рошеру, интенсивность хозяйства еще въ большей степени представляетъ собою симптомъ и слѣдствіе тяжелаго состоянія населенія въ дѣлѣ прокормленія, чѣмъ по теоріи Милля и другихъ экономистовъ.

Таковы воззрѣнія современныхъ экономистовъ. Геніальный основатель политической экономіи думалъ иначе. А. Смитъ считаетъ явленіемъ вполнѣ нормальнымъ возвышеніе рыночной цѣнности сельскохозяйственныхъ продуктовъ до уровня ихъ естественной цѣнности. Онъ утверждаетъ также, что во многихъ случаяхъ и поднятіе цѣнъ выше этого уровня представляетъ собою явленіе вполнѣ благопріятное. Выгода предпріятія, говоритъ онъ, служитъ мотивомъ къ улучшеніямъ; по этому поднятіе цѣнъ, сопровождающееся улучшеніями въ обработкѣ земли, нисколько не противорѣчитъ общественному интересу. Но считая для исключительныхъ случаевъ вздорожаніе хлѣба явленіемъ благопріятнымъ, А. Смитъ въ то же время считаетъ общимъ правиломъ, что съ экономическимъ развитіемъ цѣнность хлѣба или не измѣняется, или имѣетъ тенденцію уменьшаться. Обращаясь къ исторіи, онъ находитъ, что цѣнность хлѣба, какъ средняя величина, взятая за большіе періоды времени, не измѣняется. Въ этомъ отношеніи, по его мнѣнію, хлѣбъ можетъ быть лучшимъ мѣриломъ измѣненій въ цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ, если намъ необходимо прослѣдить эти измѣненія за большіе періоды времени. Но, констатируя исторически постоянство цѣнности хлѣба,

А. Смитъ не отрицаетъ возможности его удешевленія. Улучшеніе земель, говоритъ онъ, находится въ тѣсной зависимости съ развитіемъ скотоводства. На низшихъ ступеняхъ экономическаго быта, когда существуютъ огромныя пространства невоздѣланныхъ земель, на которыхъ свободно пасется всякій скотъ, цѣнность скота ничтожна.

Въ это же время господствуютъ химическія системы полеводства и растительная пища, сравнительно съ животною, дорога. Мало по малу увеличивается населеніе, возникаетъ необходимость обработки невоздѣлываемыхъ земель и улучшенія обработки прежнихъ. Для этого необходимо удобреніе; увеличивается спросъ на скотъ, количество котораго уменьшилось вслѣдствіе уменьшенія свободныхъ для пастьбы земель; цѣнность скота поднимается. Цѣна животной пищи возвышается, пока не достигнетъ до того, что будетъ столь же выгодно воздѣлывать на лучшихъ земляхъ пищу для скота, какъ и пищу для людей. Выше этого предѣла она не можетъ подняться, такъ какъ въ противномъ случаѣ большая часть хлѣбныхъ полей была бы обращена подъ пастбища. Но улучшенія въ земледѣліи, сопровождаясь возвышеніемъ цѣны животной пищи, въ то же время должны сопровождаться удешевленіемъ пищи растительной, такъ какъ эти улучшенія состоятъ въ увеличеніи производительности земли и, слѣдовательно, въ увеличеніи количества растительной пищи. Если же улучшенія въ земледѣліи ведутъ къ удешевленію растительной пищи и къ вздорожанію животной, то заключаетъ А. Смитъ, неблагопріятныя послѣдствія послѣдняго нейтрализуются первымъ; люди обладаютъ большими средствами для пріобрѣтенія болѣе дорогой животной пищи, заключающимися въ увеличенномъ количествѣ пищи растительной.

Во время А. Смита еще не былъ уясненъ указанный выше законъ возрастанія продукта отъ земли, послужившій основаніемъ для позднѣйшихъ ученій о необходимости постояннаго вздорожанія продуктовъ земледѣлія. Можно подумать, что именно это и было причиною того, что А. Смитъ отрицалъ такую необходимость. Но въ его экономической системѣ мы встрѣчаемъ данныя, на основаніи которыхъ можно думать, что А. Смитъ

не придалъ бы указанному закону фаталистическаго характера и что въ дѣйствительности законъ этотъ не имѣетъ такого характера.

А. Смитъ говоритъ, что съ экономическимъ развитіемъ, по мѣрѣ умноженія капиталовъ, процентъ съ каждой доли капитала уменьшается. Это положеніе, подтверждаемое всѣми историческими фактами, говоритъ намъ о томъ, что тенденція къ постоянному вздорожанію хлѣба отъ увеличенія затратъ, непропорціональнаго увеличенію продуктовъ, нейтрализуется удешевленіемъ каждой единицы капитала и, слѣдовательно, сельскохозяйственныхъ затратъ. Для введенія интенсивной культуры необходимо удешевленіе капиталовъ, постепенное удешевленіе которыхъ представляетъ собою безспорный историческій фактъ. Съ этой точки зрѣнія, интенсивное хозяйство — не симптомъ затрудненій, встрѣчаемыхъ человѣкомъ въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей, но несомнѣнный признакъ увеличенія могущества человѣка. Изобиліе силы, называемой капиталомъ, производитъ общедоступность и дешевизну ея, даетъ возможность увеличивать земледѣльческія затраты, не обращая вниманія на несоотвѣтствіе этихъ затратъ съ количествомъ получаемыхъ продуктовъ. Конечно, въ частныхъ случаяхъ можетъ возникать необходимость такихъ затратъ въ то время, когда цѣнность капитала еще не понизилась въ соотвѣтствующей для этого пропорціи; эта необходимость возникаетъ обыкновенно въ странахъ, размноженіе населенія которыхъ идетъ быстрѣе развитія капитала. Во всѣхъ такихъ случаяхъ происходитъ неблагопріятное возвышеніе цѣнности хлѣба, дѣйствительно служащее симптомомъ затрудненій въ дѣлѣ прокормленія. Но есть ли разумныя основанія для того, чтобы считать такое положеніе сельскохозяйственнаго дѣла вполнѣ нормальнымъ положеніемъ? Кто знакомъ съ экономическимъ развитіемъ человѣчества, идущимъ совмѣстно съ его умственнымъ развитіемъ, тотъ не возведетъ подобныхъ фактовъ въ законъ. А. Смитъ не сомнѣвался въ могуществѣ человѣка, зависящемъ отъ его знанія, и вполнѣ основательно считалъ, что съ экономическимъ развитіемъ растительная пища или не измѣняется въ цѣнѣ, или можетъ дешевѣть, что возвышается цѣна животной

пищи, но что это нисколько не противорѣчитъ общественному благосостоянію.

Исторія цѣнности хлѣба подтверждаетъ воззрѣніе А. Смита. М. Блокъ въ своей статистикѣ Франціи приводитъ данныя о цѣнахъ на пшеницу съ начала настоящаго столѣтія до 1858 года включительно. Данныя эти, раздѣленныя на два періода, вовсе не говорятъ о возвышеніи цѣны пшеницы, а говорятъ о нѣкоторомъ удешевленіи ея. Среднія цѣны гектолитра пшеницы были:

съ 1800—1829	—	20 фр. 91 сант.
съ 1830—1858	—	20 фр. 61⅔ сант.

Тотъ же статистикъ сообщаетъ свѣдѣнія о цѣнахъ на пшеницу въ Англіи, свѣдѣнія, обнимающія 32-лѣтній періодъ, начиная съ 1827 по 1858 г. включительно. Цѣны эти, раздѣленныя на два періода, представляются въ слѣдующемъ видѣ: гектолитръ пшеницы стоитъ по 16-ти лѣтней сложности.

съ 1827—1842	—	25 фр. 21¼ сант.
въ 1843—1858	—	23 фр. 34⁵/₁₀ сант.

Такимъ образомъ вмѣсто вздорожанія этого продукта, мы видимъ, напротивъ того, нѣкоторое удешевленіе его. Ясно, что тенденція къ вздорожанію нейтрализуется такой силой, какъ увеличеніе количества и удешевленіе капиталовъ. Ясно также что принятіе улучшенныхъ системъ хозяйства не зависитъ отъ возвышенія цѣнъ хлѣба: никто же не можетъ утверждать, что земледѣліе Англіи и Франціи находится въ зостоѣ, что въ этихъ странахъ нѣтъ возможности производить сельско-хозяйственныя улучшенія.

(1) Литература вопроса о цѣнности подробно указана въ нашемъ изслѣдованіи; „Теорія цѣнности.“ Варшава 1877 г.

2. Деньги.

§ 1. На низшихъ ступеняхъ общественнаго быта господствуетъ такъ называемый натуральный обмѣнъ, состоящій въ непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ на продукты. При господствѣ этого обмѣна мѣновая ассоціація между людьми не могла получить надлежащаго развитія по слѣдующимъ причинамъ:

а) При натуральномъ обмѣнѣ необходима „натуральная" взаимность спроса и предложенія мѣняющихся сторонъ. Если я желаю пріобрѣсть хлѣбъ, имѣя для сбыта вино, то мнѣ необходимо найти такого человѣка, который имѣетъ хлѣбъ и желаетъ пріобрѣсть вино. Очевидно, что такая взаимность въ спросѣ и предложеніи не всегда встрѣчается, вслѣдствіе чего натуральный обмѣнъ затруднителенъ. Портной, не имѣющій ничего, кромѣ платья, говоритъ Миллъ, могъ бы умереть съ голода, прежде чѣмъ найдетъ человѣка, желающаго пріобрѣсть платье и продать хлѣбъ (1).

б) При натуральномъ обмѣнѣ трудно соразмѣрять цѣнности обмѣниваемыхъ предметовъ. Многіе предметы могутъ быть дѣлимы не иначе, какъ съ значительною потерею своей цѣнности. „Если кто нибудь, говоритъ Горловъ, желаетъ промѣнять холстъ на одинъ пудъ говядины и если найденъ человѣкъ, готовый на такой обмѣнъ, но у него говядины не пудъ, а цѣлый волъ, то какъ произвести обмѣнъ? Для одного пуда говядины невозможно убить быка, потому что некуда будетъ дѣвать остальное мясо."

в) При натуральномъ обмѣнѣ необходимо помнить всѣ разнообразныя мѣновыя пропорціи, что не только затруднительно, но во многихъ отношеніяхъ почти невозможно. Каждый долженъ помнить, сколько за данный продуктъ, положимъ за ржаной хлѣбъ, необходимо взять мяса, кожъ, вина и т. д. При такомъ положеніи дѣлъ необходимо имѣть лексиконъ, въ которомъ бы обозначены были всѣ существующіе товары и противъ каждаго изъ нихъ — количество каждаго изъ всѣхъ остальныхъ

которое можно получить въ обмѣнъ безъ убытка. Но, ясно, что и такой лексиконъ приносилъ бы мало пользы. Цѣнность продуктовъ часто мѣняется, вслѣдствіе чего записанныя мѣновыя пропорціи товаровъ, годныя для одного дня, будутъ совершенно безполезны для другаго.

Для избѣжанія этихъ неудобствъ натуральнаго обмѣна каждый человѣкъ старался запастись такимъ товаромъ, въ отношеніи къ которому спросъ наиболѣе постояненъ и который, поэтому, гарантируетъ возможность пріобрѣтенія желаемаго продукта во всякое время. Каждый народъ, смотря по различнымъ условіямъ своей хозяйственной жизни, избралъ съ этою цѣлію особый товаръ. У народовъ пастушескихъ такимъ наиболѣе спрашиваемымъ и наиболѣе обращающимся товаромъ былъ скотъ. Скотъ у этихъ народовъ и служилъ мѣновымъ посредникомъ; каждый старался пріобрѣсть его, такъ какъ былъ гарантированъ въ возможности обмѣна его на желаемый продуктъ во всякое время, у кого только былъ встрѣчаемъ этотъ желаемый продуктъ. Скотъ былъ употребляемъ въ видѣ денегъ древними Греками гомеровскихъ временъ; у древнихъ Римлянъ скотъ также былъ мѣновымъ посредникомъ, на какой фактъ указываетъ и происхожденіе слова pecuniae отъ pecus-скотъ. Русскіе въ древнее время въ видѣ денегъ употребляли куньи мѣха. У многихъ земледѣльческихъ народовъ въ видѣ денегъ употреблялись разные земледѣльческіе продукты; у нѣкоторыхъ народовъ — соль, табакъ, раковины и т. п.

Съ экономическимъ развитіемъ въ видѣ денегъ начинаютъ употребляться драгоцѣнные металлы—золото и серебро. Является вопросъ, что же было основаніемъ, по которому именно этотъ матеріалъ входитъ во всеобщее употребленіе для составленія мѣноваго посредника?

а) Прежде всего это объясняется особеннымъ свойствомъ всѣхъ народовъ, находящихся на низшихъ ступеняхъ развитія. „Послѣ пищи и одежды, а въ нѣкоторыхъ климатахъ даже больше одежды, говоритъ Миллъ, самое сильное расположеніе въ грубомъ обществѣ бываетъ къ нарядамъ и къ тому отличію, которое доставляется роскошью или дороговизною этихъ нарядовъ.

По удовлетвореніи первыхъ необходимостей жизни, каждый старался собирать какъ можно большій запасъ дорогихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нарядныхъ вещей, а главными изъ нихъ были золото, серебро и драгоцѣнные камни. Каждому пріятнѣе всего было имѣть именно эти предметы и на нихъ вѣрнѣе всего было надѣяться, что каждый захочетъ принять ихъ въ обмѣнъ за всякій продуктъ." Эти вещи были общеспрашиваемы, слѣдовательно гарантировали возможность пріобрѣтенія желаемаго продукта во всякое время и у всякаго. Вотъ почему уже на низшихъ ступеняхъ золото и серебро весьма часто употребляется въ видѣ мѣноваго посредника, постепенно вытѣсняя всякій иной матеріалъ.

Съ другой стороны, золото и серебро наиболѣе удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ мѣноваго посредника.

б) Цѣнность ихъ общеизвѣстна, такъ какъ они составляютъ предметъ общеспрашиваемый, такой предметъ, которымъ каждый интересуется. Это свойства весьма существенно; не можетъ быть мѣновымъ посредникомъ такой предметъ, цѣнность котораго мало извѣстна.

в) Цѣнность ихъ высока сравнительно съ объемомъ, что зависитъ отъ ограниченности ихъ предложенія сравнительно со спросомъ, или отъ трудностей ихъ добычи. Соединеніе высокой цѣнности съ малымъ объемомъ дѣлаетъ ихъ болѣе другихъ товаровъ удобными для перевозки и храненія.

г) Цѣнность золота и серебра болѣе постоянна, чѣмъ цѣнность другихъ товаровъ. Постоянство ихъ цѣнности зависитъ отъ того, что количество ихъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу. Сверхъ того, золото и серебро, не портясь, могутъ быть сохраняемы въ теченіи вѣковъ, что также имѣетъ значительное вліяніе на постоянство ихъ цѣнности. Можетъ быть еще и теперь, говоритъ Рошеръ, находятся въ обращеніи монеты, матеріалъ которыхъ добытъ Филиппомъ Македонскимъ или изъ испанскихъ рудниковъ временъ Аннибала. Благодаря такой долговѣчности, золото и серебро накопляются въ видѣ громадныхъ сокровищъ, въ сравненіи съ которыми ежегодное производство, какъ бы ни было абсолютно велико, въ сущности незна-

чительно. Когда собранъ новый хлѣбъ, весь прежній почти уничтоженъ; измѣненіе цѣны хлѣба зависитъ отъ его новаго производства, между тѣмъ какъ относительно цѣнности золота и серебра новое производство имѣетъ ничтожное значеніе; новая масса годичной добычи ихъ, сравнительно съ сокровищами, вѣками накопленными, представляетъ собою то же, что капля въ ведрѣ воды (3).

d) Золото и серебро легко могутъ быть дѣлимы безъ всякой потери своей цѣнности. По цѣнности своей, нѣкоторые другіе товары могли бы служить мѣновымъ посредникомъ, но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ такою экономическою дѣлимостью, какъ золото и серебро. Алмазъ по цѣнности своей, легко могъ бы служить мѣновымъ посредникомъ, но онъ не можетъ быть дѣлимъ такъ удобно, какъ дѣлятся на части золото и серебро. Онъ можетъ быть дѣлимъ на части не иначе, какъ съ потерей своей цѣнности. Если вѣсъ его болѣе одного карата, то цѣнность его опредѣляютъ умноженіемъ квадрата вѣса на цѣну одного карата; если одинъ каратъ стоитъ 10 рублей, если мы имѣемъ алмазъ въ 5 каратовъ, то цѣна послѣдняго 250 рублей Если этотъ алмазъ раздѣлить на пять равныхъ частей, то всѣ онѣ будутъ стоить только 50 рублей. Очевидно, алмазъ не можетъ быть удобнымъ мѣновымъ посредникомъ, такъ какъ послѣдній долженъ быть дѣлимъ безъ потери своей цѣнности.

e) Наконецъ, чеканка золота и серебра не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій. Для того, что бы каждый могъ быть вполнѣ увѣренъ въ достоинствѣ монеты, обыкновенно правительства берутъ на себя обязанность обозначать на каждой монетѣ вѣсъ ея и пробу.

По всѣмъ этимъ основаніямъ и произошло то, что золото и серебро были признаны исключительнымъ матеріаломъ для денегъ.

Изъ сказаннаго видно, что деньги представляютъ собою продуктъ, который принимается въ обмѣнѣ съ цѣлію облегченія обмѣна. Это не условный знакъ, служащій средствомъ къ переходу продуктовъ изъ однихъ рукъ въ другія, но товаръ, имѣющій самостоятельную цѣнность (4). Обладая спеціальными особен-

ностями, необходимыми для товара-посредника, этотъ товаръ и вошелъ во всеобщее употребленіе въ качествѣ мѣноваго посредника.

Служа орудіемъ обмѣна богатствъ, деньги не должны быть смѣшиваемы съ богатствомъ. Смѣшивать деньги съ богатствомъ, какъ справедливо замѣтилъ А. Смитъ, такая же ошибка, какъ считать на шоссе, по которому всего удобнѣе доѣхать до вашего дома или помѣстья за самый домъ или помѣстье. Ясно также, что такимъ же образомъ необходимо отличать деньги отъ капитала. Смѣшивать деньги съ капиталомъ — это тоже самое, что смѣшивать ножъ, которымъ вы разрѣзываете хлѣбъ, съ самимъ этимъ хлѣбомъ и факторами, участвовавшими въ производствѣ хлѣба (*). Капиталъ — это факторъ производства, между тѣмъ какъ деньги — факторъ распредѣленія. Деньги можно назвать лишь *номинальнымъ* капиталомъ, то есть такимъ орудіемъ, при посредствѣ котораго могутъ быть пріобрѣтаемы дѣйствительные капиталы. Увеличеніе въ странѣ количества денегъ не есть еще увеличеніе ея богатства или капитала. „Велико или мало количество денегъ, говоритъ Милль, оно одинаково исполняетъ свою службу. Два милліона квартеровъ хлѣба не прокормятъ столько же людей, какъ четыре милліона; но при двухъ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ будетъ произведено столько же торговыхъ оборотовъ, куплено и продано столько же товаровъ, какъ и при четырехъ милліонахъ, только номинальныя цѣны товаровъ будутъ ниже. Деньги сами по собѣ не удовлетворяютъ никакой потребности человѣка; онъ дорожитъ ими только потому, что онѣ удобная форма для полученія всевозможныхъ его доходовъ и потомъ, когда ему нужно, обращаетъ эти доходы въ тѣ формы, которыя нужны ему. Страна, имѣющая монету, отличается отъ страны, вовсе не имѣющей ея, только тѣмъ, что дѣлать обороты въ ней удобнѣе, что выигрывается время и уменьшаются хлопоты, все равно какъ легче молоть хлѣбъ на водяныхъ, чѣмъ на ручныхъ мельницахъ.“

Это значеніе денегъ вполнѣ подтверждается теоріей ихъ цѣнности. Естественная ихъ цѣнность регулируется затратами производства, рыночныя же колебанія ея зависятъ отъ фактическаго

отношенія между предложеніемъ ихъ на рынкѣ въ цѣляхъ пріобрѣтенія другихъ товаровъ и количествомъ этихъ послѣднихъ, представляющихъ собою спросъ на деньги. При этомъ подъ предложеніемъ денегъ разумѣется не только ихъ реальное количество, но и обращаемость. Рубль, обращающійся десять разъ въ годъ, равенъ десяти рублямъ, изъ которыхъ каждый переходитъ по одному разу изъ однихъ хозяйствъ въ другія, слѣдовательно обращаемость денегъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и ихъ реальное количество. Увеличеніе количества денегъ, не сопровождающееся соотвѣтствующимъ увеличеніемъ количества товаровъ, ведетъ къ паденію ихъ цѣнности. Такъ въ Калифорніи, вслѣдствіе значительнаго количества добывавшагося тамъ золота, цѣны на продукты такъ возвысились, что еще въ 1850 году фунтъ муки стоилъ 20 коп., кочанъ капусты 5 рублей, лукъ и рѣпа по 75 коп. за штуку. Увеличеніе на рынкѣ количества денегъ сопровождалось паденіемъ ихъ цѣнности, вслѣдствіе чего приходилось отдавать большее ихъ количество за тоже самое количество товаровъ. Очевидно, что увеличеніе количества денегъ не равносильно увеличенію богатства и капиталовъ; оно, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, ведетъ лишь къ паденію цѣнности денежной единицы и увеличенію денежной цѣны другихъ товаровъ (6).

Ограничивая понятіе денегъ той сферой, къ которой они дѣйствительно принадлежатъ, мы не уменьшаемъ ихъ дѣйствительно важнаго значенія. Общественное значеніе ихъ состоитъ въ томъ, что мѣновая ассоціація между людьми безъ существованія денегъ не могли бы получить никакого развитія.

Съ появленіемъ денегъ мѣновой актъ раздвоился, появилась купля-продажа (Kauf und Verkauf); человѣкъ сперва продаетъ продуктъ за деньги, потомъ обмѣниваетъ деньги на желаемый продуктъ. Но въ сущности дѣла произошло больше сближеніе между продавцемъ и покупателемъ, между спросомъ и предложеніемъ. Каждый, имѣющій въ рукахъ деньги, вполнѣ увѣренъ, что можетъ обмѣнять ихъ на желаемый продуктъ во всякое время и во всякомъ случаѣ, такъ какъ деньги представляютъ собою продуктъ, запасаться которымъ старается каждый. Спросъ на всякій

отдѣльный товаръ есть спросъ на данный товаръ, между тѣмъ какъ спросъ на деньги есть спросъ на товары вообще; равнымъ образомъ и предложеніе всякаго отдѣльнаго товара есть предложеніе именно этого товара, между тѣмъ какъ предложеніе денегъ равносильно предложенію товаровъ вообще. Вотъ почему справедливо говорятъ, что деньги представляютъ собою какъ бы отвлеченное богатство, служа обобщеніемъ всѣхъ проявленій человѣческаго труда. Поэтому-то переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному представляетъ собою величайшій шагъ въ исторіи человѣчества къ человѣчности интересовъ, къ общей взаимности и равенству въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Представляя собою отвлеченный спросъ и отвлеченное предложеніе, деньги устанавливаютъ взаимность въ спросѣ и предложеніи товаровъ. Портной, который при натуральномъ обмѣнѣ могъ бы умеретъ съ голоду, прежде нежели встрѣтился бы съ человѣкомъ, желающимъ обмѣнять свой хлѣбъ на платье, при существованіи денежнаго обмѣна легко можетъ получить желаемый продуктъ, обмѣнявъ предварительно платье на деньги. При натуральномъ мѣновомъ хозяйствѣ онъ вполнѣ зависитъ отъ человѣка, владѣющаго хлѣбомъ; при денежномъ хозяйствѣ между производителями устанавливается взаимная зависимость и, слѣдовательно, солидарность интересовъ.

При натуральномъ обмѣнѣ производитель платья долженъ былъ искать человѣка, который бы имѣлъ хлѣбъ и желалъ обмѣнять этотъ хлѣбъ на платье. Не говоря уже о продолжительности поисковъ за такимъ контрагентомъ обмѣна, и при встрѣчѣ съ послѣднимъ производитель платья долженъ былъ подчиняться мѣновымъ условіямъ владѣльца хлѣба, или на оборотъ, смотря по тому, у кого потребность въ чужомъ продуктѣ была сильнѣе. Ограниченность выбора между контрагентами обмѣна дѣйствовала такимъ же образомъ на цѣнность, какъ дѣйствуетъ на цѣны продуктовъ осада города непріятелемъ. Какъ въ послѣднемъ случаѣ покупщикъ вполнѣ зависитъ отъ того или иного продавца, количество которыхъ незначительно, такъ и въ первомъ случаѣ одна изъ мѣняющихся сторонъ становится въ монопольное положеніе сравнительно съ другую, имѣетъ возможность предписывать усло-

вія обмѣна для послѣдней. Здѣсь спросъ концентрируется въ данномъ пунктѣ и настоятельностью его опредѣляются размѣры цѣнности. Но деньги, будучи общеспрашиваемымъ товаромъ, разширяютъ районъ какъ спроса, такъ и предложенія. При натуральномъ хозяйствѣ на мѣстѣ спроса можетъ быть предложеніе товаровъ ограничено, какъ и на оборотъ, на мѣстѣ предложенія можетъ быть незначителенъ спросъ; при денежномъ хозяйствѣ въ этихъ случаяхъ является уравновѣшивающая сила. Портному нечего искать владѣльца хлѣба, желающаго обмѣнять этотъ хлѣбъ именно на опредѣленное платье; онъ можетъ продать свой товаръ всякому, имѣющему хлѣбъ въ абстрактномъ видѣ денегъ; слѣдовательно, деньги ведутъ къ увеличенію района сбыта продуктовъ. Съ другой стороны, получивъ деньги, онъ можетъ обмѣнять ихъ на хлѣбъ у перваго встрѣчнаго владѣльца хлѣба; ему нечего искать такого владѣльца; который бы желалъ продать хлѣбъ за платье; слѣдовательно, деньги ведутъ къ увеличенію района предложенія желаемыхъ продуктовъ. Когда при натуральномъ обмѣнѣ районъ предложенія ограниченъ, продавецъ находится въ монопольномъ положеніи сравнительно съ покупщикомъ, можетъ требовать цѣну, какую только можетъ дать покупщикъ, смотря по своимъ средствамъ и нуждаемости въ продуктѣ. При появленіи денегъ разширеніе района предложенія увеличиваетъ конкурренцію между продавцами, что ведетъ къ уничтоженію монополизированности въ ихъ положеніи. На оборотъ, при ограниченности района спроса покупщикъ находится въ монопольномъ положеніи сравнительно съ продавцемъ, можетъ послѣднему предлагать мѣновыя условія, при которыхъ продавецъ несетъ потери. Разширяя районъ какъ спроса, такъ и предложенія, деньги, очевидно, ведутъ къ уничтоженію монополизированности въ положеніи той или иной мѣняющейся стороны, устанавливаютъ равновѣсіе и взаимность въ спросѣ и предложеніи. Вотъ почему вполнѣ справедливо замѣчаніе Кэри, что деньги — одно изъ основныхъ орудій ассоціаціи между людьми. Мирабо и Рошеръ ставятъ деньги на ряду съ величайшими изобрѣтеніями, которымъ человѣчество обязано своей цивиллизаціей. По основательному замѣчанію Рошера, деньги въ народномъ хозяйствѣ

имѣютъ такое же значеніе, какое имѣетъ кровь въ животномъ организмѣ; благодаря имъ, питательныя вещества разносятся по всѣмъ органамъ общественнаго организма, питая и развивая ихъ.

Будучи основнымъ орудіемъ мѣновой ассоціаціи, денежная единица не должна подвергаться значительнымъ колебаніямъ въ цѣнности, такъ какъ такія колебанія ведутъ къ хозяйственнымъ потерямъ, къ непрочности предпріятій и отклоняютъ отъ нихъ капиталы. Если бы матеріаломъ для денежной единицы служилъ только одинъ металлъ, наприм. золото, то колебанія цѣнности этой единицы зависѣли бы исключительно отъ постоянства цѣнности этого одного избраннаго для денегъ матеріала. Но въ дѣйствительности матеріаломъ для денегъ служатъ два металла — золото и серебро; сверхъ того во всѣхъ государствахъ существуетъ такъ называемая дополнительная монета, матеріаломъ для которой служатъ металлы низшаго достоинства, наприм. мѣдь. При такихъ условіяхъ постоянство цѣнности денежной единицы зависитъ отъ положенія цѣнности всѣхъ матеріаловъ, изъ коихъ приготовляются деньги.

Когда матеріаломъ для денегъ служитъ золото и серебро, тогда, обыкновенно, отношеніе ихъ между собою по цѣнности опредѣляется законодательнымъ путемъ. Но не смотря на это законодательное опредѣленіе, цѣнность золота и серебра можетъ измѣняться, слѣдуя естественнымъ законамъ цѣнности каждаго изъ этихъ продуктовъ, при чемъ цѣнность одного можетъ уменьшится въ то время какъ цѣнность другаго увеличится. При такихъ случаяхъ дѣйствительное мѣновое отношеніе между золотомъ и серебромъ можетъ не сходиться съ мѣновымъ отношеніемъ между ними, установленнымъ закономъ. Если серебро сдѣлается дешевле золота, а законное отношеніе между ними останется прежнее, тогда одну и ту же цѣну выгоднѣе уплачивать серебромъ, нежели золотомъ. Каждый найдетъ для себя болѣе выгоднымъ платить по своимъ обязательствамъ серебромъ, нежели золотомъ; потому что наприм. въ пяти рубляхъ золотомъ реально будетъ содержаться болѣе чѣмъ пять рублей серебромъ, хотя номинальное содержаніе не измѣнилось. Каждый найдетъ для себя болѣе выгоднымъ уплачивать свои долги металломъ, цѣн-

ность котораго упала. Болѣе дорогой металлъ мало по малу выйдетъ изъ обращенія. При такомъ положеніи дѣлъ каждый разъ возникаетъ необходимость измѣнять закономъ установленное мѣновое отношеніе и уравнивать его съ дѣйствительно существующимъ. При двойной денежной системѣ, говоритъ Миллъ, деньги въ обществѣ никогда не будутъ на самомъ дѣлѣ состоять изъ двухъ металловъ, а всегда будутъ состоять лишь изъ одного, въ каждое данное время изъ того, который сообразенъ съ выгодою должника, и нормальная монета въ дѣйствительномъ обращеніи постоянно будетъ подвержена переходу изъ одного металла въ другой, а съ каждымъ переходомъ будетъ соединена потеря издержекъ, сдѣланныхъ на чеканку того металла, который выходитъ изъ употребленія. Имѣя это въ виду, нѣкоторые экономисты пришли къ мысли о необходимости ограничить употребленіе одного изъ металловъ незначительнымъ кругомъ платежей, считая главнымъ платежнымъ орудіемъ другой металлъ. Эта мысль была осуществлена англійскимъ законодательствомъ въ 1816 году. Въ Англіи главнымъ законнымъ платежнымъ орудіемъ считается золотая монета; серебряная монета законнымъ орудіемъ признала лишь для платежей, не превышающихъ сумму въ 40 шиллинговъ. Для того, что бы серебро не могло выйдти изъ обращенія, внутренняя цѣнность серебряныхъ монетъ понижена почти на 6%, то есть серебро въ монетѣ на столько процентовъ оцѣнено выше серебра въ слиткахъ. Конечно, въ этомъ случаѣ является выгода пріобрѣтать серебряные слитки и чеканить изъ нихъ монету; противъ такихъ злоупотребленій направленъ законъ, ограничивающій чеканку серебряныхъ денегъ опредѣленнымъ количествомъ, которое будетъ признано правительствомъ необходимымъ для платежей. По этой системѣ денежное обращеніе юридически ограничивается однимъ металломъ, другой служитъ лишь дополненіемъ къ главному платежному орудію.

Это ограниченіе дѣлаетъ денежное обращеніе неполнымъ, какая неполнота во многихъ случаяхъ можетъ быть опасна, можетъ приводить къ большимъ затрудненіямъ въ торговыхъ оборотахъ. При двойной денежной системѣ, когда матеріаломъ для денегъ служатъ два металла, въ случаѣ исчезновенія одного изъ

нихъ остается другой; точно также во всѣхъ случаяхъ необходимости быстраго пріобрѣтенія платежныхъ средствъ это можетъ быть гораздо удобнѣе сдѣлано при двойной денежной нормѣ. Необходимо, наконецъ, не забывать, что оба металла, и золото и серебро, представляютъ собою матеріалъ, почти въ одинаковой степени годный къ выполненію функцій мѣноваго посредника, такъ что къ исключенію изъ обращенія одного изъ нихъ, нѣтъ въ этомъ отношеніи достаточныхъ основаній. Невозможно ли, по этому, принять двойную денежную систему и въ тоже время избѣжать ея невыгодныхъ сторонъ? Французскій экономистъ Шевалье въ своемъ курсѣ политической экономіи отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Необходимо допустить въ обращеніе, говоритъ онъ, оба металла, но безъ обозначенія на монетахъ того, сколько за монету одного металла слѣдуетъ получить монетъ изъ другаго металла. Сколько за золотыя монеты слѣдуетъ получить серебряныхъ, это можно опредѣлять, смотря по обстоятельствамъ, на годъ или шесть мѣсяцевъ, и это опредѣленіе должно имѣть законную силу только въ теченіи указаннаго времени. По истеченіи установленнаго срока должна быть сдѣлана и объявлена переоцѣнка, приноровленная къ новому положенію цѣнъ золота и серебра на рынкѣ. При такомъ регулированіи денежнаго обращенія двойная денежная система будетъ существовать въ дѣйствительности, а не въ кодексахъ только (7). Это воззрѣніе поддерживается и Миллемъ. „При двухъ денежныхъ нормахъ, говоритъ онъ, для пополненія въ обращающемся количествѣ денегъ источникомъ служитъ запасъ обоихъ металловъ въ торговомъ мірѣ, а не запасъ лишь одного изъ нихъ, котораго иной разъ и нельзя бываетъ пріобрѣтать съ достаточною быстротою, по какому нибудь случайному поглощенію его. Мнѣ кажется, что эту выгоду безъ неудобствъ двойной нормы усваиваютъ тѣ націи, у которыхъ законною нормою служитъ лишь одинъ металлъ, но другой также чеканится и допускается въ обращеніе по цѣнности, какую имѣетъ на рынкѣ“ (8). Какъ видимъ, воззрѣніе Милля отличается отъ изложеннаго нами воззрѣнія Шевалье лишь тѣмъ, что послѣдній требуетъ законнаго опредѣленія на непродолжительное

время мѣноваго отношенія между золотомъ и серебромъ. Необходимо согласиться, что правъ Шевалье, стоя за это опредѣленіе. Если деньги служатъ законнымъ платежнымъ орудіемъ, то должно быть опредѣляемо и законное отношеніе между разными монетами, въ противномъ случаѣ возможны злоупотребленія и неизбѣжны торговыя затрудненія.

Сверхъ основной, золотой и серебряной монеты, какъ мы сказали, во всѣхъ государствахъ существуетъ еще дополнительная монета, матеріаломъ для которой служатъ матеріалы низшаго достоинства. Необходимость такой дополнительной монеты вытекаетъ изъ того, что золотыми и серебряными деньгами не всегда могутъ быть произведены платежи. Золотая монета обыкновенно употребляется для болѣе дорогихъ платежей, серебряная для мелкихъ. У насъ самая дробная серебряная монета—пятикопѣечникъ; дробить серебро на болѣе мелкія доли затруднительно; серебряная монета, цѣнностью меньше 5 коп., была бы слишкомъ незначительна по объему, что неудобно для обращенія. Между тѣмъ въ ежедневномъ товарномъ оборотѣ на каждомъ шагу встрѣчается необходимость въ меньшихъ по цѣнности платежныхъ орудіяхъ. Съ одной стороны мы видимъ громадную массу товаровъ, продающихся по частямъ, изъ коихъ каждая имѣетъ цѣну меньше 5 копѣекъ; съ другой стороны и при покупкахъ на высшія цѣны не всегда возможно обойтись съ одними монетными единицами, цѣнность которыхъ не менѣе пяти копѣекъ; такими единицами невозможно уплатить наприм. 16 копѣекъ.

Необходимость такого рода платежей и вызвала существованіе дополнительной или билонной монеты, чеканенной изъ металловъ не такъ цѣнныхъ какъ золото и серебро, или изъ различныхъ сплавовъ. Эта дополнительная монета легко можетъ приводить къ нарушенію правильнаго теченія денежнаго обращенія. Когда она выпускается по цѣнности слишкомъ увеличенной сравнительно съ цѣнностью того металла, изъ котораго она сдѣлана, то это можетъ сопровождаться фальсификаціей ея, вслѣдствіе чего такой монеты въ оборотѣ появляется много, цѣны на продукты поднимаются, никто не находитъ выгоднымъ платить

по своимъ обязательствамъ болѣе цѣнными деньгами — золотыми и серебряными; золото и серебро исчезаютъ изъ народнаго рынка, на которомъ остается только дополнительная монета. Тоже самое можетъ случиться и безъ фальсификаціи дополнительной монеты, когда послѣдняя и законнымъ путемъ выпускается, но въ значительныхъ размѣрахъ.

(1) Милль. Осн. пол. экон. томъ II, кн. III, гл. VII. (2) Горловъ. Начала пол. экон. т. II, гл. VIII. (3) W. Roscher. Die Grundl. d. N.-oekonomie. § 120. (4) Rau, Lehrbuch d. polit.-oekonomie, 1863, томъ I. § 257; Deutches Staatswörterbuch (Bluntschli und Brater), томъ IV, стр. 93 и слѣд. (5) А. Смитъ, такъ прекрасно уяснившій различіе между деньгами и богатствомъ, не отличаетъ ихъ отъ капитала, вслѣдствіе сообразнаго понятія о сущности оборотныхъ капиталовъ. Recherches, томъ II, стр. 9. Изъ современныхъ экономистовъ Д. С. Милль прямо и рѣшительно заявляетъ, что „деньги—орудіе обмѣна, а не капиталъ, передаваемый изъ рукъ въ руки посредствомъ этого орудія". Основанія, томъ II, стр. 10. (6) „Если денегъ мало, то цѣнность ихъ, при той же обращаемости, возвышается и за тѣмъ потребность народа въ мѣновомъ средствѣ вполнѣ удовлетворяется. Такимъ образомъ каково бы ни было количество денегъ, это для народнаго размѣна товаровъ совершенно все равно, развѣ количество денегъ сдѣлается уже такъ мало, что появятся въ оборотѣ монеты слишкомъ мелкія и потому неудобныя для употребленія, или это количество будетъ такъ велико, что появятся, напротивъ, монеты слишкомъ тяжелыя и по громоздкости своей затруднительныя въ перемѣщеніи". Горловъ. Основ. 11,127. (7) Cours d'écon. pol. 111, 149 и слѣд. (8) Основ. пол. экон. 11, кн. III, гл. X.

§ 2. Металлическія деньги представляютъ собою товаръ, служащій при обмѣнѣ равноцѣнностью покупаемаго продукта. Но всѣмъ извѣстно, что въ дѣйствительности въ видѣ мѣноваго посредника обращаются вещи, не имѣющія сами по себѣ никакой цѣнности и по этому не представляющія равноцѣнности покупае-

мому продукту. Таковы бумажныя деньги. Основаніе обращенія этихъ денегъ заключается съ одной стороны въ общественномъ довѣріи, по которому каждый принимаетъ ихъ въ увѣренности, что они будутъ принимаемы другими, и съ другой стороны въ возможности обмѣна на дѣйствительныя деньги — золото и серебро.

Цѣнность металлическихъ денегъ не можетъ быть названа произвольною, она опредѣляется естественными законами. Этого нельзя сказать относительно бумажныхъ денегъ. Цѣнность ихъ есть величина зависящая отъ воли тѣхъ или иныхъ лицъ и учрежденій, завѣдывающихъ ихъ выпускомъ. Увеличеніе количества этихъ денегъ не требуетъ особенныхъ затратъ, можетъ быть производимо легко и вслѣдствіе этого цѣнность ихъ можетъ быть произвольною.

Для уясненія послѣдствій выпуска значительныхъ количествъ бумажныхъ денегъ представимъ себѣ страну, въ которой существуетъ только звонкая монета и что въ этой странѣ происходитъ выпускъ бумажныхъ денегъ, на половину всего количества существующей звонкой монеты. Первымъ послѣдствіемъ этого выпуска будетъ возвышеніе цѣнъ всѣхъ продуктовъ, появляющееся всегда вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества денежныхъ знаковъ, не сопровождающемся увеличеніемъ количества товаровъ. Когда поднимутся цѣны послѣднихъ, то въ ихъ числѣ поднимутся цѣны серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, а также цѣны золота и серебра въ слиткахъ. Такъ возникнетъ неравенство цѣнъ золота и серебра въ слиткахъ и издѣліяхъ сравнительно съ цѣною ихъ въ монетѣ; унція золота въ издѣліи будетъ дороже унціи золота въ монетѣ. Если это вздорожаніе золотыхъ и серебряныхъ слитковъ и издѣлій будетъ выше издержекъ передѣлки монетъ въ слитки и издѣлія, тогда такія передѣлки будутъ выгодны и возникнутъ сами собою. Продолжаться они будутъ до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать ихъ вызвавшіе мотивы, то есть пока золотыя и серебряныя вещи будутъ цѣниться дороже, чѣмъ золото и серебро въ монетѣ.

Когда сумма золотыхъ и серебряныхъ денегъ, переплавленная въ издѣлія, будетъ равна количеству выпущенныхъ бумаж-

ныхъ денегъ, тогда въ народномъ обращеніи останется то количество денегъ, которое существовало до выпуска бумажно-денежныхъ знаковъ. Тогда цѣны продуктовъ упадутъ до прежняго уровня и передѣлка звонкой монеты въ издѣлія пріостановится.

Если произойдетъ новый выпускъ бумажныхъ денегъ и въ прежнемъ количествѣ, то снова произойдетъ возвышеніе цѣнъ и передѣлка звонкой монеты въ издѣлія, пока, наконецъ, звонкая монета совершенно не исчезнетъ изъ обращенія и останутся одни бумажныя деньги, количество которыхъ будетъ равно прежде существовавшему количеству исключительно звонкой монеты. Въ послѣднемъ случаѣ цѣны понизятся до своего прежняго уровня и вся разница съ прежнимъ положеніемъ будетъ состоять лишь въ томъ, что платежи будутъ производиться бумажными деньгами, вытѣснившими изъ обращенія металлическія деньги. Если произойдетъ въ это время третій выпускъ бумажныхъ денегъ, то новое возвышеніе цѣнъ уже не будетъ кратковременнымъ. Бумажныхъ денегъ нельзя ни вывозить за границу, ни переплавлять и передѣлывать въ издѣлія, вслѣдствіе чего возвышеніе цѣнъ не можетъ быть остановлено исчезновеніемъ части денегъ, но будетъ постояннымъ.

Бумажныя деньги, замѣняющія звонкую монету, могутъ быть регулируемы въ своей цѣнности вполнѣ правильно. Это регулированіе можетъ быть или естественнымъ или искуственнымъ.

Когда выпускаются бумажныя деньги съ условіемъ обмѣна ихъ во всякое время на звонкую монету, тогда всякое излишнее ихъ количество, ведущее къ упадку ихъ цѣнности сравнительно съ металломъ, будетъ представляемо для обмѣна на звонкую монету, имѣющую высшую цѣнность сравнительно съ упавшими въ цѣнѣ бумажными деньгами. Обмѣнъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока цѣнность бумажныхъ денегъ не сдѣлается равною цѣнности звонкой монеты, слѣдовательно пока не будетъ представлено къ обмѣну все излишнее количество ихъ, благодаря которому и произошло паденіе ихъ цѣнности. При свободномъ обмѣнѣ бумажныхъ денегъ на монету всякое излишнее ихъ

количество, нарушающее установившееся равновѣсіе въ цѣнахъ, не можетъ быть удержано въ народномъ обращеніи; оно возвратится обратно въ то учрежденіе, которое произвело ихъ выпускъ. Бумажныя деньги, цѣнность которыхъ такимъ образомъ регулируется съ цѣнностью металлическихъ денегъ, не представляютъ тѣхъ неудобствъ, которыми сопровождаются излишніе ихъ выпуски.

Искуственное регулированіе, допускаемое нѣкоторыми экономистами, состоитъ въ искуственномъ измѣненіи количества обращающихся бумажныхъ денегъ въ цѣляхъ уравненія ихъ цѣнности съ цѣнностью металлическихъ денегъ. Оно относится къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ. Есть признакъ, который даетъ намъ, говоритъ Миллъ, возможность судить о томъ, на сколько упала цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ сравнительно съ цѣнностью звонкой монеты, если бы таковая была въ обращеніи. Признакъ этотъ — цѣна золота и серебра въ слиткахъ. „Когда уже не остается звонкой монеты въ обращеніи и нельзя достать ее на переливку въ слитки, цѣна золота и серебра поднимается и падаетъ подобно цѣнѣ другихъ предметовъ. Если она выше цѣны, установленной для чеканки денегъ если унція золота, изъ которой вычеканивалось 3 фунта, 16 шиллинговъ и $10^1/_2$ пенсовъ, продается за 4 или 5 фунтовъ на бумажныя деньги, то это значитъ, что въ такой пропорціи цѣнность ихъ упала ниже цѣнности, какую имѣла бы звонкая монета. По этому, бумажныя деньги не будутъ имѣть ни одного изъ неудобствъ, обыкновенно считаемыхъ принадлежностью натуры ихъ, если выпускъ такихъ денегъ подчиненъ строгимъ правиламъ изъ которыхъ однимъ будетъ, что когда цѣна слитковъ поднимется выше монетной цѣны металла, количество выпущенныхъ бумажныхъ денегъ должно быть уменьшаемо до того, пока рыночная цѣна слитковъ и монетная цѣна сравняются“ (1).

Бумажныя деньги, цѣнность которыхъ регулируется цѣнностью звонкой монеты, не только не представляютъ никакихъ неудобствъ, обыкновенно приписываемыхъ вообще бумажнымъ деньгамъ, но представляютъ чистый выигрышъ для націи. „Звонкая монета, обращающаяся въ странѣ, говоритъ А. Смитъ, мо-

жетъ быть сравнена съ дорогою, не производящею продуктовъ, но облегчающею средства ихъ доставки на рынокъ. Банковыя операціи обращаютъ эту дорогу въ пахатныя поля и луга, открывая для перевозки продуктовъ, такъ сказать, воздушные пути и тѣмъ самымъ увеличивая производительность земель и труда“ (²). Бумажныя деньги, замѣняющія золото и серебро, представляютъ собою такого рода воздушные пути для перехода продуктовъ изъ рукъ въ руки, изъ хозяйствъ въ хозяйства, давая возможность часть звонкой монеты обратить на пріобрѣтеніе капиталовъ и содѣйствуя такимъ образомъ увеличенію производительности.

Это значеніе бумажныя деньги сохраняютъ только до тѣхъ поръ, пока замѣняютъ собою звонкую монету, всякій излишній выпускъ сопровождается неблагопріятными послѣдствіями. При такихъ излишнихъ выпускахъ бумажныя деньги теряютъ часть своей цѣны, что приводитъ къ имущественнымъ потерямъ. Кредиторъ, ссудившій своимъ капиталомъ должника, получаетъ отъ послѣдняго капиталъ упавшими въ цѣнѣ деньгами; слѣдовательно лишь номинально получаетъ туже цѣнность, которая имъ была ссужена, въ дѣйствительности же получаетъ только часть ея, лишаясь такимъ образомъ опредѣленной доли своего имущества. Если бумажныя деньги упали на половину въ своей цѣнности, то кредиторъ этотъ получаетъ отъ должника только половину своего капитала. Точно также теряютъ часть имущества всѣ лица, живущія опредѣленнымъ жалованьемъ. Они получаютъ номинально прежнее вознагражденіе за свой трудъ, но получаютъ его деньгами, цѣнность которыхъ упала, покупная сила уменьшилась, слѣдовательно реально получаютъ меньше, чѣмъ получали прежде. Терпитъ убытокъ и казна, какъ получатель налоговъ, такъ какъ послѣдніе, сохраняя прежніе размѣры, въ дѣйствительности представляютъ меньшую покупную силу, уменьшившуюся пропорціонально паденію цѣнности денегъ.

Нѣкоторые говорятъ, что отъ паденія цѣнности бумажныхъ денегъ, хотя теряютъ часть своего имущества кредиторы, но при этомъ выигрываютъ должники, выигрываютъ тѣ лица, которые занимали капиталы для промышленныхъ цѣлей, люди главнымъ

образомъ производительные, имѣющіе наибольшую возможность утилизировать капиталы,—такъ какъ главные заемщики — производительные классы, и главные кредиторы — люди, не могущіе состоятельно утилизировать свои капиталы. По справедливому замѣчанію Милля, это воззрѣніе можно было бы признать вѣрнымъ, если бы честность и добросовѣстность не были вещами важными для всѣхъ дѣлъ, а въ особенности для промышленности. Съ другой стороны, легко можетъ показаться, что съ общественной точки зрѣнія не имѣютъ никакого значенія колебанія въ цѣнности бумажныхъ денегъ и происходящія отъ этого потери для тѣхъ или иныхъ частныхъ лицъ и учрежденій. Одни теряютъ, другіе въ размѣрахъ этихъ потерь выигрываютъ, слѣдовательно уровень общественнаго богатства нисколько не измѣняется; теряетъ кредиторъ — выигрываетъ должникъ, общество, по видимому, нечего не теряетъ отъ этого перехода имуществъ. Но дѣйствительно ли общество ничего не теряетъ? Можно ли утверждать, что общество ничего не теряетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда начинаютъ страдать цѣлые классы населенія, когда значительная часть послѣдняго близка къ разоренію, когда массы голодаютъ, не имѣя возможности пріобрѣтать дорогой хлѣбъ? Исторія свидѣтельствуетъ, что въ подобныхъ случаяхъ возникаетъ хозяйственная паника, отрывающая трудъ и капиталы отъ предпріятій, подрывающая кредитъ, уменьшающая производство и, въ концѣ концовъ, сопровождающаяся такими же разрушительными послѣдствіями, какими сопровождается непріятельское нашествіе. Такое положеніе дѣлъ не можетъ быть сочтено безразличнымъ для общества (3).

Не отрицая неблагопріятныхъ послѣдствій излишнихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ относительно внутреннихъ экономическихъ сношеній, нѣкоторые экономисты утверждаютъ, что бумажныя деньги не имѣютъ никакого вліянія на международный обмѣнъ. „Упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ, говоритъ Милль не имѣетъ вліянія на внѣшнюю торговлю страны: она ведется рѣшительно такъ, какъ будто деньги сохраняютъ свою цѣнность.“ Воззрѣніе это обыкновенно доказывается слѣдующимъ образомъ.

Въ международномъ обмѣнѣ ввозъ и вывозъ продуктовъ опредѣляются не на бумажныя деньги, но на звонкую монету. Если извѣстный продуктъ покупаемъ былъ въ Англіи за 5 фунтовъ, когда существовала только звонкая монета, причемъ этотъ продуктъ вывозился во Францію и продавался за 5 фунт. и 10 шиллинговъ, то онъ будетъ вывозиться и при упадкѣ цѣнности бумажныхъ денегъ. Послѣ упадка цѣнности бумажныхъ денегъ продуктъ этотъ можетъ стоить въ Англіи 6 фунтовъ, во Франціи же можетъ быть проданъ не иначе какъ по прежней цѣнѣ, то есть за 5 фунт. и 10 шиллинговъ. Но все таки онъ будетъ вывозиться. „5 фунт. и 10 шилл., получаемые за него во Франціи, получаются не бумажными деньгами, упавшими въ цѣнѣ, но золотомъ и серебромъ; а цѣна металловъ въ Англіи поднялась одинаково съ цѣною другихъ предметовъ; и если купецъ привозитъ въ Англію золото и серебро, продаетъ онъ 5 ф. и 10 шилл. за 6 ф. и 10 шилл. и по прежнему получаетъ 10% за расходы и въ прибыль себѣ.“ Такимъ образомъ вздорожаніе продуктовъ, происшедшее вслѣдствіе упадка цѣнности бумажныхъ денегъ, не сопровождается уменьшеніемъ вывоза.

Для надлежащей оцѣнки этого воззрѣнія необходимо обратить вниманіе на механизмъ международнаго обмѣна. Каждая страна уплачиваетъ за полученные ею отъ другой страны продукты своими продуктами, причемъ необходимость пересылки золота и серебра возникаетъ лишь въ случаяхъ значительнаго перевѣса привоза надъ отпускомъ, когда цѣнность отпущенныхъ товаровъ недостаточна для уплаты цѣнности товаровъ привезенныхъ. Представимъ себѣ, что петербургскій торговецъ выписываетъ мебель изъ Парижа, за которую долженъ уплатить пудъ золота. Пересылка этого количества золота въ Парижъ требуетъ опредѣленныхъ расходовъ какъ на транспортъ, такъ и на страхованіе. Весьма естественно, что нашъ торговецъ старается по возможности уменьшить эти расходы; старается найти такой способъ уплаты, при которомъ не нужно было бы пересылать денегъ. Способъ этотъ онъ легко находитъ, если парижскіе торговцы выписываютъ товары изъ Петербурга. Предположимъ, что парижскій торговецъ выписываетъ изъ Петербурга хлѣбъ, за

который долженъ заплатить пудъ золота. Если такъ, то нѣтъ никакихъ мотивовъ къ пересылкѣ золота изъ Петербурга въ Парижъ для уплаты за мебель и изъ Парижа въ Петербургъ для уплаты за хлѣбъ. Въ Петербургѣ слѣдуетъ получить за хлѣбъ пудъ золота изъ Парижа; Петербургскій торговецъ, которому слѣдуетъ послать золото въ Парижъ, уплачиваетъ пудъ золота петербургскому же торговцу, пославшему свой хлѣбъ въ Парижъ, но съ тѣмъ условіемъ, что бы его парижскій должникъ произвелъ уплату парижскому же торговцу, пославшему свою мебель въ Петербургъ. Такая уплата обыкновенно производится посредствомъ покупки векселей не прямо отъ торговцевъ, ведущихъ торгъ съ иностранными государствами, но отъ лицъ или учрежденій, занимающихся переводами долговъ. Этотъ фактивный примѣръ показываетъ намъ сущность механизма международнаго обмѣна. Народы, ведущіе между собою торговлю, ликвидируютъ свои обязательства безъ пересылки звонкой монеты; которая необходима лишь въ случаяхъ неравенства цѣнности ввозимыхъ и отпускаемыхъ товаровъ, то есть въ случаяхъ неравенства взаимной задолженности.

При существованіи въ странѣ звонкой монеты, нарушеніе равенства взаимной задолженности естественно возстановляется дѣйствіемъ закона цѣнъ. При существованіи неравенства необходимо изъ страны высылать деньги, вслѣдствіе чего въ этой странѣ цѣны понижаются, между тѣмъ какъ въ той, въ которую деньги ввозятся, цѣны продуктовъ возвышаются. Это ведетъ къ усиленію вывоза дешевыхъ продуктовъ и ограниченію ввоза дорогихъ, то есть приводитъ естественнымъ путемъ къ возстановленію равновѣсія въ международномъ обмѣнѣ. Возстановленію равновѣсія содѣйствуетъ также вліяніе вексельнаго курса.

Когда привозъ товаровъ въ страну равенъ по цѣнности количеству отпускаемыхъ товаровъ, тогда требованія и обязательства странъ, ведущихъ между собою торговлю, равны, вслѣдствіе чего спросъ на векселя и предложеніе ихъ также равны между собою. Когда спросъ векселей равенъ ихъ предложенію, тогда плата за нихъ или вексельный курсъ стоитъ на равенствѣ (al pari). Другими словами, при такомъ положеніи международной тор-

говли вексель въ 1000 рублей, въ которыхъ содержится 44 фунта серебра, будетъ продаваться за границу также за 44 фунта или за 4000 франковъ, съ присоединеніемъ незначительнаго процента на пересылку векселя и за коммисію учрежденіямъ и лицамъ, занимающимся вексельной торговлей. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда отпускъ товаровъ не равенъ привозу, спросъ на векселя не можетъ быть равенъ предложенію ихъ. Когда отпускъ превышаетъ спросъ, тогда предложеніе векселей больше спроса, цѣна ихъ понижается, вексельный курсъ становится благопріятнымъ. Наоборотъ, когда привозъ товаровъ превышаетъ отпускъ, тогда спросъ векселей превышаетъ ихъ предложеніе и цѣна ихъ возвышается; вексельный курсъ становится неблагопріятнымъ.

Но ясно, что неблагопріятный вексельный курсъ невыгоденъ только плательщикамъ; неблагопріятенъ онъ тѣмъ лицамъ которымъ слѣдуетъ произвести уплату заграницей за товары, ввезенные ими въ страну. Напротивъ того, для торговцевъ, вывозящихъ товары заграницу; этотъ самый неблагопріятный вексельный курсъ выгоденъ. Если перевѣсъ находится на сторонѣ привоза и, слѣдовательно, вексельный курсъ неблагопріятенъ, то лица, вывозящіе свои товары заграницу, за каждую сумму, слѣдующую имъ заграницей, получаютъ дома, посредствомъ векселей, нѣсколько болѣе. Неблагопріятный вексельный курсъ является какъ бы преміей за вывозъ товаровъ; напротивъ того, вполнѣ благопріятный вексельный курсъ является какъ бы налогомъ за вывозъ. При неблагопріятномъ вексельномъ курсѣ усиливается вывозъ, увеличивается количество векселей, уменьшается цѣна ихъ и вексельный курсъ мало по малу становится al pari, что свидѣтельствуетъ о наступленіи равновѣсія между привозомъ и отпускомъ. Наоборотъ, при излишкѣ отпуска надъ привозомъ, когда вексельный курсъ благопріятенъ, мало по малу уменьшается отпускъ и увеличивается ввозъ, что также приводитъ къ равновѣсію въ международномъ обмѣнѣ (¹).

Для того, чтобы этотъ механизмъ не былъ нарушаемъ бумажно-денежными знаками, необходимо, что бы существовало полное соотвѣтствіе между лажемъ, вексельнымъ курсомъ и упадкомъ цѣнности бумажныхъ денегъ. Но въ дѣйствительности та-

кое соотвѣтствіе бываетъ рѣдко. Еще Шторхъ замѣтилъ, что въ бумажныхъ деньгахъ необходимо отличать способность ихъ покупать монету, то есть денежно-металлическую ихъ цѣнность, отъ способности покупать товары, или вещную ихъ цѣнность. Звонкая монета и вообще дорогіе металлы прежде всего испытываютъ паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ, между тѣмъ какъ нѣкоторое время это паденіе не отражается на цѣнности товаровъ; въ первое время вещная цѣнность бумажныхъ денегъ будетъ выше ихъ денежно-металлической цѣнности. Впослѣдствіи происходитъ обратное явленіе. „Напрасно нѣкоторые думаютъ, справедливо говоритъ Горловъ, что паденіе бумажнаго рубля пропорціонально обозначается внутреннимъ лажемъ золота и серебра, или заграничнымъ вексельнымъ курсомъ. Этой пропорціональности нѣтъ. Золото и серебро, равно какъ и векселя, суть товаръ, цѣнность котораго зависитъ отъ спроса для заграничныхъ платежей. А цѣнность всѣхъ прочихъ произведеній зависитъ отъ спроса преимущественно для внутренняго потребленія. Внутренній спросъ значительно увеличился въ соразмѣрности съ усиленіемъ выпуска бумажныхъ денегъ; спросъ же заграничныхъ товаровъ хотя и увеличился, но гораздо менѣе, такъ какъ спросу этому нельзя удовлетворять: туземными товарами потому, что товары поднялись въ цѣнѣ и сдѣлались менѣе способными къ вывозу,—деньгами нельзя потому, что ихъ въ оборотѣ совсѣмъ нѣтъ при исключительномъ господствѣ бумажныхъ знаковъ. При такихъ различныхъ обстоятельствахъ внутреннія произведенія должны весьма вздорожать, а дорогіе металлы и векселя не столько“ ([5]). Если же такъ, то очевидно, что бумажныя деньги могутъ оказывать неблагопріятное вліяніе на внѣшнюю торговлю. Цѣнность продуктовъ, какъ видимъ, можетъ увеличиваться болѣе, чѣмъ увеличивается лажъ. Продуктъ, положимъ, стоитъ 1 рубль; послѣ выпуска бумажныхъ денегъ цѣна его увеличивается до 1 р. 50 коп., но лажъ увеличивается не на 50%, а всего на 10%. При такихъ обстоятельствахъ, когда за границей получается прежняя цѣна за этотъ продуктъ, вывозъ его не возможенъ. Вмѣстѣ съ этимъ увеличится ввозъ, вызываемый вздорожаніемъ продуктовъ внутри страны, превосходящимъ пропорцію увеличенія

лажа. Вексельный курсъ, при упадкѣ цѣнности бумажныхъ денегъ, сдѣлается неблагопріятнымъ. Это выгодно получающимъ деньги за границею, но при всемъ томъ оно не поведетъ къ усиленію вывоза, такъ какъ прибыль, получаемая отъ перевода денегъ, нейтрализуется возвышеніемъ внутреннихъ цѣнъ продуктовъ. Предположимъ, что вещная цѣнность бумажнаго рубля уменьшилась на 50%, а металлическая на 30%; продуктъ, стоившій рубль, теперь продается за 1 р. 50 коп., прежде этотъ товаръ вывозился заграницу и былъ продаваемъ за 1 рубль 10 к. металлическихъ. Теперь вывозъ его убыточенъ 1 р. и 10 коп., вырученные отъ его продажи, внутри страны равны 1 р. 43 к., между тѣмъ какъ на мѣстѣ же товаръ стоитъ 1 р. 50 коп. Рубль металлическій, получаемый внѣ страны, внутри ея равенъ 1 р. 30 коп., но эта выгода, получаемая отъ перевода денегъ, нейтрализуется внутреннимъ вздорожаніемъ продуктовъ, превосходящимъ пропорцію увеличенія лажа.

Изъ сказаннаго видно, что въ вопросѣ о вліяніи бумажныхъ денегъ на внѣшнюю торговлю необходимо различать три момента. Въ первое время, когда упадокъ металлической цѣнности бумажныхъ денегъ превосходитъ уменьшеніе ихъ вещной цѣнности, происходитъ усиленіе вывоза товаровъ, вызываемое прибылями, получаемыми по переводу денегъ. За тѣмъ, когда происходитъ уравненіе покупной силы этихъ денегъ и относительно монеты и относительно другихъ товаровъ, бумажныя деньги не оказываютъ никакого вліянія на международный обмѣнъ. Къ этому то второму моменту относится воззрѣніе экономистовъ, отрицающихъ всякое вліяніе бумажныхъ денегъ на международный обмѣнъ.

Наконецъ, наступаетъ третій моментъ, когда упадокъ вещной цѣнности бумажныхъ денегъ превосходитъ упадокъ металлической цѣнности, что сопровождается неблагопріятными послѣдствіями.

(1) Осн. пол. экон. 11,67—68. (2) Richesse des Nations, томъ 11, стр. 59. (3) Въ первое время неблагопріятныя послѣдствія не только не замѣчаются, но бросается въ глаза оживленіе промышленности, что даетъ поводъ утверждать полезность всякихъ значительныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Необходимо не забывать, что такое оживленіе промышленности

неизбѣжно ведетъ къ ея упадку. „Бумажныя деньги, выпущенныя правительствомъ для покрытія чрезвычайныхъ финансовыхъ расходовъ, вызванныхъ войною, т. е. до вытѣсненія ими монеты изъ обращенія, первоначально дадутъ въ руки администраціи деньги съ покупною силою, равною обладаемой монетою, Но чрезвычайный спросъ на предметы, служащіе для военныхъ цѣлей, и потребленіе этихъ предметовъ возвысятъ цѣны послѣднихъ и вызовутъ оживленную предпріимчивость въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, которая приведетъ къ возрастанію заработей платы и прибылей. Потерпятъ отъ дороговизны только тѣ классы населенія, которые не имѣютъ участія въ удовлетвореніи спроса, созданнаго войною. Ихъ доходы, по большей части, не увеличатся, ихъ расходы по многимъ статьямъ возрастутъ; но обществу, не смотря на истощеніе вещественныхъ капиталовъ, покажется, что она богатѣетъ,—ощущеніе страданія наступитъ лишь тогда, когда возвышеніе цѣнъ приведетъ къ ограниченію потребленія“. А. Вагнеръ. Русскія бумажныя деньги, пер. Н. Бунге стр. XXI. Такимъ образомъ, та же причина, которая вызываетъ оживленіе промышленности, приводитъ къ ограниченію потребленія и сбыта, то есть къ упадку промышленности. (4) Законъ естественнаго возстановленія равновѣсія международнаго обмѣна въ странахъ, имѣющихъ звонкую монету, относится, конечно, къ такимъ торговымъ странамъ, которыя въ извѣстной степени равны по своимъ экономическимъ силамъ. Безъ существованія такого равенства болѣе слабая страна находится въ хозяйственной зависимости отъ страны болѣе сильной; ея звонкая монета можетъ уйти въ другія страны, а на мѣстѣ монеты появятся бумажныя деньги, при которыхъ нѣтъ мѣста указанному естественному закону. (5) Нач. пол. экон. томъ II, стр. 221.

§ 3. Въ основаніи обращаемости какъ звонкой монеты, такъ и бумажныхъ денегъ лежитъ увѣренность, что каждый признаетъ ихъ платежнымъ орудіемъ. Имѣя это въ виду, нѣкоторые экономисты пришли къ полному отождествленію значенія металлическихъ и бумажныхъ денегъ. Такъ возникла теорія, по которой деньги не самостоятельный товаръ, представляющій эквивалентъ покупаемаго продукта, а только простой мѣновой

знакъ. Въ настоящее время представителемъ этой теоріи можетъ быть названъ Г. Маклеодъ, извѣстный англійскій экономистъ (').

Большинство экономистовъ, говоритъ онъ, разсматриваютъ деньги какъ товаръ посредникъ, облегчающій обмѣнъ. Если сапожникъ продаетъ сапоги за деньги и потомъ за деньги покупаетъ шляпу, то это равносильно обмѣну сапоговъ на шляпу; деньги служатъ товаромъ, облегчающимъ обмѣнъ.

По мнѣнію Маклеода, эта теорія экономистовъ въ свое время была вполнѣ удовлетворительна, подобно тому какъ въ свое время было удовлетворительно опредѣленіе угла, принятое Эвклидомъ, какъ была удовлетворительна теорія истеченія свѣта. Во всѣхъ наукахъ отъ времени до времени возникаетъ необходимость измѣнять теоріи соотвѣтственно съ увеличеніемъ фактовъ и новыхъ наблюденій. Опредѣленіе угла, принятое Эвклидомъ, въ настоящее время измѣнено; оно недостаточно для тригонометріи, основывающейся на совершенно иномъ понятіи объ углѣ, сравнительно съ принятымъ въ геометріи. Подобнымъ же образомъ теорія, принимавшая свѣтъ за самобытное тѣло, уступила мѣсто извѣстной теоріи волнообразнаго движенія. Тоже необходимо сказать и о теоріи, по которой деньги представляютъ собою товаръ, облегчающій обмѣнъ. Если бы не существовало никакихъ другихъ денежныхъ знаковъ, кромѣ звонкой монеты, то прежнее опредѣленіе понятія денегъ было бы достаточно. Но въ позднѣйшее время явилось орудіе болѣе сложнаго устройства, извѣстное подъ именемъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Прежнее опредѣленіе денегъ не можетъ объяснить самыхъ существенныхъ и важныхъ задачъ бумажно-денежныхъ знаковъ. Новое опредѣленіе должно включать въ себѣ и монету и бумажныя деньги.

Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній Маклеодъ переходитъ къ уясненію положенія своей теоріи денежнаго обращенія. При господствѣ натуральнаго обмѣна можетъ случиться, что въ то время, когда одинъ человѣкъ ищетъ услугъ другаго, послѣдній не нуждается въ равныхъ по цѣнности услугахъ отъ перваго. Если и при такихъ обстоятельствахъ сдѣлка будетъ заключена, то по сравненіи стоимости услугъ окажет-

ся, что существуетъ между ними извѣстная разность, которая составляетъ долгъ. Такъ возникаетъ требованіе одного лица къ другому. Для обезпеченія такого требованія можетъ случиться необходимость въ какомъ либо знакѣ, который бы свидѣтельствовалъ о существованіи долга. Если вступающіе въ сдѣлку грамотны, то такимъ знакомъ служитъ письменное обязательство возвратить долгъ. Теперь предположимъ, что держатель долговаго документа входитъ въ сношеніе съ новымъ лицемъ и требуетъ его услугъ, но это третье лице не желаетъ его услугъ, имѣя нужду въ услугахъ того, который выдалъ на себя долговое обязательство. Тогда этотъ новый контрагентъ въ уплату за свои услуги можетъ принять существующее долговое обязательство. Подобная сдѣлка можетъ повторяться неопредѣленное число разъ; долговой документъ будетъ переходить изъ рукъ въ руки, пріобрѣтаетъ свойство обращаемости, а отъ этого свойства получаетъ названіе ходячаго денежнаго знака. Денежный знакъ, слѣдовательно, есть ничто иное, какъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, что оказаны услуги, за которыя равныя услуги еще не получены; онъ представляетъ собою свидѣтельство о долгѣ, причитающемся его владѣльцу; доказательство того, что владѣлецъ его оказалъ кому либо изъ членовъ общества услуги, за которыя вознагражденіе онъ можетъ потребовать во всякое время. А. Смитъ, который придерживался стараго понятія о деньгахъ, случайно наткнулся на истину въ слѣдующихъ словахъ: „гинея можетъ быть разсматриваема какъ вексель на полученіе извѣстнаго количества предметовъ, выданный на всѣхъ окрестныхъ торговцевъ.“ Но къ сожалѣнію, подобно крестьянину, нашедшему алмазъ, онъ не замѣтилъ достоинства истины, случайно имъ высказанной, и выпустилъ ее изъ рукъ.

Изъ этого видно, что, по ученію Маклеода, въ принципѣ нѣтъ никакой существенной разницы между металлическою и бумажною монетою. Мало того; есть даже невыгодная сторона въ металлической монетѣ сравнительно съ бумажными деньгами, говоритъ онъ. Металлическая монета подвержена убыточнымъ вліяніямъ, вслѣдствіе перехода изъ рукъ въ руки; именно, она значительно стирается, можетъ быть такимъ обра-

зомъ уменьшаема въ вѣсѣ, не говоря уже о злонамѣренныхъ попыткахъ къ его уменьшенію. Количество металла представляетъ; размѣръ услугъ, которыя состоятъ въ распоряженіи владѣльца по этому, когда вѣсъ металла уменьшается, то и размѣръ услугъ, представляемыхъ металлическими деньгами, также уменьшается. Бумажныя деньги не подвержены подобнымъ измѣненіямъ. Въ этомъ отношеніи, при твердомъ обезпеченіи, они имѣютъ значительныя преимущества предъ металлическими.

Все, что даетъ право требовать исполненія долга, говоритъ далѣе Маклеодъ, есть денежный знакъ, будетъ ли это металлъ или другой какой либо документъ. Деньги и долгъ — это понятія равнозначащія и не можетъ быть денежнаго знака тамъ гдѣ нѣтъ долга. Изъ этого же видно, что деньги имѣютъ своимъ назначеніемъ не облегчать обмѣнъ, но устранять его, доставлять возможность обходиться безъ обмѣна. Деньги возникаютъ изъ того, что одинъ изъ контрагентовъ не имѣетъ возможности вознаградить въ данное время за услугу другаго, вслѣдствіе чего выдалъ долговой документъ. Будучи представителемъ долга, деньги выражаютъ собою только общую сумму долга, по этому не представляютъ собою какого либо спеціальнаго предмета. Часто говорятъ, что будто бы денежные знаки представляютъ товары; такихъ воззрѣній слѣдуетъ тщательно избѣгать. Денежные знаки изображаютъ собою лишь отвлеченное право или власть управлять услугами вообще. Если виноторговецъ беретъ денежную росписку торговца колоніальныхъ товаровъ, съ обязательствомъ заплатить по востребованію полфунта чаю за вино, то эта росписка даетъ лишь общее право требовать столько-то чаю съ колоніальнаго торговца, а не сообщаетъ спеціальнаго права на извѣстное количество чаю. Весь запасъ чая, находящійся у колоніальнаго торговца, составляетъ неотъемлемую его собственность до тѣхъ поръ, пока не поступитъ къ нему требованіе о платежѣ.

Если вещь отдается на храненіе и полученный объ этомъ документъ переходитъ изъ рукъ въ руки, то при всемъ томъ онъ не можетъ быть названъ денежнымъ знакомъ, потому что здѣсь нѣтъ долга; документъ этотъ относится къ спеціальному пред-

мету, отданному на храненіе. Доковыя и грузовыя свидѣтельства — не денежные знаки; каждый владѣлецъ такого свидѣтельства становится собственникомъ имущества, сложеннаго въ докъ или на корабль. Обращаемость не есть главное и отличительное свойство денежнаго знака, потому что предметъ можетъ въ высшей степени обладать этимъ свойствомъ и въ то же время не представлять собою денежнаго знака, каковы доковыя и грузовыя свидѣтельства. Главное свойство денежнаго знака — это долгъ. Къ денежнымъ знакамъ относятся: 1) чеканенная монета, золото, серебро и мѣдь; 2) бумажные денежные знаки, куда относятся также платежныя обязательства или росписки и переводные векселя со всѣми ихъ видоизмѣненіями; 3) простые долги разнаго рода, каковы счетъ у банкировъ, долги купцовъ по торговымъ книгамъ и частные долги тѣхъ или иныхъ лицъ.

Ученіе Маклеода о деньгахъ резюмируется въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ:

а) денежные знаки и долговыя записки — понятія тождественныя;

б) гдѣ нѣтъ долга, тамъ не можетъ быть и денежнаго знака;

в) употребленіе денежныхъ знаковъ имѣетъ своею задачею не облегченіе обмѣна, но устраненіе его.

Ученіе это, какъ легко замѣтить, основано на односторонемъ понятіи о томъ, что такое долгъ. Долгъ, по общепринятому значенію слова, представляетъ собою личное обязательство, къ выполненію котораго можетъ быть употреблено принужденіе. Но къ деньгамъ это понятіе о долгѣ никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено. Никто не имѣетъ права заставить человѣка отдать за деньги какой либо продуктъ; между тѣмъ, еслибы деньги представляли собою долговой документъ, то ихъ владѣлецъ имѣлъ бы такое право. Сверхъ того, съ понятіемъ о долгѣ необходимо соединяется два элемента, — лице, обязанное исполнить принятое имъ обѣщаніе, и предметъ долга, какъ содержимое требованія съ одной стороны и обязательства съ другой. Но деньги не указываютъ спеціально лица, которое обязано дать за нихъ товары. Точно также они не указываютъ и предмета дол-

га; за одну и ту же сумму денегъ можно получить разнообразные товары и разное ихъ количество.

Какъ видимъ, понятіе долга вовсе не приложимо къ понятію денегъ. Съ того момента, когда продуктъ проданъ за деньги, всѣ отношенія между участниками сдѣлки прекращаются, слѣдовательно о долговыхъ отношеніяхъ между ними не можетъ быть и рѣчи. Продавецъ, получивъ деньги, получаетъ возможность пріобрѣтенія того, въ чемъ онъ будетъ нуждаться, отъ другихъ; но эта возможность не есть еще право, не говоритъ о томъ, что другія лица должны дать владѣльцу денегъ тѣ или другіе товары. Такая возможность существуетъ во всѣхъ случаяхъ и натуральнаго обмѣна. Портной мѣняетъ платье на корову, послѣднюю промѣниваетъ на хлѣбъ, для чего собственно онъ и производилъ первую мѣновую сдѣлку. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что корова есть долговой документъ, есть какое-то свидѣтельство на полученіе отъ общества услугъ? Корова эта не вексель на полученіе хлѣба, а такимъ же образомъ не можетъ быть названа векселемъ и гинея. Если Маклеодъ правъ, то необходимо согласиться, что не только монета представляетъ собою векселя на общество, но должны быть названы векселями и всякіе другіе товары, дающіе возможность пріобрѣтенія произведеній чужаго труда.

Сверхъ того, въ ученіи Маклеода мы встрѣчаемъ логически неизбѣжное противорѣчіе, разрушающее всю его теорію. Обращаемость долговаго документа дала возможность назвать этотъ документъ денежнымъ знакомъ. Но если деньги и долговой документъ понятія тождественныя, то изъ этого слѣдуетъ, что въ томъ случаѣ, когда какой либо предметъ имѣетъ въ высшей степени свойство обращаемости, вслѣдствіе чего служитъ мѣновымъ посредникомъ, но при этомъ не заключаетъ въ себѣ понятія долга, нѣтъ денежнаго орудія. Маклеодъ дѣйствительно и утверждаетъ это, говоря, что доковыя и грузовыя свидѣтельства, не смотря на то, что обладаютъ свойствомъ обращаемости, не должны считаться въ числѣ денежныхъ знаковъ, такъ какъ не представляютъ собою долговыхъ документовъ,

а только простыя росписки о передачѣ вещей на храненіе. Такимъ образомъ свойство обращаемости дало Маклеоду возможность назвать долговой документъ деньгами, но, отождествивъ деньги и долговой документъ, Маклеодъ долженъ былъ признать, что обращаемость не есть отличительное свойство денегъ, то есть долженъ былъ разрушить то положеніе, которое дало ему возможность отождествить деньги съ долгомъ.

Считая неосновательнымъ отождествленіе понятія денегъ и долга, мы признаемъ имѣющимъ важное значеніе самый фактъ возможности появленія такой теоріи денежнаго обращенія, какова теорія Маклеода. Эта возможность отождествленія денегъ съ долговыми документами служитъ яснымъ доказательствомъ органическаго характера экономическаго общежитія. Деньги представляютъ собою важнѣйшее орудіе мѣновой ассоціаціи, какъ общей солидарности хозяйствъ.

Это свойство мѣноваго посредника лежитъ въ основаніи изложенной нами теоріи. Выражаясь образно, дѣйствительно можно сравнивать гинею съ векселемъ, деньги съ долговымъ документомъ и все денежное обращеніе съ общественной долговой книгой. Свою теорію Маклеодъ иллюстрируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ какъ назначеніе денежныхъ знаковъ заключается въ томъ, чтобы приводить на память и переводить долги, то, если вообразить себѣ большую, содержимую народною властью общественную книгу, въ которую всякій запосилъ бы свои услуги, выраженныя посредствомъ цифръ,—такая книга представляла бы самое отчетливое выраженіе денежныхъ знаковъ страны. Тогда всякій, имѣющій по этой книгѣ кредитъ, могъ бы требовать услугъ отъ другаго лица и дать приказъ національному бухгалтеру перевести цифры, выражающія размѣръ этихъ услугъ, изъ своего столбца въ столбецъ своего кредитора. Самая книга служила бы къ приведенію на память и обозначенію долговъ, весь итогъ цифръ по кредитамъ отдѣльныхъ лицъ составлялъ бы полный итогъ денежныхъ знаковъ страны, а переводъ цифръ изъ одного столбца въ другой выражалъ бы переводъ долга и обозначалъ бы точно такую же операцію какъ переводъ монеты отъ одного лица къ другому; итогъ же всѣхъ этихъ перево-

довъ составилъ бы итогъ денежнаго обращенія.“ Очевидно, что если бы въ дѣйствительности деньги не были орудіемъ мѣновой солидарности, то построеніе такой теоріи было бы не мыслимо. Но не нужно преувеличивать экономическаго значенія этого орудія; и при денежномъ обмѣнѣ, устранившемъ недостатки обмѣна натуральнаго, существуютъ нѣкоторыя препятствія, мѣшающія надлежащему развитію мѣновой взаимности. Эти недостатки вызвали необходимость кредита.

(1) Осн. пол. экономіи. гл. 1.

III. Кредитъ.

§ 1. Недостатки натуральнаго обмѣна вызвали обмѣнъ денежный; въ свою очередь недостатки обмѣна денежнаго вызвали существованіе кредита.

При денежномъ обмѣнѣ необходимо, чтобы каждый контрагентъ обладалъ взаимно-спрашиваемымъ, между тѣмъ это не всегда бываетъ. Одинъ человѣкъ можетъ имѣть необходимое другому, но этотъ послѣдній можетъ не имѣть денежнаго эквивалента продуктовъ. На первыхъ ступеняхъ развитія человѣческаго общежитія въ подобныхъ случаяхъ обмѣнъ не возможенъ; въ такихъ случаяхъ не можетъ быть ни натуральнаго, ни денежнаго обмѣна. Съ развитіемъ обществъ явилась возможность производить мѣновыя сдѣлки и въ подобныхъ случаяхъ. Съ накопленіемъ капиталовъ сдѣлалось возможнымъ ожиданіе уплаты въ будущемъ, укрѣпленіе же общежитія даетъ гарантію, что эта уплата въ свое время будетъ произведена. Укрѣпленіе общежитія свидѣтельствуетъ о развитіи честности, труда и правосудія, а эти основные элементы всякаго общежитія въ высшей степени важны для увѣренности, что заключенное обѣщаніе будетъ исполнено. Отъ развитія честности зависитъ доброе желаніе уплатить обѣщанное, а правильный судъ гарантируетъ, что въ случаѣ нежеланія исполнить должное будутъ употреблены мѣры

принужденія въ цѣляхъ этого исполненія. Развитіе труда гарантируетъ то, что не имѣющій въ данное время необходимыхъ элементовъ для обмѣна, занявъ капиталъ, можетъ производительнѣе употребить свой трудъ и такимъ образомъ получить возможность возвратить должное.

Такъ является въ исторіи мѣновыхъ явленій третья ступень — кредитный обмѣнъ, являющійся на помощь человѣку въ то время, когда нѣтъ мѣста ни для обмѣна натуральнаго, ни для обмѣна денежнаго. Укажемъ на нѣкоторыя стороны этого обмѣна, доказывающія, что дѣйствительно кредитъ представляетъ собою одну изъ высшихъ ступеней въ развитій мѣновыхъ сношеній.

Кредитъ дѣлаетъ возможнымъ такой обмѣнъ, при которомъ вторая половина мѣновой сдѣлки осуществляется посредствомъ первой. Я занимаю капиталъ, употребляю его производительнымъ образомъ и возвращаю занятое послѣ производства. Здѣсь занятое возвращается при посредствѣ самаго же занятаго, производительно употребленнаго. Благодаря кредиту, покупаемое покупается посредствомъ производительнаго употребленія самаго же покупаемаго. Величественный образецъ такой кредитной сдѣлки представляетъ собою законъ 19 Февраля, по которому крестьяне надѣлены землей, причемъ эту землю они постепенно выкупаютъ посредствомъ производительнаго ея употребленія, то есть пріобрѣтаютъ имущество при посредствѣ этого же покупаемаго имущества. Уже изъ этого факта всякому должно быть очевидно высокое значеніе для общества кредитнаго обмѣна.

Кредитъ освобождаетъ мѣновыя сдѣлки отъ ограниченія ихъ даннымъ настоящимъ моментомъ, вслѣдствіе чего облегчаетъ равномѣрное развитіе промышленности. Безъ кредита развитіе промышленности имѣло бы характеръ случайности и отрывчатости. Кто имѣетъ въ данный моментъ средства, тотъ только и могъ бы производить хозяйственныя операціи, которыя въ своихъ размѣрахъ безусловно ограничивались бы наличностью средствъ. Предприниматель, имѣющій массу произведеній, не находящихъ сбыта вслѣдствіе отсутствія наличныхъ средствъ

у покупщиковъ, долженъ остановить производство, ожидать распродажи товаровъ для продолженія дѣла. Внѣ кредитнаго обмѣна его положеніе можетъ быть также безотрадно, какъ и положеніе покупщиковъ, нуждающихся въ его произведеніяхъ для своихъ хозяйственныхъ операцій. Вся производительная дѣятельность его не можетъ имѣть необходимой прочности и постоянства, такъ какъ за отсутствіемъ кредита не можетъ быть прочности и постоянства въ сбытѣ произведеній.

Кредитъ содѣйствуетъ производству еще тѣмъ, что доставляетъ капиталы для занятія производительныхъ силъ, вслѣдствіе чего общество имѣетъ возможность наилучшимъ образомъ утилизировать способности своихъ членовъ, между тѣмъ какъ безъ кредита такія способности могли бы оставаться непродуктивными. Благодаря кредиту, капиталъ обыкновенно переходитъ въ руки лицъ, въ данное время наиболѣе способныхъ приложить этотъ капиталъ къ дѣлу. И это очень просто. Всякій кредиторъ обыкновенно старается давать кредитъ только тѣмъ лицамъ, на которыхъ онъ надѣется, что они не расточатъ занятое имущество; всякій оберегается давать кредитъ расточителямъ и мотамъ отъ которыхъ трудно и часто невозможно получить обратно занятую сумму. Такимъ образомъ посредствомъ кредита тѣ силы, которыя отличаются хозяйственными способностями, получаютъ возможность приложить свои способности къ дѣлу и вслѣдствіе этого увеличивается богатство страны.

Кредитъ соединяетъ мелкія доли капиталовъ, принадлежащія разнымъ лицамъ, благодаря чему, устроняется производство въ большихъ размѣрахъ, весьма часто недоступныхъ силамъ отдѣльныхъ капиталистовъ. Безъ развитія въ обществѣ кредита многія хозяйственныя предпріятія, имѣющія высокое общественное значеніе, каковы наприм. предпріятія желѣзнодорожныя, были бы вовсе не доступны частнымъ лицамъ.

Кредитъ доставляетъ возможность дѣлать сбереженія въ наличныхъ средствахъ мѣноваго обращенія. Для уясненія этого представимъ себѣ типическій образецъ, къ которому дѣйствительность болѣе или менѣе приближается. Представимъ себѣ двухъ торговцевъ, которые отдали въ одинъ и тотъ же банкъ по

10.000 рублей. Оба торговца ведутъ другъ съ другомъ торговлю; каждый беретъ у другаго товары, но не платить деньгами, а чеками, то есть приказами банку уплатить такую-то сумму. Въ концѣ опредѣленнаго времени ихъ приказы взаимно нейтрализуются, т. е. ихъ долги другъ другу погашаются и, слѣдовательно, 20.000 рублей, отданныхъ ими въ банкъ, остаются безъ всякаго движенія. Но банкиру не для-чего держать такимъ образомъ эти деньги; онъ можетъ ссудить ихъ кому либо подъ вѣрное обезпеченіе. Такимъ образомъ является въ дѣйствительности удвоеніе орудій мѣноваго обращенія. Кредитъ дѣлаетъ возможнымъ сбереженіе въ этихъ орудіяхъ и употребленіе всего или части сбереженнаго ихъ количества на промышленныя операціи.

Кредитъ оказываетъ благотворное вліяніе на установленіе постоянства въ цѣнахъ. Вотъ простой примѣръ такого вліянія. Купецъ нуждается въ деньгахъ; при отсутствіи кредита для скораго полученія денегъ ему пришлось бы крайне понизить цѣны товаровъ въ цѣляхъ ихъ скорѣйшей распродажи; при существованіи кредита ему легко избѣжать этой крайности, онъ можетъ получить необходимыя деньги отъ кредитора и продавать товары по прежнимъ цѣнамъ. Кредитъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ является уравнителемъ цѣнъ.

Наконецъ, кредитъ, говоря словами одного изъ нашихъ экономистовъ, представляетъ собою мостъ, перекинутый чрезъ ту пропасть, которая отдѣляетъ богатство отъ бѣдности. „Функція кредита — соединять элементы производительности, вопреки тѣмъ вліяніямъ, которыми бѣдность препятствуетъ такому соединенію. Съ экономической точки зрѣнія бѣдность есть ничто иное, какъ изолированный элементъ производительности, не приведенный въ связь съ другими элементами и оттого стѣсненный въ своей производительности. Ускоряя соединеніе элементовъ производительности и чрезъ это возвышая ихъ доходность, кредитъ ускоряетъ обогащеніе тѣхъ лицъ, сословій и народовъ, которые являются представителями означенныхъ элементовъ. Соединяя производительные элементы, онъ даетъ имъ возможность подниматься до наивысшей производительности и этимъ противодѣй-

ствуетъ бѣдности.“ Очевидно, правильная организація кредита — это одно изъ важнѣйшихъ условій общественнаго благосостоянія.

§ 2. Кредитныя сдѣлки раздѣляются на двѣ основныя формы: на краткосрочныя и долгосрочныя. Краткосрочными сдѣлками называются такія, въ которыхъ обѣщаніе платежа осуществляется въ краткій срокъ; напротивъ того, долгосрочный кредитъ состоитъ въ сдѣлкахъ, допускающихъ лишь медленное осуществленіе платежа. Въ сферѣ краткосрочныхъ сдѣлокъ наибольшее значеніе имѣетъ коммерческій или торговый кредитъ, въ сферѣ же долгосрочнаго кредита поземельный.

А) Представимъ себѣ трехъ производителей, изъ которыхъ одинъ — сельскій хозяинъ, занимающійся разведеніемъ овецъ, другой—мануфактуристъ, занимающійся изготовленіемъ шерстяныхъ издѣлій, третій—фабрикантъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Предположимъ, что первый изъ нихъ имѣетъ готовый запасъ шерсти, не находящей сбыта, такъ какъ обыкновенный покупщикъ ея самъ имѣетъ въ запасѣ шерстяныя издѣлія, еще не проданныя, почему не имѣетъ денегъ, за которыя онъ могъ бы пріобрѣсть новую шерсть для своей фабрики.

Предположимъ, далѣе, что производитель сельскохозяйственныхъ орудій нуждается въ пріобрѣтеніи для себя шерстяныхъ издѣлій. Онъ имѣетъ въ запасѣ сельско-хозяйственныя орудія, не находящія сбыта, такъ какъ сельскій хозяинъ не имѣетъ средствъ для этого, не имѣетъ денегъ, хотя имѣетъ большой капиталъ въ видѣ шерсти. Очевидно, при такомъ положеніи для каждаго изъ нихъ произведенные запасы остаются мертвымъ капиталомъ, не приносящимъ никакой пользы, а между тѣмъ запасы эти легко портятся отъ времени и требуютъ издержекъ на ихъ сохраненіе. Каждый изъ производителей терпитъ нужду, не имѣя возможности превратить свой капиталъ въ другой, превратить его въ ту форму, въ которой каждый изъ нихъ нуждается. Производство ихъ или идетъ плохо или вовсе пріостанавливается. Сельскій хозяинъ плохо ведетъ свое хозяйство, нуждаясь въ сельскохозяйственныхъ орудіяхъ; мануфактуристъ, занимающійся изготовленіемъ шерстяныхъ издѣлій, останавливаетъ свое произ-

водство, не имѣя возможности пріобрѣсть матеріала для новаго производства; производитель сельскохозяйственныхъ орудій, не находя сбыта для произведенныхъ имъ запасовъ, уменьшаетъ или также вовсе останавливаетъ свое производство. Съ уменьшеніемъ или пріостановкой производствъ терпятъ нужду и рабочіе. Такимъ образомъ при наличномъ существованіи продуктовъ можетъ быть промышленный застой, благодаря тому, что производители не имѣютъ сбыта для своихъ продуктовъ вслѣдствіе отсутствія у каждаго изъ нихъ мѣноваго посредника.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ возникаетъ необходимость въ коммерческомъ кредитѣ. Сущность его состоитъ въ продажѣ цѣнностей по довѣрію къ будущему вознагражденію, имѣющему произойти въ короткій срокъ. Главными орудіями этого кредита служатъ: вексель, банковый билетъ и чекъ.

а) Векселя раздѣляются на простые и переводные. Простымъ векселемъ или платежною росписью называется обязательство произвести уплату опредѣленной суммы за полученную цѣнность, причемъ для этой уплаты или назначается опредѣленный срокъ, или она должна быть произведена по предъявленію, то есть по первому востребованію. Переводнымъ векселемъ называется приказъ одного лица уплатить другому извѣстную сумму также или въ опредѣленный срокъ, или по предъявленію ([1]).

Обыкновенно векселя не хранятся у кредиторовъ до срока платежей по нимъ, но обращаются, переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія, служа кредитнымъ платежнымъ средствомъ. Кредиторъ во всякое время можетъ передать вексель кому либо другому въ уплату за полученныя имъ самимъ цѣнности, для чего достаточно къ подписи перваго должника прибавить передаточную надпись: „Вмѣсто меня уплатите по моему приказу NN.“ Такая надпись можетъ быть сдѣлана вторымъ, третьимъ и т. д. владѣльцами векселя, до наступленія срока платежа, если таковой опредѣленъ. Надписанія такія имѣютъ то значеніе, что если первоначальный должникъ не исполнитъ принятаго на себя обязательства, то послѣднему держателю векселя предоставляется право требовать уплаты съ каждаго изъ лицъ, подписавшихъ вексель. Эта солидарность отвѣтственности придаетъ векселю га-

рантію реализаціи обязательства, что значительно усиливаетъ его обращаемость.

Первоначально векселя были введены въ употребленіе для сбереженія расходовъ и риска по пересылкѣ металлическихъ денегъ въ мѣста отдаленныя, о чемъ мы выше говорили. Впослѣдствіи употребленіе векселей было разширено. Товары продаются въ кредитъ на опредѣленный срокъ, наприм. на 6 мѣсяцевъ. Продавшій такимъ образомъ свои товары беретъ съ покупателя вексель, уплаты по которому необходимо ожидать шесть мѣсяцевъ. Но, положимъ, ему понадобились деньги раньше этого срока. Тогда онъ дисконтируетъ или учитываетъ вексель у банкира, то есть передаетъ послѣднему вексель, получая отъ него сумму долга по этому векселю, съ вычетомъ процентовъ, слѣдующихъ за время, остающееся до срока уплаты. Такая возможность учета или дисконта въ свою очередь содѣйствовала разширенію употребленія векселей, представляя собою причину возникновенія условныхъ векселей, называемыхъ часто фиктивными. Векселя, по замѣчанію Милля, стали служить средствомъ для того, что бы за долгъ, считающійся на одномъ лицѣ, получать кредитъ отъ другаго. Это же привело къ созданію условныхъ векселей, въ основаніи которыхъ нѣтъ предъидущаго долга со стороны лица, на которое онъ выдается. Торнтонъ такъ уясняетъ свойства этихъ векселей. *А*, нуждаясь въ деньгахъ, проситъ *Б* принять или акцептировать его вексель на два мѣсяца; *Б* принимаетъ вексель, то есть обязывается уплатить по этому векселю, причемъ подразумѣвается, что самъ *А* позаботится объ уплатѣ. *А* дисконтируетъ вексель и получаетъ наличныя деньги. По окончаніи срока, *А* уплачиваетъ по векселю вмѣсто *Б* и сдѣлка оканчивается. За услугу, которую *Б* оказалъ *А*, послѣдній, вѣроятно, долженъ будетъ раньше или позже отплатить тѣмъ же, то есть акцептировать вексель *Б*. Изъ этого видно, что условный вексель не имѣетъ въ основаніи своемъ дѣйствительной торговой сдѣлки, изъ чего выводятъ заключеніе, что всѣ такіе векселя представляютъ собою особаго рода обманъ. Это заключеніе вполнѣ ошибочно. Оно произошло отъ ложной мысли, что реальный вексель представляетъ собою дѣйствитель-

ное имущество. Кредитное обязательство никогда не представляетъ собою имуществъ, передаваемыхъ посредствомъ кредита. Представимъ себѣ, что *А* покупаетъ у *Б* въ кредитъ опредѣленное имущество, имѣющее цѣнность въ 1000 рублей, на какую сумму и выдаетъ векселъ. *Б*, нуждаясь въ хлѣбѣ, покупаетъ хлѣбъ у хлѣбнаго торговца на сумму въ 1000 рублей и передаетъ ему векселъ на *А*. Хлѣбный торговецъ можетъ нуждаться въ свою очередь въ какомъ либо продуктѣ, имѣющемъ цѣнность въ 1000 рублей, и покупаетъ этотъ продуктъ на имѣющійся у него векселъ. Мы видимъ здѣсь цѣлый рядъ сдѣлокъ, совершающихся при посредствѣ одного и того же векселя. Векселъ, выданный на 1000 рублей, обращаетъ товары, цѣнность которыхъ въ нѣсколько разъ превышаетъ 1000 рублей. Бываютъ весьма часто также обратные случаи. Товаръ можетъ переходить изъ рукъ въ руки при посредствѣ кредита нѣсколько разъ, съ выдачей каждый разъ новаго векселя. *А* покупаетъ продуктъ у *Б* и выдаетъ векселъ на 100 рублей; потомъ, найдя продуктъ этотъ не нужнымъ для себя, продаетъ его *В*, который выдаетъ на себя векселъ въ 100 рублей. *В* можетъ продать *Г* и т. д. Другими словами, можетъ существовать цѣлый рядъ такихъ сдѣлокъ, въ которыхъ одинъ и тотъ же продуктъ переходитъ отъ однихъ лицъ къ другимъ съ выдачей всякій разъ новаго векселя. Если продуктъ стоитъ 100 рублей и перейдетъ такимъ образомъ отъ однихъ лицъ къ другимъ 10 разъ, то всѣхъ векселей будетъ выдано на 1000 рублей, каждый стоимостью въ 100 рублей. Ясно, что векселъ не представляетъ собою того имущества, по поводу котораго онъ выданъ. По замѣчанію Торнтона, для того, что бы векселъ, какъ кредитное обязательство, представлялъ собою имущество опредѣленное, необходимо, что бы лицо, получившее векселъ, имѣло возможность не допускать обращенія представляемыхъ векселемъ товаровъ ни на какую иную цѣль, кромѣ уплаты по векселю. Для этого необходимо также, чтобы векселъ не былъ кредитнымъ платежнымъ орудіемъ, но оставался въ рукахъ его перваго владѣльца до срока уплаты. Дѣло въ томъ, что векселъ обезпечивается не опредѣленнымъ имуществомъ, но общею возможностью давшаго этотъ векселъ выполнять

принятыя на себя обязательства, обезпечивается его экономическими средствами, честностью, какъ равно и юридическими порядками, существующими въ обществѣ. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, нѣтъ принципіальнаго различія между векселями реальными и условными или фиктивными. „Фиктивный вексель, говоритъ Торнтонъ, въ сущности очевидно тоже самое, что простая росписка, обѣщающая уплату, но онъ даже лучше такой росписки въ томъ отношеніи, что она имѣетъ лишь одну подпись, а фиктивный вексель обезпечивается двумя подписями. Фиктивный вексель необходимо имѣетъ такую же форму, какъ и реальный, то есть какъ и такой вексель, который выдается при продажѣ товара, за это-то онъ и былъ названъ фиктивнымъ, а этимъ именемъ поддерживается сбивчивое и ошибочное представленіе, будто бы такой вексель есть нѣчто рѣшительно фальшивое и обманчивое“ (2). Не находя принципіальнаго различія между реальными и условными векселями, можно находить различіе лишь въ томъ, что торговецъ, выдающій условные векселя, можетъ спекулировать рисковнѣе того торговца, который не выдаетъ такихъ векселей. Для послѣдняго размѣръ дѣйствительно произведенныхъ продажъ опредѣляетъ размѣръ выдачи векселей и его коммерческихъ оборотовъ.

б) Кругъ обращенія векселей ограниченъ той сферой, въ которой векселедатель и надписатели, т. е. лица, передающія вексель по передаточной надписи, пользуются извѣстностью и довѣріемъ. Съ другой стороны, плата по векселю назначается въ опредѣленный срокъ, что также затрудняетъ его обращеніе. Вотъ почему возникаетъ необходимость учесть вексель. Это достигается или прямо выдачей за вексель металлическихъ денегъ, или же выдачей, вмѣсто векселей, другихъ кредитныхъ обязательствъ, имѣющихъ нѣкоторыя свойства денегъ и уплачиваемыхъ монетою по предъявленію. Послѣдняя операція состоитъ въ учетѣ векселей банковыми билетами. Банкъ вмѣсто того, чтобы производить учетъ векселей наличными деньгами, употребляетъ для этого выпускаемые имъ билеты. Такимъ образомъ онъ производитъ замѣну однихъ бумагъ другими. Какое же значеніе имѣетъ эта замѣна?

Банковый билетъ, какъ кредитное обязательство не частнаго лица, но учрежденія, называемаго банкомъ, пользуется въ обществѣ большимъ довѣріемъ, нежели вексель того или иного торговца. Банкъ всегда можетъ имѣть большую извѣстность въ обществѣ, нежели тотъ или другой частный торговецъ; экономическія средства банка большею частью средства не одного лица, но многихъ, вслѣдствіе чего онъ исполняетъ свои средства аккуратнѣе частныхъ торговцевъ. Банкъ обязывается обмѣнивать выпускаемые имъ билеты во всякое время на звонкую монету. Билеты эти переходятъ изъ рукъ въ руки безъ передаточныхъ надписей, которыя необходимы при передачѣ векселей. Вотъ почему банковый билетъ имѣетъ почти такія же свойства обращаемости, какъ и монета; подобно послѣдней, онъ служитъ мѣновымъ посредникомъ. Банковый билетъ „производитъ наличательные платежи, на основаніи полной увѣренности, питаемой каждымъ его владѣльцемъ, что ручательство, отвѣтственность и исправность банка, который выпустилъ билетъ и обязался платить по нему, равноцѣнны истинной монетѣ“ (3).

Употребленіе банковыхъ билетовъ для учета векселей приводитъ къ пониженію учетнаго процента. Учетъ, производимый не на наличныя деньги, но посредствомъ кредитной бумаги, изготовленіе которой почти ничего не стоитъ банку, не можетъ быть дорогъ. Нѣкоторые даже поднимали вопросъ о томъ, не долженъ ли учетный процентъ быть равенъ только издержкамъ приготовленія банковыхъ билетовъ, то есть не долженъ ли онъ въ этомъ случаѣ быть низведенъ почти до ноля?

Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ очевиденъ изъ разсмотрѣнія хода учетныхъ операцій. Банкъ обязывается обмѣнивать свои билеты на звонкую монету по первому востребованію, вслѣдствіе чего обязанъ держать въ наличности часть этой монеты, которая, по опыту, оказывается необходимою для промѣна. Конечно, ни одинъ банкъ не держитъ звонкой монеты на всю сумму выпущенныхъ имъ билетовъ; онъ держитъ только извѣстную часть такой суммы. Но и при этомъ, очевидно, учетный процентъ не можетъ быть низведенъ до ноля; онъ не можетъ быть ниже того процента, который причитается на всю сумму

монеты, содержащейся въ кладовыхъ банка для свободнаго обмѣна его билетовъ.

Впрочемъ, нѣтъ необходимости учетные банковые билеты обмѣнивать по предъявленію на звонкую монету, и, слѣдовательно, нѣтъ необходимости въ храненіи въ кладовыхъ банка звонкой монеты, назначенной для этого обмѣна. „Банковые билеты говоритъ Н. Бунге, могутъ также точно служить для обращенія, какъ и деньги, и имѣютъ предъ ними преимущество дешевизны. Но требованіе, заключающееся въ банковыхъ билетахъ, не должно быть пустымъ обѣщаніемъ, и банкъ долженъ имѣть достаточный капиталъ для погашенія этихъ требованій *въ извѣстный срокъ*. Такъ какъ банковые билеты замѣняютъ векселя, то поэтому естественно, что срокъ реализаціи банковыхъ билетовъ долженъ совпадать съ срокомъ для уплаты по векселямъ. Реализація банковыхъ билетовъ немедленная по предъявленію составляетъ дѣло невозможное, если всѣ владѣльцы банковыхъ билетовъ явятся вдругъ и потребуютъ платежа монетою.“ Примѣръ подобнаго рода устройства учета векселей банковыми билетами въ нѣкоторой степени представляютъ собою post-notes американскихъ банковъ, — банковые билеты, по которымъ платежъ производится по истеченіи извѣстнаго срока. „Говоря строго, банкъ не нуждается въ капиталахъ для учета векселей; фондъ его долженъ имѣть одно назначеніе — застрахованіе капиталовъ, предаваемыхъ посредствомъ вексельныхъ оборотовъ“ (1). Но ясно, что и въ этомъ видѣ учетъ не можетъ быть даровымъ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, значительно долженъ понизиться. Банкъ долженъ держать страховой фондъ и въ учетномъ процентѣ должна содержаться не только доля, необходимая для возмѣщенія издержекъ по изготовленію билетовъ и содержанію банковой администраціи, но также страховая премія.

Вопросъ о значеніи банковыхъ билетовъ раздѣлилъ ученыхъ изслѣдователей на два направленія. Одни не находятъ никакого различія между звонкою монетою и банковымъ билетомъ. Основаніемъ этого отождествленія, говоритъ Миллъ, было то, что банковые билеты имѣютъ одинаковое съ монетою свойство окончательно очищать разсчеты, между тѣмъ какъ этого свойства

не имѣютъ другія орудія кредита. Но здѣсь „прежде всего представляется замѣчаніе, что въ этомъ случаѣ не должны считаться деньгами билеты частныхъ банковъ, потому что никто не обязанъ принимать ихъ въ уплату долга, за исключеніемъ самихъ банковъ. Правда, ими заканчивается разсчетъ, коль скоро кредиторъ принимаетъ билетъ. Но при такомъ же условіи разсчетъ заканчивается тюкомъ полотна или бочкою вина,—предметами, которыхъ изъ за этого еще никто не считаетъ деньгами. Быть юридическимъ средствомъ платежа — это существенная черта въ понятіи денегъ; но этого свойства никто не приписываетъ банковымъ билетамъ. Банковый билетъ, можно сказать, это кредитъ съ монетнымъ штемпелемъ. Другія формы кредита отличаются отъ него, какъ кредитъ безъ штемпеля, кредитъ въ слиткахъ“ (5). Другіе экономисты совершенно отрицаютъ экономическое значеніе банковыхъ билетовъ. Такъ, по ученію Черпуски, банковый билетъ — это фальшивое золото, обращеніе котораго основывается на условномъ обманѣ. Банкъ обязывается обмѣнивать всѣ представленные ему билеты на звонкую монету, но этого обязательства онъ никогда не можетъ выполнить, если бы дѣйствительно всѣ билеты были предъявлены къ обмѣну одновременно. И такъ, обѣщаніе обмѣна — не исполнимое обѣщаніе и обманъ (6). Но банковый билетъ, какъ мы видѣли, имѣетъ въ своемъ основаніи общественное довѣріе къ банку, выпускающему билеты. Сказать, что обращеніе банковыхъ билетовъ основывается на условномъ обманѣ,—значитъ смѣшивать такія противоположныя понятія, какъ общественное довѣріе и обманъ. Банкъ дѣйствительно не можетъ обмѣнять всѣхъ своихъ билетовъ на звонкую монету, но, въ силу факта существованія довѣрія къ экономическимъ силамъ его, никто и не требуетъ этого. Еще менѣе приложимо воззрѣніе Черпуски къ тѣмъ банковымъ билетамъ, которые выдаются съ исключительною цѣлію страхованія капиталовъ, передаваемыхъ по векселямъ. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи „о мнимомъ золотѣ,“ такъ какъ банкъ вовсе не содержитъ фонда для промѣна билетовъ по первому востребованію, а промѣниваетъ въ особо назначенные для этого сроки, когда

въ банкѣ имѣется капиталъ, равный по цѣнности числу билетовъ, срокъ реализаціи которыхъ наступилъ.

в) Если извѣстныя лица, ведущія между собою торговлю, держатъ свои деньги у банкира, то уплата по обязательствамъ каждаго изъ нихъ можетъ происходить, безъ всякаго участія денегъ, простымъ перенесеніемъ суммы платежа въ книгахъ банкира съ кредита лица платящаго, въ кредитъ лица, которому слѣдуетъ получить эту сумму. Вмѣсто уплаты наличными деньгами банкъ производитъ переводъ суммъ отъ одного лица къ другому. Такой переводъ производится по платежному приказу, получившему въ настоящее время общее названіе чека.

Обращаемость этого кредитнаго орудія во многихъ отношеніяхъ уступаетъ банковымъ билетамъ. „Чекъ, говоритъ М. Шимановскій, подписывается однимъ только кредиторомъ и не представляетъ собою никакого доказательства въ томъ, что назначенная къ уплатѣ сумма находится дѣйствительно въ кассѣ банкира, на распоряженіи подписчика.

Вслѣдствіе сего лицо, которому выдается чекъ для полученія по оному платежа, должно удостовѣриться не только въ исправности банкира, но еще, и преимущественно, должно имѣть полное нравственное увѣреніе въ томъ, что снабжающій его чекомъ въ самомъ дѣлѣ можетъ распоряжаться показанною въ чекѣ суммою. Изъ сего слѣдуетъ, что въ то время, когда въ точности и исправности платежа по банковому билету ручается только банкъ или банкиръ выпускающій билетъ, для исправности платежа по чеку необходимы: исправность банкира и добросовѣстность подписчика. Такимъ образомъ значеніе чека, какъ орудія обращенія, болѣе стѣснено, нежели значеніе банковаго билета, потому что чекъ способенъ служить для производства платежей только въ кругу лицъ, ознакомленныхъ съ положеніемъ банкира и подписчика“ (7). Не смотря на это, въ настоящее время употребленіе чековъ все болѣе и болѣе распространяется. По мнѣнію Милля, это распространеніе можетъ даже вытѣснить изъ употребленія деньги. „Если бы всѣ жители Лондона, говоритъ онъ, держали

свои деньги у одного банкира и дѣлали свои платежи посредствомъ чековъ, то вовсе не понадобилось бы и не употреблялось бы денегъ ни въ какомъ оборотѣ, начинающемся и кончающемся въ Лондонѣ.

Эта идеальная крайность почти достигнута на практикѣ въ дѣлахъ между коммерческими людьми. Деньги и банковые билеты употребляются теперь преимущественно въ различной продажѣ отъ торговца потребителю и въ платежахъ отъ хозяевъ работникамъ, да и то лишь въ мелкихъ суммахъ“ (8). Причина этого распространенія состоитъ въ томъ, что чекъ не только замѣняетъ въ обращеніи звонкую монету, но даетъ возможность получать проценты по тѣмъ деньгамъ, которыя вносятся въ банкъ, служатъ основаніемъ для выдачи чековъ и которыя, въ противномъ случаѣ служили бы исключительно посредникомъ въ обмѣнѣ продуктовъ, не принося процентовъ. Торговецъ, получившій за свой товаръ чекъ, не имѣетъ надобности предъявлять его въ банкъ для полученія звонкой монеты; этимъ же чекомъ онъ уплачиваетъ за товары, полученные имъ отъ другихъ торговцевъ. Такимъ образомъ чекъ является платежнымъ орудіемъ, замѣняющимъ звонкую монету, которая можетъ вовсе не требоваться владѣльцами чековъ, обязательства коихъ въ теченіи извѣстнаго времени взаимно погашаются, при чемъ лишь разница въ долгахъ уплачивается монетою, или же вовсе не уплачивается, а записывается въ кредитъ на будущее время.

Полученные вклады банкъ употребляетъ производительно, отдаетъ въ ссуды наприм. фабрикантамъ, заводчикамъ, вслѣдствіе чего имѣетъ возможность платить по этимъ вкладамъ проценты. Благодаря употребленію чековъ, звонкая монета, служившая орудіемъ обращенія товаровъ; является орудіемъ, усиливающимъ производство ихъ, служа въ то же время основаніемъ ихъ кредитнаго обращенія. Съ другой стороны, распространенію чековъ содѣйствуетъ также то, что употребленіе ихъ даетъ возможность производить учетъ векселей безъ употребленія звонкой монеты и банковыхъ билетовъ. Для этого достаточно, чтобы торговцу, ищущему учета, банкиръ предоставилъ право кредитоваться посредствомъ чековъ, хотя бы этотъ торговецъ и не держалъ у бан-

кира своего денежнаго фонда. Такой учетъ векселей гарантируетъ банкира отъ возможности сосредоточенія его обязательствъ въ рукахъ одного или немногихъ лицъ и одновременнаго предъявленія къ платежу, что можетъ привести къ его несостоятельности.

Б) Предпріятія, осуществляемыя при помощи кредита, весьма часто состоятъ въ превращеніи оборотныхъ капиталовъ въ постоянные. Этимъ характеромъ отличается большая часть поземельныхъ разнаго рода улучшеній; оборотные капиталы, затрачиваемые на сельско-хозяйственныя постройки, на работы по осушенію или орошенію земли, на пріобрѣтеніе удобрительныхъ туковъ, на содержаніе скота и т. п., перестаютъ быть оборотными, превращаясь въ постоянные, стоимость которыхъ возстановляется только по частямъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Кредитныя сдѣлки, заключаемыя для такихъ цѣлей, могутъ быть реализируемы не иначе, какъ постепеннымъ погашеніемъ долга. Полная одновременная реализація, хотя бы по истеченіи продолжительнаго срока, обременительна для землевладѣльца. При такой реализаціи онъ долженъ постепенно накоплять капиталъ, держать этотъ капиталъ непроизводительно, или же затрачивать въ предпріятія неземледѣльческія, которыя даютъ возможность скоро возстановлять стоимость издержекъ производства, но къ которымъ онъ не привыкъ и веденіе которыхъ отвлекаетъ отъ его спеціальныхъ земледѣльческихъ занятій.

Такъ какъ постепенное погашеніе долга обременительно для отдѣльныхъ кредиторовъ, то поземельный кредитъ необходимо требуетъ учрежденія банковыхъ кредитныхъ предпріятій. Земледѣльческій банкъ обыкновенно служитъ центромъ, куда прямо или посредственно стекаются частные капиталы и откуда землевладѣльцы получаютъ ихъ въ кредитъ. Кредитъ по большей части выдается въ видѣ особыхъ билетовъ, называемыхъ облигаціями, закладными листами и т. п., которые имѣютъ опредѣленную номинальную цѣну во 100, 200 и т. д. рублей. Билеты эти приносятъ ихъ владѣльцу постоянный процентъ, вслѣдствіе чего во всякое время могутъ быть проданы на наличныя деньги для лицъ, желающихъ пользоваться процентнымъ доходомъ.

Иногда банки сами продаютъ эти билеты, выдавая землевладѣльцамъ ссуды наличными деньгами, съ вычетомъ опредѣленныхъ процентовъ за коммисію по продажѣ.

Получивъ ссуду, землевладѣлецъ обязывается ежегодно вносить въ банкъ во 1) опредѣленный процентъ въ видѣ прибыли на капиталъ и 2) опредѣленный процентъ на погашеніе самаго этого капитала. Занятый долгъ обыкновенно погашается въ 28 лѣтъ, если каждый годъ взимается 2% погашенія; въ 41 годъ, если ежегодно взимается по 1%, въ 56 лѣтъ, если взимается ½%. Говоря это, мы не должны забывать, что такое погашеніе возможно только благодаря тому, что проценты ежегодно уплачиваются съ полной суммы долга, хотя послѣдняя съ каждымъ годомъ уменьшается. Предположимъ, что занято 100 рублей съ условіемъ уплаты 5% прибыли и 2% погашенія, то есть съ условіемъ ежегоднаго взноса въ банкѣ 7 рублей. Очевидно, что во второмъ году останется долга на 100 рублей, а 98, такъ какъ 2 р. долга будетъ погашено. Но должникъ каждый годъ будетъ взносить въ банкъ полную сумму — 7 рублей. Такъ какъ съ остающагося долга будетъ слѣдовать прибыли не 5 р., а всего 4 р. 90 коп., то на погашеніе пойдетъ не 2 р., а 2 р. 10 коп., въ слѣдующій годъ 2 р. 20 коп., и т. д., по мѣрѣ чего увеличивается процентъ погашенія. Изъ этого видно, что въ теченіи 28 лѣтъ уплатою 2% погашенія только номинально погасится 56% долга; въ дѣйствительности же весь долгъ сполна погашается.

Необходимымъ условіемъ для надлежащаго развитія поземельнаго кредита считается правильная система ипотечныхъ учрежденій. Ипотекой называется общественный контроль всей судьбы недвижимаго имущества въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Надлежащее развитіе поземельнаго кредита не мыслимо безъ такого контроля. Кредитору, ссужающему землевладѣльца своимъ капиталомъ, не возможно ограничиться свѣдѣніями наприм. о степени обремененія поземельнаго имущества тѣми или иными обязательствами; ему въ такой же мѣрѣ важны свѣдѣнія наприм. о томъ, на какихъ правооснованіяхъ данный землевладѣлецъ владѣетъ своимъ имуществомъ. Быть можетъ послѣднему принадлежатъ лишь такъ называемое голое право

собственности (jus nudum), доходами же отъ имущества временно или пожизненно пользуется кто либо другой. Быть можетъ право собственности этого землевладѣльца не безспорно; быть можетъ онъ владѣетъ имуществомъ по такому акту, на основаніи котораго возможны случаи возврата имущества прежнему собственнику или отдачи его кому либо иному, какъ это бываетъ при дарственныхъ пріобрѣтеніяхъ. Наконецъ, весьма возможно, что землевладѣлецъ, долги котораго контролируются ипотекой, уже пересталъ быть собственникомъ имѣнія, наприм. продалъ его. Очевидно, что кредитору необходимо знать все это, вслѣдствіе чего ипотечная система должна быть направлена къ полному контролю всей судьбы имущества въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Цѣль ипотечной системы состоитъ въ надлежащемъ укрѣпленіи всѣхъ правъ и обязательствъ, соединенныхъ съ недвижимыми имуществами. Согласно съ этимъ, основными принципами ипотеки признаются: гласность, безповоротность укрѣпленій, спеціальность обезпеченій и старшинство взысканія.

Гласность состоитъ въ томъ, что нѣтъ такъ называемаго вещнаго права безъ его публикаціи, то есть безъ записи въ ипотечныя книги, право разсматриванія которыхъ предоставляется всякому заинтересованному. Принципъ гласности требуетъ, чтобы только съ минуты вписанія въ ипотечную книгу всякое обязательство считалось соединеннымъ съ вещью такимъ образомъ, что обременяетъ эту вещь всегда, въ чьихъ бы рукахъ она не находилась. Всѣ права и обязательства, возникающія въ сферѣ частныхъ отношеній по недвижимымъ имуществамъ, для полученія надлежащаго укрѣпленія должны имѣть общественное значеніе, что не мыслимо безъ опубликованія ихъ; такъ наприм. актъ о продажѣ поземельной собственности самъ по себѣ имѣетъ юридическое значеніе только въ отношеніяхъ между продавцемъ и пріобрѣтателемъ, для третьихъ лицъ этотъ актъ не можетъ имѣть надлежащаго значенія до той поры, пока не будетъ надлежащимъ образомъ опубликованъ и пока не сдѣлается такимъ образомъ общеизвѣстнымъ. Эта публикація и достигается внесеніемъ правъ и обязательствъ въ ипотечныя книги.

Очевидно, что при этомъ не уничтожается значеніе частныхъ сдѣлокъ, не внесенныхъ въ ипотечныя книги; имъ придается характеръ личнаго права, какой они и должны имѣть по самой сущности своей.

Безповоротность укрѣпленій состоитъ въ томъ, что всѣ свѣдѣнія, записанныя въ ипотечной книгѣ, для добросовѣстно дѣйствующихъ третьихъ лицъ должны имѣть безспорное значеніе, должны считаться несомнѣнными въ юридическомъ отношеніи. Если я пріобрѣтаю право на землю отъ человѣка, право собственности котораго по ипотечной книгѣ значилось безспорнымъ, то въ силу начала безповоротности, я пріобрѣтаю также безспорное право, освобождаюсь отъ всѣхъ споровъ, которые могутъ возникнуть относительно правъ владѣнія прежняго собственника.

Спеціальность обезпеченій состоитъ въ томъ, что землевладѣлецъ, обезпечивъ своимъ имуществомъ долгъ одному кредитору, можетъ отдать подъ обезпеченіе долга другому, третьему и т. д., если эти послѣдніе найдутъ съ своей стороны возможнымъ сдѣлать ссуду, находя, что цѣнность имѣнія еще достаточна для обезпеченія возврата ихъ капиталовъ.

Наконецъ, *старшинство* взысканія состоитъ въ томъ, что тотъ кредиторъ, который прежде сдѣлалъ ссуду подъ залогъ имѣнія, имѣетъ преимущественное предъ остальными право на полученіе капитала по продажѣ имущества. При этомъ послѣднему кредитору предоставляется право оставить за собой имѣніе, удовлетворивъ всѣхъ предшествующихъ кредиторовъ. Старшинство взысканія опредѣляется временемъ внесенія долга въ ипотечныя книги.

Поземельный кредитъ на низшихъ ступеняхъ своего развитія обезпечивается отдачей имущества самому кредитору, отъ котораго получается ссуда, причемъ кредиторъ пользовался поземельнымъ имуществомъ до времени возврата долга. Неудовлетворительность этой системы очевидна и она мало по малу уступила мѣсто такой, при которой заложенное имущество остается въ рукахъ должника, возвратъ же ссуды обезпечивается цѣнною этого имущества. Но изъ понятія о кредитѣ слѣдуетъ, что и эта

система не должна считаться послѣднюю ступеню въ развитіи поземельнаго кредита. Обезпеченіемъ возврата ссуды можетъ быть не только цѣна имущества, но также производительное употребленіе занятаго капитала на хозяйственныя цѣли. Этотъ принципъ въ настоящее время мало по малу входитъ въ употребленіе. Такъ поземельное кредитное товарищество Царства Польскаго, на основаніи ст. 20 Высочайше утвержденныхъ 12 Іюля 1809 г. правилъ, давая ссуды землевладѣльцамъ, въ имѣніяхъ коихъ большой процентъ общаго пространства составляютъ лѣса, можетъ требовать обязательнаго введенія раціональнаго лѣснаго хозяйства.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ своемъ постепенномъ развитіи долгосрочный поземельный кредитъ пріидетъ къ тому, что при всѣхъ ссудахъ капиталовъ кредитныя учрежденія будутъ требовать введенія въ хозяйствахъ не только разумныхъ лѣсныхъ системъ, но также сообразныхъ съ мѣстными условіями и оправдываемыхъ наукою системъ земледѣлія. При помощи спеціалистовъ, какъ обязательное введеніе такихъ системъ, такъ и надзоръ за исполненіемъ ихъ можетъ быть легко осуществимъ. При такомъ положеніи дѣлъ, поземельный кредитъ будетъ обезпечиваемъ разумнымъ употребленіемъ занятаго капитала; занятое имущество дѣйствительно будетъ возвращаемо при посредствѣ производительнаго употребленія его же самаго (?).

(1) По замѣчанію Н. Бунге, сущность векселя состоитъ въ томъ, что это приказъ, „Какъ приказъ, вексель требуетъ исполненія и исполненія безотлагательнаго; но лицо, на которое выдается приказъ (какъ это легко можетъ быть при переводномъ векселѣ) иногда нисколько не обязано по роду своихъ сношеній и дѣлъ исполнить такой приказъ; въ такомъ случаѣ естественно отвѣчаютъ лица, которыя дали или переуступили приказъ на полученіе денегъ и притомъ иногда хорошо знали, что нѣтъ никакого основанія для исполненія ихъ приказа.“ Потье смотрѣлъ на вексель, какъ на долговое обязательство. Это опредѣленіе вполнѣ примѣнима къ простому векселю, но не можетъ быть примѣнимо къ переводному. Нельзя сказать, что переводной вексель есть долговое обязательство, такъ какъ платель-

щикъ обязывается произвесть уплату лишь въ томъ случаѣ, когда онъ изъявитъ на это свое согласіе. Эйнертъ говоритъ, что вексель есть эквивалентъ денегъ, такъ какъ должникъ выдачей векселя производитъ платежъ. Но очевидно, что нѣтъ научныхъ данныхъ для отождествленія векселя съ деньгами; когда мы уплачиваемъ за продуктъ деньгами, то отдаемъ равноцѣнность того, что пріобрѣтаемъ; уплатою за продуктъ, произведенною деньгами, вполнѣ оканчивается мѣновая сдѣлка. Этого нельзя сказать относительно выдачи векселя; по векселю еще ожидается уплата въ будущемъ. По Либе, вексель есть порученіе уплатить извѣстную сумму денегъ. Но съ порученіемъ, по замѣчанію Бунге, не соединяется обязательство для дающаго порученіе относительно третьихъ, совершенно постороннихъ лицъ, каковыми могутъ быть тѣ, которымъ вексель переуступается. Наконецъ, мы должны сказать, что и опредѣленіе Бунге можетъ быть отнесено только къ переводному векселю; простой вексель не можетъ быть названъ приказомъ, онъ ничто иное, какъ долговой документъ, выданный заемщикомъ. Изъ этого видно, что невозможно дать такое отдѣленіе понятію векселя, которое обнимало бы и простой вексель и вексель переводной. Н. Бунге. Полиц. право, ч. 1, стр. 322. (2) Миллъ. Основ. пол. экономіи, кн. III, гл. XI. (3) М. Шимановскій. Кредитъ и общественные банки, стр. 101—104. (4) Теорія кредита, стр. 80. (5) Основ. т. 2, стр. 61. (6) Cernuschi. Méchanique de l'échange; Шимановскій, Кредитъ и пр. стр. 121. (7) Ibid. стр. 130—131. (8) Основ. II, 40—41. (9) Необходимо сказать, что, кромѣ долгосрочнаго кредита, сельское хозяйство требуетъ еще въ извѣстной степени кредита краткосрочнаго, подъ залогъ хлѣба, скота и т. п. Этотъ кредитъ служитъ дополненіемъ къ главному — долгосрочному. Цѣны на продукты весьма часто колеблются подъ вліяніемъ различныхъ случайныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ не всегда имѣетъ возможность выручать въ цѣнѣ продуктовъ произведенныя затраты съ прибылью и, слѣдовательно, можетъ оказаться неисправнымъ по взносу въ банкъ процентовъ. Краткосрочный кредитъ даетъ возможность переждать время случайнаго паденія цѣнъ, даетъ возможность обождать продажей продуктовъ до болѣе нормальнаго времени. Вотъ почему краткосрочный сельскохозяйственный кредитъ служитъ необходимымъ дополненіемъ къ долгосрочному; послѣдній безъ существованія перваго не всегда можетъ приносить дѣйствительную пользу земледѣлію.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Организація распредѣленія.

Отдѣлъ политической экономіи, занимающійся изученіемъ естественныхъ законовъ организаціи распредѣленія въ обществѣ результатовъ его хозяйственной дѣятельности, служитъ мишенью постоянныхъ нападокъ со стороны писателей, отрицающихъ существованіе естественной законоподчиненности въ сферѣ общественныхъ явленій. Составители проэктовъ искуственной организаціи распредѣленія, не смотря на постоянную разноголосицу въ планахъ будущаго устройства распредѣленія, сходятся между собою въ одномъ положеніи, а именно въ томъ, что дѣйствительность представляетъ собою полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было законовъ въ дѣлѣ организаціи распредѣленія продуктовъ. Въ обыденной жизни, говорятъ намъ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ полнѣйшій произволъ, по которому одни господствуютъ надъ другими, произвольно захвативъ въ свои руки то, что должно бы быть общимъ достояніемъ. Для удержанія въ своихъ рукахъ захвата, счастливое меньшинство узаконило воровство, назвавъ его собственностью, на основаніи которой отдѣльное лицо присвоиваетъ себѣ то, что принадлежитъ роду, и тѣмъ самымъ лишаетъ другихъ лицъ законнаго права сопользованія. Организація распредѣленія основана на грубомъ произволѣ, заключающемся „въ монополіи небольшаго числа избранныхъ владѣльцевъ на матеріальное благосостояніе, составляющее главное условіе

счастія въ обществѣ; вслѣдствіе этой монополіи и образуется великая масса людей невладѣющихъ, не могущихъ даже заработать для себя средствъ къ удовлетворенію самыхъ необходимыхъ потребностей жизни и наконецъ гибнущихъ въ борьбѣ за свое физическое существованіе. Такимъ образомъ монополія собственности вѣчно препятствуетъ массѣ общества достигнуть цѣлей своего земнаго бытія“ (1). Монополія эта—вполнѣ искуственная, она должна быть уничтожена и замѣнена.... не знаемъ чѣмъ именно, такъ какъ каждый организаторъ предлагаетъ проэктъ собственной утопіи, расходящійся со всѣми остальными проэктами.

Необходимо сказать, что нѣкоторые экономисты также не признаютъ естественной законоподчиненности въ дѣлѣ организаціи распредѣленія. Такъ, Милль, приступая къ изученію собственности, предваряетъ, что принципы распредѣленія сильно отличаются отъ принциповъ производства въ томъ отношеніи, что не имѣютъ такой естественной законоподчиненности, какою характеризуются послѣдніе. „Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить. Все, производимое человѣкомъ, должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самаго человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства все равно будетъ опредѣляться размѣромъ его предварительнаго сбереженія и, при данномъ размѣрѣ сбереженія, будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искуству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Не таковы принципы распредѣленія богатства. Это распредѣленіе—чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди, или какъ частные люди, или какъ общество, могутъ поступать съ ними какъ захотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно и на какихъ имъ угодно условіяхъ. Такимъ образомъ распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части

общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди“ (²).

Краеугольный принципъ организаціи распредѣленія состоитъ въ признаніи за каждымъ права на результаты его хозяйственной дѣятельности, то есть—въ признаніи собственности. Для того, чтобы были правы писатели, отрицающіе естественную законоподчиненность въ дѣлѣ распредѣленія продуктовъ, необходимо признать собственность искуственнымъ установленіемъ, результатомъ свободной воли людей, которые, по своему усмотрѣнію, могутъ или удерживать ее, или на всегда уничтожить. И такъ, дѣйствительно ли собственность—искуственный принципъ организаціи распредѣленія?

Съ понятіемъ о собственности необходимо соединяется идея цѣнности. Все, что не имѣетъ цѣнности, не можетъ быть и предметомъ собственности; воздухъ, наприм., не имѣетъ цѣнности, вслѣдствіе чего не можетъ быть предметомъ собственности. Если бы не было цѣнности, то люди и понятія не имѣли бы о собственности; если бы люди могли удовлетворять свои потребности, подобно сказочнымъ героямъ, однимъ мановеніемъ воли, если бы все ими желаемое по первому слову являлось къ ихъ услугамъ, то не было бы цѣнности, не было бы и собственности. Собственность, такимъ образомъ, неразрывно связана съ существованіемъ цѣнности произведеній человѣческой дѣятельности. Она представляетъ собою общественную форму цѣнности, правовую сторону закона сохраненія силъ въ каждомъ изъ хозяйствъ, вступающихъ между собою въ обмѣнъ, правовую сторону того закона, по которому каждый производитель долженъ выручать въ цѣнѣ хозяйственныя силы, заключенныя въ произведеніяхъ, и по которому паразитизмъ — патологическое явленіе въ отношеніяхъ между людьми. Безъ существованія такой общественной формы законъ цѣнности не можетъ надлежащимъ образомъ осуществляться, такъ какъ при отсутствіи собственности паразитизмъ становится нормальнымъ явленіемъ и, слѣдовательно, при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ мѣста для закона сохраненія силъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Цѣнность неизбѣжно требуетъ соб-

ственности, какъ своей общественной формы. И такъ какъ уничтоженіе цѣнности возможно только въ сказкахъ, такъ какъ мы принуждены бороться съ препятствіями въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей, принуждены экономически пользоваться факторами производства, причемъ цѣнность является основнымъ условіемъ разумности въ этомъ пользованіи, то, очевидно, собственность — не только необходимый принципъ, безъ котораго можно обходиться только въ сказкахъ и утопіяхъ, какъ сказкахъ для взрослыхъ дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ, благодаря которому мы имѣемъ возможность наилучшимъ образомъ утилизировать производительныя силы. Для разумнаго распоряженія производительными силами человѣкъ долженъ имѣть личные мотивы, долженъ, поэтому, имѣть право на продуктъ своего труда, или его эквивалентъ, иначе онъ будетъ производить не какъ свободный человѣкъ, но какъ рабъ. Собственность въ этомъ отношеніи есть символъ личной индивидуальности и свободы человѣка; уничтоженіе ея возможно не иначе, какъ съ уничтоженіемъ свободы, съ обращеніемъ человѣка въ раба, въ орудіе производства, работающее не по личнымъ мотивамъ, но по принужденію. Коммунистическія доктрины, направленныя противъ собственности, враждебны человѣческой индивидуальности и свободѣ.

И такъ, собственность представляетъ собою вполнѣ естественное установленіе, представляетъ собою принципъ также неизбѣжный въ экономическомъ отношеніи, какъ неизбѣжна цѣнность, какъ неизбѣжны естественные законы физическаго міра. Нельзя сказать, что существованіе или несуществованіе ея зависитъ отъ произвола людей, отъ ихъ обычаевъ, законовъ писанныхъ, воззрѣній и т. д. Изъ этого же очевидно, что въ дѣлѣ организаціи распредѣленія человѣкъ можетъ лишь изучать законы этой организаціи, но не выдумывать ихъ.

Изучая естественные законы организаціи распредѣленія, намъ необходимо изучить разныя формы собственности, ея размѣры и содержаніе, или составныя части.

(1) Б. Гильдебрандтъ. Историческое обозрѣніе политико-экономическихъ системъ, стр. 68. (2) Основ. пол. экон. томъ I, стр. 250.

I. Формы собственности.

Собственность можетъ быть личною, общею и общественною. Къ этимъ тремъ категоріямъ могутъ быть подведены всѣ разнообразныя формы, посредствомъ которыхъ проявляется въ жизни принципъ принадлежности человѣку разнообразныхъ имуществъ.

а) Личная собственность состоитъ въ исключительной принадлежности имущества отдѣльнымъ членамъ общества. Она можетъ быть или свободною, или заповѣдною.

Свободная личная собственность слагается изъ трехъ элементовъ, изъ правъ владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ, соединенныхъ въ одномъ лицѣ, безъ всякаго посторонняго участія. Владѣніе на низшихъ ступеняхъ гражданственности является непосредственнымъ отношеніемъ человѣка къ вещи, его волей, осуществившейся на предметѣ внѣшняго міра, является какъ бы „наложеніемъ на предметъ личности человѣка,“ что римскіе юристы обозначали словомъ possesio. Въ этомъ примитивномъ своемъ видѣ владѣніе служитъ матеріальнымъ основаніемъ собственности; кто завладѣлъ вещью, никому не принадлежащею, и кто продолжаетъ владѣть ею, держать при себѣ, тотъ и имѣетъ на нее право собственности. Съ развитіемъ же гражданственности владѣніе, какъ элементъ права собственности, совершенно измѣняетъ свой характеръ, становясь изъ матеріальнаго духовнымъ элементомъ. „Если мнѣ принадлежитъ право собственности на имущество, я, хотя бы не держалъ имущества при себѣ, хотя бы находился въ дальнемъ отъ него разстояніи, могу держать его за собой только силою своей воли. Другой за меня пользуется имъ и распоряжается, а владѣю я, хотя бы никогда не видалъ имущества, хотя бы не бывалъ на своей землѣ. Тотъ, кто управляетъ, пользуется и проч., можетъ все это дѣлать въ свою пользу, но покуда не началъ онъ владѣть

на свое имя, какъ собственникъ, владѣніе принадлежитъ мнѣ“ (1). Элементъ пользованія состоитъ какъ въ хозяйственной дѣятельности, направленной къ извлеченію доходовъ отъ имущества, такъ и въ непосредственномъ употребленіи его для удовлетворенія потребностей. Элементъ распоряженія—это во 1-хъ, отказъ отъ владѣнія и пользованія, какъ право отчужденія собственности, наприм. посредствомъ продажи, дареніа и т. п.; во 2-хъ, право производить въ составѣ имущества всевозможныя измѣненія, согласно усмотрѣнію собственника.

Этой личной свободной собственности противополагается личная же, но не свободная собственность, называемая заповѣдною. Сущность ея состоитъ въ томъ, что частное лицо имѣетъ право владѣнія и пользованія своимъ имуществомъ, не имѣя права свободно распоряжаться имъ. Въ силу заповѣднаго права собственности, „недвижимое имущество служитъ не столько лично своему владѣльцу, сколько имени и чести рода. Доходы съ него принадлежатъ въ опредѣленномъ порядкѣ старшему сыну, либо старшему въ родѣ (маіоратъ, сеніоратъ), либо младшему (минораторатъ), владѣлецъ не въ правѣ отчуждать имѣніе; слѣдующій за нимъ наслѣдникъ можетъ въ интересѣ цѣлости имѣнія возражать противъ дѣйствій владѣльца и отыскивать имѣнія изъ рукъ всякаго посторонняго лица; владѣлецъ не въ правѣ личными своими дѣйствіями обременять имѣніе“ (2). При отсутствіи права свободнаго распоряженія имуществомъ, какъ права отчужденія его, уменьшенія размѣровъ и т. п., заповѣдная собственность, какъ помѣстная, такъ и крестьянская, представляетъ собою цѣльное имущество, переходящее по наслѣдству въ нераздѣльномъ составѣ къ одному изъ членовъ семьи. Крестьянское землевладѣніе съ такимъ заповѣднымъ характеромъ существуетъ въ Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ, въ Шлезвигѣ и Голштейнѣ. Оно существуетъ частью и въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ, въ которыхъ такъ называемый „гакъ“ представляетъ собою цѣльное замкнутое владѣніе (geschlossene Höfe), не раздѣльно переходящее къ одному изъ членовъ семьи. При такомъ заповѣдномъ владѣніи нѣтъ никакихъ семейныхъ и наслѣдственныхъ передѣловъ земли, характеризующихъ собою свободное личное землевладѣніе.

б) Общая собственность состоитъ въ такой принадлежности имущества одновременно нѣсколькимъ лицамъ, по которой права между участниками строго и точно не разграничены. Главная сфера ея — семейная. Опредѣленныя лица, связанныя родственными и нравственными симпатіями, сообща владѣютъ, пользуются и распоряжаются извѣстнымъ имуществомъ, видя въ немъ принадлежность ихъ всѣхъ и каждаго, не раздѣляя его на „мое и твое“. Такое отсутствіе разграниченія между „моимъ и твоимъ“ главнымъ образомъ и возможно въ средѣ семейной, какъ такой, въ которой отдѣльныя лица могутъ дѣйствовать единодушно, ни кого не насилуя. Но, будучи главною, семейство не единственная сфера, въ которой проявляется общая собственность. Общая принадлежность имущества имѣетъ примѣненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда пользованіе даннымъ имуществомъ можетъ быть подведено къ опредѣленнымъ механическимъ пріемамъ, исполненіе которыхъ удобно контролируется. Таковы наприм. общіе выгоны для пастьбы скота, принадлежащіе всему селенію или нѣкоторымъ хозяевамъ-собственникамъ, согласившимся на извѣстное время пасти свой скотъ сообща на опредѣленномъ пространствѣ. Сюда принадлежатъ также многіе виды такъ называемаго сервитутнаго пользованія, по которому одно недвижимое имущество опредѣленнымъ образомъ обременяется въ пользу другаго.

Таковы наприм. сервитуты пастьбы скота на лѣсномъ пространствѣ, входящемъ въ составъ чужаго имѣнія; такое же значеніе имѣетъ сервитутъ собиранія въ лѣсу подстилки, хвороста, строеваго матеріала и т. д. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода правъ въ чужихъ вещахъ существуетъ въ извѣстной степени общность владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ, обремененнымъ сервитутнымъ пользованіемъ, то есть существуетъ въ нѣкоторой степени общая собственность. Наконецъ, общая собственность существуетъ во многихъ случаяхъ при общинномъ трудѣ, когда члены артели пользуются факторами производства, на ихъ общія средства пріобрѣтенными, распредѣляя между собою результаты артельныхъ предпріятій.

в) Общественная собственность состоитъ въ принадлежности имущества юридическимъ лицамъ. Такова собственность церквей, богоугодныхъ заведеній, больницъ, учебныхъ учрежденій, общинъ, городовъ, земствъ и самаго государства. Между этими различными видами общественной принадлежности имуществъ особеннымъ своеобразіемъ отличается собственность общинъ, называемая общиною или мірскою собственностью, относящеюся къ землевладѣнію. Общинное землевладѣніе представляетъ собою такой своеобразный видъ ограниченной собственности, въ которой права распоряженія поземельнымъ имуществомъ вовсе не существуетъ, владѣніе имъ принадлежитъ цѣлому селенію, общинѣ или міру, а отдѣльнымъ лицамъ предоставляется лишь право пользованія, но не постояннаго и потомственнаго, а временнаго пользованія. Основной принципъ этой собственности состоитъ въ положеніи, что каждый членъ общины имѣетъ одинаковое право на землю со всѣми остальными членами и что безземельныхъ въ общинѣ не должно быть. При распредѣленіи земель община стремится къ возможно полному соблюденію равномѣрности, заботится о томъ, что бы никто не былъ обиженъ въ надѣлѣ въ пользу другаго члена.

Вопросъ объ относительномъ значеніи указанныхъ формъ собственности до настоящаго времени раздѣляетъ экономистовъ на противоположныя и враждебныя школы. Одни, исходя изъ принципа личнаго интереса, провозглашаютъ личную собственность краеугольнымъ камнемъ общественнаго благосостоянія; утверждаютъ, что внѣ этой собственности успѣшная производительность не мыслима, такъ какъ энергія труда ослабѣваетъ въ той степени, въ какой уменьшается личная принадлежность человѣку результатовъ его труда. Другіе увѣрены, что только собственность общая въ опредѣленныхъ серіяхъ имѣетъ разумное экономическое значеніе, такъ какъ она приводитъ къ кооперативному труду, этому философскому камню, превращающему нищету въ изобиліе, песокъ въ золото. Личная собственность, говорятъ намъ, приводитъ къ пролетаріату, сосредоточенію земли въ рукахъ немногихъ счастливцевъ и обезземеленію массъ населенія. Сторонники личной собственности возражаютъ, что уста-

новленіе общей собственности въ кооперацiяхъ равносильно уничтоженію всякой собственности и превращенію свободнаго производителя въ исполнителя, находящагося въ полной зависимости отъ управителей кооперативной общины. Въ свою очередь и общественная собственность не осталась безъ порицаній. Главнымъ образомъ ее упрекаютъ въ слабой производительности, какъ необходимомъ послѣдствіи того, что она утилизируется наемными и руководителями и исполнителями, то есть людьми не такъ заинтересованными въ успѣшности дѣла, какъ можетъ быть заинтересованъ собственникъ. Въ особенности порицается въ этомъ смыслѣ общинная поземельная собственность, какъ одинъ изъ видовъ собственности общественной.

При общинномъ владѣніи, говорятъ намъ, невозможны прочныя поземельныя улучшенія. Передѣлы земли, не только отнимаютъ охоту къ производству этихъ улучшеній, но и раззоряютъ всякаго, кто бы рѣшился затратить капиталъ своей въ землю, такъ какъ улучшенная земля при новомъ передѣлѣ можетъ быть отдана кому либо другому и такимъ образомъ произведенныя затраты не возвратятся. Даже удобреніе земли съ трудомъ и большимъ рискомъ можетъ производиться при общинномъ владѣніи. „Земля, подвергавшаяся частымъ передѣламъ съ самаго освобожденія крестьянъ не выдала удобренія. Крестьяне не охотно удобряютъ свои участки; у государственныхъ крестьянъ, гдѣ бываютъ передѣлы обыкновенно черезъ 10 лѣтъ, вывозка навоза останавливается года на три, до передѣла. Во всѣхъ приволжскихъ селеніяхъ удобряется только земля ближайшая, которая, какъ болѣе ровная по производительности, и не передѣляется, а остальная земля не удобряется. На увѣщанія удобрять свои земли крестьяне отвѣчаютъ, что они не могутъ дѣлать затратъ зимою на кусокъ земли, который завтра промышленное большинство ихъ селенія можетъ отнять и непремѣнно отниметъ, если этотъ кусокъ сдѣлается особенно производителенъ“ ([3]).

Передѣлы приводятъ также къ черезполосности, ведущей къ возникновенію такъ называемой принудительной обработки земли, что отнимаетъ у сельскаго хозяина возможность свободно

эксплоатировать свою землю. „При общинномъ владѣніи землей, говоритъ Фонъ-Бушенъ, дробность и черезполосность—фактъ постоянный и въ то-же время постоянно усиливающійся, такъ какъ община имѣетъ на своей обязанности надѣлять не только всѣхъ своихъ старыхъ членовъ, но и новыхъ, при увеличеніи населенія, при новой ревизіи, а иногда просто въ извѣстные сроки міръ приступаетъ къ передѣлу. При каждомъ новомъ передѣлѣ доля каждаго дѣлается меньше или, если къ пашнѣ присоединятся новыя мѣста, отъ каждой доли отрѣзывается часть лучшихъ земель и замѣняется худшими, нерасчищенными землями“ (1). По его мнѣнію, можно положительно утверждать, что у насъ нѣтъ ни одной общины, въ которой участки каждаго общинника слагались бы менѣе, чѣмъ изъ 4 или 8 полосъ, и часто цифра эта доходитъ до 30 и даже 40 полосъ. Каждая община должна соблюдать справедливость въ распредѣленіи полей, чтобы никто не былъ обиженъ надѣломъ въ пользу другаго. При разнообразіи хозяйственнаго значенія различныхъ поземельныхъ участковъ, проистекающаго отъ качественнаго разнообразія ихъ производительности и большей или меньшей отдаленности отъ селенія, возникаетъ необходимость въ раздробленіи земли на мелкія части, въ большинствѣ случаевъ состоящія изъ длинныхъ и узкихъ полосъ, послѣ чего каждый общинникъ получаетъ причитающійся ему надѣлъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ чѣмъ справедливѣе раздѣлъ земель, тѣмъ больше черезполосность. Фонъ-Бушенъ описываетъ типическій образецъ такого справедливаго передѣла. Для достиженія справедливости въ распредѣленіи, говоритъ онъ, земли общины за исключеніемъ земель усадебныхъ, огородовъ, общаго выгона и частью лѣсныхъ пустошей, прежде всего дѣлятся на три пояса соотвѣтственно степени отдаленности угодій отъ селенія; ближайшій къ жилью поясъ обыкновенно называется одворочнымъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него слѣдуетъ поясъ задворочный, и, наконецъ, идутъ надѣльныя пустошныя поля, весьма часто лежащія за 15—20 верстъ отъ деревни. При трехпольномъ хозяйствѣ общинная земля раздѣляется за тѣмъ на три поля, и въ каждомъ полѣ образуются подраздѣленія, смотря по качествамъ

почвы. Такъ образуется отъ 3 до 20 и болѣе подраздѣленій; причемъ каждое изъ нихъ, въ свою очередь, дѣлится на доли — узкіе столбцы, полосы или шнуры, и за тѣмъ каждый крестьянинъ получаетъ по жеребью въ каждомъ полѣ, въ каждой категоріи подраздѣленій, по одной или по двѣ длинныхъ и узкихъ полосъ. Эта черезполосность и приводитъ къ тому, что каждый отдѣльный сельскій хозяинъ долженъ вести свое хозяйство такъ, какъ ведутъ другіе. „Передѣлы полей заставляютъ каждаго крестьянина вести свое хозяйство точно такъ, какъ ведетъ большинство, и въ отношеніи рода воздѣлываемыхъ растеній, и относительно времени производства работы. Ни одна работа не можетъ быть выполнена такъ, какъ бы желательно было отдѣльному хозяину; троить паръ, когда всѣ только двоятъ, ему не позволятъ, потому что паръ служитъ выгономъ для скота; посѣять озимую рожь раньше другихъ онъ по тойже причинѣ не можетъ; косить сѣнокосъ онъ долженъ тоже въ одно время съ другими, ибо косить нельзя до раздѣла покосовъ, а косить послѣ другихъ невозможно, потому что тогда перегонятъ изъ пароваго поля скотъ (*). Вотъ почему Рошеръ утверждаетъ, что съ появленіемъ черезполосности сельское хозяйство страны начинаетъ коснѣть въ данной стадіи своего развитія, что дальнѣйшій ростъ не мыслимъ, такъ какъ всякая индивидуальная иниціатива въ этомъ случаѣ является скованною. Отдѣльный хозяинъ не можетъ обработывать пароваго поля, когда сложные владѣльцы выгоняютъ свой скотъ на свои паровыя поля; переходъ отъ трехпольной системы хозяйства къ инымъ системамъ для него не мыслимъ. „Всякія улучшенія обыкновенно начинаются тѣмъ, что вводятся какимъ либо однимъ передовымъ человѣкомъ, по стопамъ котораго слѣдуетъ толпа обыкновенныхъ людей. Но при господствѣ черезполосности эта толпа не только сама идетъ регрессивно, но сверхъ того задерживаетъ всякое стремленіе передовыхъ людей къ развитію.“ Значительныя затраты капиталовъ, наприм. для ирригаціи и тому подобныхъ улучшеній при черезполосности возможно только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда всѣ смѣжные владѣльцы сознаютъ необходимость такихъ затратъ и единодушно согласятся на общее дѣло. При черезполосности затруднительно

уничтоженіе сорной растительности, вредныхъ для хозяйства насѣкомыхъ и другихъ животныхъ, наприм. мышей. Въ этомъ отношеніи достаточно, чтобы одинъ хозяинъ запустилъ свое поле — и будутъ страдать всѣ остальные, ибо всѣ усилія послѣднихъ будутъ парализуемы бездѣйствіемъ перваго. Наконецъ, благодаря черезполосью, происходитъ непроизводительная растрата земли на дороги, необходимыя для подъѣзда къ полямъ, на межи, необходимыя для отличія одного участка отъ другаго, а также происходитъ растрата времени, вслѣдствіе необходимости переходовъ и переѣздовъ отъ однихъ полей къ другимъ (6).

Сторонники общинной собственности, признавая существованіе нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ ея, утверждаютъ, что большая часть ихъ сопровождаетъ и личную собственность; между тѣмъ какъ послѣдняя не имѣетъ многихъ свѣтлыхъ сторонъ первой. Эти свѣтлыя стороны заключаются въ слѣдующемъ: 1) „При общинной собственности домохозяинъ не можетъ отчуждать свою часть въ общинной землѣ, слѣдовательно имѣетъ гораздо менѣе поводовъ и соблазна оставаться безземельнымъ и безпріютнымъ батракомъ и пролетаріемъ. Общинное землевладѣніе, въ этомъ смыслѣ, есть, для массы сельскаго населенія, страховое учрежденіе отъ безземелья и бездомности, особенный видъ примѣненія къ ней законовъ противъ мотовства, безпутства и расточительности, приспособленный къ условіямъ быта низшаго сельскаго населенія.“ 2) „Общинная собственность представляетъ твердый оплотъ противъ раззузданной, не знающей границъ экономической борьбы частныхъ интересовъ, спекуляціи и наживы, въ примѣненіи къ сельской народной массѣ. Безъ ограниченія, какое представляетъ въ этомъ отношеніи общинное владѣніе, экономическая борьба, въ силу своей природы, своихъ основныхъ свойствъ, своего разъѣдающаго и завоевательнаго характера, сломила бы мелкую поземельную собственность, обезземелила бы ея владѣльцевъ и сосредоточила бы ее въ рукахъ болѣе крупныхъ капиталистовъ и собственниковъ, въ ущербъ интересамъ низшаго сельскаго населенія.“ 3) „Общинное владѣніе обезпечиваетъ за низшимъ сельскимъ населеніемъ прочную осѣдлость, пріютъ и кусокъ хлѣба въ старости и дряхлости, даетъ возможность вырости и окрѣпнуть

подрастающимъ сельскимъ поколѣніямъ, не подвергаясь всѣмъ невыгодамъ, случайностямъ и опасностямъ бродячей жизни между чужими людьми, по распутьямъ и городамъ.“ 4) „Общинное владѣніе создаетъ для промышленной и предпріимчивой части низшаго сельскаго населенія твердую точку опоры, возможность выступить на промышленное поприще, а вмѣстѣ представляетъ и центръ тяжести, къ которому огромное большинство безпрестанно тяготѣетъ и возвращается. Обезпечивая семьямъ промышленныхъ людей неотчуждаемый очагъ, общинное владѣніе развязываетъ имъ самимъ руки, даетъ имъ размахъ и полетъ, невозможный и немыслимый для людей, которыхъ семьи не имѣютъ обезпеченнаго и независимаго крова и пропитанія. Вотъ благодѣянія, вносимыя общиннымъ землевладѣніемъ въ жизнь крестьянскихъ сельскихъ массъ. Они такъ существенны и важны, послѣдствія, вытекающія изъ общиннаго владѣнія для цѣлаго строя народной жизни, такъ многозначительны и плодотворны, что нельзя разсматривать этотъ видъ поземельныхъ отношеній какъ предметъ только частнаго права и частнаго интереса, наравнѣ съ желѣзными дорогами, кредитными учрежденіями, отправленіемъ правосудія, способами корреспонденціи, укрѣпленіемъ имуществъ, общинное землевладѣніе есть предметъ публичнаго или общественнаго права, и касаясь одною своею стороною частныхъ пользъ и выгодъ, оно другою тѣсно связано съ вопросами общаго интереса и общаго благосостоянія“ (7).

Ограничиваемся этимъ краткимъ изложеніемъ пререканій между сторонниками различныхъ формъ собственности. Уже изъ этого краткаго указанія достаточно ясно, что всѣ споры объ относительномъ значеніи различныхъ формъ собственности въ существѣ дѣла основаны на существованіи разныхъ сторонъ въ изучаемомъ предметѣ, вслѣдствіе чего перестаютъ быть спорами и пререканіями, становясь матеріаломъ для уясненія всѣхъ сторонъ вопроса.

Каждая форма собственности имѣетъ свои свѣтлыя стороны, которыя подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ могутъ вовсе исчезать, могутъ нейтрализоваться этими неблагопріятными обстоятельствами. Такое положеніе дѣлъ возникаетъ

всякій разъ, когда какая либо одна изъ указанныхъ естественныхъ формъ собственности развивается на счетъ другихъ, подавляя и уничтожая ихъ. Такъ, личная собственность, какъ свободная такъ и заповѣдная, представляетъ собою необходимое условіе экономическаго прогресса, который не мыслимъ безъ личной инициативы въ дѣятельности, безъ свободы пользованія, во всей возможной полнотѣ своей проявляющейся въ сферѣ личной собственности. Но одностороннее развитіе этой же формы собственности, служащей залогомъ прогресса, легко приводитъ въ общественномъ отношеніи къ печальнымъ послѣдствіямъ. Легко можетъ случиться, что въ данной странѣ поземельная собственность сосредоточится въ рукахъ небольшаго количества людей, появляется такъ называемыя латифундіи, массы населенія будутъ лишены поземельной собственности, возникнетъ то бездомное и безпомощное состояніе въ обществѣ, которое называется пролетаріатомъ. Между тѣмъ обездоленныя массы, лишенныя прочной осѣдлости и хозяйственной обезпеченности, представляютъ собою удобную почву для дѣятельности разныхъ агитаторовъ, не находящихъ сторонниковъ въ средѣ, гдѣ поземельная собственность распространена въ массѣ населенія. Необезпеченный классъ населенія, легко поддающійся агитаціи, недовольный существующимъ строемъ жизни и склонный къ возмущеніямъ, въ свою очередь производитъ то, что и обезпеченный классъ мало по малу теряетъ хозяйственную обезпеченность, такъ какъ послѣдней не можетъ быть тамъ, гдѣ почва не твердая, гдѣ всякій часъ приходится быть на сторожѣ противъ цѣлыхъ массъ. Очевидно, что и экономическое развитіе при такомъ положеніи дѣлъ пріостанавливается. Такъ принципъ, представляющій собою необходимое условіе экономическаго развитія, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ становится тормазомъ въ дѣлѣ этого развитія. Въ особенности можетъ быть, по выраженію Гнейста, неизсякаемымъ источникомъ пролетаріата личная заповѣдная собственность. Такъ какъ при всякомъ заповѣдномъ владѣніи землей нѣтъ ни семейныхъ, ни наслѣдственныхъ раздѣловъ, то оно допускаетъ полное уничтоженіе черезполосности, что производитъ доступность усовершенствованій и улучшеній каждому собственнику.

Вотъ почему въ техническомъ отношеніи эта собственность особенно выгодна для общества, но за то въ соціальномъ отношеніи одностороннее развитіе ея производитъ мрачныя послѣдствія. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что паралельно съ техническимъ развитіемъ сельскаго хозяйства, возникавшимъ вмѣстѣ съ введеніемъ постоянства въ землевладѣніи посредствомъ распространенія заповѣдной собственности, уменьшалось количество владѣльцевъ земли, появлялось батрачество, возникалъ пролетаріатъ. Заповѣдная поземельная собственность, говоритъ одинъ изъ нашихъ писателей, имѣетъ на своей сторонѣ всѣ выгоды въ агрономическомъ отношеніи и всѣ невыгоды въ отношеніи соціальномъ.

Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ она давно введена, въ настоящее время оказывается два результата: земледѣліе процвѣтаетъ, помѣстное сословіе богатѣетъ, а крестьянское владѣніе землей окончательно исчезло. Въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ система заповѣднаго землевладѣнія менѣе распространена, какъ наприм. въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ, результаты мы видимъ не такіе полные: „не всѣ, но только часть крестьянъ обезземелена, другая же сохраняетъ еще свои имущества и, пользуясь всѣми правами полной родовой собственности, обогащается и процвѣтаетъ“ ([3]).

Подобно личной, общая собственность имѣетъ свои свѣтлыя стороны, которыя также при неблагопріятныхъ условіяхъ могутъ превратиться въ темныя. Общая собственность—это нравственно-экономическій принципъ соединенія силъ въ цѣляхъ лучшаго достиженія опредѣленныхъ цѣлей, это принципъ мира и нравственнаго единодушія между людьми. І. Златоустъ такое значеніе общей собственности уясняетъ слѣдующимъ образомъ. „Представимъ себѣ, говоритъ онъ, семейство, въ которомъ десять человѣкъ: дѣти, мужъ и жена. Не очевидно ли, что при общей жизни въ одномъ домѣ издержки будутъ меньше, нежели когда бы члены семьи жили врознь: такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ для десятерыхъ понадобилось бы десять домовъ, десять слугъ и такъ далѣе всего необходимаго. Раздѣльность всегда уменьшаетъ средства, а согласіе и соединеніе напротивъ, умножаютъ

ихъ“ (⁹). Но этотъ принципъ мира и нравственнаго единодушія легко превращается въ начало враждебное человѣческой личности, ея свободѣ и духовному развитію, когда выходитъ изъ своей естественной сферы, указанной выше. Такъ общая собственность превращается въ коммунизмъ, въ систему, отрицающую всякую собственность и превращающую свободнаго производителя въ раба, не имѣющаго никакихъ правъ на результаты своего труда и легко превращающагося въ паразита, въ потребителя продуктовъ, созданныхъ другими. Тотъ принципъ, главной сферой господства котораго является семья и который лишь въ исключительныхъ условіяхъ примѣняется внѣ семейныхъ связей, не можетъ быть общеобязательнымъ во всѣхъ сферахъ отношеній между людьми. Коммунизмъ, какъ распространеніе общей собственности на чуждую ей сферу, представляетъ собою такое же нормальное явленіе, каковымъ было бы наприм. употребленіе мѣръ длины тамъ, гдѣ употребляется только мѣра вѣса. Пудъ никогда не можетъ замѣнить собою аршина, какъ и наоборотъ. Точно также общая собственность никогда не можетъ замѣнить собою личной, та и другая имѣютъ свое самобытное значеніе и поглощеніе одной изъ нихъ другою—не нормальное явленіе.

Такимъ же образомъ, наконецъ, и общественная собственность, имѣя свое спеціальное назначеніе и важное значеніе въ народной экономіи, выходя изъ свойственной ей сферы, подавляя наприм. личную собственность, можетъ приводить къ печальнымъ послѣдствіямъ. Подавленіе это наприм. общинною собственностью, о чемъ мечтаютъ крайніе сторонники общиннаго землевладѣнія, было бы равносильно наложенію рукъ на экономическое развитіе страны. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе просвѣщенныхъ сторонниковъ общинной собственности не могъ не замѣтить этого. „Личная собственность, основательно говоритъ онъ, какъ цѣль и въ тоже время мотивъ предпріимчивости, дѣятельности, изобрѣтательности, трудолюбія, выдержки, есть сильнѣйшій рычагъ всякаго успѣха, всякаго развитія въ обществѣ. Это—закваска, которая непрерывно толкаетъ впередъ, не даетъ погрузиться въ лѣнь и дремоту. Она двигаетъ промышленность во всѣхъ ея видахъ, она поднимаетъ экономическій бытъ и экономическій

строй народа.“ Очевидно, что уничтоженіе этого „сильнѣйшаго рычага всякаго успѣха, всякаго развитія въ обществѣ“ посредствомъ повсѣмѣстнаго введенія общинной собственности не можетъ не имѣть погубнаго вліянія на экономическій бытъ. Но также вѣрно и обратное заключеніе. Уничтоженіе общинной собственности, посредствомъ общаго введенія личнаго поземельнаго владѣнія, также сопровождалось бы тяжелыми послѣдствіями. Упомянутый нами писатель, указавъ на свѣтлыя стороны личной поземельной собственности, справедливо утверждаетъ, что утилизація ея хорошихъ сторонъ не возможна, когда въ обществѣ существуетъ только эта форма собственности, такъ какъ при этомъ выгоды развитія техники болѣе чѣмъ нейтрализуются потерями общественными. „Когда вся земля обращается въ личную собственность, то изъ этого происходитъ вотъ какое существенное зло: личная собственность, по своей природѣ, завоевательна; она стремится расшириться, захватить какъ можно больше; отъ этого она, рано или поздно, производитъ между поземельными собственниками экономическую борьбу, которая не будучи сдерживаема ничѣмъ и предоставленная самой себѣ, оканчивается побѣдою сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими, поглощеніемъ мелкой собственности крупною. Вслѣдствіе того, поземельная собственность, мало-по-малу, неудержимо сосредоточивается въ немногихъ рукахъ; бѣдная, слабая, малоспособная, не предпріимчивая или, по случайнымъ обстоятельствамъ, захудалая часть населенія остается безъ земли, выбрасывается съ дѣтьми на улицу; на произволъ судьбы, безъ средствъ, безъ крова и отдается на милость тѣхъ, кто согласится ее кормить за работу. Условія заработка не могутъ не быть крайне тяжки, при неравномъ положеніи дающаго работу и предлагающихъ свой трудъ. Условія эти становятся еще тяжелѣе при конкурренціи между собою собственниковъ, изъ которыхъ каждый стремится выиграть и нажить больше другаго и ставитъ беззащитному предъ нимъ труду все болѣе и болѣе невыгодныя условія“. По справедливому мнѣнію автора, общинное землевладѣніе представляетъ собою лучшее средство противъ такихъ крайностей личной собственности. Оно „не предназначено двигать сельское хозяйство, толкать впередъ про-

мышленность: оно можетъ только обезпечивать существованіе народныхъ сельскихъ массъ съ ихъ подростками. Оно не есть поприще для кипучей и широкой промышленной дѣятельности, но есть почва, на которой можетъ спокойно вырости и приготовиться къ промышленной дѣятельности многочисленная народная масса, и въ то же время прибѣжище для тѣхъ, которые изнемогаютъ и падаютъ въ непреривной борьбѣ экономическихъ и промышленныхъ интересовъ. Для сильныхъ, предпріимчивыхъ, способныхъ, даровитыхъ людей общинное владѣніе слишкомъ тѣсно и узко, и они будутъ изъ него выходить; но для слабыхъ, посредственныхъ, непредпріимчивыхъ, довольствующихся немногимъ, и для неудачниковъ — а такихъ огромное большинство — общинное владѣніе есть якорь спасенія, тотъ челнокъ, или та спасительная доска, на которыхъ они могутъ держаться около берега, посреди экономическихъ треволненій и бурь, поодаль отъ ожесточенной борьбы за наживу“ ([10]).

И всѣ другіе виды общественной собственности имѣютъ свое спеціальное назначеніе, въ силу котораго не могутъ быть упразднены, хотя и не должны подавлять собою другихъ формъ владѣнія. Такъ наприм. государственная поземельная собственность, не смотря на ея меньшую продуктивность, сравнительно съ личнымъ владѣніемъ, имѣетъ высокое общенародное значеніе. Выгодность ея въ послѣднемъ отношеніи превышаетъ потери отъ меньшей продуктивности, встрѣчающейся во всѣхъ производствахъ, въ которыхъ и руководители и исполнители — наемные работники. При рѣшеніи вопроса о значеніи государственныхъ имуществъ необходимо прежде всего не забывать, что существуютъ имущества, имѣющіе общенародное значеніе, какова на прим. лѣсная собственность. Такія имущества не могутъ быть уничтожаемы безъ вреда для общества, между тѣмъ для частныхъ собственниковъ можетъ быть выгодно ихъ уничтоженіе. Вотъ почему необходимо пріобрѣтеніе ихъ государствомъ, какъ такимъ юридическимъ лицемъ, которое заботится о безопасности и благосостояніи настоящихъ и будущихъ поколѣній страны. За тѣмъ, государственныя имущества, по мѣрѣ надобности, обращаясь въ собственность личную и общинную, служатъ разнымъ

цѣлямъ благоустройства, напр. служатъ постояннымъ поземельнымъ фондомъ для колонизаціи, переселеній части населенія изъ мѣстъ густо населенныхъ, вообще представляютъ собою надѣжнѣйшее средство противъ пролетаріата. Эти имущества могутъ быть также отдаваемы въ потомственное или срочное пользованіе за ничтожное вознагражденіе, въ цѣляхъ поддержанія той или иной отрасли хозяйства, производства опытовъ и т. п. У насъ отводъ казенныхъ земель частнымъ лицамъ производится подъ хозяйственныя заведенія, сады, огороды, пчеловодство, для разведенія мануфактурныхъ и торговыхъ растеній, подъ лѣсные разсадники и проч.

И такъ, каждая изъ формъ собственности имѣетъ свое естественное назначеніе, въ силу котораго ни одна изъ нихъ не должна поглощать другую, но должно быть совмѣстное ихъ существованіе въ странѣ. Эта совмѣстность и служитъ естественнымъ залогомъ осуществленія въ жизни лучшихъ сторонъ каждой формы, не допуская односторонности въ ихъ развитіи. Разнообразіе формъ собственности въ народной экономіи имѣетъ такое же нормальное значеніе, какъ и самое разнообразіе жизненныхъ силъ и способностей, проявляющееся въ формѣ раздѣленія занятій. Безъ разнообразія занятій общество можетъ прозябать, но нежить; тоже самое и внѣ разнообразія формъ собственности. Нельзя сказать, что одна изъ этихъ формъ лучше другой, точно также, какъ нельзя сказать, что пудъ лучше аршина. Темныя стороны, которыми можетъ сопровождаться та или иная изъ нихъ, не уменьшая ея принципіальнаго значенія, требуютъ надлежащаго регулированія со стороны государственной власти, но не замѣны данной формы другою.

Указываемъ на нѣкоторые факты такого регулированія.

Черезполосность, которая до послѣдняго времени считалась исключительнымъ спутникомъ общиннаго землевладѣнія въ дѣйствительности можетъ существовать и при свободной личной и при общественной формахъ собственности. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на черезполосность владѣнія во Франціи, въ которой общинная собственность въ настоящее время вовсе не извѣстна. Во Франціи 45 милліоновъ десятинъ поземельной

собственности раздѣлены на 127.000.000 дѣлянокъ, принадлежащихъ 5½ милліонамъ собственниковъ, такъ что въ средней сложности дѣлянка или парцелла имѣетъ размѣра не болѣе 900 кв. саж., и на каждаго собственника приходится 23 дѣлянки. Такую же черезполосность мы видимъ и въ другихъ странахъ, наприм. въ Бельгіи, Германіи, Австріи. Она извѣстна и у насъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ издавна существуетъ личное землевладѣніе, называемое у насъ подворнымъ и участковымъ. Черезполосность неизбѣжна тамъ, гдѣ существуютъ раздѣлы земли. Рѣшительное уничтоженіе ея возможно только или при установленіи повсемѣстныхъ майоратовъ какъ дворянскихъ, такъ и крестьянскихъ, или при введеніи общей собственности въ смыслѣ коммунистическомъ. Очевидно, что и одно и другое средство должно быть отвинуто; уничтожая черезполосность, первое изъ нихъ порождаетъ пролетаріатъ, второе—общее рабство. Мѣропріятія должны быть направлены, слѣдовательно, не къ уничтоженію формъ собственности, съ которыми неизбѣжно соединяется черезполосность, но къ уничтоженію вредныхъ сторонъ послѣдней и ея возможному уменьшенію.

Черезполосность неизбѣжно сопровождается принудительною обработкою земли въ томъ случаѣ, когда въ данной мѣстности вмѣстѣ съ черезполосностью существуетъ обычай пасти скотъ на лугахъ и поляхъ. Когда въ селеніи существуетъ обычай пасти скотъ на пахатномъ полѣ, тогда естественно возникаетъ зависимость каждаго отдѣльнаго хозяина отъ системы хозяйства всѣхъ смѣжныхъ владѣльцевъ земли. Если существуетъ обычай пасти скотъ весною на паровомъ полѣ, то отдѣльному хозяину невозможно обработывать паровое поле подъ зиму, невозможно также и поднимать паръ раннею весною; въ томъ и другомъ случаѣ въ своей дѣятельности онъ стѣсненъ существующимъ обычаемъ пастьбы.

Если существуетъ обычай пастьбы скота на поляхъ послѣ того, какъ съ нихъ снятъ хлѣбъ, то каждый отдѣльный хозяинъ въ этомъ случаѣ находится въ зависимости отъ другихъ относительно срока уборки хлѣба; онъ не можетъ снимать хлѣбъ позже другихъ, потому что хлѣбъ его можетъ быть уничтоженъ или,

какъ говорятъ, потравленъ скотомъ, пасущимся на сосѣднихъ поляхъ. Онъ не можетъ, по этой же причинѣ, сѣять по собственному усмотрѣнію на своемъ полѣ тотъ или иной хлѣбъ, такъ какъ существованіе сроковъ для уборки съ полей ограничиваетъ его дѣятельность въ выборѣ рода воздѣлываемыхъ растеній. Отдѣльный хозяинъ не можетъ, напримѣръ, въ озимномъ полѣ засѣять яровой хлѣбъ, когда онъ позже созрѣваетъ, чѣмъ хлѣбъ озимый, засѣянный на смежныхъ поляхъ.

Можно встрѣтить въ жизни и такіе обычаи пастьбы скота, по которымъ вовсе невозможно запахивать жниво, если, наприм. принято пасти скотъ послѣ уборки хлѣба по жниву вплоть до зимы. Во всѣхъ такихъ случаяхъ черезполосность приводитъ къ принудительной обработкѣ только косвеннымъ образомъ, благодаря существованію опредѣленнаго обычая пастьбы скота. Очевидно, что если существуетъ въ какой либо мѣстности этотъ видъ принудительной обработки, то достаточно направить мѣры на обычай пастьбы скота, и эта обработка можетъ быть прекращена; другими словами, въ подобныхъ случаяхъ должна быть регулируема не черезполосность, но ближайшая причина существованія принудительной обработки, то есть пастьба скота на поляхъ и лугахъ.

При существованіи черезполосности принудительная обработка возникаетъ также въ тѣхъ случаяхъ, когда сельскому хозяину необходимо истреблять сорную растительность и вредныхъ животныхъ, а также когда необходимы предварительныя затраты въ цѣляхъ осушенія болотистыхъ и сырыхъ мѣстъ, или въ цѣляхъ искуственнаго орошенія.

Вполнѣ вѣрно замѣчаніе Р о ш е р а, что при существованіи черезполосности одинъ небрежный хозяинъ, не заботящійся объ истребленіи на своемъ полѣ сорной травы, мышей и т. п., можетъ этимъ самимъ парализовать всѣ усилія смежныхъ хозяевъ въ ихъ борьбѣ съ врагами сельскохозяйственной продукціи. Каждый отдѣльный хозяинъ въ этомъ случаѣ находится въ зависимости отъ его сосѣдей; его дѣятельность обусловливается дѣятельностью всѣхъ остальныхъ. Средствомъ противъ этого ненормальнаго положенія должны быть не столько мѣры, направленныя

къ уничтоженію черезполосья, сколько мѣры, которыми регулировалась бы общая или совмѣстная дѣятельность землевладѣльцевъ въ борьбѣ съ ихъ естественными врагами. Высочайше утвержденнымъ 13 Мая 1808 года мнѣніемъ государственнаго совѣта земскимъ собраніямъ предоставлено право возлагать на сельскія общества и землевладѣльцевъ всѣхъ сословій натуральную повинность истребленія наносящихъ вредъ растеніямъ насѣкомыхъ и иныхъ животныхъ, съ обложеніемъ не исполняющихъ этой повинности въ натурѣ особымъ въ пользу земства и для этой цѣли назначеннымъ сборомъ. Постановленіе это, относящееся къ цѣлой губерніи или къ цѣлому уѣзду, можетъ быть примѣнимымъ и въ отношеніи каждаго отдѣльнаго селенія. Сельскіе хозяева, заинтересованные въ уничтоженіи сорной травы или насѣкомыхъ на своихъ поляхъ, должны имѣть право большинствомъ голосовъ дѣлать обязательныя для каждаго постановленія объ уничтоженіи враговъ своего хозяйства. Для избѣжанія несправедливыхъ притѣсненій меньшинства со стороны большинства, необходимъ лишь контроль со стороны правительственныхъ агентовъ.

Точно также черезполосность ведетъ къ принудительной обработкѣ и въ тѣхъ случаяхъ, когда для надлежащей эксплоатаціи поземельнаго участка необходимы предварительныя затраты, въ цѣляхъ осушенія или искуственнаго орошенія земли. Землевладѣлецъ, участокъ котораго со всѣхъ сторонъ окруженъ чужими полосами, не можетъ предпринять на своей землѣ такихъ улучшеній, такъ какъ для принятія ихъ необходимо согласіе всѣхъ владѣльцевъ, чрезъ земли которыхъ необходимо проводить канавы для стока воды. Чѣмъ больше такихъ совладѣльцевъ, другими словами—чѣмъ дробнѣе черезполосность, тѣмъ труднѣе возможность получить такое согласіе и тѣмъ сильнѣе зависимость отдѣльнаго владѣльца отъ всѣхъ остальныхъ. Но и здѣсь, какъ и въ вышеразсмотрѣнномъ случаѣ, средствомъ противъ принудительной обработки могутъ быть не столько мѣры, направленныя противъ черезполосности, сколько или разумное регулированіе совокупной дѣятельности всѣхъ черезполосныхъ землевладѣльцевъ, или же установленіе положительнаго закона о правѣ каждаго землевладѣльца проводить канавы для стока воды чрезъ земли

другихъ владѣльцевъ. Такой законъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльный землевладѣлецъ на свои средства желаетъ предпринять въ своемъ имѣніи извѣстныя улучшенія, осуществленіе которыхъ не мыслимо безъ провода воды чрезъ чужія земли.

Въ указанныхъ случаяхъ мѣры противъ принудительной обработки земли не направлены прямо противъ черезполосности. Но могутъ быть раціональны въ ограниченныхъ размѣрахъ и мѣры прямо направленныя противъ послѣдней. При черезполосномъ владѣніи весьма часты случаи, когда къ участку, лежащему среди чужой собственности, можно пробраться не иначе, какъ чрезъ эту послѣднюю. Такъ возникаетъ право переѣзда — Ueberfahrtsrecht — чрезъ чужія парцеллы. Точно также при черезполосномъ владѣніи часты случаи необходимости оборачивать плугъ на сосѣдней парцеллѣ, когда собственный поземельный участокъ не прилегаетъ къ дорогѣ. Изъ этого возникаетъ право оборота плуга на чужой землѣ, носящее характеристическое названіе Treppрecht. Утаптываніе полосы людьми, животными и земледѣльческими орудіями роняетъ цѣнность поземельнаго участка; хозяинъ послѣдняго въ своей культурѣ долженъ сообразоваться съ культурою сосѣда; онъ не можетъ, когда ему угодно, начать обработку, иначе часть его труда можетъ быть уничтожена сосѣдомъ. Въ этомъ случаѣ самое печальное положеніе тѣхъ полосъ, которыя лежатъ вдоль линіи, гдѣ оборачиваются плуги, и если остальныя полосы упираютъ въ нихъ своими узкими сторонами. Если полоса соприкасается во всю длину со многими парцеллами, говоритъ К н а у с ъ, то ей приходится терпѣть право оборота плуга въ такой степени, что она можетъ быть засѣяна лишь тогда, когда уже засѣяны всѣ тѣ полосы, которыя пользуются правомъ поворота плуга на ней. Подобная полоса походитъ скорѣе на боевое поле, чѣмъ на предназначенное къ обработкѣ ([11]). Въ подобнаго рода случаяхъ принудительной обработки необходимо обязательное разверстаніе черезполосныхъ земель. Въ этомъ отношеніи прекрасный образецъ представляетъ собою Нассауская система разверстанія, не имѣющая въ виду отмежеванія всей поземельной собственности къ одному мѣсту, а преслѣдующая болѣе осуществимую задачу — уничтоженіе той

спеціальной черезполосности, которая имѣетъ своимъ прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ принудительную обработку земли. Основная задача Нассауской системы состоитъ въ уничтоженіи вредныхъ сторонъ чрезполосности, препятствующей свободному доступу землевладѣльцамъ къ ихъ полямъ и приводящей къ утаптыванію полей. Для достиженія этой цѣли обязательно устраиваются полевыя дороги (Feld und Gewan-Wege), послѣ чего отдѣльныя полосы верстаются такимъ образомъ, чтобы каждая примыкала къ дорогѣ.

Указанными мѣрами вредныя стороны черезполосности или вовсе уничтожаются, или въ значительной степени смягчаются, не уничтожая тѣхъ формъ собственности, съ которыми неизбѣжно соединяется черезполосность владѣнія. Подобнымъ же образомъ могутъ быть уничтожаемы, или, по крайнѣй мѣрѣ, въ значительной степени смягчаемы и всѣ другія темныя стороны той или иной формы собственности, безъ подавленія этихъ формъ и, слѣдовательно, ихъ свѣтлыхъ сторонъ, благотворно вліяющихъ на развитіе общества. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія то, что даже темныя стороны временнаго владѣнія, проистекающаго какъ изъ личной, такъ и изъ общественной собственности, могутъ быть доведены до почти незамѣтнаго минимума.

Временное владѣніе можетъ быть или въ формѣ арендаторства, когда отдается въ наемъ предметъ личной или общественной собственности, или же въ формѣ мірскаго пользованія, когда на время отводится члену общины участокъ общинной земли. Основной недостатокъ и того и другаго временнаго владѣнія состоитъ въ томъ, что арендаторъ или общинникъ, когда не опредѣленъ срокъ владѣнія, не производитъ никакихъ улучшеній, такъ какъ затраченный капиталъ можетъ быть потерянъ при отказѣ въ арендѣ или при новомъ передѣлѣ мірской земли; когда же срокъ временнаго владѣнія опредѣленъ, то никто изъ нихъ не производитъ поземельныхъ улучшеній въ послѣднее время пользованія, и склоненъ къ хищническому пользованію тѣмъ, что, по истеченіи срока аренды перейдетъ въ другія руки.

Противъ этого недостатка временнаго владѣнія въ прежнее время считали весьма важнымъ средствомъ долгосрочность сдачи земли въ пользованіе. Когда зевлевладѣлецъ сдаетъ свою землю въ аренду на продолжительный срокъ, то арендаторъ освобождается отъ риска, затрачивая свой капиталъ для производства поземельныхъ улучшеній, возвышающихъ доходность земли. По видимому, такія долгосрочныя аренды дѣйствительно примиряютъ интересы и собственника и арендатора. Стремлясь къ увеличенію доходности земли, при долгосрочномъ владѣніи арендаторъ можетъ, ничѣмъ не рискуя, производить всевозможныя поземельныя затраты, такъ какъ возвратъ ихъ вполнѣ гарантируется этою долгосрочностію. Но уже Тэръ основательно замѣтилъ, что если аренда заключена наприм. на 24 года, то арендаторъ въ первыя $^2/_3$ указаннаго срока будетъ заботиться о поземельныхъ улучшеніяхъ, имѣя въ виду увеличить свой доходъ; послѣ же этого времени ему не будетъ никакихъ мотивовъ къ такимъ заботамъ; напротивъ того, онъ будетъ стараться лишь о томъ, что бы безъ новыхъ затратъ возможно больше извлечь прибыли изъ чужой собственности, будетъ хищнически пользоваться послѣднею ([12]). Съ другой стороны, заключеніе долгосрочныхъ арендъ не всегда выгодно собственникамъ.

Цѣнность поземельныхъ имуществъ можетъ быстро возрастать, въ какой пропорціи должна увеличиваться и плата за пользованіе землей. Когда заключенъ долгосрочный арендный контрактъ, то землевладѣлецъ не можетъ воспользоваться возвышеніемъ цѣнности земли для увеличенія арендной платы. Вотъ почему въ Англіи, въ этой классической странѣ временнаго владѣнія землей, большинство фермеровъ арендуетъ землю *at will*, то есть пользуется безъ установленія особаго срока и обязывается оставить аренду чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ изъявленія объ этомъ желанія со стороны землевладѣльца. Между тѣмъ этими-то фермерами большею частью произведены всѣ тѣ улучшенія, по которымъ англійское сельское хозяйство считается первымъ въ мірѣ. Дѣло въ томъ, что сверхъ общихъ экономическихъ причинъ, благодаря которымъ фермерство сдѣлалось самостоятельною отраслью промышленности и получило общее значеніе затраты

капиталовъ въ прибыльныя предпріятія, въ Англіи существуютъ особыя условія, смягчающія или даже вовсе уничтожающія темныя стороны арендаторства. Англійскіе землевладѣльцы не злоупотребляютъ своими неопредѣленными правами и фермеры могутъ быть въ полной увѣренности, что не будутъ удалены произвольно, до истеченія времени, необходимаго для возврата затраченныхъ въ землю капиталовъ. Честность землевладѣльцевъ и общественное мнѣніе, карающее всевозможныя злоупотребленія, въ значительной степени освобождаютъ фермеровъ отъ риска затрачивать въ землю капиталы. Съ другой стороны, въ этомъ же направленіи дѣйствуетъ обычное право вознагражденія за произведенныя затраты или отъ новаго арендатора, или отъ собственника земли, при отказѣ въ арендѣ. Это обычное право сперва дѣйствовало въ Ирландіи, въ провинціи Ольстеръ, подъ названіемъ tenant-right и частью въ Англіи въ графствѣ Линкольширѣ. Въ послѣднее время оно все больше и больше распространялось и наконецъ вошло въ Land-bill 1870 года, на основаніи котораго всякій контрактъ, лишающій арендатора права на вознагражденіе за произведенныя имъ улучшенія, признается недѣйствительнымъ. Такое право дѣйствительно служитъ надлежащей гарантіей, по которой временный владѣлецъ — арендаторъ или общинникъ — можетъ производить всевозможныя улучшенія въ чужомъ имуществѣ, не рискуя собственнымъ капиталомъ. Право это одинаково важно какъ въ срочныхъ арендахъ, такъ и въ арендахъ, срокъ окончанія коихъ напередъ неопредѣленъ. Оно, очевидно, можетъ въ значительной степени улучшить эксплоатацію земли при общинной земельной собственности. Если при этой собственности будетъ принято во 1) что мірскіе передѣлы земли должны производиться въ болѣе или менѣе продолжительные и напередъ опредѣленные сроки и 2) что за каждымъ домохозяиномъ остается право на вознагражденіе за опредѣленныя поземельныя улучшенія отъ общины или того ея члена, къ которому, послѣ передѣла, переходитъ земля, то уже этимъ однимъ наиболѣе темная сторона общинной земельной собственности будетъ почти уничтожена.

(1) К. Побѣдоносцевъ. Курсъ граждан. права, часть I, стр. 106. (2) Ibid, 368. (3) Докладъ Высочайше утвержд. коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства. Прилож. 11, стр. 20. (4) Съѣздъ сельск. хоз. въ С.-Петербургѣ, въ 1865 г., по случаю столѣтняго юбилея вольнаго экон. общества. Спб. 1866, стр. 152. (5) Докладъ Высочайше утвержд. коммиссіи и пр. Ibid. стр. 19—20. (6) W. Roscher. National-oeconomie des Ackerbaues, § 76. (7) К. Кавелинъ. Общинное владѣніе, стр. 55—56. (8) Кн. А. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и др. европ. странахъ, т. 11, стр. 715. (9) Э. Вреденъ. Курсъ пол. экономіи стр. 133-134. (10) К. Кавелинъ, ibid. стр. 58. (11) C. Knaus. Der Flurzwang in seinen Folgen und Wirkungen, стр. 9; А. Посниковъ. Общинное землевладѣніе, т. 11. (12) Rationalle Landwirtschaft 1809 г. т. 1, стр. 202.

II. Размѣры собственности.

Количественное и качественное разнообразіе хозяйственныхъ силъ естественно приводитъ къ безконечному разнообразію результатовъ хозяйственной дѣятельности, принадлежащихъ представителямъ этихъ силъ. Такъ возникаетъ безконечное разнообразіе въ размѣрахъ собственности, по которому, можно сказать, нѣтъ двухъ людей, имущественное состояніе которыхъ было бы тождественно, подобно тому, какъ нѣтъ въ мірѣ двухъ лицъ, которые были бы абсолютно схожи между собою и являлись какъ бы двумя экземплярами одного и того же существа. Это разнообразіе въ размѣрахъ собственности представляетъ собою естественный результатъ разнообразія въ хозяйственныхъ силахъ, приводящаго къ разнообразію въ результатахъ дѣятельности. Если бы не было послѣдняго разнообразія, то и первое не моглобы существовать въ своемъ естественномъ видѣ; въ этомъ случаѣ оно было бы искуственнымъ, имѣло бы своимъ источникомъ наприм. обманъ, хитрость, насиліе и т. п.

Въ прошедшемъ жизни народовъ, въ тѣ варварскія времена, когда гражданственность, правосудіе и честность только зараж-

дались, этотъ искуственный элементъ имѣлъ преобладающее значеніе. Когда не только имущество, но и личность человѣка не была гарантирована отъ насилія, когда считали неприличнымъ пріобрѣтать трудомъ то, что можно было добыть насильно (pigrum et iners videtur sudore adquirere, quod possis sanguine parare), тогда одни жили трудомъ другіе и имущественное разнообразіе было результатомъ насилія, порабощенія однихъ другими, обмана и т. п. Но должна быть признана грубой ошибкой всякая попытка возведенія этого факта въ принципъ, какъ это допускаютъ писатели, утверждающіе, что существующее разнообразіе въ размѣрахъ собственности есть историческій результатъ, есть искуственное произведеніе тѣхъ временъ, когда господствовало насиліе и порабощеніе человѣка человѣкомъ.

По этому ученію, естественнымъ закономъ должно быть признано имущественное равенство, а всякое неравенство въ размѣрахъ собственности — искуственнымъ продуктомъ, результатомъ захвата.

Сторонники этого воззрѣнія забываютъ, что безъ исторической индукціи изслѣдованія общественныхъ явленій не мыслимы, что безъ этой индукціи легко принять временное и мѣстное за постоянное и всеобщее, случайное наслоеніе за сущность дѣла. Если мы обратимся къ исторіи, то легко замѣтимъ, что явленія борьбы въ отношеніяхъ постоянно исчезаютъ, уступая мѣсто экономической союзности, уступая мѣсто естественнымъ экономическимъ законамъ. „Хотя историческій ходъ событій совершается не по однимъ законамъ вѣчной справедливости, но несомнѣнно, что справедливость мало по малу беретъ верхъ надъ привилегіею, монополіею и грубымъ насиліемъ“ (1). Въ самой природѣ междучеловѣческихъ отношеній лежитъ идея справедливости, которая постепенно осуществляется въ жизни и безъ существованія которой не мыслимо человѣческое развитіе. Въ самой же природѣ людей, въ безконечномъ разнообразіи ихъ силъ и способностей лежитъ основная причина безконечнаго разнообразія въ размѣрахъ собственности, какъ та идея справедливости, по которой каждый получаетъ то, что ему принадлежитъ по его хозяйствен-

нымъ заслугамъ, и которая неуклонно беретъ перевѣсъ надъ привиллегіей, монополіей и грубымъ насиліемъ."

Имущественное разнообразіе въ дѣйствительности имѣетъ такое же значеніе, какъ и раздѣленіе занятій. Оно представляетъ собою внѣшнее выраженіе индивидуальности и свободы человѣка въ его хозяйственной дѣятельности. Если бы утопическіе проэкты всеобщаго равенства имуществъ нашли практическое примѣненіе, то каждый производитель, потерявъ свободу распоряженія своимъ имуществомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо долженъ терять и свои индивидуальныя силы, не находящія почвы для своей дѣятельности, лишенной свободы, и не побуждаемыя къ развитію основнымъ двигателемъ всякаго развитія — личнымъ интересомъ. Тогда, подобно тому, какъ и при отсутствіи раздѣленія занятій, общество не имѣло бы возможности извлекать наибольшія выгоды изъ разнообразія индивидуальныхъ силъ и хозяйственной свободы, необходимой для практическаго ихъ примѣненія. Тогда наступило бы видимое равенство между людьми, но это было бы равенство—нищеты и всеобщаго пауперизма; благосостоянія не можетъ быть тамъ, гдѣ подавлена индивидуальность и свобода, гдѣ люди работаютъ, не имѣя правъ на весь результатъ своего труда. Но и это равенство не было бы дѣйствительнымъ равенствомъ. Оно, напротивъ того, было бы худшимъ изъ всѣхъ возможныхъ искуственныхъ неравенствъ. При существованіи всѣмъ равнаго вознагражденія за трудъ, усердный работникъ получаетъ такую же плату, какъ и лѣнивый, два часа честной работы также вознаграждаются, какъ и два часа работы дурной. Наконецъ, во имя этого же видимаго равенства, необходимо, что бы работникъ за два часа дурной работы получалъ столько же, сколько получаетъ другой за четыре часа хорошей работы ([2]). Эта кажущаяся справедливость, за которую такъ ратуютъ утописты, въ существѣ дѣла есть абсолютное отрицаніе всякой справедливости. Она имѣетъ значеніе преміи за лѣность и налога на усердіе въ трудѣ. Говоря словами Прудона, эта справедливость есть грабежъ сильнаго слабымъ, усерднаго лѣнивымъ, трудящагося праздным ([3]). Она неизбѣжно приводитъ

къ пониженію общаго уровня производительности, къ общей и равной бѣдности.

Изъ сказаннаго видно, что существующее разнообразіе въ размѣрахъ собственности имѣетъ своею задачею путемъ разнообразія въ употребленіи индивидуальныхъ силъ людей увеличить производительность, извлечь возможно большія выгоды отъ употребленія въ дѣло факторовъ производства. Это же приводитъ къ большей доступности всѣмъ того, что, по самой природѣ своей, не можетъ, подобно воздуху, принадлежать всѣмъ безразлично. Побуждаемый личнымъ интересомъ, производитель старается возможно цѣлесообразнѣе утилизировать принадлежащіе ему факторы производства, старается производить возможно большее количество продуктовъ съ возможно меньшими издержками. Это приводитъ къ уменьшенію цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта, при увеличеніи общей доходности хозяйства, то есть приводитъ къ большей общедоступности продуктовъ. Подобно тому, какъ индивидуальность или обособленіе является одною изъ причинъ ассоціаціи или общенія, здѣсь механическое неравенство является причиною возможно большаго хозяйственнаго равенства, производя возможно большую доступность того, что находится въ ограниченномъ количествѣ и должно быть увеличиваемо трудомъ.

Этотъ естественный законъ разнообразія въ размѣрахъ собственности имѣетъ общее примѣненіе ко всѣмъ видамъ имуществъ, но его дѣйствіе нагляднѣе всего проявляется въ сферѣ поземельныхъ имуществъ. Крупная поземельная собственность, а частью и средняя, служитъ разсадникомъ всевозможныхъ поземельныхъ улучшеній, увеличивающихъ количество продуктовъ, получаемыхъ отъ земли, удешевляющихъ эти продукты и облегчающихъ общее удовлетвореніе потребностей, такъ какъ удешевленные сельскохозяйственные продукты не только посредственно потребляются людьми, но потребляются и въ формѣ продуктовъ обрабатывающихъ отраслей промышленности. „Здѣсь возможны дорого стоющіе опыты, введеніе усовершенствованныхъ орудій, машинъ и тѣ раціональные пріемы, которые составляютъ результатъ раздѣленія труда. Здѣсь земледѣліе находитъ научную

и практическую школу, изъ которой впослѣдствіи благодѣянія агрономическаго образованія распространяются безвозмездно на все сосѣднее населеніе. При большой поземельной собственности и при большихъ хозяйствахъ, обладающихъ значительными капиталами, образуются, независимо отъ всякихъ правительственныхъ распоряженій, запасы не только обезпечивающіе народное продовольствіе, но и способствующіе уравненію хлѣбныхъ цѣнъ въ годы урожайные и неурожайные. Въ урожайные годы хорошо устроенныя и богатыя большія хозяйства воздерживаются отъ сбыта и, тѣмъ самымъ, даютъ мелкимъ хозяйствамъ возможность получить за свои произведенія цѣну, вознаграждающую трудъ земледѣльца. Въ неурожайные годы запасы большихъ имѣній отвращаютъ голодъ“ (¹). Сверхъ того, большая поземельная собственность даетъ возможность обществу практически воспользоваться тѣмъ закономъ, по которому возрастаніе размѣровъ дѣла не сопровождается пропорціональнымъ же возрастаніемъ издержекъ. Благодаря этому, отъ земли получается большее количество продуктовъ при меньшихъ затратахъ. Общество выигрываетъ на этомъ также, какъ выигрываетъ наприм. городъ, снабженіемъ котораго водой занимается одна компанія, а не 10, изъ коихъ каждая доставляетъ воду жителямъ только одной улицы.

Но если бы въ странѣ существовала только большая поземельная собственность, то обезземеленныя рабочія массы не имѣли бы хозяйственной самостоятельности, вслѣдствіе чего общество несло бы двоякаго рода потери. Оно, прежде всего, говоря словами Рошера, больше теряло бы въ людяхъ, чѣмъ пріобрѣтало бы въ матеріальныхъ цѣнностяхъ; оно теряло бы на человѣческомъ достоинствѣ всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ хозяйственной самобытности, кто порабощается другими, завися отъ нихъ въ насущномъ кускѣ хлѣба. За тѣмъ, въ концѣ концовъ общество теряло бы и въ матеріальныхъ цѣнностяхъ, такъ какъ подневольный трудъ непроизводителенъ въ такой мѣрѣ, какъ трудъ свободный. Вотъ почему мелкая поземельная собственность необходима даже для того одного, что бы большія имѣнія приносили надлежащія выгоды. Самое же существенное ея назначеніе—служить обезпеченіемъ массъ населенія. „Вездѣ, гдѣ мы находимъ

поселянъ-собственниковъ, говоритъ Сисмонди, мы находимъ и это благосостояніе, эту обезпеченность, это спокойствіе за будущность, эту независимость, которыми упрочивается и счастье и добродѣтель.

Поселянинъ, исполняющій съ своими дѣтьми всю работу въ своемъ маленькомъ имѣніи, не платящій ни ренты высшему, ни рабочей платы низшему его, ведущій свое производство соразмѣрно своему потребленію, продовольствующійся собственнымъ хлѣбомъ, пьющій собственное вино, одѣвающійся въ свой халатъ и свое сукно, мало безпокоится о рыночныхъ цѣнахъ, потому что мало ему нужно продавать и покупать, и никогда не разоряется онъ коммерческими сотрясеніями.

Будущее не страшитъ его, напротивъ, оно украшается для него надеждой, потому что онъ обращаетъ на пользу своимъ дѣтямъ, на пользу будущимъ вѣкамъ каждую минуту, свободную у него отъ годичныхъ работъ. Нѣсколькихъ минутъ труда было ему довольно, чтобы посадить въ землю зерно, которое чрезъ сто лѣтъ будетъ большимъ деревомъ, провести канаву, которая приведетъ къ нему воду изъ ручья, улучшать постоянными заботами въ минуту досуга всѣ породы животныхъ, всѣ сорты растеній около себя. *Его маленькое наслѣдственное имѣніе—истинная сберегательная касса, всегда готовая принимать всѣ его маленькіе барыши обращать въ прибыль всѣ его свободныя минуты.* Вѣчно дѣятельное могущество природы оплодотворяетъ ихъ, возвращаетъ ему ихъ сторицею. Поселянинъ живо сознаетъ счастіе, соединенное съ положеніемъ собственника; потому онъ всегда готовъ покупать землю за какую хотите цѣну. Онъ платитъ за нее дороже, чѣмъ она стоитъ, можетъ быть столько, что цѣна не окупится ему; но не правъ ли онъ, высоко цѣня ту выгоду, что она даетъ ему средство всегда выгодно помѣщать трудъ свой, не продавая его съ уступкою, всегда даетъ хлѣбъ, освобождаетъ отъ нужды покупать его по дорогой цѣнѣ“ (3).

Наконецъ собственность среднихъ размѣровъ, служа переходною ступенью отъ малой поземельной собственности къ большой, заключаетъ въ себѣ въ извѣстной степени нѣкоторыя преимущества каждой изъ нихъ. Среднею поземельною собствен-

постью мы называемъ, слѣдуя Р о ш е р у, такія помѣстья, въ которыхъ значительнѣйшая часть работъ исполняется наемными рабочими, но при этомъ въ нѣкоторыхъ исполнительныхъ работахъ принимаетъ участіе и самъ собственникъ, у котораго остается свободное время отъ общаго надзора и управленія. Такой собственникъ пользуется выгодами мелкой собственности въ томъ отношеніи, что не всѣ работы производятся у него наемными исполнителями, причемъ и надзоръ надъ послѣдними у него интенсивнѣе; но въ тоже время онъ пользуется въ нѣкоторой степени и выгодами большой собственности, наприм. экономіей въ издержкахъ дѣла, возникающей при всякомъ разширеніи размѣровъ послѣдняго. Эта средняя поземельная собственность представляетъ собою цѣль постоянныхъ стремленій малыхъ землевладѣльцевъ, заохочивая ихъ къ труду, бережливости и поземельнымъ улучшеніямъ.

Изъ этого видно, что въ каждой странѣ необходимо совмѣстное существованіе всѣхъ трехъ видовъ размѣровъ поземельной собственности, такъ какъ только при этомъ страна имѣетъ возможность наилучшимъ образомъ утилизировать силы земли. Этотъ принципъ нагляднѣе всего представляется въ сельскохозяйственномъ дѣлѣ, но онъ имѣетъ практическое примѣненіе и во всѣхъ отрасляхъ народнаго труда, во всѣхъ видахъ собственности. Разнообразіе въ размѣрахъ собственности — это общій принципъ хозяйственной жизни, однообразіе же — принципъ хозяйственнаго прозябанія, если не смерти.

Такъ какъ разнообразіе въ размѣрахъ собственности, въ своемъ естественномъ видѣ, есть результатъ разнообразія хозяйственныхъ силъ и способностей людей, то регулированіе размѣровъ собственности, по общему правилу, должно быть дѣломъ экономической свободы. Но экономическая свобода „бываетъ благотворна тогда, когда человѣкъ можетъ пользоваться ею разумно, съ сознаніемъ и въ предѣлахъ закона“ (6). Вотъ почему въ дѣйствительности часто представляется необходимость вмѣшательства со стороны государства, когда такое вмѣшательство требуется общимъ интересомъ страны. Когда, наприм. большая поземельная собственность поглощаетъ малую, очевидно

всякому, что такое вмѣшательство неизбѣжно и безусловно вызывается общимъ интересомъ страны. Такъ закономъ 19 Февраля 1861 года русскіе крестьяне не только получили личную свободу, но надѣлены и землей. Такимъ же образомъ польскіе крестьяне закономъ 19 Февраля 1864 года получили земельные надѣлы, которые до этого времени считались собственностью помѣстнаго сословія, единственнаго въ краѣ землевладѣльческаго сословія. Съ другой стороны, въ странѣ можетъ произойти крайнее раздробленіе земли; мелкая поземельная собственность можетъ сдѣлаться уже въ такой степени малою, что становится недостаточною для занятія труда и прокормленія. Принадлежность земли поселянамъ, справедливо говоритъ Миллъ, бываетъ полезною системою при томъ условіи, чтобы участки не были слишкомъ раздроблены, т. е. чтобы не требовалось съ участка продовольствія для такого числа лицъ, какое не можетъ содержаться продуктомъ этого участка (7).

При крайнемъ раздробленіи земли, говоритъ Рошеръ, пропадаетъ много земли на межи и полевыя дороги, невозможно раціональное сельское хозяйство и интенсивное употребленіе въ дѣло капиталовъ. Послѣ извѣстнаго предѣла приходится замѣнять лошадей волами, потомъ воловъ коровами, парную упряжь одиночною; когда еще далѣе идетъ раздробленіе, то и для одиночной упряжи не будетъ корма. Тогда самъ человѣкъ долженъ заступить мѣсто животнаго и происходитъ замѣна плуговъ заступами и мотыками, телегъ—тачками и корзинами. Но человѣкъ „не долго можетъ исполнять работы животнаго, не рискуя упасть на степень машины или грубаго животнаго.“ Крайнее раздробленіе земли, такимъ образомъ, можетъ окончиться превращеніемъ человѣка „въ машину или грубое животное“ (8).

Важнѣйшей мѣрой противъ этихъ крайностей малой земельной собственности служитъ установленіе такого наименьшаго размѣра участковъ (Bezitz- und Parcellenminimum), который при переходахъ изъ рукъ въ руки остается недѣлимымъ. Въ разныхъ государствахъ принимались различныя основанія для опредѣленія размѣровъ такого наименьшаго участка. Въ однихъ въ основа-

ніе принималась рабочая сила хозяйства (Arbeitsfläche), въ другихъ нужды семьи (Nahrungs или Unterhaltungsfläche), въ третьихъ сумма платимыхъ податей. У насъ принято, что крестьянскій поземельный надѣлъ долженъ быть достаточенъ какъ для прокормленія семьи, такъ и для исправнаго платежа податей и повинностей. Съ этою цѣлію установлено, что земельные участки принадлежащіе государственнымъ крестьянамъ, содержащіе не болѣе восьми десятинъ, признаются недѣлимыми на части при продажѣ, переходахъ по наслѣдству и т. д. Также не подлежатъ раздробленію, свыше положенной мѣры, подворные участки крестьянъ собственниковъ въ западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ. На этомъ же основаніи признаются недѣлимыми поземельные участки, отводимые по Высочайшему повеленію малоимущимъ дворянамъ, которымъ предоставлено право поселенія на казенныхъ земляхъ нѣкоторыхъ губерній.

Опредѣленіе такого наименьшаго поземельнаго участка зависитъ отъ мѣстныхъ условій каждой страны. И вообще, пространственная или механическая оцѣнка при опредѣленіи размѣровъ собственности не имѣетъ научнаго значенія. Съ экономической точки зрѣнія нельзя сказать, не зная мѣстныхъ условій, что одинъ участокъ малъ, а другой большой, только потому, что въ первомъ менѣе десятинъ земли, чѣмъ во второмъ; въ дѣйствительности можетъ оказаться совершенно противное: первый участокъ можетъ быть признанъ большимъ, второй же малымъ. Для отвѣта на вопросъ: какое пространство земли должно быть отнесено къ большой, средней или малой собственности, необходимо знать всю совокупность разнообразныхъ мѣстныхъ условій, при которыхъ ведется хозяйство. Въ массѣ этихъ условій имѣютъ большое вліяніе не только экономическія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойства, но также и физическія особенности страны. Такъ наприм. въ странахъ плохо орошаемыхъ, луговая культура которыхъ слаба, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій наименьшій поземельный участокъ долженъ быть больше, чѣмъ въ странѣ хорошо орошаемой и обладающей высоко продуктивнымъ луговодствомъ. Въ послѣдней на меньшемъ пространствѣ пастбищной и луговой земли можетъ быть содержимо необходи-

мое количество скота, между тѣмъ какъ въ первой тотъ же самый результатъ можетъ быть полученъ не иначе, какъ на значительно большемъ пространствѣ.

Очевидно, что при подобныхъ обстоятельствахъ пространственно равные участки не могутъ быть признаны экономически равными. Практическимъ хозяевамъ это уже давно извѣстно. Въ приморскихъ частяхъ Испаніи селькое хозяйство ведется и процвѣтаетъ на малыхъ по пространству участкахъ, между тѣмъ какъ въ мѣстностяхъ плохо орошаемыхъ предпочитаются большія хозяйства; въ Германіи по Рейну, во Франціи по долинѣ Гаронны опредѣленный результатъ получается на незначительныхъ пространствахъ земли, между тѣмъ какъ для достиженія того же результата въ сухихъ частяхъ этихъ странъ необходимы участки земли гораздо большіе.

Но еще большее вліяніе въ этомъ отношеніи имѣютъ экономическія условія мѣстности. Подъ вліяніемъ этихъ условій, вблизи большихъ городовъ поземельные участки могутъ имѣть самые незначительные размѣры и въ то же время представлять собою значительную хозяйственную силу. Большіе доходы, приносимые подобными землями, возвышаютъ ихъ цѣнность и побуждаютъ къ организаціи возможно болѣе интенсивнаго хозяйства. При такихъ условіяхъ незначительный участокъ представляетъ собою большую хозяйственную силу, чѣмъ другой, несравненно большій по пространству, но находящійся вдали отъ города. То, чѣмъ является городъ относительно села, представляетъ собою и вообще вся мануфактурная промышленность, всѣ неземледѣльческія отрасли занятій, представляющія собою рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Громадное развитіе мануфактурной промышленности въ Англіи производитъ то, что въ этой странѣ на сравнительно малыхъ поземельныхъ участкахъ получаются лучшіе результаты, чѣмъ въ другихъ странахъ на гораздо большихъ участкахъ. Если, по замѣчанію Р о ш е р а, въ окрестностяхъ Лондона на фермѣ отъ 5 до 20 акровъ получается такой же результатъ, какъ въ остальныхъ частяхъ Англіи на фермахъ въ 150—200 акровъ, то въ среднемъ выводѣ вообще въ Англіи на фермахъ въ 50 — 100 акровъ получается лучшій результатъ,

чѣмъ въ большей части другихъ странъ Европы на участкахъ въ два и три раза большихъ. То, чѣмъ является Лондонъ относительно подгородныхъ фермъ, представляетъ собою мануфактурная промышленность Англіи относительно всего ея сельскаго хозяйства.

(1) И. Бунге. Основ. полит. экономіи, стр. 133 — 134. „Собственность есть не только установленіе общественное, допущенное ради общаго блага, но и естественное, вытекающее изъ права человѣка на то, что пріобрѣтено производительными силами, которыя находятся въ его распоряженіи. Право это становится мало-по-малу основаніемъ поземельной собственности, и хотя историч. ходъ событій совершается не по однимъ законамъ вѣчной справедливости, но несомнѣнно, что справедливость мало-по-малу беретъ верхъ надъ привилегіею, монополіею и грубымъ насиліемъ" (2) Bastiat. Harm. économ. гл. 8. (3) Qu'est-ce que la propriété, стр. 283. Roscher. Die Grundlage der Nationalökon. § 82. (4) И. Бунге, полицейское право, стр. 170. (5) Etudes sur l'écon. politique, essai III. Миллъ. Основ. пол. экон. гл. VI. кн. II. (6) Бунге. Пол. право, стр. 175. (7) Осн. пол. эк. т. II, стр. 334. (8) Nat.-ökon. d. Ackerbaues. § 52.

III. Составныя части собственности.

Предметомъ собственности могутъ быть или произведенія стихійныхъ дѣятелей, или произведенія труда и капитала. Такое различіе между предметами собственности со всею строгостію обнаруживается только на низшихъ ступеняхъ гражданственности. Съ экономическимъ развитіемъ человѣкъ мало по малу подчиняетъ себѣ силы природы, становится ихъ повелителемъ, распоряжается ими по своему усмотрѣнію также, какъ и силами капитала, такъ что производство продукта при помощи стихійныхъ дѣятелей подводится къ одному знаменателю съ производствомъ при помощи капитала и въ результатѣ дѣятельности приходится

различать главнымъ образомъ доли капитала и труда. Но стихійный элементъ не безусловно становится аналогичнымъ съ капиталистическимъ. Онъ проявляется въ видѣ особаго дохода, называемаго рентой, представляющей собою главнымъ образомъ результатъ дѣятельности въ земледѣліи силъ природы, но получаемой также и отъ капитала и отъ труда, находящихся въ особо благопріятныхъ условіяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ намъ остается изучить, такимъ образомъ, сущность и происхожденіе элементовъ собственности трудоваго, капиталистическаго и рентнаго, а также законъ взаимнаго между ними отношенія.

а) Доля капитала.

§ 1. Капиталистическій элементъ собственности, какъ та доля, которая получается въ результатѣ производительной дѣятельности капитала, въ обыденной рѣчи носитъ названіе прибыли, процента, капиталистическаго дохода и т. п. Въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ онъ уже въ древности подвергался разнообразнымъ нападкамъ со стороны писателей, сомнѣвавшихся въ его правомѣрности. Денежная его форма почти во всѣ времена находила противниковъ, которые считали правомѣрнымъ полученіе прибыли отъ употребленія въ дѣло машинъ, отъ найма ихъ другихъ производителямъ, но не могли согласиться съ правомѣрностью пріобрѣтенія прибыли отъ денегъ. И только въ новѣйшее время всѣ виды капиталистической собственности въ равной степени стали предметомъ рѣзкихъ нападеній со стороны соціалистическихъ писателей.

Мыслители древняго міра и среднихъ вѣковъ вооружались главнымъ образомъ противъ денежной прибыли, получаемой отъ ссуды денегъ. Такъ Аристотель считаетъ процентъ противоестественнымъ доходомъ на томъ основаніи, что деньги не производятъ новыхъ денегъ, что они безплодны по самой природѣ своей. Точно также относились къ процентамъ и лучшей изъ людей Рима, напр. Сенека, Катонъ и другіе. Катонъ выражается о процентахъ особенно рѣзко; по его мнѣнію, foenerari и hominem occidere—одно и тоже.

Учители Христіанской церкви, ссылаясь на Аристотеля также считаютъ процентъ неестественнымъ доходомъ Св. Василій прямо повторяетъ слова Аристотеля, что деньги не рождаютъ новыхъ денегъ, не даютъ, слѣдовательно, никакого права собственности на доходъ, назыв. процентомъ. Григорій Нисскій говоритъ, что великія слова Творца міра—*растите́сь* и *умножайтесь* — вовсе не относились къ деньгамъ. Вообще мысль Аристотеля о безплодности денегъ была главнымъ доводомъ противъ естественности и правомѣрности процентовъ. Между прочимъ и Шекспиръ въ своемъ „Венеціанскомъ купцѣ“ приводитъ тоже основаніе.

Это предубѣжденіе противъ процентовъ, по справедливому объясненію Молинари (1), произошло отъ того, что разнообразныя обстоятельства соединялись для передоставленія капиталистамъ монополіи, позволявшей имъ производить ссуды за чрезмѣрно высокіе проценты. Капиталы были рѣдки, правосудіе слабо, не менѣе слаба была и народная честность; капиталы занимались большею частью не для производства, но для потребленія.

Весьма естественно, что при такомъ экономическомъ положеніи процентъ былъ высокъ и крайне обременителенъ для плательщиковъ. Плательщики вооружались противъ самаго права процентовъ, требовали то законодательнаго опредѣленія размѣровъ послѣднихъ, то уничтоженія старыхъ долговъ. Но именно такія требованія еще ухудшали положеніе дѣлъ; должники становились жертвами постановленій, которыхъ они сами требовали и которыя дѣйствительно предпринимались для ихъ пользы. Постановленія эти увеличивали рискъ ссуды, увеличивали страховую премію и, слѣдовательно, размѣры процентовъ.

Извѣстна зависимость человѣческаго мышленія отъ экономическихъ условій; по замѣчанію одного изъ мыслителей, если бы человѣчеству былъ интересъ въ спорности математическихъ аксіомъ, то эти аксіомы были бы дѣйствительно спорными. Каждый мыслящій человѣкъ, при всемъ искреннемъ безпристрастіи, невольно подчиняется условіямъ даннаго экономическаго быта, считаетъ истиннымъ или ложнымъ то, что выгодно или вредно большей части общества въ данное время и въ данной мѣстности.

Подъ вліяніемъ экономическихъ условій, монополизировавшихъ положеніе капиталистовъ и сдѣлавшихъ дѣйствительно обременительными условія платежа процентовъ для большей части населенія, и возникла доктрина Аристотеля и его послѣдователей, отрицающая естественность и правомѣрность процентовъ.

Въ средніе вѣка экономическое положеніе въ этомъ отношеніи еще ухудшилось. Евреи, считавшіеся проклятымъ народомъ, въ это время могли владѣть только движимымъ имуществомъ и главнѣйшимъ средствомъ къ существованію для нихъ было ростовщичество. Христіане воздерживались отъ этого промысла. Такимъ образомъ денежный рынокъ сосредоточился въ рукахъ Евреевъ, сдѣлался ихъ монополіей. Процентъ, какъ монопольный доходъ, былъ обременителенъ; масса плательщиковъ вооружалась противъ права процентовъ, требовала законодательныхъ постановленій, направленныхъ противъ ростовщиковъ. Народъ весьма часто прибѣгалъ къ самостоятельной расправѣ съ своими экономическими врагами, грабилъ и убивалъ ихъ, но чрезъ все это положеніе гонителей еще болѣе ухудшалось, преслѣдуемые обогащались, благодаря этимъ преслѣдованіямъ. Благодаря предубѣжденіямъ противъ процентовъ, народъ находился въ экономическомъ cercle vicieux, изъ котораго не предвидѣлось выхода. Выходъ могъ сдѣлаться возможнымъ только послѣ разрушенія источника этого экономическаго круга и вотъ, вмѣстѣ съ реформаціей, мало-по-малу предубѣжденіе противъ процентовъ начинаетъ разсѣеваться.

Такъ какъ въ основаніи этого предубѣжденія лежала мысль Аристотеля о безплодности денегъ, то необходимо было обратиться къ критическому разбору этой мысли, что и сдѣлалъ Кальвинъ. Говорятъ, что деньги не производятъ новыхъ денегъ, разсуждалъ онъ (²), но море и домъ также не рождаютъ ихъ, а между тѣмъ за пользованіе домомъ получается наемная плата и получаетъ доходъ торговецъ, перевозящій по морю товары.

Если домъ производитъ наемную плату, то рождаются ли деньги отъ крышъ или стѣнъ? Нѣтъ; земля производитъ, море носитъ корабли и за деньги можно пріобрѣсть домъ. Когда за

деньги пріобрѣтаютъ землю, капиталъ этотъ не приноситъ ли ежегоднаго дохода? Гдѣ же источникъ его? Вы отвѣтите, что въ производительной дѣятельности. Но никто не сомнѣвается, что деньги, лежащіе безъ употребленія, безплодны. Доходъ получается не отъ самихъ денегъ, но отъ того употребленія, которое изъ нихъ дѣлаютъ.

Основная мысль Кальвина состоитъ въ томъ, что производительность денегъ заключается въ ихъ употребленіи, хотя сами по себѣ они производительностью не обладаютъ. Необходимо согласиться, что эта мысль вполнѣ вѣрна, но только относительно денегъ, а не капитала въ собственномъ смыслѣ этого слова. Земля пріобрѣтается за деньги; доходъ отъ этого пріобрѣтенія не есть доходъ отъ денегъ, но отъ факторовъ, дѣйствующихъ въ земледѣліи. Посредствомъ денегъ пріобрѣтаются дѣйствительные факторы производства. Естественность и правомѣрность процента отъ денегъ основывается именно на этомъ ихъ характерѣ, какъ мѣноваго посредника. Мысль эта можетъ быть уяснена слѣдующими словами І. Бентама. Возражая Аристотелю, Бентамъ говоритъ: Аристотель, этотъ великій философъ, при всей своей проницательности и великомъ талантѣ, не могъ открыть ни въ одной монетѣ органа, который бы свидѣтельствовалъ о способности денегъ къ воспроизводству, не смотря на громадное количество монетъ, перешедшихъ чрезъ его руки, и не смотря на то, что вопросъ о воспроизводствѣ (la question de la génération) составлялъ его соціальность. Убѣжденный такими доводами, онъ результатъ своихъ изслѣдованій высказалъ міру въ слѣдующемъ универсальномъ положеніи: деньги по самой природѣ своей безплодны. И мы также не сомнѣваемся въ томъ, что дарика также не способна родить другую дарику, какъ не способна родить барана или овцу; но человѣкъ, получившій ее взаймы, можетъ купить за нее барана и двухъ овецъ, способныхъ къ воспроизведенію и которые въ концѣ года могутъ дать приплодъ въ видѣ двухъ или трехъ ягнятъ. Если при наступленіи срока возврата долга онъ продаетъ барана и двухъ овецъ для пріобрѣтенія вновь дарики, и возвратитъ ее заимодавцу, которому, сверхъ того даетъ процентъ въ видѣ одного ягненка или его

эквивалента, то онъ все-таки будетъ богаче, нежели въ то время, если бы не дѣлалъ займа (⁵).

Относительно денежнаго процента взглядъ Кальвина, развитый Бентамомъ, вполнѣ вѣренъ. Но перенесеніе этой точки зрѣнія на дѣйствительные капиталы приводитъ къ большимъ заблужденіямъ. Оно приводитъ къ доктринѣ экономической непроизводительности капитала и разрушенію правомѣрности капиталистическаго элемента собственности.

Такой экономическій кальвинизмъ наиболѣе послѣдовательно развитъ у Рикардо и его учениковъ, и развитъ по требованію ихъ общей теоріи цѣнности. По ученію Рикардо, цѣнность есть ничто иное, какъ овеществленный въ продуктѣ трудъ производства этого продукта. Согласно съ этимъ, капиталъ входитъ въ составъ цѣнности въ той мѣрѣ, въ какой онъ представляетъ собою накопленный трудъ, изъ чего слѣдуетъ, что всякій капиталъ только воспроизводится въ цѣнности новаго продукта, не образуя въ немъ никакой добавочной цѣнности, которая послужила бы основаніемъ для капиталистической прибыли. Положимъ, извѣстный продуктъ произведенъ двумя днями работы человѣка и капиталомъ, на производство котораго затрачено три дня; въ такомъ случаѣ цѣнность продукта будетъ состоять изъ двухъ слагаемыхъ: изъ двухъ дней „живаго труда“ и трехъ дней труда прошедшаго. Капиталъ здѣсь только перешелъ въ стоимость новаго продукта, не образуя никакого новаго элемента если три дня прошедшаго труда или капиталъ равны 10 рублямъ, то въ цѣнность новаго продукта переносятся только эти 10 рублей. Если же капиталъ только воспроизводится, не образуя въ цѣнности продукта никакого новаго элемента, то гдѣ источникъ прибыли? Прибыль не образуется капиталомъ, такъ какъ послѣдній только воспроизводится въ цѣнности; она является вычетомъ изъ добавочной цѣнности, единственный источникъ которой — живой трудъ человѣка. Если продуктъ произведенъ посредствомъ двухъ дней живаго труда и трехъ труда прошедшаго, то цѣнность его будетъ равна пяти днямъ труда. Положимъ, капиталистъ покупаетъ два дня труда работника продуктомъ, стоющимъ всего одинъ день; въ такомъ случаѣ послѣ продажи произведенія

за цѣнность, равную пяти днямъ, капиталистъ имѣетъ прибыли одинъ день; три дня составляютъ воспроизведенный капиталъ; одинъ день въ видѣ продукта отданъ представителю живаго труда, составляя его заработную плату, и одинъ день — чистая прибыль капиталиста. Ясно, что по этому ученію, прибыль есть ничто иное, какъ неоплаченный трудъ. Прибыль получается не отъ производительной дѣятельности капитала, но, говоря словами Кальвина, отъ употребленія его трудомъ человѣка; по природѣ своей капиталъ безплоденъ, какъ и деньги.

Изъ современныхъ экономистовъ это ученіе принято Миллемъ. „Причина прибыли, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, когда растетъ пища. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то, кромѣ возвращенія своей затраты, онъ получилъ еще нѣсколько лишняго. Иными словами теорема выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія живутъ больше времени, какое нужно было для производства ихъ, такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами съ условіемъ получить все, что они производятъ, то они, за воспроизведеніемъ потребляемыхъ или предметовъ необходимости и орудій, будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видимъ, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда, и общая прибыль страны всегда бываетъ соразмѣрна производительной силѣ труда, все равно, хотя бы и не происходило никакого обмѣна. Если работники страны всѣ вмѣстѣ производятъ на 20% больше своей заработной платы, то прибыль будетъ 20% каковы бы ни были цѣны. Прибыль зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: 1) отъ величины продукта, иначе сказать отъ производительной силы труда, и 2) отъ того, какую часть этого продукта получаютъ сами работники“ (1). Въ этихъ словахъ Милль выражается такъ ясно, что не можетъ быть никакого спора отно-

сительно его воззрѣнія. По его ученію, прибыль есть разница между тѣмъ, что производитъ рабочій и тѣмъ, что достается ему за работу отъ капиталиста. Прибыль является доходомъ противоестественнымъ, является какимъ-то экономическимъ грабежемъ. Приходится или утверждать, что le salariat est la dernière transformation de la servitude (Шатобріанъ), или санкціонировать несправедливость. Одинъ изъ нашихъ писателей избралъ послѣднее, видя всю несостоятельность перваго. „Процентъ, говоритъ Роберти, есть чужая, неоплаченная работа, присвояемая себя капиталистомъ по праву экономически сильнаго. Такой процентъ есть необходимое условіе производства. Когда говорятъ о необходимости, вопросъ о справедливости вовсе устраняется. Все, что существуетъ, то и разумно, гласитъ метафизическое изреченіе Гегеля, вѣрнѣе было бы сказать: все, что необходимо, то и справедливо“ (5). Такимъ образомъ, по мнѣнію нашего экономиста, экономическій грабежъ, будучи необходимъ, является ео ipso справедливымъ. Вотъ къ какому страшному результату приводитъ примѣненіе воззрѣнія Кальвина къ дѣйствительнымъ капиталамъ. Необходимо признать, что капиталъ по природѣ своей безплоденъ, что онъ увеличивается не иначе, какъ на счетъ труда. Необходимо согласиться съ А. Беккеромъ, что „капиталъ есть языческій храмъ, воздвигнутый изъ высохшихъ костей работниковъ, для ежедневно приносимыхъ въ немъ новыхъ человѣческихъ жертвъ“ (6).

Изъ того, что источникъ прибыли отъ займа денегъ не въ деньгахъ, но въ тѣхъ факторахъ производства, которые могутъ быть пріобрѣтены посредствомъ денегъ, нельзя заключать, что всякая прибыль на дѣйствительный капиталъ заключается въ чемъ либо иномъ, а не въ самомъ капиталѣ. Въ теоріи производства мы видѣли, что капиталъ представляетъ собою высокую производительную силу, ту силу, благодаря которой человѣческій міръ получилъ возможность такого развитія, какого не существуетъ въ другихъ сферахъ жизни. Капиталистическій элементъ собственности и представляетъ собою естественный результатъ этой производительности капитала, облегчающей трудъ и увеличивающей массу произведеній. Эта истина прекрасно уяснена Ро-

шеромъ въ его основаніяхъ народной экономіи. Правомѣрность процента, говоритъ онъ, основывается съ одной стороны на производительности капитала и съ другой на лишеніи, происходящемъ вслѣдствіе пользованія своею собственностью. Если охотникъ невооруженными руками пріобрѣтаетъ каждый день по фунту мяса, а съ ружьемъ по 100 фунтовъ, то неужели неправомѣренъ доходъ собственника, снабдившаго своимъ ружьемъ охотника, безъ чего доходъ послѣдняго не увеличился бы? (§ 189). Неужели возможно въ подобныхъ случаяхъ, не извращая фактовъ, говорить объ экономическомъ грабежѣ, о капиталѣ, какъ языческомъ храмѣ изъ костей рабочихъ и т. д.

(1) Cours d'économie politique, tome 1, p. 823 и слѣд. (2) Л. Ф о ш е, Dictionaire de l'écon. pol. сл. intéret. (3) Defence de l'usure 1828, стр. 125—127 (4) Основ. пол. экономіи, т. 1. стр. 477—478. (5) Политико-экономическіе этюды, стр. 74. (6) Б. Г и л ь д е б р а н т ъ. Истор. обозрѣніе политико-экономическихъ системъ, стр. 74—75.

§ 2. Источникъ дохода на капиталъ—производительность послѣдняго. Но производительность разнообразныхъ капиталовъ также разнообразна, какъ разнообразна и производительность труда различныхъ людей. Это разнообразіе производительности капиталовъ легко приводитъ къ мысли, что разнообразіе прибылей представляетъ собою общее правило, неизбѣжный законъ, вытекающій изъ самой природы капиталовъ. Вотъ почему еще А. С м и т ъ утверждалъ, что въ дѣйствительности не мыслимо опредѣленіе средняго размѣра прибыли, такъ какъ прибыль постоянно мѣняется, мѣняется не только со дня на день, но съ часа на часъ (1). Съ другой стороны легко также пріидти и къ совершенно противоположному заключенію. Каждый стремится къ тому, чтобы извлечь возможно больше выгоды изъ своего капитала. Каждый, поэтому, перемѣщаетъ свой капиталъ изъ мало прибыльныхъ отраслей производства въ отрасли болѣе прибыльныя. Одновременное существованіе въ данной мѣстности различныхъ раз-

мѣровъ прибылей возможно не иначе, какъ при запрещеніи перехода капиталовъ изъ однихъ помѣщеній въ другія. При отсутствіи же такихъ запрещеній, какъ искуственныхъ, такъ и естественныхъ, стремленіе каждаго капиталиста получить возможно больше выгоды изъ своего капитала приводитъ къ тому, что всѣ прибыли естественно стремятся къ одному уровню. При этомъ стремленіи однообразіе въ уровнѣ прибылей составляетъ общее правило, между тѣмъ какъ разнообразіе—исключеніе изъ общаго правила.

Въ экономической литературѣ послѣднее воззрѣніе впервые было уяснено Рикардо. Каждый, кто свободно распоряжается своимъ капиталомъ, говоритъ онъ, естественно станетъ искать такого употребленія для него, какое наиболѣе выгодно; само собою разумѣется, что онъ не удовольствуется 10% прибыли, когда можетъ получить 15%. Это безпокойное желаніе, свойственное всѣмъ капиталистамъ, оставлять менѣе прибыльное дѣло для болѣе прибыльнаго, имѣетъ сильное стремленіе приводить прибыль повсюду къ одному уровню, или приспособлять такимъ образомъ размѣры ея, чтобы возмѣщались тѣ выгоды, какія, по мнѣнію заинтересованныхъ сторонъ, дѣйствительно или повидимому имѣетъ одна изъ нихъ, въ сравненіи съ другою. Быть можетъ, было бы довольно затруднительно описать тотъ способъ, при помощи котораго происходитъ эта перемѣна въ промышленности; она происходитъ, вѣроятно, такимъ образомъ, что фабрикантъ не абсолютно мѣняетъ свои занятія, а только уменьшаетъ часть затраты капитала. Во всѣхъ богатыхъ странахъ есть извѣстное число людей, образующихъ такъ называемый денежный классъ; люди эти не занимаются никакимъ производствомъ, а живутъ процентами съ своихъ денегъ, которыя употребляются или на учетъ векселей, или отдаются взаймы болѣе промышленной части общества. Банкиры также употребляютъ немаловажную часть капитала на подобнаго рода операціи. Деньги, получившія такое назначеніе, составляютъ значительный свободный капиталъ и употребляются въ большемъ или меньшемъ количествѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности стра-

ны. Быть можетъ, не существуетъ ни одного фабриканта, какъ бы богатъ онъ ни былъ, который ограничивалъ бы свои операціи тѣми размѣрами, какіе допускаются одними собственными его средствами. Онъ всегда располагаетъ частью этого свободнаго капитала, которая то увеличивается, то уменьшается, смотря по живости спроса на его произведенія. Когда спросъ на шелковыя ткани возрастаетъ, а на суконныя уменьшается, то фабрикантъ суконъ не переводитъ своего капитала въ производство шелковыхъ матерій; онъ увольняетъ только нѣкоторыхъ рабочихъ и перестаетъ занимать деньги у банкировъ и капиталистовъ. Фабрикантъ шелковыхъ тканей находится, между тѣмъ, совершенно въ противоположныхъ обстоятельствахъ: ему необходимо употреблять болѣе рабочихъ, а слѣдовательно возрастаютъ для него и поводы къ займамъ; онъ занимаетъ болѣе, и капиталъ переходитъ изъ одного помѣщенія въ другое такимъ образомъ, что устраняется необходимость для фабриканта прекращать свое обычное занятіе. Капиталистъ, ищущій прибыльнаго помѣщенія для своего капитала, естественно долженъ взвѣсить всѣ преимущества одного рода промышленности предъ другимъ. Онъ можетъ, слѣдовательно, пожелать отказаться отъ части прибыли на свои деньги, въ виду большей безопасности, чистоты, спокойствія или какой нибудь другой дѣйствительной или воображаемой выгоды, какими пользуется одно употребленіе, въ сравненіи съ другимъ. Если бы, въ соотвѣтствіи съ такими обстоятельствами, прибыль съ капитала установилась такъ, что въ одной отрасли промышленности составляла бы 20, въ другой 25, въ третьей 30%, то прибыль, вѣроятно, постоянно продолжала бы сохранять эту относительную разность, съ тѣмъ только различіемъ, что, если бы, подъ вліяніемъ какой нибудь причины, прибыль одной изъ этихъ отраслей возвысилась на 10%, то или возвышеніе это было бы только временнымъ, и прибыль быстро возвратилась бы къ своему обычному состоянію, или прибыль въ другихъ отрасляхъ возвысилась бы въ той же пропорціи (²).

Въ экономической литературѣ и до настоящаго времени идетъ споръ между представителями этихъ воззрѣній. Одни утверждаютъ, что однообразіе уровня прибылей есть общее правило,

тогда какъ разнообразіе является исключеніемъ. Другіе, на оборотъ, утверждаютъ, что безконечное разнообразіе прибылей есть общее правило, а однообразіе — исключеніе. Мы думаемъ, что каждая изъ спорящихъ сторонъ права, но только односторонне. Каждая изъ нихъ видитъ одну сторону медали, не видя другой стороны. Разнообразіе прибылей—необходимое условіе экономическаго прогресса. Оно представляетъ собою внѣшнее выраженіе разнообразія способностей, съ помощью коихъ утилизируется капиталъ. По закону личнаго интереса, каждый производитель стремится къ достиженію возможно лучшихъ результатовъ съ возможно меньшими пожертвованіями; каждый стремится къ удешевленію производства, къ его усовершенствованію. Частное усовершенствованіе, прежде нежели сдѣлается общеизвѣстнымъ, даетъ тому или иному производителю большій доходъ, чѣмъ получаютъ другіе. Одинъ сельскій хозяинъ лучше организуетъ свое хозяйство, чѣмъ другой, благодаря чему и выручаетъ большій доходъ. Тотъ или иной мануфактуристъ можетъ лучше другихъ воспользоваться принципомъ раздѣленія труда, закономъ несоотвѣтствія между издержками дѣла и его размѣрами, кредитомъ и т. п., благодаря чему выручаетъ большій доходъ на опредѣленный капиталъ, чѣмъ выручаютъ другіе, менѣе смышленные, менѣе находчивые промышленники. Всѣ подобнаго рода колебанія въ уровнѣ прибылей представляютъ собою неизбѣжное условіе развитія; безъ нихъ экономическій прогрессъ не мыслимъ. Точно также неизбѣжно неравенство прибылей, происходящее отъ того, что не всѣ производители одинаково дорожатъ матеріальнымъ доходомъ, но обращаютъ также вниманіе на другія условія промысла, наприм. на постоянство дохода, рискъ предпріятія, чистоту его, безопасность и т. п. Неравенство прибылей при такихъ обстоятельствахъ неизбѣжно; оно и существуетъ въ обыденной жизни на каждомъ шагу. Но всякому должно быть ясно, что такое неравенство не исключаетъ стремленія къ равенству. Когда оно происходитъ отъ того, что каждый производитель обращаетъ вниманіе при выборѣ занятія не на одинъ матеріальный доходъ, но и на другія условія промысла, то, очевидно, для производителя меньшая прибыльность предпріятія воз-

награждается другими важными для него условіями, наприм. безопасностью предпріятія, большимъ постоянствомъ приносимаго имъ дохода и т. д. Когда же неравенство въ уровнѣ прибылей проистекаетъ изъ стремленія къ удешевленію производства, то здѣсь оно не можетъ быть постояннымъ. То или иное усовершенствованіе, увеличившее прибыльность даннаго хозяйства, не долго остается монополіей одного производителя, но мало по малу распространяется между другими и, наконецъ, становится общимъ достояніемъ. Наконецъ, необходимо не забывать, что всѣ колебанія въ уровнѣ прибылей могутъ происходить не иначе, какъ вокругъ того средняго уровня, за которымъ начинается растрата силъ.

И такъ, разнообразіе въ уровнѣ прибылей не исключаетъ стремленія ихъ къ равенству, подобно тому, какъ постоянныя колебанія волнъ не уничтожаютъ закона, по которому море всегда стремится къ уровню, по которому стремится къ одному уровню и вода въ сообщающихся между собою трубкахъ.

(1) Richesse des Nations. т. 1, стр. 200. (2) Начала политической экономіи, гл. IV.

§ 3. Съ экономическимъ развитіемъ прибыль и въ частности ростъ или плата за пользованіе капиталами постоянно уменьшается. Этотъ фактъ уже давно обратилъ на себя вниманіе, причемъ нѣкоторые пришли даже къ мысли, что въ своемъ постепенномъ паденіи прибыль съ капитала наконецъ вовсе уничтожится. По замѣчанію Р о ш е р а, это пророчество, впервые высказанное П р у д о н о м ъ, также основательно, какъ было бы основательно пророчество о томъ, что, уменьшая въ незначительной степени каждый день порцію пищи, человѣкъ достигнетъ того, что можетъ обходиться совершенно безъ пищи. Дѣйствительно, полное уничтоженіе процента было бы равносильно прекращенію накопленія капиталовъ, экономической неподвижности общества и за тѣмъ постепенному упадку. Личный интересъ всегда былъ

основнымъ экономическимъ двигателемъ, съ уничтоженіемъ котораго возможно только такое общежитіе, которое представляло бы собою всеобщее рабство. Капиталистическая прибыль и въ частности ростъ служатъ одной изъ формъ проявленія въ жизни этого личнаго интереса.

Если бы капиталъ не давалъ никакого дохода, тогда не было бы интереса въ сбереженіи и накопленіи его; тогда не было бы и роста, потому что вознагражденіе за пользованіе капиталомъ дается на томъ основаніи, что употребленный въ дѣло капиталъ увеличиваетъ произведенія, то есть приноситъ доходъ.

Могутъ возвразить противъ этого, что общество естественно стремится къ такому неподвижному состоянію и за тѣмъ къ упадку. Пониженіе роста и прибыли имѣетъ тенденцію уменьшать мотивы къ накопленію капиталовъ. Весьма естественно, что на этомъ пути долженъ наступить моментъ, въ который всякое сбереженіе и накопленіе капиталовъ остановится, послѣ чего общество или, подобно Китаю, должно окаменѣть въ данной стадіи развитія, или, подъ вліяніемъ размноженія населенія, постепенно разлагаться. Извѣстная экономическая схема Р о ш е р а, по которой общество, послѣ періода развитія, вступаетъ въ состояніе неподвижности и, наконецъ, неизбѣжно разлагается и умираетъ, основана главнымъ образомъ на этой мысли о движеніи накопленія капиталовъ.

Сторонники этого экономическаго пессимизма забываютъ, что одновременно съ пониженіемъ процента на капиталъ происходитъ общее увеличеніе капиталистическаго дохода, вслѣдствіе увеличенія количества капиталовъ. Другими словами, они забываютъ, что при уменьшеніи относительнаго капиталистическаго дохода увеличивается абсолютный доходъ. Въ одно время капиталистъ получаетъ 20% отъ своихъ 100,000 рублей, то есть получаетъ дохода 20,000. Предположимъ, что съ теченіемъ времени процентъ уменьшается съ 20 на 15, но при этомъ происходитъ удвоеніе капиталовъ. Нашъ капиталистъ съ 200,000 считая по 15%, получаетъ дохода 30,000; другими словами, его абсолютный доходъ увеличился, хотя уменьшился относительный, какъ та доля которая относится къ опредѣленной единицѣ всего капитала.

Всякій, кто-только разумно понимаетъ свои личныя выгоды, предпочтетъ при маломъ процентѣ высокій абсолютный доходъ отъ своего капитала доходу большому относительному или процентному. Вотъ почему въ дѣйствительности наибольшее накопленіе капиталовъ происходило не при существованіи высокихъ процентовъ, не въ средніе вѣка напримѣръ, но въ новѣйшее время, когда процентъ значительно понизился. Фактъ этотъ нѣкоторые писатели возводятъ даже въ законъ, принимая, что „вездѣ, гдѣ процентъ высокъ, накопленіе медленно; вездѣ же, гдѣ онъ низокъ, накопленіе быстро.“ Съ другой стороны, накопленіе капиталовъ обусловливается не только размѣрами относительной и даже абсолютной прибыли, но также умственными и нравственными свойствами народа, такъ наприм. умѣньемъ цѣнить будущія выгоды сравнительно съ настоящими, способностью приносить трудъ и жертвы въ настоящемъ въ цѣляхъ будущаго и т. п. Подтвержденіемъ этого можетъ служить въ извѣстной степени Китай. „Если справедливо мнѣніе, говоритъ Милль, что Китай достигъ неподвижнаго состоянія, значитъ, накопленіе капитала уже прекратилось въ немъ на степени очень высокой выручки,—какъ высока она, показывается тѣмъ, что въ Китаѣ величина процентовъ по закону 12, а въ дѣйствительности, какъ говорятъ, отъ 18 до 36. Потому надобно полагать, что количество капитала, большее существующаго нынѣ въ этой странѣ, не можетъ найти себѣ занятія съ такою высокою пропорціею прибыли, а прибыль менѣе высокая не представляетъ китайцу такой привлекательности, что бы онъ отказывался для нея отъ настоящаго наслажденія. Какая противоположность съ Голландіею, гдѣ, въ цвѣтущій періодъ, правительство занимало деньги по 2 процента, а частные люди, съ хорошимъ обезпеченіемъ, по 3 процента. Китай не такая страна, какъ Бурма или государства индійскихъ раджей, гдѣ громадность процента служитъ необходимымъ вознагражденіемъ за рискъ, которому подвергаетъ кредитора недобросовѣстность или бѣдность государства или почти всѣхъ частныхъ должниковъ. Потому, если дѣйствительно справедливо, что возрастаніе капитала остановилось въ Китаѣ при такой огромности вознагражденія, это значитъ, что у китайцевъ дѣятельное стрем-

леніе къ накопленію, иначе говоря, умѣнье цѣнить будущее по сравненію съ настоящимъ, гораздо слабѣе, чѣмъ почти у всѣхъ безъ исключенія европейскихъ народовъ“ (1).

Гдѣ же причина уменьшенія процентовъ, происходящаго вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ?

А. Смитъ находилъ, что причиной этого явленія — конкурренція или соперничество между капиталами. Съ экономическимъ развитіемъ обществъ, говоритъ онъ, происходитъ накопленіе или увеличеніе въ странѣ количества капиталовъ, которое приводитъ къ увеличенію заработной платы и вмѣстѣ съ тѣмъ къ уменьшенію прибыли на капиталъ. Когда въ опредѣленную отрасль промышленности направляются многіе капиталисты, тогда возникаетъ между ними конкурренція и въ дѣлѣ найма рабочихъ и въ продажѣ произведеній, что и приводитъ съ одной стороны къ увеличенію вознагражденія за наемный трудъ и съ другой—къ уменьшенію прибыли. Когда подобное явленіе происходитъ во всемъ обществѣ, т. е. когда въ этомъ обществѣ увеличивается количество капиталовъ и капиталистовъ, тогда соперничество между владѣльцами капиталовъ производитъ общее возвышеніе заработной платы, сопровождающееся одновременнымъ пониженіемъ прибыли на капиталъ. Въ большихъ городахъ обыкновенно сосредоточивается большее количество капиталистовъ, чѣмъ въ деревняхъ; на этомъ основаніи соперничество въ первыхъ поселеніяхъ сильнѣе, чѣмъ въ деревняхъ. Вотъ почему въ городахъ обыкновенно заработная плата выше и прибыль ниже, чѣмъ въ деревняхъ. Въ значительномъ городѣ капиталисты не всегда могутъ пріискать нужное имъ количество рабочихъ; соперничая между собою, они возвышаютъ цѣны за трудъ и должны довольствоваться меньшею прибылью. То, чѣмъ является городъ относительно села, представляетъ собою высшая ступень въ экономическомъ развитіи относительно низшей. Въ странѣ, достигшей высокаго экономическаго развитія, каждая отдѣльная отрасль промышленности богата капиталами, ищущими для себя помѣщенія; между владѣльцами естественно возникаетъ взаимное соперничество, приводящее къ пониженію прибыли и возвышенію цѣны труда, подобно тому, какъ тотъ же результатъ получается въ городѣ, сравнительно съ деревней (2).

Это простое объясненіе факта, предложенное А. Смитомъ въ первое время было принято лучшими изъ его учениковъ, но вскорѣ было замѣнено пессимистической теоріей Рикардо и его послѣдователей.

По ученію Рикардо, „прибыль имѣетъ естественное стремленіе понижаться, потому что, при прогрессивномъ движеніи богатства и общества, требуемая прибавка пищи получается посредствомъ пожертвованія все большаго и большаго количества труда“.

Теорему свою Рикардо доказываетъ слѣдующимъ образомъ. Мѣновая цѣнность всѣхъ продуктовъ, говоритъ онъ, распадается только на двѣ части: одна образуетъ прибыль на капиталъ, другая – вознагражденіе за трудъ. Если хлѣбъ и мануфактурные товары продаются всегда по одной и той же цѣнѣ, то прибыль всегда будетъ высока или низка, смотря потому, будетъ ли высока или низка заработная плата. Если цѣна хлѣба поднимается, вслѣдствіе увеличенія количества труда на его производство, но при этомъ не увеличивается вознагражденіе за трудъ, то прибыль остается безъ измѣненія. Если же съ увеличеніемъ цѣнъ хлѣба происходитъ увеличеніе вознагражденія за трудъ, то прибыль на капиталъ необходимо падаетъ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ, въ коихъ употребляется болѣе дорогой трудъ.

Съ экономическимъ развитіемъ обществъ неизбѣжно происходитъ возвышеніе цѣнъ хлѣба и увеличеніе вознагражденія за трудъ, вслѣдствіе чего неизбѣжно происходитъ и паденіе прибыли на капиталъ. Если фабрикантъ передаетъ свои товары всегда по одной и той же цѣнѣ, наприм. по 1000 фунтовъ, то прибыль его зависитъ отъ цѣны труда, необходимаго на ихъ производство. Прибыль его будетъ менѣе значительна, когда заработная плата поднимется до 800 ф., нежели въ томъ случаѣ, когда она составитъ только 600 ф. И такъ, въ томъ отношеніи, въ какомъ возвышается заработная плата, падаетъ прибыль. Могутъ возразить, что съ возвышеніемъ цѣны сырыхъ произведеній, хотя расходъ на заработную плату возрастаетъ, производитель получаетъ прежнюю прибыль, такъ какъ увеличеніе расхода вознаграждается возвышеніемъ цѣны продукта. Въ дѣйствительности этого не можетъ быть,

такъ какъ производитель долженъ не только выдавать большее вознагражденіе каждому изъ рабочихъ, но онъ принужденъ также или платить ренту, или давать занятіе прибавочному числу рабочихъ, чтобы получить прежнее количество продукта.

Неизбѣжность возвышенія цѣнъ сырыхъ продуктовъ и въ особенности цѣнъ хлѣба, сопровождающагося увеличеніемъ денежнаго вознагражденія за трудъ и уменьшеніемъ прибыли, Рикардо доказываетъ тѣмъ, что съ размноженіемъ населенія увеличиваются издержки производства хлѣба, такъ какъ приходится переходить отъ обработки болѣе плодородныхъ земель къ обработкѣ худшихъ, менѣе плодородныхъ, дающихъ тотъ-же продуктъ при большихъ затратахъ. Предположимъ, что въ одинъ періодъ обрабатываются наиболѣе плодородныя земли и десятина даетъ 10 четвертей хлѣба, въ слѣдующій періодъ приходится обратиться къ землямъ менѣе плодороднымъ, дающимъ всего 8 четвертей, наконецъ въ третій періодъ необходимо обрабатывать и землю, дающія всего 6 четвертей, при одинаковыхъ затратахъ. Сообразно съ этимъ уменьшеніемъ плодородія, цѣны на хлѣбъ возвышаются, такъ какъ увеличивается количество труда, необходимое для производства. Такъ какъ, за тѣмъ, въ нашемъ предположеніи уменьшающееся количество хлѣба производится тѣмъ же количествомъ труда, какое было затрачиваемо въ первомъ періодѣ, то въ послѣдующихъ періодахъ цѣны должны подняться на столько, что бы меньшее количество хлѣба стоило столько же, сколько прежде давалось за большее его количество. Если въ первомъ періодѣ 10 четвертей, каждая по 10 рублей, стоили 100 рублей, то и 8 четв. во второмъ періодѣ и 6 четв. въ третьемъ будутъ продаваться также по 100 рублей; это необходимо, потому что въ дѣло употребляется прежнее же количество и капитала и труда, безъ такой платы никто бы не захотѣлъ производить затратъ. И такъ, если въ первомъ періодѣ четверть хлѣба продавалась за 10 рублей, то во второмъ будетъ продаваться за 12 руб. 50 коп., а въ третьемъ за 16 р. $66^2/_3$ коп. Общій доходъ производителя остается безъ измѣненія, между тѣмъ издержки увеличились, слѣдовательно прибыль его неизбѣжно уменьшается. И коренной причиной этого является обработка худшихъ земель и но-

выя затраты на прежнихъ, не дающія прежняго дохода. При возвышеніи цѣнъ предметовъ первой необходимости заработная плата также должна увеличиваться, иначе не мыслимо существованіе рабочихъ. При прогрессивномъ движеніи богатства и общества то и другое неизбѣжно, почему также неизбѣжно и уменьшеніе прибыли. Къ счастію, этому стремленію, этому тяготѣнію прибыли къ пониженію препятствуютъ, отъ времени до времени, улучшенія въ устройствѣ машинъ, употребляемыхъ въ производствѣ предметовъ необходимости, точно также какъ и открытія въ сельско-хозяйственной наукѣ, которыя даютъ намъ возможность уменьшать на извѣстную часть необходимый прежде трудъ и, слѣдовательно, понижать цѣну предметовъ первой необходимости для рабочаго (3).

Къ этому ученію Рикардо, не смотря на его пессимистическій характеръ, склоняются и въ настоящее время важнѣйшіе авторитеты экономической науки, наприм. Рошеръ и Миллъ. Рошеръ почти буквально повторяетъ слова Рикардо, говоря, что пониженіе роста главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что при увеличеніи народонаселенія возникаетъ необходимость оплодотворять малопроизводительныя земли, вслѣдствіе чего увеличиваются цѣны предметовъ первой необходимости и денежное вознагражденіе труда (4). Также и по Миллю, прибыль въ своихъ размѣрахъ зависитъ исключительно отъ стоимости труда, слѣдовательно уменьшеніе ея можетъ произойти лишь отъ увеличенія этой стоимости. „Стоимость труда, говоритъ онъ, есть функція трехъ измѣняемыхъ: успѣшности труда, рабочей платы (т. е. существеннаго, а не денежнаго вознагражденія работнику) и стоимости, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе. Ясно, что стоимость труда для капиталиста зависитъ отъ каждаго изъ этихъ трехъ обстоятельствъ, и что только три эти обстоятельства имѣютъ на нее вліяніе. Слѣдовательно ими опредѣляется и величина прибыли, а величина эта можетъ измѣняться только отъ ихъ вліянія. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшенъ и вознагражденіе за него не возвысится; если вознагражденіе за трудъ упадетъ, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознаграж-

деніе, не увеличится, и самъ трудъ не станетъ менѣе успѣшенъ, или если предметы, составляющіе вознагражденіе работника, станутъ дешевле, а работникъ будетъ получать ихъ не больше прежняго, то въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаевъ прибыль возвысится.

Если же, напротивъ, трудъ станетъ менѣе успѣшенъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы въ народѣ, или отъ ухудшенія въ его воспитаніи); или если работникъ станетъ получать больше вознагражденія безъ уменьшенія стоимости составляющихъ вознагражденіе вещей; или если онъ будетъ получать и не больше прежняго, но стоимость получаемыхъ имъ вещей будетъ больше,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль подвергнется уменьшенію. Кромѣ этихъ случаевъ *пять другихъ комбинацій обстоятельствъ*, отъ которыхъ могла бы падать или возвышаться общая величина прибыли въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности“ (5).

Къ счастію эти другія комбинаціи обстоятельствъ, такъ рѣзко отрицаемыя и Рикардо и Миллемъ, существуютъ въ дѣйствительности. Честь указанія ихъ принадлежитъ Кэри, и въ этомъ заключается существеннѣйшая заслуга въ наукѣ американскаго экономиста (6).

Капиталъ, говоритъ онъ, представляетъ собою ту силу, благодаря которой человѣкъ увеличиваетъ свое господство надъ силами природы и тѣмъ самымъ уменьшаетъ и облегчаетъ свой трудъ, необходимый для производства продуктовъ. Всякій новый капиталъ, облегчая производство, облегчаетъ воспроизводство капиталовъ, уменьшаетъ ихъ цѣнность и вознагражденіе за пользованіе ими. Домъ, давно выстроенный, стоитъ гораздо большаго труда, чѣмъ вновь строющійся, вслѣдствіе чего падаетъ и цѣнность его при продажѣ и наемная плата. Цѣнность прежде созданныхъ капиталовъ уменьшается съ каждымъ шагомъ развитія техники, такъ какъ уменьшаются издержки, необходимыя для воспроизводства этихъ капиталовъ. Для изготовленія перваго лука Крузе долженъ былъ употребить значительныя усилія, онъ не иначе, какъ съ большимъ трудомъ могъ поймать животное, изъ котораго добылъ тетиву для лука. Но разъ созданный лукъ облегчилъ охоту, далъ возможность съ меньшими усиліями пріоб-

рѣсть птицъ и кроликовъ, доставляющихъ тетиву. Такимъ образомъ разъ созданный лукъ былъ причиною уменьшенія своей собственной цѣнности, такъ какъ при помощи его облегчилось производство луковъ. Тоже самое происходитъ и со всѣми капиталами. Каменный уголь облегчаетъ добываніе желѣзной руды, благодаря чему, уменьшается цѣнность желѣза; съ другой стороны, желѣзо облегчаетъ добываніе каменнаго угля, благодаря чему, цѣна послѣдняго также падаетъ. Первый созданный человѣкомъ каменный ножъ былъ результатомъ несравненно большихъ усилій, чѣмъ ножъ бронзовый, хотя былъ орудіемъ болѣе плохимъ, чѣмъ этотъ послѣдній.

Въ настоящее время каменный ножъ вовсе не имѣетъ цѣнности, но также упала цѣнность и бронзоваго орудія, съ изобрѣтеніемъ орудій желѣзныхъ и стальныхъ. Каждое новое орудіе совершеннѣе предшествующаго, между тѣмъ издержки его производства меньше именно въ силу этого большаго совершенства, облегчающаго трудъ и усиливающаго господство человѣка надъ природою. Производство стальнаго топора въ настоящее время обходится дешевле, чѣмъ производство каменнаго первобытнымъ человѣкомъ, почти ничѣмъ невооруженнымъ. Съ этимъ постояннымъ уменьшеніемъ цѣнности новыхъ капиталовъ въ причинной связи идетъ и уменьшеніе доли капиталиста въ результатѣ производства; за пользованіе орудіемъ болѣе дешевымъ, хотя и болѣе совершеннымъ, и плата, естественно, дается меньшая.

Въ своей теоріи Кэри указываетъ на ту внутреннюю причину, подъ вліяніемъ которой происходитъ съ экономическимъ развитіемъ уменьшеніе доли капитала. Но эта внутренняя причина осуществляется въ жизни при помощи внѣшней, замѣченной А. Смитомъ, то есть при помощи соперничества или конкурренціи между капиталистами. Если бы съ экономическимъ развитіемъ не происходило увеличеніе владѣльцевъ капиталовъ, то положеніе небольшаго числа собственниковъ капитала было бы монополизировано, вслѣдствіе чего они имѣли бы возможность получать высокія прибыли, не смотря на облегченіе воспроизводства ихъ собственности. Очевидно, теорія Кэри не исключаетъ теоріи основателя политической экономіи; она служитъ прекрас-

нымъ дополненіемъ послѣдней. Благодаря облегченію воспроизводства капиталовъ новыхъ при помощи прежнихъ, капиталистическая собственность распространяется въ массахъ населенія; облегченіе воспроизводства, такимъ образомъ, препятствуетъ сосредоточенію капиталовъ въ рукахъ немногихъ, препятствуетъ возникновенію и развитію монополіи капитала, низводя, благодаря соперничеству, прибыль до того уровня, который соотвѣтствовалъ бы паденію цѣнности каждаго капитала.

Но эта теорія не исключаетъ также теоретической истинности пессимистическаго воззрѣнія Рикардо. Если мы предположимъ такое состояніе общества, при которомъ населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ размножаются капиталы, чѣмъ происходятъ улучшенія въ техникѣ производства, то легко замѣтимъ, что именно къ этому состоянію воззрѣніе Рикардо вполнѣ примѣнимо. Для прокормленія увеличившагося населенія въ этомъ состояніи общества необходимо обрабатывать въ числѣ другихъ и наиболѣе плохія земли при техникѣ почти неизмѣнившейся, что возможно не иначе, какъ при возвышеніи цѣнъ добываемыхъ продуктовъ. Когда поднимутся цѣны предметовъ первой необходимости, тогда должно возвыситься въ соотвѣтствующей пропорціи и вознагражденіе рабочихъ. Если рабочіе прежде получали лишь то, что необходимо для существованія, то безъ такого возвышенія денежной рабочей платы ихъ существованіе невозможно. При возвышеніи рабочей платы, издержки предпринимателей увеличиваются, между тѣмъ какъ общій ихъ доходъ остается безъ увеличенія, такъ какъ не произошло никакихъ необходимыхъ для этого техническихъ улучшеній. Очевидно, что при этомъ доля капитала падаетъ и причина паденія — необходимость обрабатывать малоплодородныя земли. Пессимистическая теорія Рикардо и его послѣдователей примѣнима только къ такому неподвижному или малоподвижному состоянію общества. Она не находитъ мѣста въ обществахъ непрозябающихъ, но живущихъ и развивающихся. Въ такихъ обществахъ не только не обработка худшихъ земель является причиною паденія прибыли, но именно паденіе прибыли даетъ возможность организовать интенсивное земледѣліе, сосредоточивать значительные капиталы на неболь-

шихъ пространствахъ и обрабатывать самыя плохія земли. Въ этомъ отношеніи прогрессивное уменьшеніе прибыли оказываетъ самое благодѣтельное вліяніе на все общество. Положимъ, для обработки извѣстнаго участка необходимо затратить 1000 рублей, но эта земля менѣе другихъ плодородна, даетъ всего 50 рублей дохода, между тѣмъ какъ въ странѣ 1000 рублей приносятъ 60 руб. дохода, то есть 6%. Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ обработка этого участка убыточна. Она становится неубыточною только тогда, когда доля капитала упадетъ до 5%. При интенсивномъ хозяйствѣ, когда на незначительныхъ пространствахъ сосредоточиваются значительные капиталы, всякій новый капиталъ производитъ менѣе прежняго, то есть прибавка продукта получается посредствомъ увеличенія издержекъ въ пропорціи, превышающей увеличеніе этого продукта. Такое сосредоточеніе затратъ на данномъ пространствѣ благодѣтельно лишь тогда, когда не сопровождается возвышеніемъ цѣнъ, а это возможно не иначе, какъ при уменьшеніи прибыли на капиталъ, соотвѣтственно уменьшенію производительности послѣднихъ частей капитала, затрачиваемыхъ въ землю. Наконецъ и относительно всего народнаго хозяйства уменьшеніе прибыли производитъ такое же благопріятное вліяніе, давая возможность заниматься и наименѣе доходными промыслами, необходимыми для удовлетворенія тѣхъ или иныхъ потребностей, увеличивая массу произведеній и довольство.

(1) Основ. пол. экономіи стр. 1, 217—218. (2) Richesse des Nations кн. I, гл. IX. (3) Нач. пол. эк. гл. VI. (4) Die Grundlage der Nationalökon. § 185. (5) Основ. т. 1, стр. 481—482. (6) Principes de la science sociale, гл. VI. XXXIV.

б) Доля труда.

Вопросъ о долѣ труда въ общей суммѣ производства интересовалъ уже древнихъ мыслителей, наприм. Платона, Аристотеля и другихъ. Въ новѣйшее время этотъ вопросъ объ-

единился въ видѣ такъ называемаго *рабочаго вопроса*. Собственно говоря, это не есть самостоятельный вопросъ, но, по справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ экономистовъ, конгломератъ нѣсколькихъ проблемъ (1). Въ научной экономической системѣ онъ не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ въ обыденной жизни, такъ какъ рѣшеніе его имѣетъ подчиненное значеніе, а именно, зависитъ отъ рѣшенія болѣе общаго вопроса — о цѣнности вообще.

Основное положеніе относительно доли труда въ общей суммѣ производства состоитъ въ томъ, что работа не найдетъ себѣ представителей, если не прокормитъ ихъ. Согласно съ этимъ всякое вознагражденіе за трудъ какъ самостоятельный, такъ и наемный имѣетъ свой минимумъ, какъ тотъ предѣлъ, ниже котораго оно не можетъ быть въ теченіи продолжительнаго времени.

Предѣлъ этотъ состоитъ въ томъ, что вознагражденіе должно покрывать расходы, необходимые для содержанія рабочаго.

Подъ расходами этими разумѣются такіе, какіе необходимы для прокормленія и воспитанія средней семьи рабочаго. Если бы они не были достаточны для прокормленія этой семьи, то количество рабочихъ ограничилось бы однимъ только поколѣніемъ. Если бы, за тѣмъ, они не были достаточны для надлежащаго воспитанія средней рабочей семьи, то, по смерти одного поколенія рабочихъ, слѣдующее поколѣніе было бы не подготовлено къ труду, оказалось бы неумѣлымъ и неспособнымъ. Достаточность трудовой платы къ прокормленію и воспитанію средней семьи — является, такимъ образомъ, условіемъ sine qua non всякаго производства; при отсутствіи ея или вовсе должно прекратиться существованіе рабочихъ, или же, когда плата достаточна лишь для прокормленія, промышленность страны обречена на прозябаніе, за невозможностью надлежащаго приготовленія рабочихъ къ веденію ея. Размѣры такой достаточности опредѣляются всею совокупностью разнообразныхъ физическихъ, нравственныхъ и хозяйственныхъ условій страны, подъ вліяніемъ коихъ вырабатывается тотъ или иной уровень потребностей, вырабатывается понятіе о среднемъ достаткѣ, безъ котораго рабочій не можетъ существовать и воспитывать дѣтей. Вотъ почему размѣры средняго до-

статка не одинаковы въ различныхъ странахъ, въ различныхъ мѣстностяхъ одной и той же страны и въ различныхъ классахъ населенія. Подъ вліяніемъ физическихъ условій, работникъ теплыхъ странъ менѣе нуждается въ матеріалѣ для топлива и построекъ, чѣмъ житель сѣверныхъ мѣстностей, въ какой пропорціи потребности его легче удовлетворяются, вслѣдствіе чего и расходы содержанія и воспитанія семьи его также меньше, чѣмъ у сѣвернаго работника. Подъ вліяніемъ тѣхъ же физическихъ условій, работникъ юга довольствуется болѣе дешевою растительною пищею, между тѣмъ какъ для работника сѣвера необходима дорогая животная пища. Подъ вліяніемъ нравственныхъ условій среды, работникъ въ одной странѣ или мѣстности довольствуется самою простою и грубою одеждою, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ рабочіе не могутъ обойтись безъ одежды, соотвѣтствующей ихъ болѣе развитымъ понятіямъ о приличіи, изяществѣ и т. п. Точно также, вслѣдствіе разнообразія нравственныхъ условій среды, въ однихъ странахъ рабочіе довольствуются общими квартирами, имѣютъ стадные ночлеги, между тѣмъ какъ въ другихъ это не мыслимо; болѣе развитыя понятія о святости семейныхъ отношеній не допускаютъ того, что бы жить нѣсколькимъ семействамъ въ одной комнатѣ. Нравственныя условія страны имѣютъ также большое вліяніе на средній уровень издержекъ по воспитанію будущихъ поколѣній рабочихъ; необходимое въ этомъ отношеніи въ однихъ странахъ считается роскошью и излишествомъ въ другихъ, такъ наприм. грамотность одними рабочими считается крайнею необходимостью въ жизни человѣка-рабочаго, между тѣмъ какъ другими она признается роскошью, безъ которой можно обойтись. Но въ особенности большое вліяніе на этотъ уровень оказываютъ экономическія причины; въ странахъ болѣе развитыхъ въ экономическомъ отношеніи настоятельнѣе нужда въ надлежащемъ образованіи рабочихъ, чѣмъ въ странахъ менѣе развитыхъ въ этомъ отношеніи.

Доля труда, соотвѣтствующая указаннымъ требованіямъ, можетъ быть названа субъективнымъ элементомъ вознагражденія труда. Она указываетъ на тотъ предѣлъ, ниже котораго рабочая плата не можетъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго

времени существовать. Она указываетъ предѣлъ тѣхъ издержекъ безъ покрытія которыхъ рабочею платою опредѣленное занятіе не можетъ найти рабочихъ.

Субъективнымъ элементомъ вознагражденія труда требуется чтобы заработная плата работника была достаточною для покрытія издержекъ въ случаяхъ неизбѣжнаго непостоянства въ занятіи. Такъ, кровельщики должны въ свои рабочіе дни получить средства для существованія въ такое время, наприм. зимой, когда они работать не могутъ. Равнымъ образомъ, „во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ много праздниковъ, необходимо, чтобы будни доставляли рабочій доходъ, покрывающій содержаніе во время праздниковъ: въ католическихъ странахъ Европы до папы Климента XIV было 150 праздничныхъ дней въ году, изъ нихъ въ 90 настрого было запрещено приниматься за что бы то ни было; у протестантовъ на 300 рабочихъ дней всего приходится 60 нерабочихъ во весь годъ. Въ одной мѣстности нижней Баваріи, по Рау, было 204 праздника въ году. Всякіе перерывы въ работѣ, естественные или обычные, отражаются на высотѣ заработной платы, разъ послѣдняя не можетъ быть меньше того, что потребно рабочему для существованія“ (²). Изъ этого мы видимъ, что въ силу требованій субъективныхъ условій заработной платы въ дѣйствительности должно оплачиваться и то время, когда работникъ не работаетъ. Въ силу этихъ же требованій бываетъ и на оборотъ: лишнее рабочее время не оплачивается въ такой же мѣрѣ, какъ необходимое рабочее время.

Извѣстно, что существуетъ большая разница между платою за основную работу, дающему существенное содержаніе рабочему, и подсѣпорною, которую получаетъ рабочій за свои работы въ свободное время отъ главнаго занятія. Подсѣпорныя работы весьма часто подрываютъ основную заработную плату. Надѣясь пополнить недостающее подсѣпорнымъ трудомъ, работникъ соглашается на меньшую основную плату. Съ другой стороны, при существованіи болѣе или менѣе достаточной основной платы, работникъ можетъ слишкомъ мало цѣнить свой подсѣпорный трудъ. Особый видъ такого подсѣпорнаго труда представляетъ во многихъ случаяхъ наша кустарная промышленность, какъ такая которою за-

нимаются крестьяне въ свободное время отъ ихъ главнаго занятія — земледѣлія. Продукты этой промышленности, весьма часто требующіе изнурительнаго труда, необычайной сообразительности и искуства со стороны человѣка, работающаго самыми простыми орудіями, въ тоже время невѣроятно дешевы, благодаря чему успѣшно конкуррируютъ съ машиннымъ ихъ производствомъ. Весьма часто, по своей дешевизнѣ, продукты эти могутъ быть сравнены лишь съ издѣліями людей обезпеченныхъ и работающихъ только или по приказу или по доброй волѣ, каковы наприм. издѣлія арестантовъ.

Подспорною платою необходимо назвать также доходъ тѣхъ членовъ рабочей семьи, которые должны бы содержаться главными представителями ея. „Если малолѣтнихъ и хозяйку, говоритъ Э. Вреденъ, глава семьи отпускаетъ въ работу, то для поддержки существованія семьи возможно ему на столько меньше заработать, на сколько зарабатываютъ жена и дѣти; ихъ плата облегчаетъ покрытіе семейныхъ расходовъ, стало быть, ихъ опредѣлятъ въ работу за то, что дадутъ. Подспорный доходъ ихъ вызываетъ въ семьѣ несчастную конкурренцію между ея членами. Трудъ малолѣтныхъ вступаетъ въ конкурренцію съ трудомъ взрослыхъ и мало по малу беретъ перевѣсъ надъ послѣднимъ, потому что количество работы 3 — 4 малолѣтнихъ равняется работѣ произведенной однимъ совершеннолѣтнимъ, а между тѣмъ заработная плата этихъ малолѣтнихъ въ совокупности меньше заработной платы совершеннолѣтняго рабочаго, такъ что предприниматель получаетъ очевидный барышъ. Раздѣленіе труда, упрощая работу до крайней степени, даетъ возможность въ большихъ размѣрахъ пользоваться указанною замѣною, а вслѣдствіе предложенія дѣтскаго труда взрослые, конкуррируя съ ними, должны понизить заработную плату на столько, что бы она не была выше той платы, которою довольствуются малолѣтніе; взрослые рабочіе начинаютъ получать неудовлетворительную плату, недостаточную для прокормленія семьи. Для увеличенія дохода, семьи принуждены бываютъ впослѣдствіи, въ силу необходимости, посылать на работу женъ и дѣтей. Въ итогѣ все-таки семья кормится неудовлетворительно, домашнее хозяйство вести не кому, женщины

вынуждены отправляться на работу: ни пища, ни потребная одежда не могутъ быть заготовляемы домашнимъ порядкомъ, все покупается извнѣ и обыкновенно обходится дороже, бываетъ худшаго качества. Мало по малу разстройство домашняго хозяйства влечетъ за собою какъ бы полное отсутствіе семьи, со всѣми неблагопріятными послѣдствіями подобнаго явленія. Нельзя же назвать семьею то положеніе вещей, когда супружеская чета является домой только для ночлега. Разъединеніе, развиваясь далѣе, уничтожаетъ и этотъ послѣдній намекъ на семейную жизнь. Жилищная нужда доводитъ рабочихъ до того, что они принуждены вести чисто казарменную жизнь, не имѣя даже отдѣльнаго ночлежнаго помѣщенія“ ([3]). Къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ приводить подспорная работа женщинъ и дѣтей; то, въ чемъ видѣли выгоду, рабочіе находятъ несчастье.

Таково дѣйствительно положеніе дѣлъ въ тѣхъ состояніяхъ общества, когда союзность всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ не осознана. Въ такихъ состояніяхъ подспорная работа не приноситъ рабочему никакой выгоды, или же, вмѣсто выгоды, приноситъ одинъ вредъ. Но идея союзности между людьми мало по малу проникаетъ въ общественное сознаніе и мало по малу осуществляется въ жизненныхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ же съ этимъ мало по малу проявляетъ свою силу другой законъ доли труда, который, въ противоположность субъективному, можетъ быть названъ объективнымъ закономъ.

Объективность въ распредѣленіи результатовъ производства состоитъ въ томъ, что каждый изъ участниковъ предпріятія получаетъ то, что онъ произвелъ, или равноцѣнность этого. Съ экономическимъ развитіемъ искуственная монополизированность положеній мало по малу исчезаетъ, причемъ общимъ экономическимъ закономъ становится равенство положенія лицъ, вступающихъ между собою въ экономическую сдѣлку. Это равенство и требуетъ того, что бы каждый изъ участниковъ производства получалъ долю произведеній, произведенную имъ или ему принадлежащими факторами производства. Это же постепенно развиваю-

щееся равенство приводитъ и къ установленію правильнаго вознагражденія за трудъ.

Зарабочая плата устанавливается соглашеніемъ между спрашивающими и предлагающими трудъ. Естественное, не монопольное соглашеніе осуществляется лишь тогда, когда рабочій получаетъ плату, соотвѣтствующую продуктивности его труда, соотвѣтствующую тому, что онъ произвелъ своимъ непосредственнымъ трудомъ. По мѣрѣ экономическаго развитія, съ которымъ уничтожаются монополіи въ отношеніяхъ между людьми вообще и въ частности между спрашивающими и предлагающими трудъ, законъ естественнаго соглашенія все болѣе и болѣе вступаетъ въ силу, благодаря чему субъективныя требованія доли труда постепенно замѣняются объективными. Самая выгода основателей предпріятій требуетъ такого, а не иного выдѣла дохода труду. Чѣмъ взаимнѣе интересы между нанимателями и нанимаемыми, тѣмъ больше выигрываетъ каждая сторона. Нанимающій получаетъ за лучшую плату болѣе доброкачественный трудъ; издержки на такую болѣе удовлетворительную плату больше чѣмъ вознаграждаются усиленіемъ продуктивности труда, такимъ образомъ оплачиваемаго. Какъ справедливо замѣтилъ еще А. Смитъ, трудолюбіе совершенствуется въ размѣрѣ получаемаго вознагражденія; чѣмъ удовлетворительнѣе вознагражденіе, тѣмъ усерднѣе и трудъ. Вотъ почему видимая дешевизна труда невсегда оказывается дѣйствительною дешевизною, весьма часто дорогой рабочій несравненно дешевле дешеваго рабочаго. Еще А. Юнгъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ прекрасное наблюденіе. Онъ говоритъ, что въ Ирландіи трудъ дорогъ, хотя рабочіе получаютъ чрезвычайно низкую поденную плату, что въ этомъ отношеніи шотландскій поденщикъ, получающій въ день 1 шиллингъ, выгоднѣе ирландскаго поденщика, получающаго всего $^1/_2$ шиллинга. Имѣя это въ виду, Миллъ устанавливаетъ различіе между общею стоимостью труда и рабочею платою. Часто, говоритъ онъ, стоимость труда бываетъ самая высокая, когда рабочая плата бываетъ самая низкая. „Изъ всѣхъ европейскихъ странъ самая низкая рабочая плата въ Ирландіи (по крайней мѣрѣ такова она была тамъ прежде). Вознагражденіе земледѣльче-

скаго работника на западѣ Ирландіи не превышаетъ половины самой низкой платы, какую получаетъ англійскій работникъ, — платы дорсетширскому работнику. Но если по меньшему своему искуству и усердію ирландецъ въ два рабочіе дня исполняетъ работы не больше, чѣмъ англійскій работникъ въ одинъ день, то трудъ ирландца стоитъ не дешевле, чѣмъ трудъ англичанина, хотя самъ ирландецъ получаетъ гораздо меньше".

И такъ, къ долѣ труда вполнѣ примѣнимы тѣ общіе законы явленій цѣнности, по которымъ за періодомъ борьбы интересовъ естественно наступаетъ періодъ союзности ихъ, по которымъ борьба представляетъ собою только явленіе, а не неизбѣжный законъ отношеній.

Экономисты, считающіе, что размѣры вознагражденія труда опредѣляются борьбой между спрашивающими и предлагающими трудъ, какъ естественнымъ и неизбѣжнымъ закономъ, весьма естественно пришли къ мысли, что „заработная плата должна зависѣть отъ свободнаго и равномѣрнаго рыночнаго соперничества и *никогда* не должна подвергаться вмѣшательству законодателя" (4). Но если борьба интересовъ не то же, что наприм. представляетъ собою законъ всемірнаго тяготѣнія, если она вмѣстѣ съ печальными послѣдствіями своими только явленіе, а не неизбѣжный законъ отношеній, то вмѣшательство законодателя, направленное къ ея ослабленію, устраненію или поднятію слабой стороны, не только безусловно разумно, но во многихъ случаяхъ и необходимо. Сюда относятся законодательныя постановленія, которыми регулируются работы на фабрикахъ, опредѣляется наприм. возрастъ, по достиженіи котораго дѣти могутъ быть принимаемы на фабрикахъ, продолжительность суточной работы, запрещеніе на фабрикахъ работы ночью для женщинъ и недостигшихъ 18-лѣтняго возраста мужчинъ. Сюда же относятся постановленія, направленныя къ развитію ссудосберегательныхъ товариществъ, обществъ взаимной помощи въ несчастіяхъ, воспитанія дѣтей, техническаго образованія рабочихъ, товариществъ, имѣющихъ своею задачею удешевленіе пріобрѣтенія продуктовъ потребленія, пріобрѣтенія дешеваго кредита и въ особенности различныхъ видовъ товариществъ для производства или такъ называемыхъ артелей.

Сюда же, наконецъ, относятся законодательныя постановленія, облегчающія пріобрѣтеніе рабочими поземельной собственности и законы объ эмиграціи.

(1) Э. Вреденъ. Курсъ политической экономіи, стр. 389. (2) (3) Ibid. стр. 393, 396, 397 и слѣд. (4) Д. Рикардо. Начала политической экономіи, стр. 65.

в) Рента.

По вычетѣ изъ общаго дохода, полученнаго въ результатѣ того или иного производства, доли капитала и доли труда получается особый доходъ, называемый рентой, называемый нѣкоторыми экономистами (напр. Молинари) также долей земли, такъ какъ главнымъ образомъ онъ получается отъ силъ природы, принимающихъ дѣятельное участіе въ земледѣліи.

Ученая разработка теоріи этого дохода начинается съ физіократовъ. По ихъ ученію, самое выгодное для общества употребленіе капиталовъ состоитъ въ обращеніи ихъ къ земледѣлію, такъ какъ никакой другой родъ промышленности, при равныхъ затратахъ не производитъ такого количества цѣнностей, какое производитъ земледѣліе, въ которомъ создается новое вещество, новый продуктъ, до начала производства не существовавшій. Этотъ новый продуктъ есть результатъ творчества силъ природы, дѣйствующихъ въ земледѣліи. Онъ же представляетъ собою единственный чистый доходъ въ общей массѣ народнаго труда, единственный источникъ для налоговъ. Въ силу этого же онъ представляетъ собою и единственный источникъ, которымъ вознаграждается трудъ; каждый трудъ вознаграждается не произведеніями своей дѣятельности, но земледѣльческими продуктами. Основатель физіократіи, Ф. Кенэ сущность этихъ воззрѣній разъясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Человѣческое общество состоитъ изъ трехъ классовъ. Первый классъ — земледѣльческій, вполнѣ производительный (classe

productive), создающій народное богатство посредствомъ земледѣльческаго труда, для успѣшности котораго онъ производитъ предварительныя затраты (avances primitives), наприм. въ видѣ земледѣльческихъ орудій, и ежегодныя затраты (avances annuelles), наприм. въ видѣ сѣмянъ и пр. Этотъ классъ уплачиваетъ землевладѣльцамъ опредѣленныя суммы, составляющіе доходъ послѣднихъ. Эти суммы и представляютъ собою чистый доходъ (produit net), получаемый земледѣльцами отъ продажи произведеній, за вычетомъ частей, необходимыхъ для ихъ содержанія и дальнѣйшаго производства. Второй классъ въ обществѣ — это землевладѣльцы. Этотъ классъ живетъ доходомъ съ поземельной собственности, уплачиваемой ему первымъ классомъ. Значеніе его въ производительности состоитъ въ производствѣ первоначальныхъ задатковъ (avances foncières), сдѣланныхъ имъ или въ лицѣ своихъ предковъ, или лично своими собственными средствами. Наконецъ третій классъ — безплодный, къ которому относятся всѣ, не входящіе въ первые два класса. Послѣдній классъ только переработываетъ или видоизмѣняетъ формы сырыхъ продуктовъ, созданныхъ производительнымъ классомъ.

Для уясненія распредѣленія произведеній между этими классами, К е н э приводитъ слѣдующій разсчетъ. Предположимъ, что цѣнность всѣхъ годовыхъ произведеній Франціи равняется 5 милліардамъ. Изъ этой суммы 1-й классъ уплачиваетъ второму 2 милліарда, что и составитъ чистый доходъ втораго класса, тотъ produit net, который представляетъ собою единственный фондъ всѣхъ государственныхъ налоговъ. Остальные 3 милл. годовыхъ земледѣльческихъ произведеній остаются у земледѣльцевъ для ихъ собственнаго продовольствія, для пріобрѣтенія орудій, продуктовъ другихъ отраслей промысловъ и на необходимыя затраты для дальнѣйшаго земледѣльческаго производства. Второй классъ, изъ полученныхъ имъ 2 милліардовъ денегъ, закупаетъ на 1 милліардъ жизненныхъ припасовъ и на второй — продуктовъ неземледѣльческаго труда. Третій классъ получаетъ за свои произведенія отъ перваго и втораго по одному милліарду, при этомъ онъ закупаетъ жизненныхъ припасовъ на 1 милліардъ и на такую же сумму суровья.

Такимъ образомъ по ученію физіократовъ, земледѣліе является единственнымъ источникомъ народнаго богатства. Оно создаетъ продуктъ, съ одной стороны служащій чистымъ доходомъ собственниковъ земли и единственнымъ фондомъ налоговъ, а съ другой — служащій единственнымъ источникомъ всякаго вознагражденія за трудъ. Тотъ чистый доходъ, который идетъ въ пользу поземельныхъ собственниковъ, и составляетъ ренту, которая, поэтому, представляетъ собою чистый результатъ творческой дѣятельности силъ природы (1).

Ученіе физіократовъ было мало измѣнено А. Смитомъ. Онъ также говоритъ, что рента есть результатъ дѣятельности силъ природы, дѣйствующихъ исключительно въ земледѣліи, вслѣдствіе чего послѣднее не только воспроизводитъ затраты, но и, сверхъ того, приноситъ чистый доходъ, составляющій ренту. Рента, поэтому, есть ни что иное, какъ даровое произведеніе природы, остающееся въ пользу владѣльца земли, по вычетѣ всего, что представляетъ собою исключительно результатъ труда человѣка. Такой ренты другія отрасли промышленности не даютъ, такъ какъ въ нихъ все производится руками человѣка, безъ содѣйствія силъ природы. Въ общемъ доходѣ земледѣльца нужно всегда различать: во 1) доходъ, получаемый имъ отъ производительныхъ силъ его труда, 2) доходъ, получаемый отъ употребленія въ дѣло капитала и 3) доходъ, какъ результатъ производительности природы, помогающей человѣку только въ земледѣліи. Этотъ послѣдній доходъ составляетъ ренту.

Но это воззрѣніе не проводится А. Смитомъ вполнѣ послѣдовательно. Въ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія онъ проводитъ совершенно иное воззрѣніе по вопросу о существѣ ренты. Онъ утверждаетъ, что рента есть результатъ того, что землевладѣльцы жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли, есть результатъ ограниченности земли, состоящихъ во владѣніи опредѣленныхъ лицъ, имѣющихъ возможность, вслѣдствіе своего монопольнаго положенія, требовать плату за пользованіе землей. Такимъ образомъ въ этомъ воззрѣніи рента представляетъ собою чисто монопольный доходъ, существованіе котораго проистекаетъ изъ существо-

нія поземельной собственности, благодаря которой землевладѣльцы имѣютъ возможность жать тамъ, гдѣ они не сѣяли (2).

Послѣднее возрѣніе А. Смита о монопольномъ характерѣ дохода, называемаго рентой, строго логически проводится у Рикардо, который въ тоже время отрицаетъ и теорію физіократовъ и ученіе Смита о рентѣ, какъ результатѣ поземельной собственности.

Нѣтъ мнѣнія болѣе распространеннаго какъ то, говоритъ Рикардо, что земледѣліе приноситъ большія выгоды, нежели другія отрасли производительной дѣятельности, и это вслѣдствіе того, что земля даетъ излишекъ, называемый рентой. Но въ ту эпоху, когда земли наиболѣе плодородны, когда онѣ наиболѣе изобильны, ренты вовсе не существуетъ, и уже въ то время, когда плодородіе уменьшается, когда на прежній трудъ получается меньше продукта, появляется рента. Странно, что это свойство земли, которое должно былобы считаться убыточнымъ, на которое слѣдовало бы смотрѣть какъ на неудобство въ сравненіи съ другими отраслями народной промышленности, было разсматриваемо какъ преимущество земледѣлія надъ другими вѣтвями производства. Когда природа щедра и благодѣтельна, она всегда работаетъ даромъ. Но по мѣрѣ того, какъ становится скупѣе, она начинаетъ требовать платы за свою работу. Природѣ платятъ не за то, что она производитъ много, но за то, что она производитъ мало.

Когда люди въ первый разъ заселяютъ страну, въ которой находится много богатой и плодородной земли, небольшаго количества которой достаточно для прокормленія существующаго народонаселенія, то ренты не существуетъ. По общему закону спроса и предложенія, ренты за такую землю никто не платитъ точно также, какъ не платятъ ея за право пользованія воздухомъ, водою и всѣми тѣми благами, количество которыхъ въ природѣ не ограничено. Пивоваръ, винокуръ, красильщикъ постоянно употребляютъ воздухъ и воду на производство своихъ продуктовъ; но такъ какъ источникъ этихъ дѣятелей неистощимъ, то они не имѣютъ цѣны.

Точно также никто не станетъ платить за землю, когда кругомъ много земель, никому не принадлежащихъ и, слѣдовательно такихъ, которыя можетъ обработывать каждый, кто хочетъ. Если бы земля обладала повсюду одинаковыми свойствами, если бы пространство ея было безгранично, а качество однородно, нельзя было бы ничего требовать за пользованіе ею, за исключеніемъ развѣ такихъ мѣстностей, гдѣ она, по своему положенію, пользуется нѣкоторыми преимуществами. Ренту начинаютъ платить единственно потому, что количество земли ограничено, а качество разнообразно, и что съ увеличеніемъ населенія становится неизбѣжна обработка участковъ худшаго сорта или расположенныхъ менѣе удобно. Когда, при возрастаніи населенія, принимаются за обработку земель второстепеннаго плодородія, немедленно возникаетъ рента для земель первостепеннаго плодородія, и размѣръ ея зависитъ отъ различія въ качествѣ земли этихъ двухъ категорій. Когда поступаетъ въ обработку земля третьяго сорта, то немедленно является рента на земляхъ второстепеннаго качества, причемъ рента земель перваго сорта возвышается, такъ какъ она должна быть постоянно выше ренты съ земель втораго сорта, вслѣдствіе различія въ количествѣ продуктовъ, которое производятъ эти участки, при данной затратѣ капитала и труда. При всякомъ увеличеніи населенія, побуждающемъ приниматься за земли низшаго плодородія, рента за всѣ болѣе плодородныя земли возрастаетъ.

Предположимъ, что участки N. 1, 2, 3, при одинаковой затратѣ капитала и труда, даютъ чистый продуктъ въ 100, 90 и 80 квартеровъ хлѣба. Когда обрабатывается только участокъ N. 1, обработка котораго достаточна для прокормленія населенія, ренты не существуетъ; весь чистый доходъ поступитъ въ распоряженіе земледѣльца, и составитъ прибыль на его капиталъ. Но какъ только увеличеніе населенія потребуетъ обработки участка N. 2, приносящаго 90 квартеровъ, возникаетъ рента для участка N. 1, потому что въ противномъ случаѣ или должны быть два уровня прибыли на земледѣльческій капиталъ, или изъ дохода N. 1 должны быть вычтены 10 квартеровъ или ихъ эквивалентъ для какого нибудь другаго употребленія. Землевладѣлецъ-ли или

другое лицо обработываетъ N. 1, эти 10 квартеровъ все равно составятъ ренту, такъ какъ лицо, обрабатывающее участокъ N. 2, получитъ одну и ту же выручку какъ въ томъ случаѣ, когда возьмется за воздѣлываніе N. 1, платя 10 квартеровъ хлѣба въ видѣ ренты, такъ и въ томъ, когда будетъ продолжать обработку участка N. 2, не платя ренты. Когда поступаетъ въ обработку N. 3, рента N. 2 будетъ 10 квартеровъ, тогда какъ рента N. 1 возрастетъ до 20 квартеровъ; лицо, воздѣлывающее N. 3, будетъ имѣть одинаковую прибыль какъ въ томъ случаѣ, когда обработываетъ участокъ N. 1, платя за него 20 кв. ренты, такъ и тогда, когда воздѣлываетъ N. 2, платя 10 кв. ренты, такъ и тогда, когда приступаетъ къ обработкѣ N. 3, не платя ренты. Вмѣсто обработки менѣе плодородныхъ участковъ можно увеличивать затраты капиталовъ на одномъ и томъ же участкѣ, но въ такомъ случаѣ каждая новая затрата приноситъ меньшую выручку, вслѣдствіе чего и здѣсь возникаетъ рента. Иногда бываетъ, что при удвоеніи первоначальнаго капитала, затраченнаго на участкѣ N. 1, продуктъ можно, если не удвоить, не увеличить до 100 квартеровъ, то все-таки довести до 85 квартеровъ — количество, большее того, которое получалось бы при употребленіи придаточнаго капитала на обработку участка N. 3. Въ этомъ случаѣ капиталъ былъ бы затраченъ преимущественно на старомъ участкѣ и доставалъ бы также ренту, такъ какъ рента все-таки остается разностію между количествами продукта, полученными вслѣдствіе употребленія двухъ равныхъ количествъ капитала и труда.

Изъ сказаннаго Рикардо заключаетъ, что если бы земель хорошаго качества было гораздо больше, чѣмъ требуется возрастающимъ населеніемъ, или, если бы можно было въ теченіи неопредѣленнаго времени употреблять капиталъ безъ уменьшенія выручки на старыхъ земляхъ, то рента вовсе не могла бы возрастать потому что она постоянно возникаетъ вслѣдствіе употребленія большаго количества труда съ относительно меньшею выручкою. Нельзя видѣть въ рентѣ какого то особеннаго преимущества земледѣлія. Если бы дѣйствительно она была преимуществомъ, то оставалось бы желать, чтобы вновь сооружаемыя машины были менѣе производительны, нежели прежнія. Возвышеніе ренты

всегда составляетъ слѣдствіе увеличенія народнаго богатства и затрудненій при снабженіи пищей возрастающаго населенія. Рента признакъ, но не причина богатства. Она возвышается наиболѣе быстро по мѣрѣ того, какъ находящаяся въ распоряженіи земля становится менѣе производительною. Въ мануфактурныхъ отрасляхъ промышленности такой ренты нѣтъ; здѣсь введеніе новыхъ машинъ не увеличиваетъ, но уменьшаетъ доходы отъ старыхъ машинъ, между тѣмъ какъ въ земледѣліи, на оборотъ, съ увеличеніемъ населенія приходится обработывать болѣе плохія земли, вслѣдствіе чего поднимаются цѣны продуктовъ и возникаетъ рента на земляхъ лучшихъ. Рента, поэтому, есть результатъ болѣе высокихъ цѣнъ, а не причина ихъ. Причина возвышенія цѣнности естественныхъ произведеній лежитъ въ необходимости приложить къ землѣ, позже другихъ поступившей въ обработку, излишнее количество труда, а не въ томъ, что землевладѣльцу платится рента. Цѣнность хлѣба опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на его производство на участкахъ такого качества или при помощи той части капитала, которыя не платятъ ренты. Хлѣбъ становится дороже—не вслѣдствіе того, платится рента; напротивъ рента платится вслѣдствіе того, что хлѣбъ дорожаетъ, и даже правильно замѣчаютъ, что цѣнность пшеницы не понизилась бы, если бы землевладѣльцы отказались отъ ренты. Слѣдствіемъ подобной мѣры было бы только то, что нѣкоторые фермеры стали бы жить господами, но нисколько не уменьшилось бы количество труда, необходимое для производства сырыхъ продуктовъ на участкахъ всего менѣе плодородныхъ (3).

Это ученіе Рикардо вызвало оживленный споръ между экономистами. Особенно вооружился противъ него Кэри (4).

Кэри развиваетъ ту мысль, что народонаселеніе сперва занимаетъ худшія по плодородію земли и за тѣмъ постепенно переходитъ къ лучшимъ, къ болѣе плодороднымъ. На первыхъ порахъ цивиллизаціи человѣкъ слишкомъ слабъ для того, чтобы могъ успѣшно бороться съ растительностью дѣвственной плодородной почвы. Онъ по необходимости занимаетъ подъ обработку болѣе скудную почву, на которой естественная растительность

слабѣе, вслѣдствіе чего съ нею ему легче бороться при первобытныхъ орудіяхъ обработки. Только по мѣрѣ размноженія населенія и развитія цивилизаціи, по мѣрѣ того, какъ увеличивается господство человѣка надъ силами природы, народъ начинаетъ переходить къ обработкѣ болѣе плодородныхъ участковъ земли. Если бы народонаселеніе начинало обработку земли съ болѣе плодородныхъ участковъ и за тѣмъ, по мѣрѣ своего увеличенія переходило къ землямъ худшимъ, то, какъ допускаетъ Рикардо, интересы землевладѣльца и работника были бы на всегда взаимно противоположными. Землевладѣлецъ постоянно бралъ бы увеличивающуюся долю, а работникъ все болѣе и болѣе становился бы его рабомъ. Система Рикардо есть система вражды и стремится возбудить войну между сословіями. Съ другой стороны, принятіе этой теоріи равносильно отрицанію всеобщности законовъ въ міровыхъ явленіяхъ, такъ какъ необходимо признать, что цѣнность имѣетъ два источника: трудъ и поземельную монополію. Въ дѣйствительности цѣнность всѣхъ вещей опредѣляется трудомъ воспроизводства; цѣнность земли, которую экономисты опредѣляютъ монополіей, опредѣляется этимъ же самымъ закономъ, она равна тому труду, который необходимъ для воспроизводства земли въ ея данномъ состояніи. Рента есть ничто иное, какъ плата за поземельныя улучшенія; размѣры ея опредѣляются не тѣмъ трудомъ, который былъ необходимъ для производства улучшеній, но трудомъ, необходимымъ для воспроизводства послѣднихъ при усовершенствованной техникѣ. Такимъ образомъ, по ученію Кэри, рента есть плата за трудъ человѣка, необходимый для воспроизводства поземельныхъ улучшеній; силы природы, сами по себѣ, не имѣютъ никакой цѣнности.

Это понятіе о рентѣ было бы вѣрно, если бы силы природы были создаваемы человѣкомъ. Самъ же Кэри въ слѣдующихъ характеристическихъ чертахъ опредѣляетъ относительное значеніе человѣка и силъ природы въ производствѣ. Человѣкъ, говоритъ онъ, находитъ вокругъ себя массу предметовъ, находящихся въ инертномъ состояніи. Это запасъ скрытой силы, которую необходимо освободить. Твердая почва производитъ плохія растенія, человѣкъ разрыхляетъ ее, бросаетъ въ обработанную зем-

лю зерна, которыя мало-по-малу развиваются и приносятъ человѣку хлѣбъ. Во всѣхъ этихъ операціяхъ человѣкъ является лишь кочегаромъ, приготовляющимъ топливо для локомотива (гл. III, § 3). Если же человѣкъ только кочегаръ въ дѣлѣ производства, то не странно ли доходъ, получаемый отъ производства, считать результатомъ его дѣятельности и исключать въ этомъ отношеніи значеніе природы, относительно которой онъ только кочегаръ? Очевидно, что нѣтъ научныхъ основаній для отождествленія дѣятельности труда человѣка съ дѣятельностью силъ природы, дѣйствующихъ въ земледѣліи. Еще менѣе такихъ основаній къ принятію того положенія, что съ историческимъ развитіемъ человѣчество постепенно переходитъ къ обработкѣ лучшихъ участковъ, какъ будьто послѣднихъ безконечное множество. Можно согласиться съ тѣмъ, что на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи человѣкъ не въ силахъ бороться съ богатою растительностью наиболѣе плодородныхъ почвъ, вслѣдствіе чего начинаетъ обработку съ почвъ скудныхъ и только по мѣрѣ развитія своихъ собственныхъ силъ переходитъ къ болѣе плодороднымъ землямъ, прежде недоступнымъ. Но за тѣмъ, на высшихъ ступеняхъ развитія, неизбѣжно обратное движеніе, уясненное Рикардо. Увеличивающееся населеніе для своего прокормленія требуетъ обработки не однихъ хорошихъ, но и скудныхъ почвъ. Въ настоящее время такая разнообразная обработка встрѣчается на каждомъ шагу, служа наглядным опроверженіемъ односторонняго воззрѣнія Кэри.

Но, не соглашаясь съ Кэри, мы не можемъ согласиться и съ воззрѣніемъ Рикардо, что доходъ отъ силъ природы, дѣйствующихъ въ земледѣліи, есть доходъ исключительно монопольный. По мѣрѣ своего умственнаго развитія, человѣкъ все болѣе и болѣе увеличиваетъ свое господство надъ ними, начинаетъ свободно распоряжаться ими и обращаетъ ихъ въ такую же собственность, какою является капиталъ. Такъ наприм. весь верхній слой обрабатываемой земли, на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, въ извѣстной степени представляетъ собою дѣло рукъ человѣка; физическія свойства почвы, минеральныя питательныя вещества и теплота могутъ быть увеличиваемы или

уменьшаемы, вносимы или извлекаемы изъ почвы по волѣ человѣка. Даже солнечный свѣтъ подчиняется человѣку, по крайней мѣрѣ наприм. посредствомъ черненія почвы угольнымъ порошкомъ сельскій хозяинъ можетъ увеличить поглотительную способность почвы и тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ можетъ распоряжаться солнечнымъ свѣтомъ по своему усмотрѣнію. Доходъ отъ такихъ силъ природы вполнѣ подводится къ одному знаменателю съ доходомъ отъ капитала вообще. „Возлѣ большихъ городовъ участки самой безплодной земли снимаются за большую плату, арендаторъ навозитъ плодородную почву — поземъ, чернитъ его для лучшаго поглощенія солнечной теплоты угольнымъ порошкомъ, такъ что верхній слой является совершенно дѣломъ затратъ и усилій, самая же земля не заключаетъ въ себѣ никакихъ неистощимыхъ, первобытныхъ производительныхъ природныхъ силъ; напротивъ, мѣсто можетъ представить препятствія къ созданію искуственной почвы, которыя весьма трудно преодолѣть (низкое положеніе, холодную подпочву“) (5). Истощаемыя силы природы могутъ быть возстановляемы человѣкомъ, доходъ отъ нихъ является тѣмъ же, чѣмъ является доля капитала. Такому отождествленію способствуетъ еще то, что усвояемыя силы природы, дѣйствующія какъ въ земледѣліи, такъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, часто переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія посредствомъ купли-продажи. Если за данное имущество уплачено 1000 рублей, то получаемый отъ него доходъ есть процентъ отъ этой суммы, не обращая вниманія на то, создается ли онъ машиной, производящей сукно, или землей, производящей хлѣбъ.

И такъ, на высшихъ ступеняхъ экономическаго быта народовъ стихійный доходъ не можетъ быть названъ монопольнымъ; онъ подводится къ одному знаменателю съ доходомъ отъ капитала. Вотъ почему Рикардо не правъ, смѣшавъ стихійный доходъ съ рентой вообще; также не правы и его предшественники, отождествившіе поземельный доходъ съ рентой и отрицающіе возможность возникновенія ренты въ обрабатывающихъ отрасляхъ труда. Но Рикардо вполнѣ правъ, когда говоритъ, что рента „есть разность между количествами продукта, полученными

вслѣдствіе употребленія двухъ равныхъ количествъ капитала и труда". Въ этихъ словахъ заключается то прекрасное уясненіе явленій ренты, которое въ новѣйшее время было развито нѣмецкимъ экономистомъ Шеффле (Theorie, 1867).

Поземельная рента, согласно съ этимъ опредѣленіемъ, есть разность въ доходахъ, получаемыхъ отъ земледѣлія при одинаковыхъ затратахъ труда и капитала. Такая разница обыкновенно происходитъ: 1) отъ разницы въ плодородіи земли, 2) отъ разницы въ производительности разныхъ долей капиталовъ, затрачиваемыхъ на одной и той же землѣ, 3) отъ разницы въ продуктивности труда и 4) отъ разницы въ отношеніяхъ сельскаго хозяина къ рынку.

1) При одинаковыхъ затратахъ труда и капитала—сельскій хозяинъ, обрабатывающій болѣе плодородныя земли, получаетъ большій доходъ, чѣмъ обрабатывающій скудную почву. Если населеніе требуетъ чтобы обрабатывались на равнѣ съ плодородными и скудныя земли, то оно должно оплачивать издержки производства на этихъ послѣднихъ земляхъ, иначе не возможно приложеніе къ нимъ труда и капитала. Цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ поэтому опредѣляется издержками производства, затрачиваемыми на самыхъ скудныхъ земляхъ, обработка которыхъ необходима для прокормленія населенія. Если, напримѣръ, на лучшихъ земляхъ для производства продукта затрачивается день труда, между тѣмъ какъ на худшей землѣ необходимо затратить три дня, то цѣнность всѣхъ продуктовъ, при такихъ условіяхъ производимыхъ, будетъ опредѣляться послѣдними издержками. Весьма естественно, что при этомъ собственникъ лучшихъ земель получаетъ на каждомъ продуктѣ ренту, размѣры коей равны по цѣнности двумъ днямъ труда.

Если, за тѣмъ, возникаетъ необходимость обрабатывать еще болѣе скудныя земли, на которыхъ затрачивается въ продуктъ по 4 дня труда, въ какой пропорціи возвышается и цѣнность производимыхъ продуктовъ, то владѣлецъ наилучшихъ земель получаетъ въ цѣнѣ продуктовъ ренты по 3 рабочихъ дня, а владѣлецъ вторыхъ по одному дню.

2) При неподвижности сельскохозяйственной техники увеличеніе затратъ на данномъ поземельномъ участкѣ не производитъ пропорціональнаго увеличенія продукта, наприм. удвоенный трудъ не приводитъ къ удвоенію продукта. Другими словами, въ повторяемыхъ затратахъ труда и капитала на одну и ту же землю существуетъ разница въ производительности, соотвѣтствующая разницѣ въ плодородіи различныхъ поземельныхъ участковъ. Если наприм. 1000 пудовъ навоза производятъ урожай въ 2 четверти, то 2000 дадутъ не вдвое большій урожай, но нѣсколько меньше, не 4 четверти, а положимъ всего 3 четверти, 3000 пудовъ не 6 четвертей, но $3^1/_2$ четв., т. е. первая 1000 пудовъ увеличиваетъ урожай на 2 четв., вторая на 1 четв., третья на $^1/_2$ четверти. Очевидно, здѣсь возникаетъ разность въ количествѣ произведеній при одинаковыхъ затратахъ, т. е. возникаетъ рента, размѣры которой опредѣляются сравнительною продуктивностью повторяемыхъ на данномъ участкѣ издержекъ труда и капитала.

3) При равенствѣ затратъ труда и капитала на данномъ участкѣ, рабочій день одного хозяина можетъ быть продуктивнѣе рабочаго дня другаго хозяина, одно и то же количество рабочихъ можетъ производить больше, если лучше организованы работы, если наприм. лучше устроено раздѣленіе труда. Здѣсь возникаетъ такая же разница въ количествѣ произведеній, не смотря на одинаковость затратъ, какъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ, то есть возникаетъ рента въ сферѣ приложенія труда къ землѣ.

4) Наконецъ, такая же разность въ доходахъ можетъ быть результатомъ разницы въ отношеніяхъ сельскаго хозяина къ мѣсту сбыта его произведеній. Каждый производитель въ цѣнѣ товара долженъ выручить издержки провоза его на рынокъ, иначе доставка его не выгодна или убыточна, вслѣдствіе чего происходитъ недостача требуемыхъ товаровъ на рынкѣ и возвышеніе цѣны ихъ до того уровня, при которомъ есть выгода доставлять продуктъ изъ отдаленной мѣстности. Положимъ, въ послѣднемъ случаѣ опредѣленный товаръ стоитъ 10 рублей, причемъ 4 рубля — эквивалентъ издержекъ провоза. Сельскій хозяинъ, нахо-

дящійся вблизи рынка, употребляетъ на провозъ товара всего 50 коп., продавая его за 10 рублей. Онъ получаетъ такимъ образомъ 3 р. 50 коп. дохода, не существующаго для отдаленнаго производителя, не смотря на одинаковость ихъ сельскохозяйственныхъ затратъ. Въ этомъ отношеніи чѣмъ ближе производитель къ рынку для сбыта продуктовъ, тѣмъ выше рента, выручаемая имъ въ цѣнѣ этихъ продуктовъ.

Рента, такимъ образомъ, представляетъ собою результатъ естественной монополіи того или иного сельскаго хозяйства. Это естественно-монопольный доходъ. Но очевидно, что тахой доходъ можетъ быть не только въ земледѣліи, но также и во всѣхъ другихъ отрасляхъ народной промышленности, вслѣдствіе чего рента не можетъ считаться исключительною принадлежностью земледѣлія. И въ мануфактурной отрасли промышленности можетъ быть неравенство произведеній при равныхъ затратахъ труда и капитала, благодаря на примѣръ тому, что существуетъ разница въ продуктивности труда, машинъ и т. подобное. Можетъ существовать также разница въ доходахъ, при равенствѣ производственныхъ затратъ, вслѣдствіе большаго или меньшаго разстоянія отъ рынка. Разность умственнаго развитія производителей имѣетъ не меньшее вліяніе на разность въ количествѣ произведеній. Одинъ мануфактуристъ лучше организуетъ предпріятіе, чѣмъ другой, благодаря чему при равныхъ затратахъ получаетъ большій доходъ. Рента въ подобнаго рода случаяхъ является преміей за изобрѣтательность и предпріимчивость.

(1) А. Гейеманъ. О сущности основнаго физіократическаго ученія и о значеніи его въ исторіи пол. экон., стр. 33—41. (2) A. Smith, кн. 1, гл. VI, IX. (3) Начала пол. экон. гл. II. (4) Principe de la science sociale, гл. IV, V, IX и др. (5) Э. Вреденъ. Курсъ политич. экономіи, стр. 382.

г) *Объ отношеніи между долями труда, капитала и ренты.*

Вопросъ объ отношеніи между долями труда, капитала и ренты вызвалъ въ экономической литературѣ существованіе двухъ противоположныхъ гипотезъ. Одна изъ нихъ развита въ

особенности Д. Рикардо, другая — Кэри и его послѣдователями. Въ основаніи той и другой гипотезы лежатъ воззрѣнія А. Смита.

По ученію Смита, высказанному имъ на первыхъ же страницахъ своего изслѣдованія о богатствѣ народовъ, общежитіе основано на принципѣ раздѣленія занятій, какъ законѣ союзности интересовъ. Благодаря этому раздѣленію занятій, въ обществѣ продукты самыхъ разнообразныхъ трудовыхъ особенности собираются какъ бы въ одну общую массу, изъ которой каждый можетъ получать произведенія, изготовленныя другими. Общество, по мысли Смита, представляетъ собою цѣлое, въ которомъ всѣ части находятся во взаимной связи, причемъ связующимъ началомъ служитъ личный интересъ. Каждый своимъ личнымъ интересомъ заинтересованъ въ благосостояніи другихъ; каждый для увеличенія собственныхъ доходовъ долженъ заботиться о доходахъ другихъ людей, долженъ узнавать ихъ нужды, потребности, и предлагать средства удовлетворенія.

Но рядомъ съ этимъ воззрѣніемъ А. Смита встрѣчается и противоположное. Такъ онъ утверждаетъ, что интересы капиталистовъ и общество взаимно противоположны. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія капиталы всегда дороги, проценты за пользованіе ими высоки и обременительны для плательщиковъ, доля капитала въ массѣ производства велика; на оборотъ, на высшихъ ступеняхъ развитія капиталы дешевы, проценты незначительны. Прибыль на капиталъ велика въ странахъ бѣдныхъ, въ особенности же въ такихъ, богатство которыхъ падаетъ; въ богатыхъ же странахъ доля капитала всегда незначительна. Такимъ образомъ, интересы капиталистовъ прямо противоположны общественному интересу; капиталисты заинтересованы въ разстройствѣ экономическаго состоянія обществъ, они заинтересованы въ томъ, чтобы общества были бѣдны, такъ какъ только при такомъ положеніи капиталы ихъ имѣютъ высокую цѣнность и даютъ большіе доходы.

Доказывая противоположность интересовъ капиталистовъ и общества, А. Смитъ допускаетъ полную солидарность доходовъ рабочихъ и землевладѣльцевъ съ общественными выгодами,

хотя о рентѣ послѣднихъ выражается, что она есть результатъ того, что землевладѣльцы жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли. Но рента увеличивается съ увеличеніемъ общественнаго благосостоянія, когда является возможность увеличивать поземельныя затраты и, слѣдовательно, увеличивать производительность земли. Сверхъ того, рента возвышается косвеннымъ путемъ вмѣстѣ съ развитіемъ мануфактуръ, какое развитіе даетъ возможность землевладѣльцу пріобрѣтать меньшимъ количествомъ земледѣльческихъ продуктовъ большее количество мануфактурныхъ произведеній. Точно также съ общественнымъ экономическимъ развитіемъ возвышается и доля труда, благодаря усиленію спроса на трудъ и удешевленію продуктовъ. Такимъ образомъ, по ученію Смита, интересъ землевладѣльцевъ и рабочихъ солидаренъ съ интересомъ общественнымъ; напротивъ того, интересы капиталистовъ находятся въ полномъ противорѣчіи съ интересами другихъ классовъ населенія (1).

Это ученіе А. Смита послужило исходнымъ пунктомъ послѣдующихъ ученій, раздѣлившихся на два направленія, изъ которыхъ представители одного доказываютъ, что естественный законъ отношеній между отдѣльными отраслями доходовъ — законъ борьбы; въ то время какъ другіе утверждаютъ современно противоположное, что законъ этихъ отношеній есть законъ полной солидарности.

По ученію Рикардо интересы рабочихъ и капиталистовъ прямо противоположны. Цѣна продуктовъ опредѣляется трудомъ производства, измѣряемымъ количествомъ рабочихъ дней. Рабочая плата на цѣнность продуктовъ, поэтому, не оказываетъ никакого вліянія, но она имѣетъ существенное вліяніе на вопросъ о размѣрахъ прибыли. Если капиталъ рыбака имѣетъ цѣнность въ 100 ф. ст., если рыбакъ располагаетъ 10 рабочими, годовая плата которыхъ 100 ф. ст., и если такимъ трудомъ добывается въ день 20 штукъ семги; съ другой стороны, если капиталъ охотника стоитъ также 100 ф. ст., если охотникъ нанимаетъ 10 рабочихъ, съ платою 100 ф. ст. и добываетъ ежедневно по 10 дикихъ козъ, то естественную цѣну одной дикой козы будутъ составлять двѣ семги, какова бы ни была часть продукта, отданная

рабочимъ. Если бы охотникъ захотѣлъ получить больше рыбы за дичь, ссылаясь на то, что увеличилась плата рабочимъ, то рыбакъ отвѣтилъ бы ему, что и онъ самъ находится въ такихъ же обстоятельствахъ. Пока трудъ одного дня будетъ доставлять прежнее количество рыбы и дичи, цѣнность этихъ продуктовъ не измѣнится, каковы бы ни были измѣненія въ заработной платѣ и капиталистическомъ доходѣ. Увеличеніе заработной платы, при неизмѣненіи цѣнности продукта, будетъ сопровождаться уменьшеніемъ прибыли на капиталъ; на оборотъ, уменьшеніе капиталистической прибыли будетъ сопровождаться увеличеніемъ заработной платы. Очевидно, интересы рабочихъ и капиталистовъ — прямо противоположны. По этому ученію, увеличеніе благосостоянія однихъ можетъ произойти не иначе, какъ на счетъ благосостоянія другихъ.

По теоріи Рикардо и доходы землевладѣльцевъ находятся въ противорѣчіи съ остальными отраслями доходовъ. По мѣрѣ увеличенія населенія, заставляющаго земледѣльцевъ переходить къ обработкѣ худшихъ земель, что увеличиваетъ затруднительность въ дѣлѣ прокормленія, рента возрастаетъ, такъ что землевладѣльцы выигрываютъ отъ общихъ затрудненій (²).

Совершенно противоположное воззрѣніе развиваютъ послѣдователи такъ называемой школы согласія интересовъ. По ученію Кэри, согласіе интересовъ — это основной законъ которымъ регулируется выдѣлъ доходовъ между участниками въ производствѣ. Съ экономическимъ развитіемъ капиталъ постоянно дешевѣетъ, но изъ этого еще нельзя заключить, что интересъ капиталистовъ противоположенъ общественному интересу. Каменный топоръ въ свое время имѣлъ громадную цѣнность; благодаря его помощи, человѣкъ въ одинъ день получилъ возможность срубать деревьевъ больше, чѣмъ прежде онъ могъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Весьма естественно, что собственникъ высоко цѣнилъ это орудіе и ссужалъ его за высокіе проценты; работникъ платилъ за временное имъ пользованіе $^3/_4$ своихъ произведеній, находя для себя выгоду въ увеличеніи производительности своего труда. Когда былъ изобрѣтенъ бронзовый топоръ, то не только еще болѣе увеличилась продуктивность труда, но облегчилось

и производство новыхъ топоровъ, количество ихъ увеличилось и уменьшился процентъ, платимый за пользованіе ими; вмѣсто $^3/_4$ произведеній труда владѣлецъ получаетъ только $^2/_3$. За тѣмъ изобрѣтается желѣзный топоръ, воспроизводство котораго еще легче и производительное значеніе котораго вдвое выше, сравнительно съ бронзовымъ; тогда собственникъ принужденъ довольствоваться только половиной произведеній работника, которому онъ ссужаетъ этотъ топоръ. Наконецъ появляется стальной топоръ, производительное значеніе котораго вдвое выше прежняго, вмѣстѣ съ чѣмъ облегчается воспроизводство, такъ что собственникъ пользуется еще меньшимъ процентомъ, получаетъ еще меньшую долю на свой капиталъ. Съ этой точки зрѣнія распредѣленіе продукта между трудомъ и капиталомъ можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ:

	Сумма произведеній.	Доля труда.	Доля капитала
Каменный топоръ	4	1	3
Бронзовый „	8	2,66	5,33
Желѣзный „	16	8	8
Стальной „	32	19,20	12,80

Изъ этого видно, что хотя съ экономическимъ развитіемъ доля капитала уменьшается какъ процентъ, но увеличивается общій или абсолютный доходъ капиталиста, слѣдовательно интересъ капиталиста не противорѣчитъ общественному интересу. Изъ этого же Кэри выводитъ заключеніе, что, если съ экономическимъ развитіемъ доходъ капиталиста, уменьшаясь относительно, увеличивается абсолютно, то доходъ рабочаго увеличивается и относительно и абсолютно.

Подобно капиталистическому доходу, по ученію Кэри, поземельная рента съ экономическимъ развитіемъ уменьшается относительно и увеличивается абсолютно. Чѣмъ больше человѣкъ пріобрѣтаетъ власти надъ силами природы, тѣмъ съ большею легкостью достаются ему произведенія земли, землевладѣлецъ

получаетъ меньшую процентную долю, но эта доля получается изъ большаго количества произведеній; слѣдовательно, уменьшаясь относительно, рента увеличивается абсолютно. Интересъ землевладѣльца вполнѣ совпадаетъ съ интересомъ всего общества (*).

Изложенныя нами ученія, при всей ихъ противоположности, представляютъ собою продуктъ различныхъ сторонъ одной и той же дѣйствительности. Мы уже говорили, что законъ взаимности интересовъ, вытекающій изъ самой природы отношеній между людьми, постепенно осуществляется, но что въ дѣйствительности существуетъ и борьба интересовъ, мало по малу исчезающая. Одни экономисты обратили вниманіе на борьбу интересовъ и возвели ее въ принципъ, игнорируя законъ междучеловѣческой солидарности; другіе обратили исключительное вниманіе на послѣдній законъ, игнорируя въ большей или меньшей степени факты всѣмъ очевидной борьбы интересовъ. Тѣ и другіе не правы, хотя въ томъ и другомъ направленіи есть извѣстная доля истины.

Признавая факты борьбы, мы не имѣемъ никакихъ научныхъ основаній возводить эти факты въ непреложный законъ. Напротивъ того, всѣ историческія и дедуктивныя данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что эта борьба — явленіе преходящее, естественнымъ путемъ уступающее мѣсто закону союзности.

Говоря о противоположности интересовъ капиталистовъ и общества, А. Смитъ не обратилъ вниманія на то, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ относительнаго или процентнаго капиталистическаго дохода увеличивается абсолютный доходъ. На низшихъ ступеняхъ развитія данный капиталъ производительно обращается въ годъ одинъ разъ и приноситъ прибыли 20%, съ увеличеніемъ благосостоянія массъ этотъ капиталъ обращается ежедневно, принося послѣ каждаго оборота 1% прибыли. Въ теченіи года такой капиталъ приноситъ дохода не 20, но 365 единицъ. Въ торговлѣ это общеизвѣстная истина, осознанная еще Бэкономъ, замѣтившимъ, что малыя прибыли приходятъ часто, между тѣмъ какъ большія попадаются рѣдко. Вмѣсто алчности, стремившейся въ прежнія времена выручать возможно большій барышъ отъ каждой сдѣлки, говоритъ Маклеодъ, опытъ новѣйшаго времени убѣ-

дилъ, что истинная аксіома торговли — это: малые барыши при частномъ оборотѣ капитала.

Съ другой стороны, съ экономическимъ развитіемъ увеличивается количество капиталовъ, такъ какъ каждый капиталъ производится несравненно легче. Увеличеніе общаго количества капиталовъ равносильно учащенію оборотовъ каждаго капитала, вслѣдствіе чего капиталистъ отъ уменьшенія процента ничего не теряетъ, но выигрываетъ, такъ какъ уменьшеніе процента сопровождается общимъ увеличеніемъ его дохода. Для него, очевидно, выгоднѣе доходъ съ 10 единицъ капитала въ 5%, нежели доходъ въ 10% съ одной единицы. Такимъ образомъ А. Смитъ не правъ, говоря о принципіальной противоположности интересовъ капиталистовъ и общества; фактическая противоположность этихъ интересовъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что не всѣ капиталисты разумно понимаютъ свои личныя выгоды, не всегда и не всѣ люди разумно преслѣдуютъ свои собственные интересы.

Точно также не правъ Рикардо, говоря о противоположности между увеличеніемъ ренты и остальныхъ доходовъ общества. Говоря принципіально, всѣ общечеловѣческіе интересы солидарны между собою, хотя въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, можетъ быть и противоположное положеніе дѣлъ. Рикардо обратилъ исключительное вниманіе на такіе частные случаи, онъ „имѣетъ постоянно въ виду извѣстное общественное положеніе рабочаго класса, которое ставитъ его въ невыгодное отношеніе при соперничествѣ съ землевладѣльцами и предпринимателями; но такое положеніе не есть еще законъ природы“ (1). Въ такой же степени невѣрно и то положеніе его, что заработная плата и прибыль представляютъ собою нѣчто въ родѣ ведеръ въ колодезьномъ воротѣ, изъ коихъ одно идетъ внизъ, когда другое поднимается вверхъ. Увеличеніе вознагражденія за трудъ не только не всегда ведетъ къ пониженію прибыли, но, напротивъ того, увеличиваетъ ее, такъ какъ побуждаетъ работника къ болѣе усердной дѣятельности. И здѣсь нѣтъ никакого принципіальнаго противорѣчія между долей труда и долей капитала.

Наконецъ, нельзя согласиться и съ Кэри, по ученію котораго законъ союзности интересовъ является какъ бы физическимъ закономъ, неизбѣжно существующимъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Подобно всѣмъ общественнымъ законамъ, этотъ законъ постепенно осуществляется въ жизни, весьма часто нарушается, низводится до едва замѣтнаго минимума. Полное согласіе интересовъ между различными долями доходовъ — задача будущаго, задача постепенно разрѣшаемая, по мѣрѣ умственнаго и нравственнаго развитія человѣчества. Справедливое распредѣленіе доходовъ, по которому бы интересы участниковъ въ предпріятіяхъ были разумно соглашены между собою, вполнѣ обусловливается умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ самихъ этихъ участниковъ и во многихъ случаяхъ требуетъ поддержки со стороны общественной власти, способствующей поднятію умственнаго и нравственнаго уровня общества, а также обезпечивающей защиту для слабыхъ отъ всякаго гнёта.

(1) Richesse des Nations. кн. I, гл. I, IX, X, XI. (2) Начала политической экономіи, стр. 13—14, гл. II. (3) Principes de la science sociale, гл. XXXIV. (4) Н. Бунге. Основ. полит экономіи стр. 128.

Потребленіе.

По обыденнымъ воззрѣніямъ, перенесеннымъ нѣкоторыми экономистами и въ науку, потребленіе представляетъ собою противоположность производству, есть ни что иное, какъ разрушеніе или уничтоженіе имущественныхъ благъ, создаваемыхъ въ той или иной отрасли производства. Въ дѣйствительности весьма часто такъ бываетъ, весьма часто потребленіе является актомъ противоположнымъ производству, актомъ уничтоженія или разрушенія цѣнностей. Но факты эти не должны быть возводимы въ принципъ. Съ общественно-хозяйственной и единственно научной точки зрѣнія не только нѣтъ противоположности между

производствомъ и нормальнымъ потребленіемъ, но существуетъ прямая противоположность между этимъ потребленіемъ и разрушеніемъ, уничтоженіемъ имущественныхъ благъ. Нормальное потребленіе есть конечная цѣль производства, осуществленію которой препятствуетъ уничтоженіе имуществъ, вслѣдствіе чего противъ послѣдняго и предпринимаются разнаго рода мѣры. Потребленіе платья не равносильно уничтоженію его; напротивъ того, задача разумнаго потребленія состоитъ въ томъ, чтобы платье возможно медленнѣе и меньше разрушалось. Потребляя этотъ продуктъ, мы боремся съ условіями, разрушительно вліяющими на него. Жилой домъ служитъ для цѣлей потребленія, а не для разрушенія, мы употребляемъ всѣ усилія къ тому, чтобы домъ какъ можно долѣе служилъ нашимъ потребностямъ, то есть чтобы не разрушался. Сверхъ того, обыденное понятіе о потребленіи вовсе не приложимо къ потребленію невещественныхъ благъ. Читая книгу, слушая рѣчь оратора и т. п., мы потребляемъ невещественные продукты или, какъ обыкновенно говорятъ, умственную пищу. Но неужели это потребленіе умственной пищи равносильно уничтоженію ея? Не очевидно ли, что здѣсь не только нѣтъ никакой противоположности между потребленіемъ и производствомъ, но что потребленіе умственной пищи есть необходимое условіе ея производства? Безъ потребленія невещественныхъ благъ, безъ чтенія книгъ, слушанія лекцій и т. п. умственное развитіе было бы не мыслимо. Потребленіе невещественныхъ благъ есть условіе и причина ихъ производства и развитія. Но тоже самое вѣрно и въ отношеніи къ вещественнымъ благамъ; накопленіе ихъ зависитъ отъ быстроты ихъ потребленія. „Пища, потребленная Крузэ, говоритъ Кэри, не уничтожена потребленіемъ, но приняла высшую форму умственныхъ и физическихъ силъ. Она за тѣмъ, принимаетъ форму лука, устроеннаго вслѣдствіе затраты этихъ силъ. Она, далѣе, проявляется въ новыхъ количествахъ и лучшемъ качествѣ пищи, добытой при помощи лука. Благодаря этому, Крузе получаетъ досугъ, необходимый для дальнѣйшаго развитія его умственныхъ и физическихъ силъ и, такимъ образомъ, потребленная пища снова проявляется въ высшей формѣ этихъ силъ, проявляется въ формѣ умственныхъ способностей,

доставляющихъ человѣку господство надъ силами природы и увеличивающихъ его богатство.“ Очевидно, что съ научной точки зрѣнія потребленіе не можетъ быть названо разрушеніемъ или уничтоженіемъ имущественныхъ благъ, цѣнностей, полезностей и т. п. Оно состоитъ въ удовлетвореніи потребностей, какъ конечной цѣли актовъ производства и распредѣленія, достиженіе которой представляетъ собою не только условіе, но и мѣрило правильности всѣхъ другихъ функцій экономическаго организма. Вотъ почему вопросъ о потребленіи въ политической экономіи долженъ имѣть особенно важное значеніе, хотя до настоящаго времени онъ не во всѣхъ отношеніяхъ разработанъ.

Такъ какъ нормальный законъ потребленія, какъ необходимаго условія правильности въ производствѣ, не исключаетъ случаевъ того потребленія, которое является уничтоженіемъ имуществъ, то въ отдѣлѣ о потребленіи политическая экономія изучаетъ какъ законы производительнаго потребленія, такъ и условія уменьшенія или уничтоженія убытковъ отъ разрушительнаго потребленія. Въ первомъ отношеніи она изучаетъ статику и динамику потребленія, во второмъ — условія застрахованія производительныхъ факторовъ и произведеній отъ разрушенія.

I. Статистическій законъ потребленія.

Въ изолированномъ положеніи человѣкъ производитъ въ той мѣрѣ, въ какой возникаютъ и развиваются потребности. Онъ не будетъ производить болѣе того, что требуется его обыденными нуждами. Между потребленіемъ и производствомъ въ это время существуетъ полная солидарность, существуетъ хозяйственное равновѣсіе. Существуетъ ли такой статистическій законъ потребленія въ мѣновомъ хозяйствѣ? Можно ли сказать, что и въ настоящей общественной экономической жизни между производствомъ и потребленіемъ естественно устанавливается равновѣсіе, о существованіи котораго никто изъ производителей и потребителей не заботится?

Многіе отрицаютъ существованіе такого естественнаго закона. Въ доказательство отсутствія его обыкновенно приводятъ всѣмъ извѣстные факты экономическихъ кризисовъ, то есть избытка предложенія товаровъ сравнительно съ существующимъ на нихъ спросомъ, избытка производства сравнительно съ размѣрами потребленія. Говорятъ, что только въ изолированномъ положеніи могло быть естественное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ. Человѣкъ въ этомъ состояніи знаетъ свои потребности и размѣрами своихъ нуждъ обусловливаетъ размѣры своего производства. Изолированный человѣкъ прежде всего заботится о своей пищѣ, потомъ изготовляетъ себѣ одежду, жилище и т. далѣе, все въ количествѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ его. Въ общественной жизни нѣтъ такого упорядочивающаго закона. Весьма естественно, что въ этомъ состояніи люди могутъ производить больше того, сколько нужно и въ дѣйствительности весьма часто производители терпятъ убытки именно вслѣдствіе этого несоотвѣтствія между размѣрами производства и существующимъ спросомъ. Мы производимъ, не соразмѣряя производства съ потребленіемъ.

Это воззрѣніе съ особенною настойчивостью проводитъ С. Сисмонди въ своихъ политико-экономическихъ этюдахъ. Когда-то въ дѣтствѣ, говоритъ онъ, разсказывали мнѣ, что въ домѣ нѣкоего Гандалина жилъ колдунъ, по повеленію котораго метла превращалась въ водоноса и носила своему хозяину воду. Въ одно время Гандалинъ подслушалъ тѣ магическія слова, которыя произносилъ колдунъ, превращая свою метлу въ водоноса, не разслушавъ тѣхъ словъ, по которымъ водоносъ превращался снова въ метлу. Какъ только колдунъ ушелъ изъ дому, Гандалинъ немедленно произнесъ подслушанныя имъ слова и метла превратилась въ водоноса, который и началъ носить воду изъ сосѣдней рѣки. Такъ наполнилъ онъ всѣ сосуды, бывшіе въ домѣ, но и за тѣмъ продолжалъ носить воду. Вода разлилась по комнатамъ и человѣкъ-машина не переставалъ дѣлать свое дѣло, не обращая вниманія на крики и мольбы Гандалина. Въ отчаяніи Гандалинъ сталъ рубить водоноса топоромъ, но куски метлы, сперва падавшіе на полъ, поднима-

лись и начинали носить воду; вмѣсто одного водоноса, появилось ихъ четыре, восемь, шестнадцать и т. д.; чѣмъ болѣе Гандалинъ рубилъ метлу, чѣмъ болѣе онъ старался уничтожить людей-машинъ, носившихъ воду, тѣмъ больше появлялось водоносовъ, которые переносили бы всю воду въ рѣкѣ, если бы наконецъ не пришелъ колдунъ и не прекратилъ дѣйствія магическихъ словъ, превратившихъ метлу въ водоноса. Такъ Гандалинъ испыталъ на себѣ, что должна быть опредѣленная мѣра даже въ самомъ необходимомъ для жизни, что можетъ быть излишекъ въ самыхъ прекрасныхъ вещахъ. Вода — необходимый предметъ для жизни человѣка, но непомѣрный излишекъ ея—вреденъ. Въ такомъ печальномъ положеніи, въ какомъ находился сказочный Гандалинъ, находятся и современныя общества. Слова философовъ возвысили значеніе труда въ обществѣ, сдѣлали трудъ уважаемымъ; политическія вліянія увеличили число лицъ, занимающихся промышленностью. Благодаря уже этимъ причинамъ, рынки переполняются продуктами, не находящими сбыта. Но къ этимъ причинамъ присоединяются еще научныя открытія и изобрѣтенія, подобно топору Гандалина, увеличивающія производительность и переполненіе рынка всевозможными произведеніями. Не пора ли остановить это переполненіе? Не пора ли прійдти колдуну, который остановилъ бы трудъ людей—машинъ? (1).

Ученіе Сисмонди встрѣтило благодатную почву въ невѣжественной средѣ „организаторовъ,“ съ увеличеніемъ схватившихъ эту мысль объ отсутствіи упорядочивающаго принципа въ отношеніи между производствомъ и размѣрами потребленія. Если нѣтъ такого естественнаго принципа, который регулировалъ бы отношеніе между производствомъ и потребленіемъ, то необходимо придумать искуственный принципъ, въ противномъ случаѣ общество остается обреченнымъ слѣпому случаю, одни рынки должны переполняться произведеніями, другіе — оставаться безъ необходимыхъ продуктовъ. И такъ, организаторы задаются мыслью привести въ надлежащій порядокъ то, что самимъ Провидѣніемъ обречено слѣпому случаю. Для достиженія этого надлежащаго порядка необходимо лишь отказаться людямъ отъ лич-

ной свободы и безусловно подчиниться распоряженіямъ самозванныхъ владыкъ, желающихъ по своему переорганизовать весь міръ.

Въ частныхъ случаяхъ несоотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ встрѣчается часто. Но эти случаи — не законъ. Они также не даютъ основаній отрицать существованія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, какъ факты морскихъ волненій не даютъ научныхъ основаній къ отрицанію закона стремленій сообщающихся между собою частицъ жидкости къ одному уровню.

Естественный законъ равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ проистекаетъ изъ личнаго интереса производителей, при существованіи экономической свободы. Каждый человѣкъ, при раздѣленіи въ обществѣ занятій, можетъ удовлетворять свои потребности не иначе, какъ удовлетворяя потребности другихъ. Желая пріобрѣтать отъ другихъ ему необходимое, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы производить въ обмѣнъ за эти продукты именно то, что наиболѣе требуется обществомъ и въ чемъ слѣдовательно, общество наиболѣе нуждается. Какимъ же образомъ онъ узнаетъ объ этомъ? Узнаетъ по цѣнѣ продуктовъ. Продукты, въ которыхъ общество наиболѣе нуждается, имѣютъ наиболѣе высокія цѣны, привлекая къ производству капиталы. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда производитель не разсчиталъ размѣровъ сбыта, цѣны на продукты, переполняющіе рынокъ, понижаются, вслѣдствіе чего производители уменьшаютъ предложеніе товаровъ. Такимъ образомъ при недостаткѣ предложенія товаровъ высокія цѣны вызываютъ добавочное производство; на оборотъ, при излишкѣ предложенія пониженіе цѣнъ заставляетъ уменьшить производство. Цѣны продуктовъ представляютъ собою естественный регуляторъ отношеній между спросомъ и предложеніемъ, между производствомъ и потребленіемъ. „Всѣ продукты, говоритъ Молинари, должны появляться на рынкѣ въ пропорціи, соотвѣтствующей размѣрамъ потребленія. Если опредѣленные продукты появятся на рынкѣ въ недостаточномъ количествѣ, то цѣны ихъ возвышаются, вслѣдствіе чего производство ихъ становится особенно прибыльнымъ и количество ихъ будетъ увеличиваемо

до тѣхъ поръ, пока установится равновѣсіе между размѣрами потребленія и производствомъ. Если, на оборотъ, предложеніе какого либо товара превышаетъ требованіе, то цѣнность его понижается, вслѣдствіе чего уменьшается его производство. Благодаря этому, равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ устанавливается естественнымъ путемъ“ (²).

Это естественное вліяніе цѣнъ на установленіе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ представляетъ собою форму, посредствомъ которой проявляется въ жизни личный интересъ, значеніе котораго въ народной экономіи, такъ прекрасно уясненное классическою политическою экономіею, въ настоящее время ожесточенно оспаривается утопистами—организаторами. Подъ вліяніемъ стремленія извлечь возможно большія личныя выгоды производители то увеличиваютъ, то уменьшаютъ свое производство, сообразуясь съ существующими цѣнами продуктовъ, но именно это и приводитъ къ надлежащему соглашенію производства съ потребленіемъ. Личный интересъ служитъ тѣмъ животворнымъ началомъ, подъ вліяніемъ котораго, говоря словами А. Смита, безконечно разнообразныя произведенія труда людей, работающихъ независимо другъ отъ друга, собираются какъ бы въ одну массу, изъ которой каждый получаетъ все, въ чемъ нуждается. Никто не заботится о снабженіи городскихъ жителей сельскими продуктами и, не смотря на это, никто изъ милліоновъ ихъ не остается безъ этихъ продуктовъ; сельскіе жители, не сговариваясь между собою и безъ всякихъ приказаній, повинуясь исключительно своему личному интересу, доставляютъ въ городъ все необходимое для его прокормленія, что только могутъ производить. Такимъ же образомъ и сельскіе жители снабжаются городскими продуктами, безъ всякихъ предварительныхъ распоряженій и сговора со стороны продавцевъ. Очевидно, личный интересъ имѣетъ значеніе организующаго начала въ народной экономіи. Не даромъ утописты-организаторы такъ вооружаются противъ классической политической экономіи, уяснившей истинное значеніе этого начала.

Говоря, что подъ вліяніемъ личнаго интереса естественно установливается равновѣсіе между производствомъ и потребле-

ніемъ, мы не должны забывать, что подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ это равновѣсіе можетъ нарушаться. Существуютъ причины, препятствующія надлежащему установленію равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Къ такимъ причинамъ Молинари относитъ слѣдующія обстоятельства:

1) Непостоянство урожайности земледѣльческихъ продуктовъ, обусловливаемое климатическими вліяніями.

2) Недостаточное знакомство производителей съ условіями сбыта, или полное незнаніе этихъ условій.

3) Монополіи какъ естественныя, такъ и искуственныя ([3]).

Съ умственнымъ развитіемъ, по мѣрѣ того какъ человѣкъ увеличиваетъ свое господство надъ силами природы и лучше устроиваетъ свои отношенія къ ближнимъ, эти причины все болѣе и болѣе устраняются и получаетъ все большую и большую силу законъ естественнаго равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ ([4]).

([1]) S. de Sismondi, Études sur l'écon. politique, т. 1, стр. 60. ([2]) Cours d'écon. pol. т. 1, стр. 164. ([3]) Ibid. стр. 164—176. ([4]) F. Bastiat. Harmonies économiques, стр. 25 и слѣд.

II. Динамическій законъ потребленія.

Динамическій законъ потребленія впервые былъ подвергнутъ научному изслѣдованію въ концѣ прошлаго столѣтія. Лучшіе мыслители этого времени вѣрили въ безконечную усовершаемость человѣчества. Они признавали, что человѣчество постепенно приближается къ всеобщему благосостоянію, вѣрили, что вмѣстѣ съ развитіемъ потребностей увеличиваются и средства ихъ удовлетворенія. Они были убѣждены, что существующее въ мірѣ зло происходитъ отъ политическихъ причинъ, что достаточно правильно организовать общественныя учрежденія и всеобщее благосостояніе, то есть полное удовлетвореніе потребностей всѣхъ и каждаго, явится само собою.

Но извѣстно, что попытка достигнуть такимъ легкимъ путемъ всеобщаго благосостоянія не привела ни къ чему. Въ духѣ этихъ воззрѣній, начиная съ 1793 года, во Франціи были предприняты самыя рѣшительныя мѣры, не давшія ожидаемыхъ результатовъ. Въ это время, говоритъ А. Бланки, „поземельная собственность была раздроблена и перешла въ руки бѣднѣйшихъ классовъ. Самая власть перешла въ руки этихъ бѣднѣйшихъ классовъ, которые не остановились ни предъ таксами на предметы первой необходимости, ни предъ насильственными займами, ни предъ отмѣной косвенныхъ налоговъ,—и, тѣмъ не менѣе, все-таки были бѣдные, люди покрытые рубищемъ, старики безъ куска хлѣба, женщины въ безпомощномъ состояніи, подкинутыя дѣти, злодѣи и публичныя женщины. Что же оставалось предпринять послѣ сдѣланной попытки? Кто рѣшится на новую попытку, послѣ рѣшительныхъ мѣръ 1793 года? Философы и экономисты, пораженные изумленіемъ, испытывали то горькое разочарованіе, которое обыкновенно слѣдуетъ за политической катастрофой“ (1).

Въ это время появилось знаменитое сочиненіе Мальтуса о народонаселеніи. Книга эта появилась въ послѣдній годъ XVIII вѣка и представляетъ собою „послѣднее слово всеобщаго разочарованія,“ наступившаго послѣ періода свѣтлыхъ надеждъ.

По ученію Мальтуса (2), всѣ живыя существа имѣютъ стремленіе размножаться быстрѣе, чѣмъ могутъ размножаться средства, необходимыя для удовлетворенія потребностей. Еще Франклинъ замѣтилъ, что воспроизводительная способность растеній и животныхъ не имѣетъ границъ, и сдерживается только тѣмъ, что размножаясь, они отнимаютъ другъ друга пищу. Если бы, говоритъ онъ, земля лишилась всѣхъ своихъ растеній, то одной породы, наприм. укропа, было бы достаточно, что бы покрыть ее зеленью; и если бы она не имѣла жителей, то достаточно было бы одного народа, наприм. англійскаго, чтобы въ нѣсколько вѣковъ заселить ее. И это совершенно справедливо. Природа щедрою рукою разсыпала зародыши жизни въ обоихъ царствахъ, но она бережлива, что касается до мѣста и пищи. Безъ такой предосторожности, въ нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ

милiоны мiровъ могли бы быть населены одною землей. Природа, давшая человѣку безграничную способность къ размноженiю, не даетъ необходимыхъ средствъ для существованiя. Можно считать несомнѣннымъ, что если размноженiе населенiя не встрѣчаетъ никакого препятствiя, то оно удвоивается каждыя двадцать пять лѣтъ, и возрастаетъ въ геометрической прогрессiи. Но средства къ существованiю никоимъ образомъ не могутъ размножаться такъ быстро. Человѣкъ стѣсненъ ограниченнымъ пространствомъ. Если мало-по-малу, десятина за десятиной, обработана будетъ вся плодородная земля, то увеличенiе количества пищи будетъ зависѣть отъ улучшенiя уже обрабатываемыхъ земель. По свойствамъ каждаго рода почвы, улучшенiе это не можетъ сопровождаться постоянно возрастающимъ успѣхомъ; послѣдній, напротивъ того, будетъ уменьшаться. Если мы предположимъ, что въ первыя двадцать пять лѣтъ въ опредѣленной странѣ произведенiя почвы могутъ удвоиться, то въ слѣдующiя двадцать пять лѣтъ рѣшительно нельзя надѣяться, чтобы производительность земли возрасла по тому же закону, и чтобы по истеченiи этого втораго перiода плодородiе учетверилось. Достаточно, если ежегодный приростъ средняго производства не уменьшается, а остается тотъ же, такъ что въ каждый двадцатипятилѣтнiй перiодъ къ годовому производству присоединяется количество произведенiй, равное такому же годовому доходу. Вѣроятно, никакое горячее воображенiе, не рѣшится сдѣлать болѣе широкаго предположенiя, такъ какъ и этого довольно, чтобы въ нѣсколько столѣтiй обратить всю почву страны въ одинъ роскошный садъ. И такъ, мы можемъ сказать, что средства существованiя, при самыхъ благопрiятныхъ условiяхъ для труда, ни въ какомъ случаѣ не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессiи. Такимъ образомъ естественно возникаетъ несоотвѣтствiе между количествомъ населенiя и средствами, необходимыми для его прокормленiя. Предположимъ, что населенiе страны состоитъ изъ 11 милiоновъ и что производительность ея почвы достаточна для поддержанiя такого населенiя. Чрезъ 25 лѣтъ это населенiе возрастетъ до 22 милiоновъ; продовольствiе также удвоится и будетъ достаточно для прокормленiя. Въ слѣдующiй перiодъ насе-

ленія будетъ 44 миліона, а продовольствія достанетъ только на 33 миліона. Еще въ слѣдующій періодъ населеніе, увеличившееся до 88 мил., будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи средства существованія только для половины всего числа жителей. Къ концу перваго столѣтія населенія будетъ 176 мил., а продовольствія достанетъ только для 55 мил., такъ что остальные 121 мил. должны будутъ умереть съ голоду.

Могутъ возразить, что населеніе можетъ избѣжать голодной смерти путемъ выселеній. Для той или иной отдѣльной страны это вѣрно, но не въ отношеніи ко всему земному шару. Принимая населеніе земнаго шара въ тысячу миліоновъ, человѣческая порода размножалась бы какъ 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256 а продовольствіе какъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. По истеченіи двухъ столѣтій населеніе относилось бы къ средствамъ существованія какъ 256 къ 9; чрезъ три столѣтія какъ 4096 къ 13, а по прошествіи 2000 лѣтъ отношеніе это было бы безпредѣльно и неизчислимо.

Необходимое соотвѣтствіе между количествомъ населенія и количествомъ средствъ удовлетворенія потребностей, по ученію Мальтуса, возстановляется двумя категоріями причинъ:

а) положительными причинами, уменьшающими количество населенія. Къ этимъ причинамъ относятся: голодъ, болѣзни, эпидеміи, войны и т. п.

б) предупредительными причинами, каковы: безженство, дѣвство, позднее вступленіе въ бракъ, нравственное воздержаніе и т. п.

Съ развитіемъ человѣчества первыя причины мало по малу уступаютъ мѣсто вторымъ, какъ менѣе тяжелымъ и жестокимъ. Для уменьшенія бѣдности необходимо заботиться о развитіи въ населеніи благоразумія, приводящаго къ нравственному воздержанію. Съ этою же цѣлію не должна быть оказываема помощь бѣднымъ. Человѣкъ, рожденный въ свѣтъ уже занятый до него, не имѣетъ никакого права требовать въ свою пользу какую бы то ни было частицу пищи, если его семейство не можетъ его содержать а общество не нуждается въ его трудѣ. Онъ лишній на землѣ. На великомъ пиру, устроенномъ природою людямъ, для него нѣтъ мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться и не замедлитъ сама

исполнить свой приговоръ. Помощь бѣднымъ нисколько не уменьшаетъ пролетаріата. Еще Монтескье сказалъ: нищіе имѣютъ много дѣтей, такъ какъ отцу нѣтъ труда передать свое ремесло дѣтямъ, которыя вскорѣ по рожденіи становятся орудіемъ этого ремесла. Мальтусъ развилъ мысль Монтескье, прибавивъ, что общественная благотворительность поощряетъ безпечность нищихъ еще болѣе, нежели ихъ собственная нищета. Общественная благотворительность должна быть закрыта. Эта благотворительность, говоритъ онъ, жесточе моей строгости.

Такимъ образомъ, по ученію Мальтуса, бѣдность есть естественный результатъ самой природы и бѣдные не имѣютъ права на общественную благотворительность, которая лишь увеличиваетъ зло. Всюду должно быть полное равнодушіе къ бѣднымъ. „Только жестокосердіе, говоритъ А. Бланки, считалось согласнымъ съ истинными принципами науки и съ естественными законами природы, безчувственность была возведена въ систему. Это нововведеніе возмутило сострадательныхъ людей. Противъ Мальтуса поднялся со всѣхъ сторонъ крикъ негодованія. Его называли человѣкомъ бездушнымъ, безстыдно бросавшимъ въ лице человѣчества страшной ироніей своей системы. Говорили, еще въ первый разъ, какъ существуетъ міръ, поднялся голосъ въ защиту чумы, войны, голода и всѣхъ бичей, губящихъ человѣчество. Священники, женщины и философы были возмущены и на голову Мальтуса, не смотря на его высокія личныя качества, долгое время сыпались самыя злыя обвиненія“ (3).

Не смотря на ожесточеніе, противники Мальтуса въ первое время не могли представить научныхъ возраженій противъ его системы. Многіе изъ нихъ не могли надлежащимъ образомъ даже понять его системы. Таковъ наприм. В. Годвинъ, представившій возраженія на книгу Мальтуса, не уяснивъ сущности ученія его. Возражая Мальтусу, онъ говоритъ, что народонаселеніе въ настоящее время не больше того, какое было въ древнее историческое время, если въ однихъ странахъ оно увеличилось, то въ другихъ уменьшилось. Быстрое увеличеніе населенія Сѣв. Америки есть слѣдствіе чисто внѣшнихъ причинъ, а именно переселеній изъ другихъ странъ. Законъ Мальтуса о ге-

ометрической прогрессіи размноженія населенія не подтверждается фактически, слѣдовательно научно разрушается фундаментъ всей его научной системы. Въ такихъ странахъ, въ которыя переселеній почти не существуетъ населеніе ростетъ очень медленно, наприм. въ Швеціи (4).

Подобныя возраженія вполнѣ поверхностны. Мальтусъ не говоритъ, что народонаселеніе фактически удвоивается въ каждыя 25 лѣтъ. Онъ утверждаетъ, что оно можетъ удвоиваться въ этотъ періодъ времени, если не встрѣчается препятствій къ такому удвоенію. Изъ ученія Мальтуса слѣдуетъ, что населеніе имѣетъ естественную тенденцію удвоиваться каждыя 25 лѣтъ, но если въ дѣйствительности мы не видимъ этого, если въ дѣйствительности удвоеніе происходитъ не въ 25 л., а во сто, то это объясняется существованіемъ причинъ, вредно вліяющихъ на жизнь населенія, усиливающихъ его смертность. Цифра сто лѣтъ въ данномъ случаѣ можетъ свидѣтельствовать о печальныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится народъ (5). Противники Мальтуса съ одной стороны должны обратить вниманіе на физіологическую способность къ размноженію; безъ опроверженія ученія Мальтуса объ этой способности всѣ другія возраженія, почерпнутыя изъ данныхъ о фактическомъ размноженіи населенія, не могутъ имѣть научнаго значенія. Съ другой стороны, необходимо обратить вниманіе на то, въ какой степени вѣренъ въ дѣйствительности указанный имъ законъ размноженія средствъ удовлетворенія потребностей.

Въ послѣдующее время противниками системы Мальтуса обращено было вниманіе именно на эти пункты. Таковы воззрѣнія Добльдэ и Кэри.

По ученію Добльдэ (6), которое онъ подтверждаетъ данными изъ естественной исторіи и антропологіи, воспроизводительная способность живыхъ существъ не можетъ быть названа всегда тождественною, какъ это призналъ Мальтусъ. Способность къ размноженію обусловливается положеніемъ и средой, въ которой находится живое существо. Всеобщій законъ, управляющій умноженіемъ и уменьшеніемъ растительнаго и животнаго

царствъ, состоитъ въ томъ, что вездѣ, гдѣ виду или роду угрожаетъ опасность, природа неизмѣнно употребляетъ соотвѣтствующее усиліе къ его сохраненію и продолженію, увеличивая плодоватость. Этотъ законъ съ особенною силою проявляется тамъ, гдѣ опасность происходитъ отъ уменьшенія необходимой степени питанія, вслѣдствіе чего состояніе истощенія наиболѣе благопріятствуетъ плодородію, и, на оборотъ, состояніе полноты, дородства, такъ называемое плетерическое состояніе неблагопріятно вліяетъ на способность къ размноженію; во многихъ случаяхъ оно даже вовсе уничтожаетъ эту способность, вслѣдствіе избытка питанія. Въ примѣненіи къ народонаселенію законъ этотъ дѣйствуетъ такъ: вездѣ замѣчается наиболѣе сильная плодовитость въ тѣхъ сферахъ человѣческихъ обществъ, которыя всего хуже снабжены пищею. Другими словами, наибольшею плодовитостью отличаются бѣднѣйшіе классы обществъ и вообще — бѣднѣйшія общества. Въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ члены изобильно снабжены пищей, живутъ роскошно, воспроизводительныя силы слабѣютъ и численность уменьшается. Народы бѣдные, обладающіе плохими средствами удовлетворенія своихъ потребностей, имѣютъ наибольшую способность къ размноженію; противоположное положеніе этой способности мы видимъ у богатыхъ народовъ, имѣющихъ избытокъ въ средствахъ удовлетворенія потребностей. Наконецъ у народовъ и отдѣльныхъ классовъ обществъ, владѣющихъ не избыткомъ, а среднимъ достаткомъ, является среднее или стаціонарное положеніе, по которому численность населенія не увеличивается и не уменьшается, но сохраняетъ одинъ и тотъ же числовой уровень. Размноженіе населенія имѣетъ, такимъ образомъ, свою естественную законоподчиненность, которою можно управлять, направлять въ ту или другую сторону, но не уничтожить. „Сношеніе между полами во всѣхъ цивилизованныхъ состояніяхъ общества должно быть управляемо и обуздываемо различными способами — это неоспоримо. Но все же это есть обузданіе, а не уничтоженіе. Быть мужемъ одной жены есть правило спасительное въ самомъ себѣ. Это есть правило, которому учитъ религія, которое согласуется съ природою человѣка.“ Но усиливать далѣе воздержаніе отъ требованій природы значитъ уничтожать,

а не направлять ея законы, и противъ этого природа возстаетъ съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ „съ полною достовѣрностью можно сказать, что вслѣдствіе особенной заботливости природы, всякая попытка ограничить число дѣтей посредствомъ отдаленія средняго періода вступленія въ бракъ, напрасна; потому что скорость зачатія въ тѣхъ классахъ общества, которыхъ образъ жизни не представляетъ препятствій чадородію, возрастаетъ пропорціонально отдаленію времени вступленія въ бракъ".

Также и по ученію Кэри (7), воспроизводительная сила въ человѣкѣ не можетъ быть названа величиною постоянною, одинаковою во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ. Она естественно уменьшается съ развитіемъ цивиллизаціи, свидѣтельствующемъ объ умственномъ развитіи обществъ. Степень плодовитости находится въ обратно пропорціональномъ отношеніи съ развитіемъ нервной системы, вслѣдствіе чего животныя съ большимъ количествомъ мозга мало плодовиты, и, на оборотъ, животныя съ малымъ количествомъ мозга наиболѣе плодовиты. То же самое замѣчается и въ человѣчествѣ; наиболѣе развитые въ умственномъ отношеніи люди имѣютъ наименьшую плодовитость и пресѣченіе семействъ находится въ тѣсной связи съ высокимъ умственнымъ развитіемъ. Также вліяетъ высокое развитіе политической жизни, торговой и мануфактурной оборотливости. Въ этомъ заключается саморегулирующій законъ населенія, по которому приростъ послѣдняго уменьшается, когда увеличеніе его неблагопріятно общественному развитію. Съ другой стороны, человѣкъ постоянно увеличиваетъ свое господство надъ силами природы, вслѣдствіе чего облегчается производство, продукты получаются въ большемъ количествѣ и лучшемъ качествѣ и такимъ образомъ уменьшаются затрудненія въ дѣлѣ прокормленія увеличивающагося населенія.

Свое ученіе и Добльдэ и Кэри подтверждаютъ фактическими данными, дѣйствительно убѣждающими въ томъ, что нищета народныхъ массъ не можетъ считаться продуктомъ самой природы человѣка, что Мальтусъ не правъ, обвиняя природу въ произведеніи этой нищеты и проповѣдуя жестокосердіе въ отношеніи къ страданіямъ ближнихъ. Слова Творца міра: „плоди-

теся и множитеся, населяйте и покоряйте землю“ не могутъ быть причиной зла. Въ фактахъ существованія этого зла виновна не природа, но самъ человѣкъ, не всегда развивающій надлежащимъ образомъ свою духовную сторону и не умѣющій поэтому надлежащимъ образомъ утилизировать факторовъ производства, обуздывать свои страсти, жертвовать настоящимъ въ пользу будущаго. Динамическій законъ потребленія, на сколько свидѣтельствуетъ объ этомъ исторія, вовсе не имѣетъ приписываемаго ему Мальтусомъ мрачнаго характера, такъ какъ съ развитіемъ цивилизаціи развивается духовная сторона человѣчества, дающая возможность господствовать надъ силами природы, покорять ихъ, направлять сообразно съ нашими цѣлями и потребностями. Вотъ почему съ историческимъ развитіемъ, не смотря на постоянное увеличеніе численности населеній, благосостояніе все болѣе и болѣе увеличивается, распространяясь на все большее и большее количество людей. Такъ, во Франціи количество лицъ, потребляющихъ пшеничный хлѣбъ, въ отношеніи ко всему населенію страны было въ 1700 г. — 33%, въ 1791 — 37%, въ 1811 — 42%, въ 1818 — 45%, въ 1839 — 60% ([8]). Такимъ образомъ увеличившееся число населенія не только не испытываетъ затрудненій въ своемъ прокормленіи, но, напротивъ того, имѣетъ лучшія средства удовлетворенія потребностей, благосостояніе его увеличивается. Въ Германіи съ 1834 по 1847 г. населеніе увеличивалось на 25%, между тѣмъ какъ привозъ сахару увеличился на 147,5, кофе — на 117,3, какао — на 246,2% ([9]). По даннымъ о подоходномъ налогѣ въ Англіи въ 1847 году было:

91101	лицъ,	имѣвшихъ	150—	500	ф. ст.	годоваго	дохода.
13287	„	„	500—1000	„	„	„	„
5234	„	„	1000—2000	„	„	„	„
1483	„	„	2000—3000	„	„	„	„
703	„	„	3000—4000	„	„	„	„

Сравнительно съ 1812 годомъ, число лицъ увеличилось имѣвшихъ:

150— 500	ф. ст.	дохода	на	196%
500—1000	„	„	„	„	148%
1000—2000	„	„	„	„	148%
2000—3000	„	„	„	„	118%
3000 и болѣе	„	„	„	„	189%.

Въ то же время населеніе этой страны въ среднемъ выводѣ увеличилось всего на 60% ([10]). Подобными данными, которыми изобилуетъ статистика всякой развивающейся страны, несомнѣнно доказывается, что въ принципѣ динамическій законъ потребленія не имѣетъ мрачной тенденціи, приписываемой ему Мальтусомъ. Дѣло въ томъ, что увеличиваясь, человѣчество постепенно подчиняетъ себѣ силы природы, покоряетъ землю и господствуетъ надъ нею. Заселеніе находится въ тѣсной связи съ покореніемъ земли; одно безъ другаго не мыслимо. Увеличеніе населенія, не сопровождаемое соотвѣтствующимъ покореніемъ земли, дѣйствительно приводитъ къ тѣмъ мрачнымъ послѣдствіямъ, о которыхъ говоритъ Мальтусъ. Но подобные факты не могутъ считаться непреложнымъ закономъ. Населеніе для того, чтобы увеличиваться въ своей численности, должно измѣнять условія своего хозяйства, должно переходить отъ экстенсивнаго земледѣлія къ системамъ интенсивнымъ, должно подчинять себѣ землю, заставляя ее служить себѣ болѣе продуктивнымъ образомъ. На сколько дѣйствительно нормальное „населеніе“ земли находится въ тѣсной связи съ ея „покореніемъ,“ какъ увеличеніемъ господства надъ нею, можно судить по даннымъ о возможной заселенности страны при различныхъ условіяхъ народнаго хозяйства. По исчисленіямъ агрономовъ, при пастбищномъ хозяйствѣ на гектаръ (0,9 десятины) приходится всего 0,60 жителей, при залежной 0,77, при трехпольной 1,17, при плодосмѣнной 9,30 жителей. Изъ этого видно, что предѣлъ населенности или вмѣстимость земли для населенія не представляетъ собою величины на всегда опредѣленной. Съ измѣненіемъ культурныхъ условій народной жизни этотъ предѣлъ можетъ измѣняться и то, что для одной страны является крайнимъ предѣломъ заселенности, для другой является не максимумомъ, но миниму-

момъ густоты. Если одна и та же область можетъ вмѣстить цѣлый десятокъ тысячъ жителей на квадратную милю при населеніи промышленно-мануфактурномъ, то при населеніи исключительно земледѣльческомъ она можетъ представится переполненною при 3000 жит. на кв. милю, при населеніи кочевомъ или пастушескомъ при нѣсколькихъ сотняхъ жителей, а при населеніи бродячемъ — звѣроловческомъ при нѣсколькихъ десяткахъ ([11]).

Духовное развитіе человѣчества, увеличивающее господство человѣка надъ землею и eo ipso разширяющее предѣлы вмѣстимости ея, имѣетъ важное значеніе еще въ томъ отношеніи, что оно даетъ силу людямъ обуздывать свои страсти, научаетъ ихъ жертвовать настоящимъ ради будущаго, постепенно вводитъ принципъ порядка въ семейныя отношенія. Только находясь на ступени неразумнаго животнаго, человѣкъ можетъ плодится какъ животное, не думая о средствахъ существованія дѣтей, даже вовсе не думая о будущемъ своемъ и своей семьи. Только къ такимъ „неразумнымъ существамъ“ и можетъ быть безусловно примѣнимо воззрѣніе Мальтуса, что живыя существа имѣютъ естественный законъ размножаться въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ средства существованія размножаются въ прогрессіи ариѳметической. Для нравственно-разумныхъ существъ этотъ законъ не существуетъ. Человѣкъ, говоря словами одного изъ нашихъ экономистовъ, никоимъ образомъ не долженъ страшиться своего будущаго; для него должно быть страшно одно — его невѣжество.

([1]) Ад. Бланки. Исторія политической экономіи въ Европѣ. Перев. Бибиковъ. т. 2, стр. 51—53. ([2]) Опытъ о законѣ народонаселенія. Перев. Бибиковъ. 2 т. ([3]) Ibid Ист. пол. экон. стр. 58. ([4]) Recherches sur la population, et sur la faculté, d'accroissement de l'espese humaine. Trad. F. Constancio, 2 vol. ([5]) Грабовскій. Критическій разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ полит. экон. 1869. „Мало пользы сказать, что прогрессія геометрическая по крайней мѣрѣ не такъ опасна, какъ думалъ Мальтусъ, потому, что удвоеніе въ разныхъ мѣстахъ различно въ отношеніи скорости. Въ иныхъ мѣстахъ происхо-

дитъ оно въ 100 л., въ другихъ въ кратчайшемъ времени. Тѣ, которые дѣлаютъ это замѣчаніе, не вполнѣ постигаютъ смыслъ его. По естественному закону населеніе должно удвоиться въ 25—30 лѣтъ, потому что новое поколѣніе созрѣваетъ въ это время; слѣдовательно, если происходитъ удвоеніе въ 100 л., то это значитъ, что все то, что созрѣло въ 30 лѣтъ, погибаетъ безъ плода, или преждевременно, т. е. не созрѣвъ. Это можно объяснить не иначе, какъ дѣйствіемъ причинъ враждебныхъ; слѣдовательно здѣсь подъ цифрою „100 лѣтъ“ скрывается печальная повѣсть жизни цѣлаго народа“ стр. 17. (6) Экономистъ. Изд. И. Вернадскій. 1859. т. II, кн. 5 ст. М. П. Заблоцкаго. Теорія народонаселенія Т. Добльдэ. (7) Principes de la science sociale, т. III, гл. XLVI, XLVII, XLIX. (8) (9) Haushofer. Lehr-und-Handbuch der Statistik. § 188. (10) Roscher Die Grundlage der Nationalökon. § 205. (11) Статистическій Временникъ, серія 11, т. 1, стр. 125 и слѣд.

III. Разрушеніе имуществъ.

Разрушеніе имуществъ прежде всего проявляется въ двухъ крайнихъ предѣлахъ потребленія: въ видѣ скупости, какъ крайняго ограниченія потребленія, и въ видѣ расточительности, какъ безразсуднаго разширенія потребленія.

Сбереженіе имуществъ въ своемъ нормальномъ видѣ представляетъ собою вполнѣ естественное явленіе. Оно представляетъ собою не что иное, какъ экономическое проявленіе разумной предусмотрительности, умѣнья соединять интересы настоящаго съ интересами будущаго, способности жертвовать удовольствіями въ настоящемъ для цѣлей благосостоянія въ будущемъ. Развитіе его состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ людей, такъ какъ при отсутствіи умственнаго развитія не существуетъ предусмотрительность, какъ способность соединять идею настоящаго съ идей болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а при отсутствіи нравственныхъ качествъ нѣтъ того самообладанія, которое даетъ силу жертвовать настоящимъ въ пользу будущаго. Вотъ почему при отсутствіи необходимыхъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ въ массахъ

населенія, заботы въ дѣлѣ сбереженія принимаетъ на себя общественная власть, устроя наприм. общественные хлѣбные магазины, сберегательныя товарищества и т. п.

Но этотъ же принципъ бережливости въ своемъ одностороннемъ развитіи переходитъ въ скупость, въ начало вредное для общества. Скупость можетъ имѣть своимъ объектомъ или деньги, или предметы непосредственнаго потребленія. Въ первомъ отношеніи она приводитъ къ уменьшенію орудій мѣноваго обращенія, что можетъ сопровождаться или пониженіемъ цѣнъ продуктовъ, обращающихся на рынкѣ, или ограниченіемъ сбыта продуктовъ, причемъ нѣкоторая часть ихъ остается непроданною за отсутствіемъ въ обществѣ части мѣновыхъ орудій. Во второмъ отношеніи скупость приводитъ къ тому, что часть продуктовъ потребленія или портится (Плюшкинъ), или, не поступая на рынокъ, вызываетъ дороговизну. Въ обоихъ отношеніяхъ, съ общественной точки зрѣнія, происходитъ временно или на всегда скрытіе имущества, уничтоженіе его для общества, происходитъ уменьшеніе силъ экономической жизни.

Скупости противополагается расточительность, представляющая собою одностороннее развитіе роскоши, какъ избытка въ потребленіи. Сама по себѣ роскошь есть явленіе безусловно нормальное. Роскошь „есть избыточное, но не противное здравой экономіи потребленіе. Если каждое высшее образованіе обнаруживается въ увеличенномъ и болѣе удовлетворительномъ числѣ и живости потребностей (Рошеръ, § 224), то надлежащее удовлетвореніе такимъ потребностямъ есть уже роскошь, какъ новое удобство жизни, т. е. необходимое условіе дальнѣйшаго совершенствованія и развитія обстановки, новое и благое побужденіе къ дѣятельности для человѣка, новая опора для его хозяйства“ (1). По внѣшней формѣ, расточительность сходна съ роскошью, представляя собою избытокъ въ потребленіи; въ сущности же она является извращеніемъ послѣдней. Она представляетъ собою такое излишнее и противное здравой экономіи потребленіе, которое неизбѣжно приводитъ къ раззоренію. Лучшимъ примѣромъ этой расточительности можетъ служить роскошь временъ упадка Рима. Тогда въ вино подмѣшивали жемчугъ, но не для

того, чтобы оно отъ этого было вкуснѣе, но чтобы было дороже. Императоръ Калигула приказывалъ срывать горы и строить на ихъ мѣстахъ такія же искусственныя: nihil tam efficere concupiscebat, quam quod posse effici negaretur — вотъ, по замѣчанію Рошера, девизъ роскоши, какъ расточительности (§ 233). Имущества, такимъ образомъ потребляемыя, все равно, что бросаются въ воду, перестаютъ существовать для общества, въ результатѣ потребленія не воспроизводится. Такія имущества разрушаются.

Съ экономическимъ развитіемъ разрушительное потребленіе въ этихъ двухъ формахъ постепенно исчезаетъ. Гдѣ не существуетъ личной и имущественной безопасности, гдѣ собственность не признается священнымъ принципомъ общежитія, гдѣ имущество, созданное трудами одного, легко можетъ быть отнято другими, тамъ бережливость легко переходитъ въ скупость, въ сокрытіе имуществъ въ нѣдра земли. Не находя личной и имущественной обезпеченности, человѣкъ привыкаетъ со страхомъ смотрѣть на будущее, видитъ въ немъ легкую возможность появленія черныхъ дней, почему и старается накопить возможно болѣе имущественныхъ средствъ, ограничивая до крайнихъ передѣловъ свое потребленіе. Постепенно это стремленіе къ накопленію обращается въ привычку и является въ видѣ страсти, называемой скупостью. Очевидно, что укрѣпленіе общественнаго порядка ведетъ къ уничтоженію причинъ, вызывающихъ существованіе этой страсти. Вотъ почему на высшихъ ступеняхъ гражданственности факты крайней скупости такъ рѣдки.

Также съ экономическимъ развитіемъ постепенно уменьшается и расточительность. Въ средѣ народныхъ массъ расточительность происходитъ главнымъ образомъ отъ того необезпеченнаго положенія, по которому работникъ никогда не можетъ выбиться изъ бѣдности, сколько бы не трудился. Поразительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи являются ирландскіе рабочіе. Эти рабочіе уже издавна на родинѣ и въ Англіи пользуются плохой репутаціей; уже давно они обвиняются, въ числѣ другихъ пороковъ, и въ безразсудной расточительности своихъ скудныхъ заработковъ, идущихъ почти всегда на разгулъ и пьянство. Обвине-

ніе это въ большей части вполнѣ справедливо. Но эти же самые ирландскіе рабочіе, переселившись въ Америку, мало по малу превращаются въ трудолюбивыхъ и бережливыхъ людей, постепенно накопляютъ громадныя суммы, которыя высылаютъ изъ Америки своимъ роднымъ, оставшимся въ отечествѣ. Достаточно сказать, что съ 1847 г. по 1860 г. было выслано ими въ Ирландіи 11,214,596 фунтовъ стерлинговъ. Изъ этого оказывается, что „несчастные ирландцы, предметъ высокомѣрной жалости своихъ могущественныхъ владыкъ англичанъ, на которыхъ споконвѣку сыплются нареканія, и большею частью справедливыя, въ пьянствѣ, развратѣ, лѣности и всевозможныхъ порокахъ, переходя изъ той соціальной среды, въ которой они родились, въ новую привольную и просторную, возвращаютъ въ покинутое ими прежнее свое отечество сумму почти равную той, которую Англія тратитъ на призрѣніе неимущихъ въ Ирландіи. Правда, эти блудные сыны зеленаго острова не сразу вступаютъ въ новую колею производительнаго труда и обыкновенно проводятъ первое время своего переселенія въ самомъ буйномъ разгулѣ, гдѣ многіе изъ нихъ окончательно погибаютъ; но вскорѣ высокая задѣльная плата и дешевая цѣна земельныхъ угодій указываютъ имъ другой путь жизни, они удаляются изъ вертеповъ приморскихъ городовъ, углубляются въ степи и лѣса и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ прилежнаго труда получаютъ возможность поселиться на собственныхъ купчихъ земляхъ“. (А. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе, т. 1, стр. 27). Такимъ образомъ расточительность естественнымъ путемъ уступаетъ мѣсто разумной бережливости, когда рабочій видитъ возможность въ будущемъ, посредствомъ сбереженій, достигнуть достатка и хозяйственной самостоятельности. Что касается расточительности богатыхъ людей, то и эта расточительность съ развитіемъ цивиллизаціи исчезаетъ. Развитіе цивиллизаціи свидѣтельствуетъ объ умственномъ и нравственномъ развитіи людей, подъ вліяніемъ чего безразсудныя растраты имуществъ, въ родѣ бросанія въ вино жемчуга, становятся порокомъ, наказываемымъ общественнымъ мнѣніемъ.

И такъ, разрушеніе имуществъ въ формахъ скупости и расточительности естественно уменьшается и исчезаетъ съ развитіемъ

общественной цивилизаціи. Другія формы этого разрушенія не встрѣчаютъ такихъ естественныхъ противодѣйствій и требуютъ особыхъ мѣръ, называемыхъ обыкновенно страхованіемъ.

Задача страхованія состоитъ въ томъ, чтобы физически разрушаемое имущество превратить въ экономически неразрушаемое, сдѣлать неразрушаемою капитальную цѣнность имущества, не смотря на разрушаемость ея физическаго состава. Осуществленіе этой задачи достигается тѣмъ, что съ дохода, приносимаго имуществомъ, многими лицами вносятся опредѣленныя доли, сумма которыхъ должна быть достаточна для возмѣщенія убытковъ, причиняемыхъ имуществу того или иного члена, застраховавшаго свое имущество. Возможность возмѣщенія убытковъ основывается на томъ, что не всѣ застрахованныя имущества разрушаются, а только часть ихъ. Капитальная цѣнность уничтоженнаго имущества возстановляется благодаря тому, что убытокъ распредѣляется между многими лицами, уплачивающими опредѣленные взносы изъ своихъ доходовъ. Такимъ образомъ чрезъ страхованіе разрушается часть доходовъ, но становится экономически не разрушаемою капитальная цѣнность. Изъ этого ясно, какое высокое значеніе оно имѣетъ въ народной экономіи. Вполнѣ правъ Э. Вреденъ, говоря что „всѣ страховыя затраты служатъ неизбѣжнымъ хозяйственнымъ дополненіемъ всѣхъ оборотовъ прямо производительной дѣятельности человѣка. Въ хозяйствѣ людскомъ одни усилія и затраты отличаются какъ бы положительнымъ характеромъ: ими производятся цѣнности, создаются достатки, благосостояніе, поддерживаются и развиваются хозяйства. Въ тоже время, однако, всякое хозяйство должно сверхъ того, сплошь и рядомъ, еще выдерживать борьбу съ грозною стихіею и отражать осиливающее его вліяніе окружающей среды: именно на эту борьбу идетъ не мало труда и имущественныхъ пожертвованій. Такого рода отпоръ и охрана представляются, съ экономической точки зрѣнія, какъ бы отрицательными факторами хозяйства, ими уравновѣшиваются такія потери, которыя возникаютъ помимо воли, или недосмотра, предпринимателя и хозяина“ (2). Представляя собою принципъ охраненія хозяйственныхъ силъ отъ разрушенія, страхованіе придаетъ необходимую прочность производительной дѣя-

тельности, устраняя ее отъ вліянія слѣпаго случая, каковы наприм. пожаръ, наводненіе, градобитіе, падежъ скота отъ эпидемическихъ болѣзней и т. п. Распредѣляя опасность между многими лицами, страхованіе какъ бы уничтожаетъ ее; несчастіе изъ всесильнаго и грознаго превращаетъ въ ничтожное (3).

По своему содержанію, страхованіе можетъ быть направлено или противъ бѣдствій безусловно предвидимыхъ, какъ наприм. истребленіе имуществъ пожаромъ, градобитіемъ, наводненіемъ, или же противъ неминуемыхъ бѣдствій, но срокъ появленія коихъ только болѣе или менѣе вѣроятенъ. Практическое различіе между этими категоріями страхованій находятъ въ томъ, что къ первой категоріи должна быть исключительно примѣнима акціонерная форма предпріятій, между тѣмъ какъ ко второй—артельная. По мнѣнію Э. Вредена, страхованіе отъ бѣдствій безусловно непредвидимыхъ должно быть устроено на началахъ аналогичныхъ съ азартною игрою, вслѣдствіе чего и должно быть исключительно акціонернымъ. Чѣмъ сильнѣе игорный характеръ для наступленія даннаго событія, тѣмъ большій запасъ наличныхъ средствъ должно имѣть на всякій случай предпріятіе. Поэтому „здѣсь получается неотъемлемая область для акціонернаго страхованія, такъ какъ только въ этой формѣ страховое предпріятіе можетъ представить благонадежное обезпеченіе для полнаго вознагражденія разомъ даже цѣлыхъ мѣстностей, или для договореннаго возмездія за огромную массу одновременныхъ ущербовъ, наприм. по скотоводству, въ случаѣ падежа цѣлыхъ стадъ, или большинства стадъ одной и даже нѣсколькихъ губерній". Артельное или взаимное страхованіе, по этому ученію, можетъ быть примѣнимо лишь къ категоріи неминуемыхъ бѣдствій. Такъ „людская смертность никогда не можетъ обнаружиться, за рѣдкими весьма исключеніями, съ такою повальною силою, чтобы въ короткій періодъ времени вымирало населеніе цѣлыхъ мѣстностей; напротивъ того, такъ называемыя общества застрахованныхъ лицъ всегда только сокращаются въ повозрастной послѣдовательности, или въ измѣняющейся прогрессіи, имѣющей точные предѣлы. Вотъ почему въ пожизненномъ страхованіи открывается безопасное по-

прище для хозяйственной взаимности въ оборотахъ, или для предпріятій съ артельнымъ складомъ“ (стр. 637 и слѣд.).

Это воззрѣніе имѣетъ въ своемъ основаніи ту ошибочную мысль, что взаимность и круговая порука осуществимы только подъ условіемъ мѣстнаго ограниченія, причемъ одинъ пожаръ или падежъ скота могутъ лишить страхователей всякихъ средствъ. Но въ дѣйствительности взаимное страхованіе часто существуетъ на громадныхъ по пространству районахъ и дѣйствуетъ вполнѣ успѣшно. Необходимо только, чтобы это страхованіе, какъ дѣло высокой важности въ народной экономіи, было сосредоточено въ рукахъ общественной власти. При этомъ условіи взаимное страхованіе не только примѣнимо ко всѣмъ видамъ бѣдствій, но также выгоднѣе акціонерныхъ формъ въ томъ отношеніи, что неистраченныя по страховкѣ суммы не обращаются въ частную собственность акціонеровъ, но могутъ быть употреблены или на уменьшеніе страховыхъ премій, или на общественныя нужды.

(1) Э. Вредент. Курсъ политической экономіи, стр. 626. (2) Ibid. стр. 631. (3) E. Reboul. Assurances sur la vie, стр. 53 и слѣд. Въ нашей литературѣ теорія страхованія подробнѣе всего развита въ курсѣ пол. экон. Э. Вредена, см. § 81 и 82.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Выпускъ Первый.

Введеніе. Опредѣленіе предмета политической экономіи, ея методъ и система . . . . . 1—30

ПРОИЗВОДСТВО.

Элементы производства:

I. Силы природы 31
II. Трудъ 41
III. Капиталъ 60

Организація производства:

I. Объемъ предпріятій 85
II. Формы предпріятій 95
III. Предпріятія съ точки зрѣнія содержанія ихъ . . 113

Выпускъ Второй.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

Элементы распредѣленія:

I. Цѣнность 2
II. Деньги 31
III. Кредитъ 61

Организація распредѣленія:

I. Формы собственности 85
II. Размѣры собственности 107
III. Составныя части собственности:
а) Доля капитала 118
б) Доля труда 139
в) Рента 147
г) Объ отношеніи между долями труда, капитала и рентой 159

Потребленіе.

Понятіе о сущности потребленія 166
I. Статистическій законъ потребленія 168
II. Динамическій законъ потребленія 173
III. Разрушеніе имуществъ 184

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.				*напечатано*	*слѣдуетъ читать*
5	*строка*	9	*сверху*	ненормальныя случаи	ненормальный случай
11	„	10	*снизу*	говорятъ	говоритъ
14	„	8	„	предложеніе	положеніе
„	„	5	„	класса	клана
15	„	9	„	обмѣнѣ	обмѣнъ
28	„	7	*сверху*	химическія	хищническія
36	„	10	*снизу*	могли	могла
37	„	1	„	другую	другою
43	„	14	*сверху*	сообразнаго	своеобразнаго
48	„	4	„	состоятельно	самостоятельно
67	„	6	„	продаютя	продаются
70	„	7	„	средства	обязательства
74	„	7	„	различной	розничной
76	„	15	„	банкѣ	банкъ
„	„	16	„	на 100	не 100
79	„	8	„	1809	1869
91	„	13	*снизу*	сложные	смежные
102	„	4	*сверху*	1808	1868
108	„	6	„	другіе	другихъ
168	„	12	*снизу*	Статистическій законъ	Статическій законъ
„	„	6	„	статистическій	статическій
191	„	3	„	Статистическій	Статическій